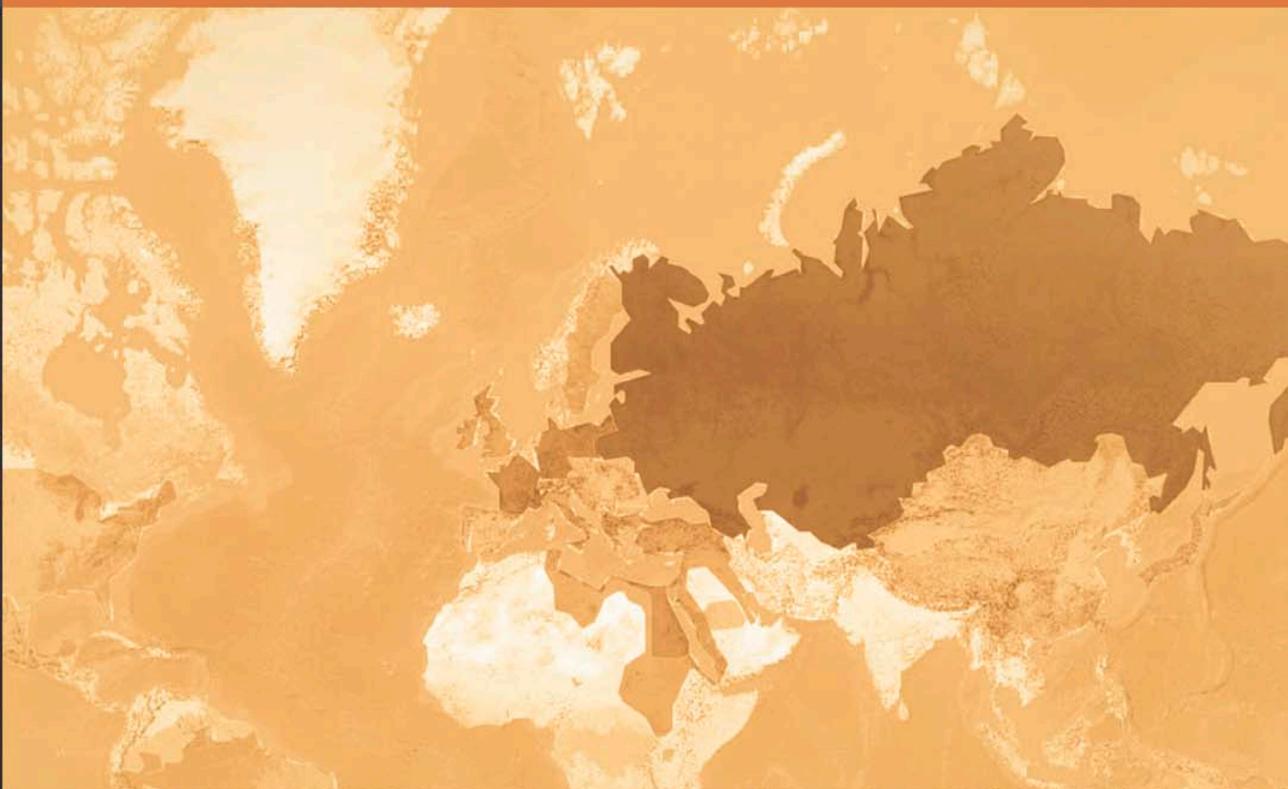
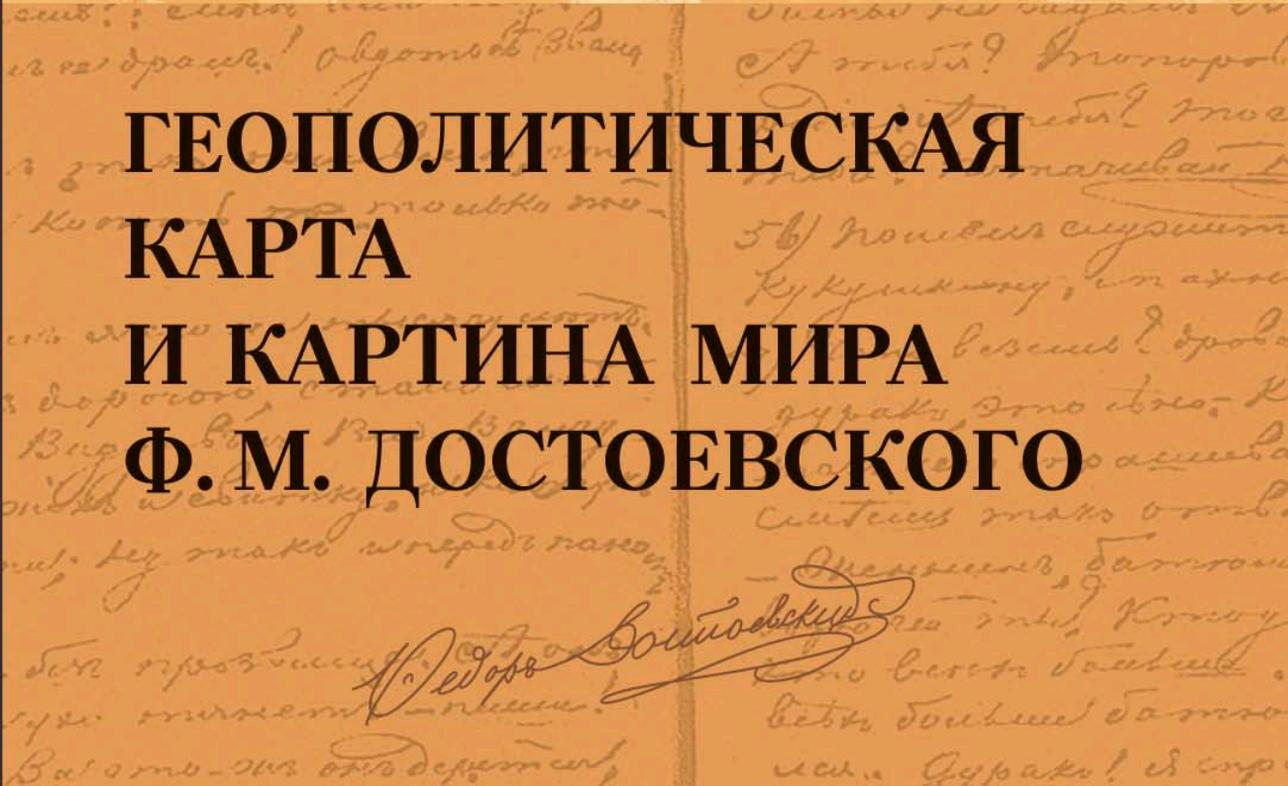

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
КАРТА
И КАРТИНА МИРА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Геополитическая карта и картина мира
Ф. М. Достоевского**

*Под редакцией
д-ра филол. наук Е. Г. Новиковой,
д-ра полит. наук А. И. Щербинина*

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 82: 070 + 327
ББК 83.3(0)5: 66.4(0),03
Г36

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 18-012-90020, не подлежит продаже*

Авторский коллектив:

Е. Г. Новикова (предисловие, параграфы 1.5, 2.2, 3.2, 3.7, 3.10, 4.1, заключение);
А. И. Щербинин (введение, параграфы 2.3, 4.7); С. В. Вировец (параграф 3.1);
А. Г. Кожевникова (параграф 2.2); Т. В. Коротченко (параграфы 1.3, 3.9);
Ш. Липке (параграфы 1.4, 3.3, 3.8); М. В. Михновец (параграфы 2.1, 4.2, 4.3, 4.5);
С. В. Мурзина (параграфы 1.4, 3.6, 3.7); М. В. Подрезов (параграфы 1.1, 1.4, 2.2, 3.4, 3.5, 4.4);
Е. М. Понкратова (параграфы 1.2, 2.2, 3.11, 4.6); Н. Г. Щербинина (параграф 2.3)

Г36 **Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского /**
Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др. ; под ред. Е. Г. Но-
виковой, А. И. Щербинина. – Томск : Издательство Томского государ-
ственного университета, 2021. – 288 с.
ISBN 978-5-907442-04-7

В монографии впервые представлена системная реконструкция геополитической картины мира Ф. М. Достоевского и его ментальной геополитической карты, осуществленная филологами и политологами. В книге собраны интерпретации политической мысли Достоевского в российских и зарубежных социально-гуманитарных науках, описаны страны и регионы в восприятии писателя; особое место в исследовании занимает Россия как центр геополитических размышлений Достоевского.

Для всех интересующихся творчеством Ф. М. Достоевского как политического мыслителя.

The book presents for the first time in Dostoevsky studies a multi-faceted reconstruction of F. M. Dostoevsky's geopolitical worldview and his mental geopolitical map. The research carried out both by literary and political scholars deals with the interpretations of Dostoevsky's political ideas in Russian and foreign social and human sciences, explores the writer's perception of certain regions and countries; a special focus of this book is Russia as a center of Dostoevsky's geopolitical worldview.

The book is recommended to everyone who wishes to approach F. M. Dostoevsky as a political thinker.

УДК 82: 070 + 327
ББК 83.3(0)5: 66.4(0),03

© Новикова Е. Г., Щербинин А. И., Вировец С. В., Кожевникова А. Г.,
Коротченко Т. В., Липке Ш., Михновец М. В., Мурзина С. В.,
ISBN 978-5-907442-04-7 Подрезов М. В., Понкратова Е. М., Щербинина Н. Г., 2021

Оглавление

Предисловие	5
Введение. Сияние поверх границ	6
Глава 1. Политическая мысль Ф. М. Достоевского в социально-гуманитарных исследованиях	10
1.1. Ф. М. Достоевский как геополитик: современная постановка проблемы	10
1.2. Геополитическая проблематика наследия Ф. М. Достоевского в российских исследованиях	15
1.3. Политическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского в американской рецепции	24
1.4. Ф. М. Достоевский о роли личности в истории	38
1.5. Ф. М. Достоевский о Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе	45
Глава 2. Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского	59
2.1. Источники знания о географии Российской империи как основа геополитических представлений Ф. М. Достоевского ...	59
2.2. Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского: системное описание	69
2.3. «Картирование» как воображаемый конструкт: славянский мир в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского	81
Глава 3. Страны и регионы мира в восприятии Ф. М. Достоевского ...	91
3.1. Англия и Франция на страницах российских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время» ...	91
3.2. Франция Ф. М. Достоевского	98
3.3. Швейцария Ф. М. Достоевского	114
3.4. Австрия Ф. М. Достоевского	120
3.5. Отношения Австрии, Германии и России в системе геополитических взглядов Ф. М. Достоевского	126
3.6. Итальянское Рисорджименто в восприятии Ф. М. Достоевского	134

3.7. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского	143
3.8. Образ папы Пия IX в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского	159
3.9. Америка в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в журнале «Гражданин»	167
3.10. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1877–1878 гг.	184
3.11. Китай Ф. М. Достоевского	189
Глава 4. Политическая карта России Ф. М. Достоевского	207
4.1. Россия как центр геополитических размышлений Ф. М. Достоевского	207
4.2. «Окраины» России в восприятии Ф. М. Достоевского: постановка проблемы	218
4.3. Кавказ Ф. М. Достоевского	227
4.4. Идейные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире	235
4.5. Остзейские провинции в творчестве Ф. М. Достоевского	242
4.6. Динамическая модель Сибири Ф. М. Достоевского	251
4.7. Актуальность геополитических представлений Ф. М. Достоевского: контрверза писателя и Ханны Арендт о России	262
Заключение	272
Указатель произведений Ф. М. Достоевского	274
Указатель имён	277
Предметный указатель	284

Предисловие

В коллективной монографии собраны и обобщены научные результаты, полученные в рамках работы над проектом «Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского», поддержанным РФФИ в конкурсе на лучшие междисциплинарные проекты по теме «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре», грант № 18-012-90020 на 2019–2021 гг.

Результаты работы размещены также на специально созданном сайте проекта «Ф. М. Достоевский. Геополитическая карта и картина мира» <https://fmdmap.ru>

Авторы принадлежат к разным научным специальностям и научным школам России: политологи и литературоведы Томского государственного университета и Томского политехнического университета, представители Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге и Института Св. Фомы в Москве. Это предопределило междисциплинарный характер проведенного научного исследования и его многоаспектную научную новизну.

За неоценимую помощь, оказанную нам в процессе работы над проектом и оформлением монографии, выражаем глубокую благодарность Владимиру Николаевичу Захарову, Carol Apollonio, Richard Avramenko, Надежде Геннадьевне Михновец и всем нашим друзьям и коллегам по International Dostoevsky Society и Российскому обществу Ф. М. Достоевского.

Также наша благодарность – Кларе Григорьевне Шилько и всему коллективу Издательства Томского государственного университета.

Е. Г. Новикова

Введение. Сияние поверх границ

А. И. Щербинин

В речи, посвященной столетнему юбилею Ф. М. Достоевского и произнесенной в зале Théâtre du Vieux-Colombier – театра «Старая голубятня», Андре Жид, оглядывая публику, сказал, что это помещение, а оно вмещало триста человек, слишком мало для истинных почитателей его «изумительного творчества». Будущий нобелевский лауреат говорил о феномене русского писателя, сумевшего показать Франции и Европе, привыкшим к тому, что литературный герой «является личностью исключительно общественной, не существующей вне своего костюма» [1. С. 35], сложнейший внутренний мир человека.

Достоевский был не просто «окном в Россию», на долгие годы он остается одним из ее символов, не подверженных никаким колебаниям межгосударственных отношений. Еще один лауреат Нобелевской премии, Альбер Камю, писал:

<...> этот свет, который сам по себе заставляет забыть весь вздор и жестокость, накопившиеся сегодня и разделяющие людей, я отнес не на счет России или Франции, а на счет сияния творческого гения поверх границ – его чувствуешь едва ли не постоянно во всех произведениях Достоевского.

Я встретился с ними, когда мне было двадцать лет, и потрясение, пережитое мной при этой встрече, живо и сегодня, двадцать лет спустя. Я ставлю «Бесов» в один ряд с тремя или четырьмя творениями, которые венчают собой работу человеческого духа, такими как «Одиссея», «Война и мир», «Дон Кихот» и театр Шекспира. Сначала восхищало то, что Достоевский открывал мне в человеческой природе. Именно открывал, ибо он говорит нам только то, что мы знаем, но отказываемся признавать. Кроме того, он удовлетворял одной моей слабости – вкусу к ясности ради нее самой. Но очень скоро, по мере того как я все более остро переживал драму нашей эпохи, я полюбил того Достоевского, который наиболее глубоко понял и отобразил нашу историческую судьбу [2. С. 43].

Поверх границ, поверх направлений. Проводниками Достоевского в мир Европы были не только издатели, писатели, драматурги, но и психологи, и модные философы, включая Ф. Ницше. Вместе с тем Достоевский

никогда не стоял над границами, над идеологиями, пытаюсь осмыслить политический мир, вместить его в свое внутреннее измерение реальности.

По стечению обстоятельств сегодня Россия до парадоксальности сталкивается с явлениями, современником и, если угодно, летописцем которых был Достоевский: Крым и блокада России, борьба за центр влияния в Европе, Балканы и перманентный кризис, Стамбул, вселенский патриархат и автокефалии, «бесы» и т. п. В этой связи представляемая книга не только открывает в том, что можно назвать галактикой Достоевского, свой мир, но и реактуализирует картину политического мира писателя с его рациональным, а, в большей степени, эмоциональным, чувственным переживанием и предчувствиями гения. Достоевский, по словам Камю,

не хотел религии, которая не была бы социалистической в самом широком смысле этого слова, но он не принимал и социализма, который не был бы религиозным в самом широком смысле. Таким образом он спас будущее истинной религии и истинного социализма [2. С. 43].

Стремление нынешних политиков и идеологов подстроиться под лозунги популистов и радикалов отвлекает от главного человеческого запроса кросспандемийного мира – запроса на справедливость, на идею, которая смогла бы «спасти мир».

Проблема спасения, обостряющаяся в критические моменты, вероятно, может приобретать и тотальные формы, но может – и индивидуальные, провидческие, не всем доступные и не всем понятные. Когда Умберто Эко писал о страхе в предчувствии в Европе новых «темных веков» – «упадка городов и увядания деревень <...> неурожаев, набегов, болезней и бедствий», он замечал, что людей объединяла надежда вернуться в универсальный и доступный мир порядка, который представляет «разговор Бога с человеком» [3. С. 73]. Этот мир – мир образов, недоступных формальной логике и открывающих внезапно, в «коротком замыкании духа», отношения смысла и цели [Там же].

С конца XVIII в. «старый порядок» в относительно успокоившейся Европе был разрушен и неоднократно перетряхивался революциями. Неслучайно мечты о восстановлении стабильности часто приводили к религии. В случае, например, с Жозефом де Мёстром это аквинатская логика иезуитов, доказывающая разрушительную силу науки как альтернативы вере, смехотворность демократии и парламентаризма как панацей от неравенства и несправедливости, универсальность католицизма и ущербность православия (хуже османского ислама и китайского конфуцианства). Это программа противопоставления, разграничения, подчинения «абсолютной» догме и исправления как спасения; это программа разума, но не сердца, выгоды «во

спасение», и адресована она была не народу, а государю как источнику преобразований.

Всею душой противился данной «программе» европеизации Достоевский – католицизму как политическому восприемнику универсализма Римской империи, в какой бы ипостаси он ни проявлялся, якобинства, иезуитства или в иных формах и лжеучениях типа парламентского или демократического квазиединства, коммунитаризма и проч., сохраняя при этом интенцию «насильственного единения человечества». По неслучайному стечению обстоятельств и сегодня стандарты «единения человечества», формируемые в духе упомянутой выше «программы», являются поводом не для единения, а для силового воздействия и искусственного раскола по принципу «divide et impera». Альтернативой подчинения единой доктрине Достоевский провозглашает принцип всечеловечности:

Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей [4. Т. 26. С. 147].

Конечно, не против христианства как такового выступал писатель, и ряд сюжетов его романов для читающей европейской публики даже более постигаем, чем для современного русского читателя, – в силу их понимания религиозных основ бытия; а экстатический характер зарисовок Достоевского сближает его с характерным для св. Франциска стилем вчувствования в Божий мир, «вочеловечивания Христа» [5. С. 34]. Достоевский мог писать так, что у европейского читателя возникало желание глубже понять душу русского человека, и Андре Жид сетует, что перевод романов Достоевского сделан в протестантской Германии, поэтому у читателя нет возможности уловить все тонкости оригинального текста. Достоевский мог так писать о православных ценностях, что европейцы задавались вопросом, что не так в их религии.

В блестящем труде В. В. Зеньковского, взявшего на себя труд систематизации воззрений русских писателей и философов на Европу, Достоевский представлен как уникальное явление. Уникальное во многих смыслах. Протоиерей Василий Зеньковский, сам глубоко переживавший духовный кризис Европы, среди великих имен наиболее тонко и бережно описывает значение взглядов Достоевского на эту «вторую родину» русского человека. Среди превосходных авторских характеристик в работе 1955 г. мы находим слова, возвращающие нас к исходной точке:

Достоевский так еще волнует, с такой силой задевает глубочайшие струны в нашей душе, что можно положительно сказать, что для человечества еще не кончился период непосредственного усвоения всей той сложной духовной работы, которая нашла выражение в творчестве Достоевского. Еще не завершилось восприятие, непосредственное знакомство с духовным наследством Достоевского; еще не разгадываются загадки, им заданные, еще не решаются все проблемы, им выставленные, еще не завершено осмысливание Достоевского, – и это можно утверждать с полной категоричностью, несмотря на большую уже литературу о Достоевском, на его мировое влияние. Как зачарованные, мы все еще стоим и глядим в жуткую и бездонную глубину, которую раскрыл нам Достоевский, и не можем отойти от нее и овладеть ею [6. С. 114–115].

Пророк православной культуры, Достоевский показывал ее значение и значение России через человека. И сегодня, когда, казалось бы, рвутся последние политические и политико-культурные нити, связывающие Россию с западным миром, Достоевский – не просто советчик. И не потому, что эта навязчивая безысходность вынуждает порой повторить слова из «Дневника писателя» о том, что «русский не только европеец, но и азиат <...> в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе» [4. Т. 27. С. 33]. Достоевский – не просто источник для цитирования по случаю. Вероятно, он остается одной из самых прочных связей России с мировой культурой поверх границ, поверх идеологий, нашим представителем всечеловечности и всеединства.

Завершить хочу историей, рассказанной известным российским политиком, который по просьбе коллеги из США организовал ей поездку от Москвы до Владивостока для знакомства с Россией. В день ее прибытия во Владивосток он позвонил ей, чтобы справиться, как дела. И услышал в ответ: «Я плакала. Закончились “Братья Карамазовы”, которые я читала в дороге».

Литература

1. *Жид А.* Достоевский. Эссе / пер. с фр. Томск : Водолей, 1994. 287 с.
2. *Камю А.* За Достоевского: О постановке «Бесов»: Фрагменты беседы со зрителями. «Бесы» на сцене. Последнее интервью / публ. и примеч. Е. Кушкина ; пер. Э. Кушкиной // Звезда. 2013. № 11. С. 38–46.
3. *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб. : Алетейя, 2003. 256 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
5. *Плюханова М.Б.* Достоевский и Толстой: взгляд в Италию (Gesù bambino в «Братьях Карамазовых») // Толстой или Достоевский?: Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 19–40.
6. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 10–140.

Глава 1

Политическая мысль Ф. М. Достоевского в социально-гуманитарных исследованиях

1.1. Ф. М. Достоевский как геополитик: современная постановка проблемы

М. В. Подрезов

Взаимоотношения народов, государств, регионов и конфессий находились в сфере пристального внимания Ф. М. Достоевского как в художественных, так и в публицистических произведениях, но при этом пока лишь некоторые аспекты данной проблематики наследия писателя получили освещение в научной литературе. Специальное изучение геополитических взглядов Достоевского необходимо для конструирования его картины мира, его ментальной карты и размещения на ней образов и позиций государств и регионов, народов и конфессиональных групп. Поэтому в современной науке о писателе назрела необходимость постановки и изучения специальной научной проблемы «Достоевский как геополитик».

В целях обозначения исходных теоретических и методологических положений такого исследования рассмотрим, какие принципы и подходы к настоящему времени здесь уже сформированы.

В первую очередь обратимся к зарубежной достоевистике. Для этого нами были проанализированы материалы, размещенные в целом ряде международных электронных ресурсов, в том числе «Academic Search Ultimate», «Cambridge Core», «Canadian-American Slavic Studies», «JSTOR», «Oxford University Press», «Springer», «Taylor&Francis», «Web of Science». Их анализ показал, что в целом, несмотря на популярность Достоевского на Западе, его геополитические представления остаются пока вне фокуса специального изучения.

Остановимся здесь только на нескольких исследованиях. Еще в 1980-х гг. Элен Чансис опубликовала работу, которая представляется важной для понимания отношений между Востоком и Западом, Россией и Западной Европой, а также принципов конструирования образа нации или страны. Исследование основано на материалах журналов «Время» и «Эпоха» братьев Достоевских, а также на их взаимосвязи с другими изданиями этого времени [1]. Следует отметить также две крупные монографии «Dostoevsky in Context» [2], «Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens» [3]. Первая монография, вышедшая под редакцией профессора Колумбийского университета Деборы Мартинсен и доцента Мичиганского университета Ольги Майоровой, излагает российский социально-политический контекст, в котором жили и работали Достоевский и его современники. Исследование социальных практик, исторических событий, политических и культурных учреждений, религиозных верований, идеологических течений и т. д. позволяет понять генезис геополитических представлений Достоевского. Вторая монография, выпущенная на основе докторской диссертации Малгожаты Швидерской (Тюбингенский университет), посвящена двум важным аспектам. С одной стороны, автор тщательно проработала методологию имагологического исследования в целом, которую можно использовать для конструирования образов стран и народов в геополитической картине мира Достоевского. С другой – воссоздала множественные образы Польши, ее народа в контексте феномена «чужого», основываясь на идеях Поля Рикера. Добавим, что место Польши в представлениях Достоевского – это одно из немногих направлений, которое получило освещение, в частности в работе польского философа Яцека Углика [4], что будет освещено в соответствующей части данной монографии.

В отечественной науке исследований, посвященных Достоевскому, безусловно, многократно больше, но, несмотря на этот факт, геополитика Достоевского остается изученной крайне скудно. Отметим, что некоторые аспекты данной темы затрагивались (но не напрямую) в сборниках серии «Достоевский. Материалы и исследования», выходящей в свет с 1974 г.

Для реконструкции геополитической карты Достоевского необходимо найти соответствующую методологию. С этой задачей справились А. И. и Н. Г. Щербинины, предложившие интерпретировать полученные из корпуса текстов данные посредством субъективистского подхода к воображаемому [5]. Кратко суть этого подхода можно сформулировать следующим образом: «Мир воображен, принципиально сконструирован, его проис-

хождение и конституция зависят от субъекта фантазирования. Это значит, что “фактами” (понимаемыми субъективно и не подверженными верификации), элементами его содержания как нарратива выступают конструкты политического сознания, находящегося в креативной установке» [5. С. 60]. На практике это выражается в следующем утверждении: «Картирование в нашем случае – это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему» [Там же]. Данная идея находит отражение и в других работах исследователей, в том числе с фокусом на «Дневнике писателя» Достоевского [6, 7].

Одной из важнейших для понимания геополитической позиции Достоевского тем является «славянство». Важный вклад в освещении этого вопроса принадлежит Е. Г. Новиковой. Ведя заочный диалог с Натаниэлем Найтом, она приходит к выводу, что для Достоевского славянский вопрос в целом и российский вопрос в частности является краеугольным, обладая при этом вселенским уровнем: «С точки зрения Достоевского, возможно, это также “неуклюжий” треугольник (Запад – Россия – Восток), но потому, что для писателя в центре внимания расположена Россия» [8. С. 49]. Собственное видение славянского вопроса предложили и А. И. и Н. Г. Щербинины в уже упомянутой выше работе: они акцентируют внимание не на этнической или на территориальной составляющей, но на религиозной: «Это идеи католицизма, протестантизма и славянства. Географически три мировые идеи привязаны к трем центрам: Франции, Германии и России (как оплоту славянского мира)» [7. С. 296]. Само же славянство у Достоевского, по мнению политологов, выделяется на противопоставлении и столкновении с этими двумя другими «силами». Необходимо упомянуть диссертационное исследование И. Ф. Приимы (2017), в основу которого положена гипотеза, что основной связующей идеей, проникающей через весь «Дневник писателя», выступает именно славянская идея, которая была сформулирована и развита самим Достоевским на страницах этого издания [9. С. 4]. Среди иных важных тезисов, выдвинутых диссертантом, отметим, что русская почвенная идея в «Дневнике писателя» перерастает в мировую славянскую идею, играющую особую роль в мировом историческом процессе [Там же]. Почвенным идеям (и критике панславизма) писателя посвящено значительное число работ разного уровня; среди них выделим исследования последних лет известного русского философа А. Н. Павленко [10] и В. С. Киселева [11].

С вопросами славянства неразрывно связаны исследования, посвященные так называемому восточному вопросу, т. е. противоречиям между европейскими державами по поводу ослабевающей Османской империи и ее будущего. Достоевский придавал этим процессам особое значение, отмечая: «Восточный вопрос – есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени» [12. Т. 26. С. 30]. Значительное внимание исследованию данного вопроса уделяется в работах Е. А. Волковой, она приходит к выводу, что Достоевский стремился точно обозначить пространственные и временные границы «восточного вопроса», исходя из исконных интересов России и в то же время связывая его с судьбами православия и православных христиан, живущих на Балканах [13. С. 113]. Кроме того, ею обозначены корни убеждений Достоевского по этому вопросу, которые находятся в историческом прошлом России времен Ивана Грозного и Петра Великого [14]. Активно изучали данную тему и другие исследователи, например С. Р. Шаваринская, рассматривавшая восточный вопрос в контексте противопоставления взглядов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого [15], Е. Г. Постникова [16] и др.

Завершая данный блок вопросов, связанных, так или иначе, с вопросами «славянства», остановимся на исследованиях, посвященных Польше и полякам. Данная тема в различных ее проявлениях разрабатывалась многими исследователями, однако геополитическое место Польши в сознании Достоевского долгое время оставалось вне внимания отечественной историографии. Современная постановка вопроса принадлежит В. Н. Захарову [17]. В свою очередь, М. В. Подрезов предложил исходить из позиции, что польские земли у писателя – это исключительно территория Российской империи. При этом, несмотря на все противоречия, связанные со сложностью сосуществования православного русского и католического польского народов, в перспективе Достоевский видел возможность создания Всеславянской империи [18. С. 174–175]. Среди других работ на эту тему следует упомянуть также статью М. В. Михновец [19].

Меньшее внимание исследователи уделяли разработке западного направления геополитики Достоевского, хотя основы его уже заложены.

В. И. Габдуллина выдвинула тезис, который, по нашему мнению, является ключевым для конструирования образа западных стран Достоевского: «Европа доживает последние сроки, она накануне падения» [20. С. 13]. Краткую характеристику образов европейских государств в публицистике Достоевского дала также Е. А. Волкова, полагающая, что никакой единой Европы в трудах писателя не существует: «Европа не предстает как какое-

то однородное явление. Писатель делает различие между Германией, Францией, Англией, между французами, немцами и англичанами» [21. С. 177]. М. В. Подрезов проанализировал образ Австро-Венгрии в системе представлений Достоевского, выделив ряд сюжетов и придя к конечному выводу, что в «мир-системе» Достоевского империи Габсбургов отводится незавидная роль – исчезновение с европейской политической карты, поскольку ее раздирают внешние и внутренние враги [22. С. 120]. Кроме того, исследователь выделил основу взаимоотношений трех империй – Российской, Германской и Австрийской, показав, что Достоевский исходит здесь из собственной концепции «трех идей» (православной, протестантской и католической), поэтому добиться мирного сосуществования трех этих государств, с его точки зрения, невозможно [23. С. 82]. Е. Г. Новикова показала сложное сочетание образа Франции и французского дискурса в творчестве писателя, подчеркнув, что в нем доминирует социально-политическая и историческая проблематика [24. С. 369]; это, по нашему мнению, можно распространить и на другие европейские государства в восприятии русского писателя.

Отдельное направление исследований – это образ Востока в творчестве Достоевского, в том числе его отдельных стран и регионов. Здесь стоит в первую очередь отметить работы П. В. Алексева [25, 26], который одним из первых попытался решить сложную задачу по конструированию целостного образа Востока в творчестве писателя. Он пришел к выводу, что развитие почвенных идей у Достоевского привело к тому, что мусульманский Восток определенно несет в себе угрозу в целом, но при этом является и частью мирового человеческого единства, формируя одну из ключевых триад для русской цивилизации – «Запад – Россия – Восток» [26. С. 41]. В рамках данного направления отметим также работы М. В. Михновец, посвященные формированию тех частей Российской империи, которые, безусловно, являются составляющими общей концепции Востока: это Кавказ [27] и «киргизские степи» (т. е. русская Средняя Азия) [28].

Важными представляются работы, в которых геополитические воззрения Достоевского рассматриваются в контексте взглядов других видных мыслителей (сравнение, взаимовлияние, противостояние).

Так, А. А. Казаков [29] значительное внимание уделяет сопоставлению взглядов Л. Н. Толстого и Достоевского в геополитическом аспекте. Г. С. Прохоров обращается к трем образам Европы, которые сформулировали Н. М. Карамзин, Достоевский и Н. Я. Данилевский, придя к выводу, что Достоевского и Н. М. Карамзина объединяет объект их критики, а

именно искусственный и утопический проект европеизации России [30. С. 139]. Современные исследователи часто обращаются к сопоставлению Достоевского и Н. Я. Данилевского; так, А. В. Отливанчик указывает на сильное влияние, которое оказала работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» на Достоевского, хотя при этом писателя нельзя назвать последовательным сторонником теории культурно-исторических типов [31. С. 128]. Е. Г. Новикова впервые проанализировала материалы Достоевского, связанные с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, отметив, что представления о Марксе, опубликованные в журнале «Гражданин», связаны с геополитическими представлениями писателя о будущем христианства и Российской империи, и коммунистические идеи Маркса, по мнению Достоевского, потерпят крах перед христианской цивилизацией Европы [32. С. 77]. Наконец, А. И. Щербинин рассматривает «заочный спор» между известным немецко-американским философом и политологом Ханной Арендт и русским писателем по вопросам всемирного значения славянской идеи в контексте развития концепции тоталитаризма, противостояния между нацизмом и коммунизмом [33. С. 78].

Таковы основные направления исследования проблемы «Достоевский как геополитик», которые сформированы в науке о писателе. При этом представленный обзор показал, что изучение его геополитических взглядов только начинается, и в нем в настоящее время существует целый ряд лакун, которые должны быть заполнены в целях реконструкции целостной геополитической картины мира великого русского писателя и мыслителя.

1.2. Геополитическая проблематика наследия Ф. М. Достоевского в российских исследованиях

Е. М. Понкратова

В данном параграфе предлагается описание российских исследований междисциплинарного характера, в которых наследие Ф. М. Достоевского рассматривается в геополитическом аспекте, описывается значение геополитических высказываний писателя для русской социально-политической мысли и демонстрируется созвучность его политических идей некоторым современным геополитическим тенденциям.

В современном мире геополитическое сознание людей формируется за счет средств массовой информации, кино, Интернета, массовой литературы. Однако задолго до появления столь агрессивно диктующих свою точку зрения СМИ геополитическая проблематика вошла в русскую культуру и общественную жизнь благодаря литературе. Многие политологи называют уникальной особенностью русской геополитической мысли большое значение художественного и публицистического наследия русских писателей и историков. Я. В. Гердт акцентирует внимание на том, что российская геополитическая наука складывается как междисциплинарное направление, и отмечает спорность вопроса об ее истоках, но при этом говорит, что связь геополитики и культуры безусловна [34]. Принято считать, что на геополитические воззрения в России значительно повлияли А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Н. Я. Данилевский, С. Т. Аксаков, Ф. И. Тютчев и др.

Особое место в этом ряду занимает Достоевский. Существует множество исследований, учебников, методических пособий, в которых имя Достоевского стоит в одном ряду с деятелями, бесспорно признанными геополитиками.

Авторы «Истории политических учений», в которой последовательно представлено развитие политической мысли от древнейших времен и до наших дней, отводят специальный параграф Достоевскому и его политическим идеям, помещая имя писателя в раздел «Русский политический консерватизм XIX в.». Авторы учебника рассматривают политические взгляды писателя на материале романа «Бесы», в котором, по их мысли, он выразил свое отношение к революции и подобным политическим убеждениям, исходя из позиции политического консерватизма [35]. Геополитик В. А. Дергачев на своем электронном портале «Институт геополитики профессора Дергачева» включает имя Достоевского в «Русскую геополитическую энциклопедию», что отчетливо показывает роль наследия писателя в формировании и осмыслении русской геополитической мысли [36]. Имя Достоевского неоднократно обнаруживается и на международном геополитическом портале «Geopolitika.ru» [37]. В опубликованном фрагменте докторской диссертации известного исследователя В. Л. Цымбурского «Метаморфозы российской геополитики» Достоевский назван одним из основоположников русской геополитической идеи. В. Л. Цымбурский, развивая геополитическую модель возрождения России, последовательно касается каждого важного геополитического вопроса, затронутого Достоевским [38]. Ю. В. Кудрина в работе «Достоевский, император Александр III и русская идея» отмечает, что Достоевский был первым фи-

лософом, который ввел в культуру понятие «русская идея» [39. С. 114]. В журнале «Наш современник» 2006 г. вышла статья Л. Г. Ивашова с говорящим названием «Русская культура и русская геополитика». Известный общественный деятель, президент Академии геополитических проблем, ставя вопрос о самоидентичности русского народа, обращается к истокам русской и мировой геополитики. Л. Г. Ивашов отмечает, что основы геополитики России были заложены географами, учеными, писателями, поэтами, и в этом её уникальность и принципиальное отличие от западной геополитической науки. Эта особенность представляется ученому наиважнейшей, он отмечает:

<...> подобная тенденция сохраняется до дней нынешних: не лидеры политических партий, министры, губернаторы или мэры, а научная и творческая общественность современной России в инициативном, как говорили на Руси, самопочинном порядке ведут поиск целей развития государства и общества, ищут путеводную звезду-идею, стратегические маршруты движения к задуманному.

Может, именно потому, что исследованием смысла русской жизни, русской миссии в европейском и мировом пространстве начиная со второй половины XIX в. занимались не политики и правительства, а творческая интеллигенция, гуманисты, русская геополитическая идея формировалась на основе национальной традиции добра и справедливости, правоты и истины, помощи униженным и угнетенным. Ей присущи вселенский размах, высокое чувство человечности, духовность и нравственность, но чужды национальная ограниченность, высокомерие по отношению к другим народам [40].

И первым в ряду писателей Л. Г. Ивашов ставит Достоевского, наделяя его почетным званием одного из основоположников русской геополитической идеи. Также геополитик называет А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева.

Сегодня стало уже общим местом называть Достоевского пророком, предугадавшим различные современные геополитические проблемы. Многие газеты и журналы используют отдельные цитаты, реплики, идеи писателя, встраивая их в полотно своих геополитических предположений, как будто бы ищут подтверждения своих идей в произведениях Достоевского, добавляя значительности и веса своим высказываниям. Польский литературовед Анджей де Лазари на страницах «Новой газеты» в статье «Достоевский как зеркало “консервативной революции”» иронично замечает, что Достоевский «служит, как всякий важный в истории человек,

поставщиком цитат для самых разных мнений и интерпретаций» [41]. Литературовед приводит в пример одиозные высказывания А. Г. Дугина и Г. А. Зюганова. Последний в своём труде «География победы: основы российской геополитики» [42] иллюстрирует свою мысль о предпочтительности азиатского пути развития для России словами Достоевского из «Дневника писателя».

Значимая попытка описания современной научной литературы, касающейся геополитических взглядов Достоевского, была предпринята М. В. Подрезовым в статье «Достоевский как геополитик: современная историография вопроса» [43]. Исследователь обозначил широкий круг геополитических тем, разработанных в корпусе текстов Достоевского и актуализированных современной наукой: славянство, восточный вопрос, западный мир.

Действительно, в изученном нами корпусе исследовательской литературы были обнаружены следующие основные темы, часть из которых и станет предметом анализа в данном параграфе: восток и восточный вопрос, славянство, евразийство, Азия, западные страны, Европа и Россия, мировые религии и их роль в общем геополитическом равновесии, война.

При этом следует подчеркнуть, что геополитическая проблематика наследия писателя разрабатывается как политологами, так и литературоведами, и их методологические и теоретические подходы к проблеме различны. Литературоведы пишут о Достоевском «изнутри», стремясь сформировать собственно позицию писателя и привлекая для этого материалы всего его творчества; политологи же вписывают позицию и высказывания Достоевского в общеисторический и политический контекст, и в этом случае она является одним из доказательств определенной геополитической концепции или тенденции.

В ряде работ Достоевский называется в ряду первых мыслителей, обративших внимание на какую-либо концептуальную геополитическую идею. Ярким примером этого может служить тема евразийства. Не соглашаясь в полной мере с соотношением Достоевского с евразийцами, необходимо отметить, что существует внушительный корпус работ, посвященных данной проблематике.

Так, известный геополитик и географ П. Н. Савицкий прямо называет Достоевского предтечей русского евразийства:

Такие «пролагатели путей» евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и прочие, подавляют нынешних евразийцев масштабами исторических своих фигур [44. С. 655].

В полной мере эта тема развернулась в работах ученых XXI в. Исследователь А. В. Лесевицкий в одной из своих статей предлагает концепцию «Достоевский как первый русский евразиец», основываясь на анализе третьего раздела второй главы «Дневника писателя» за январь 1881 г. «Гео-Тепе. Что такое для нас Азия?». Тщательно анализируя этот текст и исходя из современной Достоевскому геополитической ситуации, автор статьи приходит к нескольким основополагающим для него выводам. По мысли А. В. Лесевицкого, Достоевский не был славянофилом потому, что они азиатскую часть России совершенно игнорировали. Достоевский же, по мысли автора, предлагает отказаться от абсолютизации идеологического влияния Запада на Россию, писатель выбрал истинную модель ее геополитического развития, взяв за основу возрождения такие важнейшие геополитические субъекты, как Азия, Восток, Сибирь. А. В. Лесевицкий, опираясь на текст указанной главы Достоевского, говорит о поликультурности, полирелигиозности России, которая должна, наряду с православием, опираться на буддизм и ислам. Называя Достоевского ярчайшим представителем евразийства XIX в., А. В. Лесевицкий отмечает, что писатель впервые «в истории отечественной мысли» сказал о «фундаментальном туранском элементе как составной части русской культуры» [45. С. 107]. В свою очередь, в работе «Достоевский как предшественник евразийства» А. В. Лесевицкий отмечает и принципиальное расхождение писателя и евразийцев, основанное на различном отношении к Московской Руси, которую последние идеализировали, но при этом отмечает, что важнейшая общность между Достоевским и евразийцами заключается в отношении к правовым скрепам, объединяющим государство. Автор статьи указывает на то, что, по мысли писателя, общество, построенное только на силе закона и без духовных скреп, превращается в карательную машину [46]. Вопрос о евразийских интенциях в творчестве Достоевского поднимается и в статье А. А. Кукуевой и М. Ю. Сумской «Вопросы историософии в евразийской концепции Ф. М. Достоевского», и исследователи особо подчеркивают актуальность заявленной проблематики [47].

К евразийской проблематике творчества Достоевского обращались и филологи. Так, М. М. Сеитов в статье «“Предъевразийские” идеи в публицистике Ф. М. Достоевского» ставит вопрос об истоках евразийства и утверждает, что «автора “Дневника писателя” можно считать предшественником евразийства», так как «формула “евразийства” учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурного своеобразия России преимущественным обращением к поня-

тию “славянства”; она указывает как на источник такого своеобразия на сочетание в русской культуре “европейских” и “азиатско-азиатских” элементов» [48. С. 134]. Кроме того, М. М. Сеитов обозначает православие и соборность как ключевые точки соприкосновения евразийцев и Достоевского. В свою очередь, А. Г. Гачева в работе «Достоевский и евразийство» высказывает мысль о том, что евразийцы выдвинули свою идею «своеобразия России как особого историко-географического и этнически-культурного единства – Евразии, склад и судьба которой иная, чем у народов Европы», опираясь на мысль, провозглашенную в «Дневнике писателя» о повороте России к Азии [49. С. 36]. А. Г. Гачева убедительно показывает, что евразийство неоднородно, на протяжении всего пути своего развития оно уточняет и переоценивает ключевые понятия. Раннее евразийство было далеко от Достоевского, потому что Н. С. Трубецкой мало учитывал религиозный аспект, он противопоставлял Россию и западные цивилизации на основании культурной идентичности [50], в то время как для Достоевского Запад и Россия противопоставлены на основании значимости религиозных ценностей, движения к постижению истинного Бога. Россия и Запад противопоставляются, по Достоевскому, как два духовных мира, два религиозных идеала, у евразийцев же эта позиция не была ключевой.

Широко обсуждаемой является сегодня также тема Востока в творчестве Достоевского, в настоящее время значительное количество исследований посвящено как Востоку Достоевского в целом, так и восточному вопросу в частности. Эти темы поднимались такими исследователями его творчества, как Л. И. Сараскина [51], В. А. Котельников [52]; Г. А. Ашитова посвятила ей кандидатскую диссертацию [53]. Восточный вопрос и Восток стали предметом детального рассмотрения и анализа в монографии П. В. Алексева «Ф. М. Достоевский и Восток» [25]. Подробно исследуя такие важнейшие составляющие восточной проблематики, как мусульманский Восток, Китай, Сибирь как внутренний Восток, Крымская война, П. В. Алексеев приходит к выводу о совмещении географических и онтологических моделей у писателя, о значительном влиянии ориенталистских идей на всё творчество Достоевского в целом, на важную роль его позиции по поводу Константинополя. Значимые пояснения в понимании геополитических аспектов восточного вопроса Достоевским внесла Е. Г. Новикова в статье «“Западные славяне” в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». Исследователь справедливо отмечает, что для Достоевского «“восточный” вопрос уточ-

няется как вопрос “славянский”» [8. С. 45], и невозможно делать дальнейшие умозаключения без удерживания этой позиции. В связи с этим актуально звучит поставленный в статье вопрос о «применимости / неприменимости концепции Э. Саида и его последователей к творчеству Достоевского» [Там же. С. 49], которая сейчас широко используется в работах, посвященных восточной теме в творческом сознании писателя.

Большое количество исследований геополитических позиций писателя связано с проблемой особого пути развития России, и это неслучайно. О какой бы геополитической проблематике Достоевский не говорил, каким бы странам и конфликтам он не уделял бы внимание, в центре всех его суждений всегда оставалась мысль о России, о её будущем развитии, русском народе, славянах:

Долго, о долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, – коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии [12. Т. 26. С. 78].

Обширный материал, имеющийся в «Дневнике писателя», не только позволяет исследователям активно использовать его в своих работах, но и даёт возможность вариативных трактовок, иногда достаточно радикально представляющих позицию писателя.

Д. Я. Травин в книге «Теория особого пути России: классики и современники» отводит специальное место роли Достоевского в формировании политических убеждений российского общества. Исследователь обращает внимание на опасность представлений об особом пути развития России, при этом отмечая, что идеологическая пропаганда, которой, по мнению политолога, искусно владел писатель, – главное средство, мобилизующее людей. Д. Я. Травин пишет о том, что Достоевский, не удовлетворившись пропагандистскими возможностями художественных произведений, использует для этой цели «Дневник писателя». «Весь свой талант и всю свою энергию, – пишет исследователь, – писатель положил на то, чтобы убедить общество в благородстве и справедливости войны, которую Россия повела на Балканах ради освобождения славян» [54. С. 7]. Д. Я. Травин обвиняет лично Достоевского в том, что русские люди отправлялись на войну «под воздействием идей Достоевского» [Там же]. Политолог говорит, что Достоевский создал серьезное теоретическое обоснование идей панславизма и войны в Турции, понимая предназначение России в объединении славянских народов с геополитическим центром в России. Он

подчеркивает, что, оправдание Достоевским войны и игнорирование ее реальных последствий сыграло важную социально-политическую роль. По мысли исследователя, идеологическое пропагандирование необходимости войны надолго поселилось в умах обывателей и впоследствии развивалось вплоть до Первой мировой войны. Д. Я. Травин полагает, что Достоевский был отличным пропагандистом, однако целостной геополитической системы не создал. Публицистических высказываний, подобных концепции Д. Я. Травины, в современном медиапространстве встречается немало. Представляется, что ограниченность, иногда – вплоть до ошибочности, таких интерпретаций объясняется использованием материала без контекста. Часто позиции, к которым Достоевский относился скептически, приписываются самому писателю, используются его отдельные фразы и оцениваются как самостоятельные законченные высказывания, а контекст всего творчества при этом остается за скобками.

Особое значение имеет работа В. Л. Цымбурского «Геополитические взгляды Федора Достоевского» [38] – специальное исследование, в котором сделана попытка реконструировать геополитическую модель Достоевского. Это фрагмент его докторской диссертации, опубликованный на сайте «Политконсерватизм». В. Л. Цымбурским предложена геополитическая модель, в которой Достоевский не предлагает России отъединиться от Европы или сосредоточиться только на Азии, но постоянно сомневается, рассматривает разные варианты, прогнозирует совершенно разные пути с единственной целью – найти единственно верный. В отличие от многих политологов В. Л. Цымбурский отмечает неангажированность Достоевского панславизмом. Он предполагает, что восточный вопрос, славянский вопрос и другие геополитически очерченные вопросы – это всего лишь частности, «подсюжеты», как выражается В. Л. Цымбурский, «встроенные в сюжет пути к мировому панславянскому единению для становления России миром и мира – Россией» [Там же]. По мысли В. Л. Цымбурского, Достоевский указывает на четыре фазы развития России и «мировой трансмутации». Первая фаза – это Московское царство; вторая – реформы Петра I, и она заканчивается только сейчас, в эпоху Достоевского, Крымской войной. Третья фаза будет ознаменована возвращением России к самой себе и актуализацией темы русского Востока. Четвертая фаза – это фаза возвращения России в Европу, превращение восточного вопроса в «мировой и вселенский». Автор видит путь России, по Достоевскому, «от деятельной самозамкнутости Московского царства через осознание всемирного положения России после Петра I – и далее через новое понимание

своего назначения на неевропейских путях – к финальному вливанию Европы и всего христианского человечества в Россию, покоряющую к тому времени под свою руку мусульманский восток» [Там же]. Так В. Л. Цымбурский проговаривает, а затем несколько раз повторяет мысль о том, что конечная геополитическая цель России, по Достоевскому, не пришествие в Европу, но встраивание Европы и других геополитических пространств в Россию, на ее условиях, под ее началом и покровительством. Поэтому В. Л. Цымбурский специально останавливается на славянском вопросе, показывая, что, по мысли Достоевского, славяне «образуют общинное окраинное соседство, окаймляющее Россию в пору ее отмежевания и отделения от Европы, цивилизационный же статус России не сводится к лингвистическому славянизму» [Там же]. Он обращается также к теме азиатского становления России, предупреждая, что нужно отделять эту геополитическую стратегию от «азиатчины», и указывая, что, по Достоевскому, именно азиатский путь и подготавливает четвертую фазу развития. Раздел «Дневника писателя» «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» В. Л. Цымбурский называет не только вершиной геоидеологической концепции Достоевского, но и вершиной всей геополитической мысли евразийства.

В целом анализ политологических и филологических исследований, в которых уделяется место изучению геополитических воззрений Достоевского, показал феноменальный результат.

Не вызывает сомнения актуальность междисциплинарного подхода к изучению политических, геостратегических, историософских воззрений писателя. Применение политологического инструментария и политологического подхода к осмыслению идей Достоевского позволяет понять, что он был одним из первых, кто в России начал говорить о важности геополитических вопросов, причем в доступной, а во многом – современной и сейчас форме. Но при анализе геополитических воззрений Достоевского необходимо исходить также из того, что мы говорим о писателе, а не только о геополитике. Это значит, что мы не можем рассматривать отдельные политические высказывания и формулировки вне контекста всего творчества писателя, его мировоззрения. Игнорирование этой позиции приводит к однобокости представлений об истинных взглядах Достоевского, к ошибочной их трактовке, к спорным, необоснованным определениям типа «Достоевский – пропагандист», «Достоевский – антисемит» и т. д.

Поэтому следует особо обратить внимание на причины масштабного тиражирования отдельных идей и политически окрашенных текстов Достоевского сегодня. Достоевский оставил значительный след в российской

геополитике благодаря особой остроте и накалу своих высказываний. Он по-настоящему заботился о судьбе России, искренне хотел понять сам и разъяснить другим особую роль России в мире, направить русский народ к единению и соборности. Актуальная форма «Дневника писателя» позволяла ему выстраивать такой активный диалог с читателем, возбуждая в нём эмпатию и сопричастность. До последней строчки каждого своего геополитически ориентированного высказывания Достоевский оставался художником, и без учета этого, без учета всего творчества писателя невозможно интерпретировать его отдельные формулировки и фразы, какими бы актуальными они сегодня не казались.

1.3. Политическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского в американской рецепции

Т. В. Коротченко

Целью данного параграфа является описание Ф. М. Достоевского как политического мыслителя в восприятии американских исследователей и мыслителей.

Литературная репутация Достоевского за рубежом формировалась по-разному в зависимости от особенностей культурно-исторической парадигмы, литературного процесса воспринимающей страны, а также переводческого осмысления произведений писателя.

В США интерес к творчеству русского писателя со стороны как читательской аудитории, так и научной мысли возник только в середине 1940-х гг., в то время как в европейских странах так называемый «культ Достоевского» приходится на начало XX в. Возможно, именно поэтому американское литературоведение изучает творчество Достоевского с учетом уже сложившихся традиций в европейской и российской науке о писателе. В этом контексте изучение опыта американского достоевковедения, объединяющего разные подходы и тенденции в изучении творчества писателя, представляется крайне актуальным.

К проблеме осмысления рецепции творчества Достоевского в США обращались как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Среди российских исследователей назовем работы Т. Л. Мотылевой [55], А. Л. Григорьевой [56], А. Н. Николюкиной [57], диссертационные исследо-

вания Н. Б. Мединской [58] и И. В. Львовой [59]. На основе различного фактического материала исследователи анализируют влияние творчества Достоевского на американских писателей, выявляют основные методологические позиции в американском достоевковедении. В США среди работ, посвященных изучению осмысления творчества Достоевского, следует назвать «Английскую репутацию Достоевского» Х. Мачник [60] и «Восточно-западные связи» Д. Брюстер [61]. Обе исследовательницы обращаются к изучению вопросов восприятия творчества Достоевского в Англии и США в первой половине XX в., анализируют причины и особенности интереса к наследию русского писателя, прослеживают историю русско-американских культурных связей.

Однако американские представления о Достоевском как о политическом мыслителе до сих пор не становились предметом специального изучения. В данном параграфе предпринимается попытка показать динамику репутации Достоевского-политика, сформировавшейся в рамках научного американского дискурса.

Изучение иноязычной научной рецепции творчества Достоевского позволяет не только выявить те предпосылки в его творчестве и особенности его восприятия, которые сформировали определенный портрет Достоевского как политического мыслителя в США, но и раскрыть механизмы диалога двух культур. Настоящее исследование выполнено на основе следующих подходов: типологического, который позволяет выделить основные направления в американском достоевковедении, и компаративистского, в рамках которого привлекаемый для анализа материал рассматривался в сравнительно-историческом и сравнительно-культурном аспектах. Важной методологической основой исследования послужила также книга Ю. М. Лотмана «Семиосфера» (главы «Семиотическое пространство» и «Механизмы диалога») [62]. Периоды рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте рассматриваются как «партии в диалоге» русской и американской культур, которые вписываются не только в литературно-культурное семиотическое пространство, но и в широкий политический контекст.

Следует подчеркнуть, что внимание к политической проблематике, хотя и в разной степени, проявляется на всех этапах американской рецепции творчества Достоевского, это неизменно значимый аспект в социокультурном портрете Достоевского, создаваемом в американской культуре.

Первые высказывания американских исследователей по поводу политических взглядов Достоевского можно отнести к 1915 г., когда в американском журнале «Нью Републикан» выходит ряд статей, авторы которых

попытались дать характеристику политической сути Российской империи и выявить особенности русского национального характера.

В январском выпуске этого журнала были опубликованы сразу две статьи: «Славянская мечта»¹ Г. Н. Брейлсфорда [63] и «Варвары» Р. Уэст [64]. Авторы этих статей стремились объяснить политические установки Российской империи на основе анализа позиций ее духовных и политических лидеров. И если Г. Н. Брейлсфорд рассматривает российский панславизм с отсылкой к К. П. Победоносцеву, то Р. Уэст сосредоточивается на Достоевском как ключевой фигуре, определяющей своеобразие русского характера.

В мартовском выпуске журнала того же года в полемику о России, о ее миссии на мировой политической арене и о сути русского характера включается Дж. Цейтлин. Его статья самым непосредственным образом посвящена Достоевскому: она называется «Достоевский-реакционер» [65]. По мнению Дж. Цейтлина, в размышлениях писателя о судьбе России, ее мессианском предназначении нет ничего угрожающего для других наций и мироустройства в целом, однако, если учесть «его (Достоевского. – Т. К.) способность воодушевлять молодое поколение мессианскими идеями» [Ibid. P. 177], то творческое наследие писателя может быть эффективно использовано в качестве манипулятивного инструмента воздействия на сознание русских людей с целью воспитания, с одной стороны, покорности власти, с другой – чувства собственной значимости, позволяющей стране захватывать новые территории, прикрываясь благородными идеями о всеобщем братстве. Конечно, статью Дж. Цейтлина не следует рассматривать как полномасштабное литературоведческое исследование политической проблематики в творчестве Достоевского, однако автору, на наш взгляд, удалось предвосхитить или в определенной степени определить основные направления, в рамках которых в дальнейшем и будет формироваться политический портрет Достоевского в американском научном дискурсе.

Основополагающей установкой американского изучения наследия Достоевского в политическом аспекте является представление об абсолютном взаимопроникновении политики и литературы в русской культуре. Такое восприятие русской литературы отчасти было обусловлено спецификой российской действительности XIX в. Цензурная политика царской России, которая в середине XIX в. стала «атрибутом тиранического режима» [66. С. 215], во многом определила отношение русской интеллигенции

¹ Здесь и далее перевод мой. – Т. К.

к художественному слову. Художественная литература, и прежде всего роман, могла становиться средством обличения современного политического устройства, обнажения существующих проблем и выражения альтернативных социально-политических решений. При этом в исследованиях американских литературоведов, выполненных в рамках обозначенной позиции, стоит выделить два направления в анализе творчества Достоевского. К первому можно отнести работы, в которых исследователи осязательно подчеркивают синкретизм российского социума, где невозможно и не следует разделять политику, религию и культуру, в частности литературу, поэтому анализ художественного произведения, по их мнению, в первую очередь должен вскрывать особенности взаимодействия социально-политических реалий и художественного слова. Ко второму направлению относятся работы, авторы которых не писали напрямую о связи русской литературы и политики как об ее определяющей черте, но при этом выбор приемов интерпретации художественных произведений писателя во многом обусловлен ориентацией на социально-политический контекст.

В рамках первого направления следует назвать работу И. Хоу «Достоевский: политика спасения» (1955) [67]. Анализ политических взглядов писателя в данной работе предваряется описанием особенностей русской культуры и литературы. По мысли исследователя, отличие западного романа от русского заключается, в частности, в том, что «романное слово на Западе рассматривается, прежде всего, с художественной точки зрения, а в России оно приобретает пророческий пафос» [67. Р. 42]. О взаимопроникновении литературы и политики как об определяющей особенности русского социума писал также Г. Кокс: «Национальная литература может дать ценные представления о специфике моделей поведения не только отдельных граждан, но и определенных групп и политических институтов. Это особенно актуально, когда речь идет о такой стране, как Советский Союз, где литература, политика и национальное самосознание тесно взаимосвязаны» [68. Р. 88].

Американские исследователи второго направления рассматривают политические воззрения Достоевского в аспекте империализма России, национализма и ее мессианской роли в судьбе человечества. Принципиальным в их позиции можно считать то, что, вписывая произведения Достоевского в социально-политический и исторический контексты, они приходят к негативной оценке русского национального характера, политической роли России и творчества Достоевского в целом. Наиболее яркими исследованиями в рамках данного направления можно назвать статью Дж. Ф. Мэтло-

ка «Литература и политика: влияние Федора Достоевского» (1979) [69], а также статью Г. Кокса «Психология Достоевского и культурно-политическая идентичность России» (1984) [68]. На основе анализа романов «Бесы» и «Братья Карамазовы», публицистического наследия писателя, а также работ В. В. Розанова и американского исследователя Э. Сэндоза Дж. Ф. Мэтлок, в будущем посол Соединенных Штатов в СССР, предпринимает попытку сформулировать политическую философию Достоевского. Рассматривая «Легенду о Великом инквизиторе» как квинтэссенцию политической философии писателя (и называя эту «Поэму» «Легендой» вслед за В. В. Розановым), Дж. Ф. Мэтлок, по сути, обвиняет романиста в несоответствии описанной в «Легенде» концепции мироустройства его политическим размышлениям «Дневника писателя». Обращение к отдельным высказываниям Достоевского, рассматриваемым вне целостной этико-исторической системы координат писателя, приводит к восприятию Достоевского-политика как пропагандирующего только исключительность русского народа и православия и поддерживающего военное решение социальных проблем. В свою очередь, основная идея работы Г. Кокса заключается в том, что в психологическом портрете героя произведений Достоевского можно найти те национальные черты, которые объясняют особенности поведения России и на мировой политической арене, начиная со времен Крещения Руси и заканчивая эпохой Советского Союза. Автор последовательно доказывает, что закомплексованность, отсутствие уверенности в себе и национальной самоидентификации являются основными чертами протагониста Достоевского. Проблема самоидентичности, по мнению автора, приводит, во-первых, к отрицанию всего «чужого», во-вторых, к «демонстративному самобичеванию или, наоборот, самовозвеличиванию» [Ibid. P. 88]. Выявленные особенности характера героя Достоевского являются доминантными чертами русского национального характера, что и обуславливает специфику как внутренней политики страны (включая отношения в семье, народа и правительства), так и ее внешнеполитической стратегии, которая всегда определяется либо «напористостью» [Ibid. P. 91] и национализмом, либо «склонностью к подчинению» [Ibid. P. 92] и подражанию.

С хронологической точки зрения в американском научном дискурсе можно выделить, на наш взгляд, четыре этапа формирования и оформления портрета Достоевского-политика (помимо уже названной «предыстории» вопроса 1915 г.). Критериями для выделения периодов стали, во-первых, интенсивность интереса к политической проблематике в творчестве писателя, а именно количество опубликованных работ; во-вторых,

появление новых ракурсов исследования, и наконец, изменения в культурно-политических отношениях России и Запада.

Первые серьезные исследования, направленные на изучение политических воззрений Достоевского, появились в 1950–1960-х гг. Несмотря на небольшое количество опубликованных в данный период работ, можно утверждать, что в середине столетия в Америке начинается новый этап осмысления политической проблематики в творчестве писателя. В 1955 г. в свет выходит статья И. Хоу «Достоевский: политика Спасения» [67], которая, с одной стороны, знаменует собой начало нового периода в политическом осмыслении творчества Достоевского, с другой стороны, закрепляет в американском литературоведении ранее намеченную Дж. Цейтлингом тенденцию рассмотрения политики государства и литературы России в неразрывном единстве. Однако в осмыслении И. Хоу такая связь политики и литературы осложняется наличием третьей составляющей – религии. По мнению автора, политические размышления Достоевского напрямую связаны с его духовными поисками, с попыткой объяснить несовершенство человеческой природы, с опасением, что интеллигенция, «выйдя из-под контроля христианства и отстраняясь от сердечности русского народа, может совершить ужасные поступки ради удовлетворения собственного тщеславия» [Ibid. P. 46]. Произведения Достоевского нельзя рассматривать только в политическом или только в религиозном ключе, такой подход «неизбежно будет обеднять духовные поиски писателя» [Ibid. P. 51]. На основе такого анализа общественно-политической ситуации, сложившейся в России в середине XIX в., а также детального изучения романа «Бесы» И. Хоу формулирует одну из главных особенностей Достоевского как политического мыслителя, которая заключается в объединении идей панславизма, радикализма и православия. Начиная с работы И. Хоу, в дальнейшем политическая мысль Достоевского в США, за исключением редких случаев, будет рассматриваться в неразрывной связи с религиозными взглядами писателя.

В 1963 г. Дж. Франк публикует статью «Достоевский: встреча с Европой» [70]. Как и И. Хоу, Дж. Франк не отделяет политические размышления писателя от его религиозных воззрений. Проводя параллели и системные связи между «Зимними заметками о летних впечатлениях» и «Записками из подполья», автор на примере анализа образов «муравейника» и «хрустального дворца», размышлений Достоевского о свободе и о социальном счастье приходит к заключению, что «уже в «Зимних заметках» кроются ответы на многие “тайны” социально-политических воззрений

писателя» [70. Р. 251], одна из которых заключается в том, что, по мнению Достоевского, «будущее не за Западом, а за Россией, однако только в том случае, если она сохранит истинный христианский характер коммуны (общества) и не будет создавать новую» [Ibid. Р. 250].

Основным материалом для изучения социально-политической проблематики творчества Достоевского в этот период стали его художественные произведения. Почти никто из авторов представленных здесь работ не обращается к «Дневнику писателя» и письмам Достоевского (несмотря на то, что первый перевод «Дневника» на английский язык был опубликован уже в 1949 г.). Возможно, игнорирование публицистического наследия писателя было связано с основными задачами, которое ставило в этот период перед собой западное достоевковедение, а именно выявить художественное своеобразие творческого метода писателя. Показательными можно считать работы Р. Фюлепа-Миллера «Литературная репутация Достоевского» (1951) [71] и Э. Симмонса «Достоевский: становление романиста» (1940) [72], где исследователи особенно отмечают «новый реализм» Достоевского [71. Р. 259] и значимость его художественных достижений для мировой литературы.

Очевидная ориентация исследователей на эстетическую сторону творчества писателя, возможно, была также продиктована и историко-политическими обстоятельствами. Крупнейший в истории страны экономический кризис начала XX в. заставил американское общество обратиться к поиску другого порядка жизни. В этом аспекте положительный опыт плановой экономики СССР становится для США вариантом ориентира в определении нового курса. Неслучайно А. Эткин в книге «Россия и Америка в травелогах и интертекстах» выделяет периоды подражания США России [73]. Используя терминологию исследователя, можно говорить о том, что США в диалоге с Россией, которая представляется «образом Другого», обращается к схеме «ассимиляции», которая чаще «вызывает скуку» [Там же. С. 8], чем недоверие и напряжение. Позволим здесь процитировать фрагмент беседы И. В. Львовой с профессором американского университета Д. Райсом, в которой в качестве основной причины популярности Достоевского в США Д. Райс назвал страх: «Когда нечто происходит в России и Запад чувствует угрозу для себя, то он обращается к Достоевскому, чтобы понять Россию» [59. С. 17]. В этой связи закономерным выглядит отсутствие большого количества работ, посвященных исследованию политических взглядов Достоевского, в период ориентации США на экономический и культурный опыт СССР, однако ситуация начинает постепенно меняться после окончания Второй мировой войны, с ростом ав-

торитета СССР и началом «холодной войны». Указанные социально-политические события побудили американских исследователей обратиться к социально-политической проблематике творчества Достоевского. В этом отношении показательно следующее утверждение: «Перемены в политике стали одним из определяющих факторов в знакомстве Запада и Америки с русской литературой и творчеством Достоевского в частности. Изменения в репутации Достоевского во многом связаны с политическим климатом и характером русско-американских отношений» [59. С. 17].

Слабое внимание исследователей к политической проблематике творчества Достоевского середины столетия качественно меняется в последующий период – в 1970–1980-е гг., когда появился большой корпус посвященных ей работ. Здесь можно выделить несколько доминирующих направлений. По-прежнему большое количество исследователей рассматривает политические воззрения писателя в тесной взаимосвязи социума и религии, при этом в большей мере своеобразие Достоевского-политика видится в его религиозных убеждениях. В этом аспекте следует, прежде всего, назвать труд Р. Бэлнепа. «Националистическая идеология и риторика Достоевского» (1972) [74], а также работы Э. Сандоза «Политический апокалипсис: анализ поэмы “Великий инквизитор” Достоевского» (1971) [75] и «Философский подтекст политики Достоевского» (1978) [76]. Обращаясь к анализу как художественных, так и публицистических произведений Достоевского, Э. Сэндоз делает вывод, что в миропонимании писателя любая политическая теория теряет всякий смысл, если в ее основе лежат только рациональные начала, другими словами, любая политическая теория должна быть ориентирована на поиск истины. Исследователь пишет, что все «великие романы (Достоевского. – Т. К.) были написаны с целью изменить человеческие жизни, кардинально поменять суть существования человека, сориентировав его в направлении божественной истины» [Ibid. P. 668]. Таким образом, политические размышления писателя, по мнению исследователя, выходят за рамки эмпирического познания действительности. Интересным представляется то, как Э. Сандоз заканчивает одну из своих работ словами А. И. Солженицына: «<...> большой писатель в стране – это <...> как бы второе правительство» [Ibid. P. 674]. Использование этой цитаты в качестве заключительной фразы исследования о политической философии Достоевского еще раз подчеркивает неразрывность русской литературы и политики в восприятии американских литературоведов. Статья Д. Уолша «Открытие Ф. М. Достоевским христианских основ политики» (1986) [77] написана в аналогичном ключе. Автор пока-

зывает, что в миропонимании Достоевского вне человека не может быть социума и истории, все, что происходит в рамках человеческой души, экстраполируется в социум и определяет его политическое устройство, а основная проблема современных ему политических движений заключается в «отсутствии в них Христовой любви как единственной движущей и объединяющей» [77. Р. 49].

Рассмотрение политических взглядов Достоевского в аспекте его религиозного мировоззрения неизбежно актуализировало в исследованиях тему противостояния православия и католицизма в сознании писателя. В этом ключе к анализу произведений Достоевского обращались такие авторы, как Б. К. Ворд («Критика Запада Достоевским: в поисках рая на земле» (1986) [78]) и Д. Диэршорл («Ф. М. Достоевский и католическая церковь» (1986) [79]). Исходя из представления о неразрывной связи государства и церкви, Б. К. Ворд анализирует размышления писателя о социальном счастье и социальной гармонии и приходит к выводу, что в мировоззрении Достоевского русское православие предстает как возможность сохранения и преумножения личной свободы человека, а католицизм, в свою очередь, нацелен на лишение человека свободы. Д. Диэршорл анализирует причины формирования неприязненного отношения в русском обществе к католической церкви, которое, как показывает исследователь, сложилось задолго до Достоевского и сохранялось в XX в. Показательно, что обращение к фигуре Достоевского, использование его размышлений о католицизме исследователь объясняет самим феноменом Достоевского, который, по его мнению, «стал единственным русским писателем, так яростно отстаивающим интересы родной страны» [Ibid. Р. XIII].

Абсолютно новым направлением в изучении политических взглядов писателя в указанный период становится тема Востока. Одной из первых работ по данной проблематике стала статья М. Футрелла «Достоевский и ислам (а также Чокан Валиханов)» (1979) [80]. Обращаясь к анализу писем и обширного художественного материала, автор статьи исследует явные и скрытые отсылки к мусульманской культуре, в частности к Корану и к образу пророка Мухаммеда. Особое внимание уделяется личности Чокана Чингисовича Валиханова, событиям, которые побудили писателя обратиться к мусульманскому Востоку, а также источникам, из которых Достоевский черпал знания о мусульманской культуре. В своей следующей работе «Буддизм и “Братья Карамазовы”» (1981) [81] М. Футрелл исследует философию старца Зосимы в контексте буддизма, выявляет параллели между теориями дзен-буддизма, Махаяны, тибетского буддизма и идеями

старца Зосимы о всеобщей ответственности, объединении людей и рае на земле. В данном направлении также размышляли такие исследователи, как Дж. Райс («Родственник Мухаммеда или целительное безумие» (1985) [82]) и К. Сахни («Восточные фантомы: взгляды Ф.М. Достоевского на Восток» (1986) [83]). На основе анализа художественных текстов Достоевского К. Сахни выстраивает динамику взглядов писателя от нейтральной оценки до ненависти ко всему мусульманскому миру; вслед за Дж. Мэтлокком исследователь отмечает противоречия между высказываниями героев о Востоке и собственными размышлениями Достоевского, представленными в «Дневнике писателя», в котором он предстает как «ярый националист» [Ibid. P. 42] и религиозный фанатик, «испытывающий ненависть ко всем народам Востока», «выступающий за колониальную экспансию России» [Ibid. P. 41].

Безусловно, особым событием, знаменующим новый этап в осмыслении творческого наследия писателя, можно считать создание в США Международного общества Достоевского (1971). С 1971 г. начинает издаваться Бюллетень Международного общества, а затем – периодический журнал «Dostoevsky Studies», объединяющий исследователей всего мира. Не менее важным является также тот факт, что к началу выделенного нами периода были повторно переведены наиболее известные произведения Достоевского, что не могло не сказаться на росте интереса к творческому наследию писателя. Так, Х. Т. Мур отмечал огромную популярность писателя в Америке, в том числе вне ее академических кругов: «Достоевский процветает в Америке мыльных опер, футбольных праздников и мюзиклов <...> Достоевский широко изучается в американских колледжах, четыре его романа признаны величайшими: “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Братья Карамазовы”» [84. P. VI]. В контексте взаимодействия культур периоду активного транслирования новых текстов, в нашем случае – исследований, посвященных изучению творчества Достоевского в политическом аспекте, должен был предшествовать период насыщения новой информацией, период активного осмысления культурой нового инокультурного семиотического материала.

Помимо указанных сугубо культурных и литературных событий, способствующих популяризации творчества Достоевского и привлечению внимания исследователей к его наследию, немаловажную роль играет и экстрасемиотическая реальность. Напомним, что начиная с конца 1960-х гг. руководители стран Восточного блока и Запада встали на путь снижения международной напряженности. Проводились встречи, заключались договоры, ограничива-

ющие распространение ядерного оружия. Однако при внешней ориентации на конструктивные отношения стран Запада с СССР противостояние по-прежнему продолжалось, и уже с середины 1970-х гг. начинается новый этап в гонке вооружения. Противостояние между двумя блоками государств, во главе которых стояли США и СССР, сопровождалось постоянным поиском новых сфер влияния (Латинская Америка, страны Африки, Азия) и вспышками локальных вооруженных конфликтов. Возможно, такой интерес с обеих сторон к странам Востока, Азии обусловил появление исследований творчества Достоевского, связанных с восточной проблематикой.

Выделенный нами третий период начинается с распада Советского Союза. Уровень напряжения между Западом и постсоциалистическими странами заметно снижается, начинается постепенное сближение наций, ориентация на диалог культур. Для американского достоевковедения в этот период характерно применение трех основных методологических подходов, а именно интерпретационного, компаративистского и методологии М. М. Бахтина, которая получает широкое распространение. В рамках применения методологии М. М. Бахтина исследователь рецепции творчества Достоевского в Америке 1980–1990-х гг. Н. Б. Мединская выделяет два направления: «собственно бахтинское» и «постбахтинское» [58. С. 26] и делает вывод, что «в результате усилий “постбахтинского” направления оформляется концепция Достоевского как религиозного художника» [Там же. С. 27]. В итоге если в 1970–1980-е гг. американское литературоведение изучало философско-религиозные вопросы в творчестве Достоевского в тесной взаимосвязи с его политическими убеждениями, отношением к славянофильству, народности и миссии России, то в конце XX в. на фоне ослабления политической напряженности в центре внимания американских исследователей остаются только вопросы художественного своеобразия Достоевского и его религиозного мирозерцания.

Идея о том, что перемены в политических отношениях России и США могут определять вектор исследовательского интереса к творчеству Достоевского, подтверждается минимальным интересом исследователей к политической проблематике в творчестве писателя в 1990-е гг. В этот период в свет выходят только две работы, в частности монография С. К. Картера «Политические и социальные взгляды Ф. М. Достоевского» (1991) [85] и статья А. Кэлли «Ирония и утопия в творчестве А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского» (1991) [86]. С. К. Картер, рассматривая социально-политические размышления писателя в контексте второй трети XIX в., выделяет шесть этапов в эволюции социальных и политических взглядов До-

стоевского, а также выявляет причины, которые послужили стимулом к формированию крайне антизападных воззрений писателя. Статья А. Кэлли посвящена сопоставлению произведения А. И. Герцена «С того берега» и «Дневника писателя» Достоевского в аспекте идеологической проблематики. Исследователь демонстрирует, что сложившаяся полемика между двумя писателями определила утопический характер размышлений Достоевского об истории, свободе и личности.

Заключительный этап рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте начинается приблизительно с начала 2000-х гг. В этот период можно выделить три основных направления: политические взгляды Достоевского в сочетании с его религиозным мировоззрением; тема Востока в творчестве русского романиста; анализ художественного текста Достоевского на основе привлечения концепций политической философии.

Изучение политических размышлений писателя в аспекте его религиозных убеждений можно считать наиболее устойчивым направлением в американском достоевковедении. Вслед за учеными середины XX в. исследователи начала нового столетия вновь ставят перед собой цель реконструировать целостную картину мироустройства Достоевского, включая такие понятия, как государство, политика, социум, религия и человек. При этом наряду с исследованиями, в которых в большей степени для анализа привлекается публицистический материал творчества писателя, появляется целый корпус работ, центром внимания в которых становится художественное воплощение политических воззрений Достоевского. В этом аспекте следует назвать монографию Б. Д. Райденур «“Желание самое скромное”: идеальное государственное устройство России Достоевского» (2006) [87] и статью А. Джоэ «Тайные замыслы в романе “Братья Карамазовы” Ф. М. Достоевского» (2007) [88]. Обращаясь к анализу текста романа, Б. Д. Райденур реконструирует идеальное, по мысли Достоевского, государственное устройство России. А. Джоэ в последнем романе писателя исследует скрытые отсылки к тайным сообществам и сектам (масонство, раскольники, скопцы, бегуны). Автор подробно разбирает символические значения имен героев романа, предлагает новые интерпретации поэмы «Великий инквизитор», а именно на историческом, философском и личностном уровнях.

Отличительной чертой данного периода можно считать появление масштабных исследований и сборников, специально посвященных изучению политической проблематики в творческом наследии писателя. Впервые, это книга английской исследовательницы С. Хадспис «Ф. Досто-

евский и идея русскости: новый взгляд на соборность и братство» (2004) [89], опубликованная в Англии и в США. В книге анализируются славянофильские взгляды Достоевского на материале большого корпуса его художественных и публицистических текстов. В центре внимания исследователя – вопрос о русской идентичности, который рассматривается в контексте как нравственно-религиозных размышлений писателя, так и основных идей славянофильства. Сборник статей «Политическая мысль Достоевского» [90], опубликованный в 2013 г., посвящен изучению творчества Достоевского с точки зрения политической мысли: от его религиозных и философских взглядов до политики Европы XIX в. В 2016 г. в издательстве Кембриджского университета вышла в свет книга «Ф. М. Достоевский в контексте» [2], получившая широкую известность и в США. Собранные в книге статьи проливают свет на основные исторические и политические события, происходившие в России во второй половине XIX в., общественно-политические течения, особенности культурной, литературной и религиозной жизни России и русского народа. Представленный в книге анализ социокультурного, политического и исторического контекстов, в котором жил и творил Достоевский, позволяет выявить особенности художественного осмысления писателем окружающей его действительности.

По-прежнему в начале XXI в. сохраняется интерес исследователей к теме Востока. В рамках этого направления следует упомянуть статью Х. Хан «Грезы об Исламе: видение Достоевского будущего России в романе “Преступление и наказание”» (2000) [91], а также работы Д. О. Томпсона «Исламские мотивы в художественных произведениях Ф. М. Достоевского» (2009) [92] и «Исламские мотивы: поэтические трансформации исторических событий» (2010) [93]. Объединяющей чертой этих исследований можно считать внимание, прежде всего, к художественному воплощению темы Востока в творчестве писателя. Так, Х. Хан на основе детального анализа скрытых и явных отсылок к восточной проблематике и «восточному вопросу» (Турция, Египет, Крымская война 1853–1856 гг.), деталей материального мира, (турецкий диван, шляпа Раскольникова и т. д.), интертекстуальной связи между сном-грезой Раскольникова и стихотворением А. С. Пушкина из цикла стихотворений «Подражание Корану» доказывает отсутствие у главного героя национальной самоидентификации и приходит к выводу, что отказ Раскольникова от всего иностранного (мусульманского) лежит в основе его спасения. И именно такой путь Достоевский считал единственно верным для России.

Д. О. Томпсон обращается к анализу повести «Двойник», роману «Преступление и наказание», выявляя разные функции образа Магомета в художественной структуре произведений. Анализ романа «Братья Карамазовы» в указанном аспекте позволяет исследователю проследить динамику отношения Достоевского к мусульманской культуре.

Наконец, можно выделить корпус работ, в которых исследователи для анализа художественных произведений Достоевского привлекают определенные теории и концепции политической философии. Интерес зарубежных политологов к литературе как источнику достоверных фактов об окружающей действительности возник еще в середине 1990-х гг., это время в западной науке о политике принято называть «literary turn» – «литературный поворот». Исследователи, работающие на основе взаимодействия политологии и литературы, выделяют два магистральных подхода к литературе: анализ литературного произведения с целью получения фактов о реальности для создания политических теорий и анализ литературного текста с целью понимания механизмов воздействия текста на общество. Оба подхода основаны на утверждении, что любой текст политичен или идеологичен. В рамках данного направления стоит назвать работы Р. Авраменко «Истерзанный скукой: анализ “Бесов” Ф. М. Достоевского через призму философии Э. Фегелина» (2004) [94], «Герои Достоевского: или сострадание русской женщины» (2013) [95], «Свобода от свободы: метафизика свободы в “Преступлении и наказании” Достоевского» (2013) [96] и Л. Трепанье «Политика и опыт действительной любви в “Братьях Карамазовых”» (2009) [97]. Характерной чертой указанных работ является фокусировка на анализе художественного текста, исследователи, работающие в рамках данного направления, не привлекают к анализу публицистику и письма писателя. Рассматривая художественный текст как «намеренно созданный целостный объект» [98. Р. 6], исследователи «нацелены на выявление того, как художественный текст соотносится с политическим режимом» [Ibid. Р. 6].

В целом по поводу рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте в США можно говорить о доминировании направления, в котором политические размышления писателя рассматриваются в тесной взаимосвязи с его религиозными представлениями, а наиболее резкие высказывания по поводу национализма, империализма и шовинизма писателя содержатся в тех работах, авторы которых не соотносят политические взгляды писателя в его религиозное миропонимание. Своеобразие формирования репутации Достоевского в США как политического мыслителя заключается также в постепенном переключении внимания американских исследователей

дователей с публицистического наследия писателя непосредственно на художественные тексты.

Проделанный анализ убедительно демонстрирует значимость политической проблематики в американской репутации Достоевского. Обращение к политическим размышлениям писателя сохраняется на всех этапах развития американского достоевковедения, но, безусловно, можно говорить о периодах повышенного интереса к данной проблематике и о периодах своеобразной «тишины».

Серьезные стимулы обращения к политическим размышлениям русского писателя задаются во многом текущими изменениями в политических отношениях России и западного мира. Однако помимо сугубо политических причин цикличность обращения американских исследователей к изучению политической проблематики творчества Достоевского можно объяснить самим механизмом диалога культур, который, в соответствии с терминологией Ю. М. Лотмана, предполагает наличие периодов «так называемого спада», за которыми следуют «периоды трансляции» [62. С. 269]. Исходя из разработанной Ю. М. Лотманом концепции диалога культур, можно говорить о том, что исследования политических воззрений писателя, расположенные на периферии семиотического пространства, связанного с изучением творчества Достоевского на Западе, в 1950–1960-е гг. и в конце XX в. находились на этапах «пассивного насыщения» [Там же. С. 269], за которыми в 1970–1980-х гг. и в начале XXI в. последовали периоды новой высокой активности, в результате чего политическая проблематика творчества Достоевского в ее американской рецепции была объединена с религиозными, философскими и эстетическими взглядами русского писателя.

1.4. Ф. М. Достоевский о роли личности в истории

Ш. Липке, С. В. Мурзина, М. В. Подрезов

Историография последних двух столетий показывает, что оценка роли личности в рамках описания и анализа идеологических и политических процессов неизбежна.

Ярким примером этого может служить отношение историков разных эпох к фигуре папы римского – очевидно важной исторической личности любого времени. Современники Ф. М. Достоевского создавали многотомные труды о римских папах: это трехтомная история «Римские папы в течение последних

четырёх столетий» Леопольда фон Ранке [99] или многотомная «История пап с исхода Средневековья» Людвига фон Пастора [100]. При этом даже не столь важно, что Леопольд фон Ранке был протестантом и критиком пап, а Людвиг фон Пастор, наоборот, католиком и их сторонником; в конечном счёте их объединяет то, что папы для них являются главными героями исторического процесса. В свою очередь, для анналистов XX в. «главными героями» истории являются, например, «Средиземное море» (Фернан Бродель [101]) или «деньги» (Жак ле Гофф [102]), а такие исторические деятели, как папы, выполняют в ней, в сущности, служебную функцию.

«У Достоевского был только один всепоглощающий интерес, только одна тема, которой он отдал все свои творческие силы. Тема эта – человек и его судьба», – утверждал Н. А. Бердяев в своем классическом труде «Миросозерцание Достоевского» [103. С. 35]. Здесь же он обращается к авторитетному свидетельству Н. Н. Страхова: «Н. Страхов, близко знавший Достоевского, говорит о нем: ”Все внимание его было устремлено на людей, и он схватывал только их природу и характер. Его интересовали люди, исключительно люди, с их душевным складом и образом их жизни, их чувств и мысли”» [Там же. С. 36].

Достоевский при осмыслении историко-политической жизни обращался к целому ряду личностей, оказавших заметное влияние на развитие цивилизаций (пророк Мухаммед (Магомет), Петр I, Наполеон I Бонапарт, Клеменс фон Меттерних, Пий IX, Отто фон Бисмарк и др.). В данном параграфе вопрос о роли личности в истории в восприятии Достоевского осмыслиется на материале предпринятого им сопоставления папы Пия IX, Бисмарка и Меттерниха.

Очевидно, что вопрос о роли личности в истории – один из актуальнейших вопросов эпохи Достоевского, который традиционно связывается, прежде всего, с историософской концепцией Л. Н. Толстого. Во второй части «Эпилога» «Войны и мира», полностью посвященной философии истории, Л. Н. Толстой выдвигает принципиальное положение о том, что политикой правит не свобода (так, свобода личности), но общие исторические закономерности [104. Т. 12. С. 296–342]. По его мнению, народы в историческом процессе движутся не в результате свободного решения их лидеров, а благодаря определенным историческим закономерностям, «ряду событий» [Там же. С. 317]. По мнению Л. Н. Толстого, причины этих общих исторических закономерностей носят вполне естественный характер, они определяются временем и пространством [Там же. С. 333]. Стремясь описать и объяснить эти закономерности на отдельных примерах, он пишет о «брожении в Париже» в 1789 г. и том, что народы в период напо-

леоновских войн двинулись сначала на восток, а затем – на запад [104. Т. 12. С. 297]. Представление же о том, что история является осуществлением «идей», Л. Н. Толстой явно опровергает [Там же. С. 312].

Достоевский занимает здесь иную позицию. Как и Л. Н. Толстой, он отрицает абсолютную уникальность и исключительное значение личности политического деятеля, но, в то же время для него важны именно «идеи».

Показателен в этом смысле первый раздел главы первой «Дневника писателя» за январь 1977 г., который так и называется – «Три идеи» [12. Т. 25. С. 5]:

Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно [Там же. С. 6].

«В Европе беспокойно, и в этом нет сомнения», – пишет он [Там же]. Здесь писатель продолжает осмысление процессов объединения Италии и Германии, «римского вопроса» и «культуркампа» Бисмарка, которые происходили на его глазах и широко обсуждались, когда Достоевские жили в Европе в 1867–1871 гг. [105–107]. В данном историко-политическом контексте одну из «трех идей» Достоевский называет «католической» [12. Т. 25. С. 6]. (Очевидно, что сама проблема отношения Достоевского к католицизму в настоящее время имеет уже большую историю изучения; см., например: [99, 105, 108]). Причем в его описании «католическая идея» не существует сама по себе, но ее судьба во многом связана с личностью папы. Достоевского в 1877 г. волнует то, что «папа» Пий IX «умирает» [12. Т. 25. С. 157], поскольку, в отличие от него, будущий папа может либо отказаться от земного царствования [Там же. С. 158], либо заключить союз с социалистами, выйти к ним и объявить, что «отдает им Христа и верит в муравейник» [Там же. С. 160]. По мысли Достоевского, сама католическая идея мощна, но ее судьба зависит тех от конкретных людей, которым она вручена. Если папа откажется от земной власти, потому что «принужден будет войти в соглашение с противниками римской идеи, – ну, тогда ей и смерть!» [Там же. С. 158].

В то же время Достоевский подчеркивает, что «римская идея» совсем не идентична католической вере [Там же. С. 6], это «насильственное² единение человечества» сначала – силами древнеримской империи, затем – католической церкви, а теперь – французского социализма [Там же. С. 7; 17]. «Римская идея» в 1870-х гг. «мучится родами нового перевоплощения» [Там же. С. 151], так как ее уже давно «унаследовала Франция» [Там же. С. 17], и она уже не связана с католической верой, а долгое время была

² Здесь и далее курсив автора. – *Ред.*

связана претензиями Франции на европейское господство. И даже если эта позиция потерпела крах в результате поражения во франко-прусской войне 1870–1871 гг., тем не менее у значительной части французского населения появилась уверенность в том, что французский социализм – это объединяющий всех людей фактор, так что в Новейшее время римская идея осуществляется именно с его помощью [12. Т. 25. С. 18].

Таким образом, Достоевский считает, что «идея» всегда остается, но в определенные исторические периоды способы ее осуществления меняются, как это было во время падения Римской империи, когда на смену императору пришел папа, а затем – во время революции 1789 г. Но если это так, то отказ самого папы от римской идеи не будет означать ее «смерть», и она будет далее развиваться без его участия, как и было, по мнению Достоевского, в революционной Франции. Однако можно предположить, что союз между папой и социализмом, т. е. между традиционным символом «римской идеи» и ее новейшим осуществлением, сделает «римскую идею» в борьбе с другими гораздо сильнее.

Именно в связи с этими размышлениями Достоевский обращает внимание на князя Отто фон Бисмарка. По его мнению, «лишь он один из всех дипломатов возымел настолько зоркий взгляд, чтоб провидеть живучесть римской идеи и всю ту энергию, с которой она готова себя отстоять, не различая уже средств» [Там же. С. 160]. В целом следует согласиться с выводами Н. Н. Подосокорского, что Бисмарк в творчестве Достоевского фактически представляет трансформированную разновидность более общей и более сложной наполеоновской идеи [109. С. 90].

Бисмарк – один из самых влиятельных европейских политиков второй половины XIX в., занимавший пост министра-президента Пруссии и канцлера Германской империи в 1862–1890 гг. Будучи главным строителем единого немецкого государства, в годы расцвета творчества Достоевского он, безусловно, выступал в качестве самой влиятельной личности на континенте, поэтому причины внимания русского писателя к Бисмарку очевидны. По данным Н. Н. Подосокорского, «всего имя Бисмарка упоминается в творчестве Достоевского 88 раз, из них в художественных произведениях – 9 раз, в критике и публицистике – 75, в письмах – 4. Но помимо этого есть, конечно, и немало скрытых упоминаний» [Там же. С. 85].

Рядом с фигурой Бисмарка у Достоевского возникает также Клеменс фон Меттерних. Меттерних – один из самых влиятельных европейских политиков первой половины XIX в., занимавший пост министра иностранных дел Австрийской империи между 1809 и 1848 гг. Будучи одним

из организаторов Венского конгресса 1815 г., Меттерних внес существенный вклад в европейское мироустройство на многие десятилетия вперед.

Меттерних и Бисмарк становятся у Достоевского историческими личностями, с помощью которых (наряду с Наполеоном) объясняются многие процессы, происходившие в Европе XIX в. Меттерних и Бисмарк – важнейшие персонажи геополитических размышлений Достоевского, которые во многом заменяют собой образы целых империй – Австрийской и Германской, и они были для него фигурами гораздо более примечательными и значимыми, даже нежели сами императоры.

В первом разделе главы второй «Дневника писателя» за май – июнь того же 1877 г. «Прежние земледельцы – будущие дипломаты» Достоевский сравнивает их между собой. По его мнению, между ними много общего, но в то же время они кардинально различаются. Меттерних воспринимается Достоевским как своего рода отрицательный исторический персонаж, одновременно писатель подчеркивает несравненно более высокие способности Бисмарка:

Князь Меттерних считался одним из самых тончайших дипломатов в мире и уж бесспорно имел всеевропейское влияние. А между тем в чем была его идея, как понял он свой век, в его время лишь начинавшийся, как предчувствовал он грядущее будущее? Увы, он со всеми основными идеями начинавшегося столетия решил справиться полицейским порядком и вполне был уверен в успехе! Посмотрим теперь на князя Бисмарка, вот этот так уж бесспорно гений, но... [12. Т. 25. С. 143].

Исторической деятельности Меттерниха дана более подробная оценка в двух разделах «Дневника писателя» за 1876 и 1877 гг. – «Идеалисты-циники» и «Меттернихи и Дон-Кихоты». Показательно само вынесенное в заглавие принципиальное противопоставление «Меттерниха» и «Дон-Кихота» как «верного рыцаря» [Там же. С. 49]. В восприятии Достоевского, Меттерних действует, исходя из «святости текущей выгоды» [Там же. Т. 24. С. 236]. Достоевский полагает, что методы Меттерниха, направленные на политику текущей практичности и поиска сиюминутной выгоды, всегда оказываются ниже правды и чести, что очень важно для писателя. С его точки зрения, в России никогда не господствовали правители типа Меттерниха, поскольку она живет по более благородному принципу «общечеловеческих интересов» [Там же. Т. 25. С. 49].

И – «посмотрим теперь на князя Бисмарка». С точки зрения Достоевского, именно он в современной писателю Европе стремится противостоять «живучей римской идее» и делает это потому, что с его личностью

связана другая идея, для которой Достоевский находит следующую формулу: «Германия – страна протестующая» [12. Т. 25. С. 151]. По его мнению, как во времена Арминия, императоров Средневековья или Лютера, так и теперь Германия призвана протестовать против идеи всеобщего единения под руководством Рима [12. Т. 25. С. 151–153]. Правда, по мнению Достоевского, этот протест до сих пор всегда заключался только в отрицании, он «не представил (и никогда не представлял еще) своего слова, своего строго сформулированного идеала взамен древнеримской идеи» [Там же. С. 153], и именно в XIX в. немецкому протесту нечего сказать своего, так как «Лютерово протестантство уже отжило свое время давно, идея же свободного исследования давно уже принята была всемирной наукой» [Там же].

Поэтому в подобный исторический период роль Бисмарка заключается в том, чтобы «закончить собственное политическое единение» Германии [Там же. С. 154] – что и удалось сделать Бисмарку в 1871 г., когда была основана Германская империя, а король Пруссии Вильгельм I был провозглашен императором. Дело Бисмарка было успешным, потому что канцлер (тогда еще «только» премьер-министр Пруссии) был один из «гениальных предводителей» немцев [Там же. С. 155].

При этом, вопреки общей радости победы Пруссии над Францией, Бисмарк понимает, что она не была чем-то само собой разумеющимся, поэтому победа германской армии в следующей войне не гарантирована [Там же. С. 155–156]. Поэтому Бисмарк гонит «всё, что исходило из Рима (то есть от папы)», так как «сумел догадаться, что, может быть, у одной лишь римской идеи может найтись такое знамя, которое в роковую <...> минуту сплотит всех уже раздавленных им врагов Германии опять в одно страшное целое» [Там же. С. 157]. И Бисмарк не только борется с социализмом, чтобы воспрепятствовать союзу между ним и папой [Там же. С. 160], но и ищет союзников – старается заключить союз с Италией, «чтоб с помощью итальянского правительства раздавить папское начало в мире, когда придет срок выбирать нового папу» [Там же. С. 157]. Наконец, размышляя над собственно геополитическим положением Германии, Бисмарк понимает, что «тут вдобавок и самый, так сказать, закон природы: Германия ведь все-таки в Европе страна срединная», расположенная между Францией и Россией [Там же. С. 156]. Поэтому канцлер осознает, что время «вежливости» и «почтительности» России может скоро закончиться и Россия может скоро понять, насколько Германия зависит от нее [Там же], в связи с чем ему тем более необходимо как можно скорее покончить и с римским началом.

Отражение этих взглядов Достоевского в его художественном творчестве требует специального исследования, здесь же хотелось бы указать только на отдельные переключки и тенденции.

В роман «Подросток» вошел образ Бисмарка и отношение к нему Достоевского. Аркадий Долгорукий утверждает:

<...> идея Бисмарка вмиг стала гениальной, а сам Бисмарк – гением; но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка через десять лет, и увидим тогда, что останется от его идеи, а может, и от самого господина канцлера [Там же. Т. 8. С. 226].

(Поэтому утверждение А. М. Ипатова, что в «Подростке» Бисмарк показан только как «железный канцлер» [110. С. 102], представляется недостаточно убедительным.)

Об историческом значении каждой личности размышляет Кириллов в романе «Бесы». Он утверждает, что слова и действия любого человека могут оказать огромное влияние на всех, если они действительно важны для движения человечества к совершенству. В наброске предисловия к роману Достоевский пишет:

В Кириллове народная идея – сейчас же жертвовать собою для правды <...> Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман [12. Т. 11. С. 303].

И. И. Евлампиев связывает эти идеи Кириллова с размышлениями Достоевского о ключевом значении «идей», «мыслей» в историческом развитии человечества [111. С. 31] и в указанном контексте специально обращается к следующим словам писателя:

<...> и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль [12. Т. 24. С. 47].

Итак, Достоевский считает, что движущими силами политических процессов являются в первую очередь идеи. При этом исторические и политические условия со временем меняются, поэтому идеи как таковые остаются, но также видоизменяются. По мысли Достоевского, именно с этим и связана роль личности в истории. Если Л. Н. Толстой принципиально ее отрицал, то Достоевский полагает, что именно «гениальная» личность (подобная Бисмарку) призвана соотнести эту базовую «идею», «мысль» с

теми конкретными историческими и политическими условиями, в рамках которых ее необходимо реализовать.

1.5. Ф. М. Достоевский о Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе

Е. Г. Новикова

В данном параграфе системно проанализированы материалы Ф. М. Достоевского, связанные с именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса, что представляется значимым для формирования общего контекста политических взглядов писателя.

Достоевский, Карл Маркс и Фридрих Энгельс принадлежали к одному поколению: родившиеся на рубеже 1810–1820-х гг., как деятели и мыслители они сформировались на фоне европейских революционных событий конца 1840-х гг. Карл Маркс и Фридрих Энгельс были участниками февральской революции 1848 г. в Париже и мартовской революции в Германии, а Достоевский в 1849 г. посещал кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, возникновение которого также было тесно связано с этими европейскими революциями. В 1849 г. Маркс, высланный сначала из Германии, а затем из Франции, навсегда эмигрировал в Лондон, куда в конце 1849 г., после поражения немецкой революционной армии, переехал и Энгельс. В этом же году Достоевский был арестован, находился в одиночной камере Петропавловской крепости, предстал перед военным судом, был приговорен к смертной казни, которая, как известно, в последний момент была заменена четырехлетней каторгой с последующей шестилетней военной службой в Сибири.

Лондонский период жизни Маркса и Энгельса – это активная политическая деятельность, наиболее известным результатом которой стал I Интернационал, а также создание знаменитого экономического учения, оформленного в книгу «Капитал», первый том которой вышел в свет в 1867 г.

Достоевский же уже в Сибири отказал политическим революционным идеям в плодотворности и жизнеспособности. Из его письма А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. из Семипалатинска:

Может быть, Вас смущал <...> наплыв французских идей в ту часть общества, которая мыслит, чувствует и изучает? <...> Но согласитесь сами, что

все здравомыслящие, то есть те, которые дают тон всему, всему, смотрели на французские идеи со стороны научной – не более [12. Т. 281. С. 208].

Вот принципиальное подведение итогов деятельности кружка петрашевцев, по Достоевскому: «...французские идеи со стороны научной – не более». И здесь же он предлагает истинную «политическую идею» России: «...наша политическая идея, завещанная еще Петром» [Там же], т. е. идея российской империи Петра I.

В свою очередь, интерес русского писателя к современным ему экономическим теориям и концепциям, с которыми он впервые развернуто познакомился именно в кружке петрашевцев [112. С. 27–30], в Сибири только возрос, более того, обогатился новыми смыслами и контекстами. В своих сибирских письмах Достоевский настойчиво просил брата Михаила прислать ему «экономистов и отцов церкви» [12. Т. 281. С. 171], «историков, экономистов, «Отечественные» записки», отцов церкви и историю церкви» [Там же. С. 173]. Экономическая проблематика постепенно становится частью картины мира писателя в сложном сочетании с религиозными, историческими и национальными вопросами.

Наиболее очевидно это проявилось в публицистической деятельности Достоевского первой половины 1860-х гг. Высланный из Центральной России в самом начале 1850 г., в 1859 г. писатель вернулся в совершенно другую страну, в Россию, стоящую на пороге масштабных социально-политических, юридических, экономических реформ. Достоевский сразу же включился в актуальную общественную жизнь, будучи уверенным в том, что реформирующейся России жизненно необходима его почвенническая концепция, сформированная Сибирью и каторгой. В это время в его деятельности отчетливо актуализируется особая позиция сочетания художественного и историко-политического подходов к современности. В целях активной пропаганды почвеннических идей он обратился, прежде всего, к журналистике, и журналы братьев Достоевских «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865) стали ярким явлением пореформенной России первой половины 1860-х гг. Экономическая проблематика была представлена в них с самого начала. Именно в этом контексте в материалах журнала братьев Достоевских и появляется имя Фридриха Энгельса.

В мартовском номере «Времени» за 1861 г. была опубликована анонимная рецензия на книгу немецкого экономиста Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» [113], вышедшую в свет в 1860 г. на русском языке в переводе М. П. Щепкина [114]. Экономические работы во «Времени» принадлежали чаще всего известному

экономисту И. Н. Шиллю [115. С. 415], поэтому можно предположить, что он мог быть и автором данной рецензии.

Книга Б. Гильдебранда представляет собой развернутый обзор немецкой экономической мысли; особое внимание в ней уделено работе Энгельса «О положении рабочего класса в Англии» [116]. «Наибольшее место в его книге занимает разбор сочинения Энгельса “О положении рабочего класса в Англии”», – подчеркивает автор рецензии [114. С. 85].

«О положении рабочего класса в Англии» – один из первых масштабных трудов Энгельса по политической экономии, в основе которого – его жизнь в Манчестере в течение 1842–1844 гг., его собственный опыт коммерческой деятельности и предпринятые им здесь специальные исследования современного положения английских рабочих. Считается, что именно эта книга Энгельса изменила к лучшему отношение к нему Маркса, сначала – достаточно холодное.

В свою очередь, Б. Гильдебранд и анонимный автор рецензии во «Времени» по отношению к труду Энгельса занимают иную (и единую) позицию – это позиция его резкой критики. В «Политической экономии настоящего и будущего» русского автора восхищает, прежде всего, именно критика Энгельса: «Тут сосредоточивается вся блестящая сторона критического таланта нашего автора. Он <...> победоносно опровергает его основные положения» [Там же]. По мнению автора рецензии, суть неприятия Б. Гильдебрандом политико-экономической концепции Энгельса состоит в том, что тот, «возводя частную выгоду на степень высшего начала экономической науки», разорвал «всякую связь между наукою и нравственною задачею человеческого рода» [Там же. С. 77], которая для самого Б. Гильдебранда была ключевой. Настойчивая апелляция известного немецкого политэконома к «нравственной силе народов» [Там же. С. 90] и обусловила его общее критическое отношение к труду Энгельса, полагает автор рецензии, полностью его разделяя. Для усиления этой позиции он обращается к авторитету Дэвида Юма, оригинальная философия которого сформирована сложным сочетанием позитивистского (в том числе экономического) и специально психологического подхода к человеку: «Гениальный Юм был убежден, что “вообще участие к другим в каждом человеке гораздо сильнее, чем своя собственная выгода”» [Там же. С. 88]. Отсюда русский автор делает вывод о том, что в «нравственной природе человека» «личный интерес и совесть гармонируют друг с другом» [Там же]; но именно это и не учитывает Энгельс.

Еще находясь в Сибири, Достоевский просил присылать ему «экономистов и отцов церкви» – именно в таком сочетании. Политическая экономия Энгельса во «Времени» проверяется категориями нравственности и совести, и этой проверки она здесь не выдерживает.

Если имя Энгельса связано в материалах Достоевского с экономической проблематикой, то имя Маркса оказалось вовлеченным в геополитические размышления писателя.

Достоевский для журнала «Гражданин» некоторое время, помимо других материалов, составлял еженедельные обзоры иностранных событий, которые свидетельствуют о том, что текущую политическую жизнь Европы писатель изучал системно и глубоко. В одной из таких статей от <8 октября 1873 г.>, входящей в общий обзор «Иностранные события» за 1873 г., Достоевский пишет:

Рим, в первый раз за 1500 лет, поймет, что пора кончить с высшими мира сего и оставить надежду на королей! И поверьте – Рим сумеет обратиться к народу, к тому самому народу, который римская церковь всегда и высокомерно от себя отталкивала и от которого скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его. Папа сумеет выйти к народу, пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд ли; католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, все согласить [12. Т. 21. С. 202–203].

В этих статьях 1873 г. Достоевский подробно описывает и анализирует развернувшуюся во французском Национальном собрании борьбу между сторонниками существующего республиканского строя и партиями, стремящимися к восстановлению монархии. Совершенно неслучайно имя Карла Маркса возникает именно в этом контексте; здесь писатель характеризует общее состояние Европы как господства «злого духа целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций» [Там же. С. 201], «социализма» [Там же. С. 203], в конечном счете «новой антихристианской веры» [Там же. С. 201], к которой обратились «все “малые и сирые”, трудящиеся и обремененные, уставшие ожидать Царства Христова» [Там же]. Так политическая ситуация в современной Европе оборачивается у Достоевского религиозной проблематикой и повесткой дня. А именно: описывая текущие европейские события, писатель обращает особое внимание на «римское движение», которое «пронеслось в последние полгода по всей Европе» [Там же. С. 202]:

Некоторые наблюдатели и теперь уже угадывают, что всё это движение легитимистское, так вдруг и с таким напряжением разрешившееся теперь во Франции, – может быть, не что иное, как клерикальная переделка, и что первоначальное слово его вышло из Рима [Там же].

Нетрудно предположить, что к этим «некоторым наблюдателям» Достоевский относил, прежде всего, самого себя. С его точки зрения, борьба между республиканцами и монархистами в Национальном собрании Франции –

<...> *последняя* попытка римского католицизма обратиться еще раз, в последний раз, за помощью к королям и высшим мира сего и *последняя* надежда на них [12. Т. 21. С. 202].

Причем, как это представлялось Достоевскому, римское католициство исчерпало свои возможности влияния на «королей и высших мира сего» и поэтому принципиально изменило свою европейскую политику «в первый раз за 1500 лет», сделав ставку не на них, но на «народ», на «всех ”малых и сирых”, трудящихся и обремененных»:

<...> попытки сблизиться с народом во Франции, в Германии и Швейцарии новым изобретением – устройством в массах народных богомолий, некоторые неслыханные доселе демократические выходы католического высшего духовенства в Германии с обращением к народу [Там же].

В восприятии Достоевского, в Европе начинается борьба за народ, и в эту борьбу вступили две силы, «Рим» и «Карл Маркс»; при этом «папа сумеет выйти к народу, пеш и бос, нищ и наг», а Марксу «не устоять».

Причем не только Марксу, но и М. А. Бакунину. В интенсивном контексте «Иностранных событий» рядом с Марксом назван М. А. Бакунин, российский революционер и идейный последователь Маркса (несмотря на всю очень непростую историю их личных взаимоотношений). Упоминание здесь М. А. Бакунина со всей очевидностью свидетельствует о том, что Достоевский, так или иначе, вписывает и Россию в общеевропейские процессы «злого духа целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций». В частности, М. А. Бакунин, с которым писатель был хорошо знаком, как известно, был одним из первых теоретиков российского анархизма. Кроме того, М. А. Бакунин был политическим мыслителем, яростно боровшимся как с самой идеей империи, так и с Российской империей собственно: «...я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений» [117. С. 100]. Это выдержка из его

речи на «Конгрессе Лиги мира и свободы» 1867 г. в Женеве – одном из конгрессов, связанном с формированием I Интернационала.

Так получилось, что этот Конгресс посетили и супруги Достоевские, жившие в этот момент в Швейцарии. Своими впечатлениями о нем Достоевский поделился с С. А. Ивановой в письме от 29 сентября (11 октября) 1867 г. из Женевы:

Я сюда попал прямо на *Конгресс мира* <...> что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо! <...> И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделатъ маленькие [12. Т. 28₁. С. 224].

Говоря в письме к С. А. Ивановой о «социалистах и революционерах», писатель сразу же обозначает их особое влияние на «работников», «на несчастный люд работников» – но не «народ», не на весь народ в целом, о котором он будет размышлять в «Иностранных событиях» 1873 г. Это обращение к «работникам» очевидно коррелирует с названием работы Энгельса «О положении рабочего класса в Англии» и свидетельствует о том, что Достоевский имел достаточно отчетливое представление об основном адресате учения Маркса и Энгельса.

Далее в письме также обозначена коллизия «Рима» и «Карла Маркса»: «социалисты и революционеры», которые стремятся «истребить христианскую веру».

И наконец, фраза о том, что «большие государства уничтожить и поделатъ маленькие», является прямым обращением к антиимперской позиции Бакунина, совершенно для Достоевского неприемлемой: «...главный и величайший факт нашей истории <...> мысль о всеславянском значении Петра», – написал Достоевский весной 1868 г. А. Н. Майкову из той же Женевы [Там же. С. 281]. Имперская идея писателя, восходящая к исторической деятельности Петра I, в контексте европейской жизни 1860-х гг. уточняется как «всеславянская». Достоевский противопоставляет «социалистов и революционеров», «Карла Маркса и Бакунина» не только «Риму», «христианской вере», но и Российской империи, созданной Петром I.

Со своей стороны, Маркс воспринимал Россию также как империю, империю Петра I, которая, уже с его точки зрения, угрожает современному европейскому политическому порядку. Свое отношение к России Маркс выразил в работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» (1856–1857) [118], посвященной в основном именно вопросу создания и

упрочения России как империи. Не случайно он постоянно именуется здесь Россию «Московией» ([Там же. С. 3] и др.), по названию ее древней столицы. В работе привлечен обширный материал русской истории начиная с Древней Руси, многочисленные факты российско-европейских связей XVIII в., однако в центре его исторического анализа – две эпохи, татаро-монгольское иго и правление Петра I, поскольку еще одной важной особенностью отношения Маркса к России является его абсолютное убеждение в ее «азиатской» природе: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства» [118. С. 11]. Именно «школа монгольского рабства» и легла в основу империи Петра I, по мысли Маркса:

Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира [Там же].

Так Петр предстает у Маркса прямым наследником Чингисхана, и созданная им империя – азиатская по своей природе и сущности:

Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно примешавшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти, вместо того чтобы устранять только известные ограничения этой власти. Он превратил Московию в современную Россию тем, что придал ее системе всеобщий характер [Там же. С. 10].

Именно в имперской и азиатской природе России Маркс находил реальную угрозу современному европейскому миру, в том числе миру близких ему концепций и идей: «...она угрожает миру восстановлением всемирной монархии» [Там же. С. 3].

В контексте современных трудов Эдварда Саида и его последователей восприятие Марксом России как азиатской империи представляется предельно актуальным [119]. Но этот же научный контекст (от Карла Маркса до Марка Бассина, Адиба Халида, Натаниэля Найта, Марии Тодоровой и др.) позволяет ярче и отчетливее высветить специфику имперской позиции Достоевского, которая нашла наиболее развернутое выражение в материалах «Дневника писателя» 1877–1878 гг., посвященных русско-турецкой войне. Они свидетельствуют о том, что «восточная» проблематика, даже заданная глубоко волновавшей писателя войной, не была для него само-

ценной. Там, где у Маркса – азиатская империя, у Достоевского – «славянский вопрос» о «восточном христианстве»:

Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) – значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немислимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм [12. Т. 26. С. 30].

«Сущность Восточного вопроса», по Достоевскому, – «восточное христианство»; отсюда, с его точки зрения, – христианская историческая миссия Российской империи, восходящая к Петру I. Поэтому сформированное еще в Женеве 1868 г. представление о «всеславянском значении Петра» на фоне русско-турецкой войны получает окончательную формулировку: Россия как «Всеславянская империя» [Там же. С. 79].

Наконец, в январском «Дневнике писателя» за 1881 г., который стал заветным писателя, дан окончательный ответ Достоевского на вопросы, заданные Марксом и Энгельсом мировому сообществу:

Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм! [Там же. Т. 27. С. 19].

Литература

1. *Chances E.* Aleksandr Miliukov's Svetoch and Dostoevskii's Vremia: A Case of Recycled Ideas? // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43, № 4. P. 588–603.
2. *Dostoevsky in Context* / ed. by D. Martinsen, O. Maiorova. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 354 p.
3. *Schwiderska M.* Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen : Sagner, 2001. 495 s.
4. *Узлик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. Vol. 37. P. 136–149.

5. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5.
6. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4.
7. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. DOI: 10.17223/18572685/54/17.
8. Новикова Е. Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51. DOI: 10.17223/2409554/5/3.
9. Прийма И. Ф. Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского : автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2017. 27 с.
10. Павленко А. Н. Утопия «панславизма» и его критика Ф.М. Достоевским // Культура и цивилизация. 2016. № 1 (3). С. 46–57.
11. Киселев В. С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // Русин. 2015. № 3 (41). С. 108–127. DOI: 10.17223/18572685/41/8.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
13. Волкова Е. А. Восточный вопрос и Россия в творчестве Ф. М. Достоевского // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2017. № 8 (257). Вып. 42. С. 111–118.
14. Волкова Е. А. Восточная политика России в художественных и публицистических сочинениях Ф. М. Достоевского // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 125–128.
15. Shavarinskaya S. R. Dostoevsky and Leo Tolstoy: Dialogue on Russian-Turkish War of 1877–1878 years // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 142–145.
16. Постникова Е. Г. Достоевский и политическая мифология его эпохи (восточный вопрос) // Достоевский и современность : материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года / отв. ред. В.В. Дудкин. Великий Новгород, 2007. С. 245–258.
17. Подрезов М. В. Идеиные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176. DOI: 10.17223/1998863X/49/17.
18. Захаров В. Н. Россия и Польша: «Роковой вопрос» Достоевского // Dusza polska I gosljska: Spojzzenie wspolczesne / pod. red. A. de Lazari, R. Baeckera. Lodz : Uniw. Lodzkiego, 2003. P. 149–154.
19. Михновец М. В. Остзейские провинции в системе геополитических представлений Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 32–38. DOI: 10.30853/filnauki.2020.10.6.
20. Габдуллина В. И. Испытание Европой: роман Ф. М. Достоевского «Игрок» // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 13–17.
21. Волкова Е. А. Внешняя политика России (западное направление) в публицистических произведениях Ф. М. Достоевского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 176–180.
22. Подрезов М. В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 118–122. DOI: 10.17223/15617793/454/13.

23. *Подрезов М. В.* Отношения России, Германии и Австрии в системе геополитических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 78–83. DOI: 10.17223/15617793/455/11.
24. *Новикова Е. Г.* Франция в творчестве Ф. М. Достоевского: образ и дискурс // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири : материалы международного научного семинара. М., 2016. С. 352–369.
25. *Алексеев П. В.* Ф. М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. 152 с.
26. *Алексеев П. В.* Восток в творческом сознании Ф. М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30–43. DOI: 10.17223/24099554/5/2.
27. *Михновец М. В.* Особенности формирования образа Кавказа в творческом сознании Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 132–137. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137.
28. *Михновец М. В.* «Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 120–127. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127.
29. *Казаков А. А.* «Защитники братьев-славян» и полемика о них в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 52–63. DOI: 10.17223/24099554/5/4.
30. *Прохоров Г. С.* Европа в русской консервативной публицистике XIX века: Карамзин – Достоевский – Данилевский // *Studia Rossica Gedanesia*. 2019. Vol. 6. P. 135–142. DOI: 10.26881/srg.2019.6.11.
31. *Отливанчик А. В.* Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2019. Т. 22. С. 120–129. DOI: 10.31860/78-5-4469-1628-3-120-129.
32. *Новикова Е. Г.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс в контексте геополитических взглядов Ф. М. Достоевского // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 77–84. DOI: 10.17223/18137083/68/7.
33. *Шербинин А. И.* У истоков холодной войны: контроверза Ф. М. Достоевского и Х. Арендт в вопросе о всемирном значении славянской идеи // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 455. С. 78–81. DOI: 10.17223/15617793/445/10.
34. *Гердт Я. В.* Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12 (266). С. 26–30.
35. *Голиков А. К., Исаев Б. А.* История политических учений : для бакалавров / под ред. А. К. Голикова, Б. А. Исаева. СПб. [и др.] : Питер, 2011. 430 с.
36. *Дергачев В. А.* Геополитическая энциклопедия, 2010 // Интернет-портал «Институт геополитики профессора Дергачева». URL: <https://www.dergachev.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
37. *Международный геополитический портал.* URL: <https://www.geopolitica.ru/> (дата обращения: 30.04.2021).
38. *Цымбурский В. М.* Геополитические взгляды Федора Достоевского // *Русская idea*. 2014. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (дата обращения: 30.04.2021).

39. *Кудрина Ю. В.* Достоевский, император Александр III и русская идея // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 113–124.
40. *Ивашов Л. Г.* Русская культура и русская геополитика // Наш современник. 2006. № 10. С. 47–58.
41. *Лазари А. де* Достоевский как зеркало «консервативной революции» // Новая газета. 2004. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2004-10-06/7_dostoevskiy.html (дата обращения: 30.04.2021).
42. *Зюганов Г. А.* География победы: основы российской геополитики. М. : Партийная печать КПРФ, 1997. 304 с.
43. *Подрезов М. В.* Достоевский как геополитик: современная историография вопроса // Наука и образование: проблемы и перспективы : материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Бийск, 30 апреля 2020 г. / отв. ред. М. С. Власов. Бийск, 2020. С. 44–47.
44. *Савицкий П. Н.* Евразийство // Классика геополитики XX век : сборник. М., 2003. С. 655–677.
45. *Лесевицкий А. В.* Евразийские сентенции в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55) : в 2 ч. Ч. 1. С. 107–110.
46. *Лесевицкий А. В.* Ф. М. Достоевский как предшественник евразийства // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2013/10/3668> (дата обращения: 30.04.2021).
47. *Кукуева А. А., Сумская М. Ю.* Вопросы историософии в евразийской концепции Ф. М. Достоевского // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1, вып. 11. С. 76–80.
48. *Сеитов М. М.* «Предъевразийские» идеи в публицистике Ф. М. Достоевского // Вестник ЧелГУ. 2010. № 29. С. 132–135.
49. *Гачева А. Г.* Достоевский и евразийство // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 36–57.
50. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / сост. В. М. Живова ; общ. ред. В. М. Живова ; вступ. ст. Н. И. Толстого и Л. Н. Гумилева. М., 1995. С. 55–104.
51. *Сараскина Л. И.* Ф. М. Достоевский и «Восточный вопрос» // Sine arte, nihil : сборник научных трудов в дар профессору Милюево Йовановичу. Белград ; Москва : Пятая страна, 2002. С. 250–263.
52. *Котельников В. А.* Восточный вопрос в русской политике и литературе // Русская литература. 2004. № 2. С. 3–29.
53. *Ашштова Г. А.* Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1995. 18 с.
54. *Травин Д. Я.* Теория особого пути России: классики и современники. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 64 с.
55. *Мотылева Т. Л.* Иностранная литература и современность : статьи. М. : Советский писатель, 1961. С. 212–275.
56. *Григорьев А. Л.* Достоевский в современном зарубежном литературоведении // Русская литература. 1972. № 1. С. 192–214.
57. *Николюкин А. Н.* Взаимосвязи литератур России и США. М. : Наука, 1987. 350 с.

58. *Мединская Н. Б.* Ф. М. Достоевский в американской критике 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. 226 с.
59. *Львова И. В.* Литературная репутация Ф. М. Достоевского в США (1940–1960-е годы) : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000. 216 с.
60. *Muchnic H.* Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). // *Smith College Studies in Modern Languages* 20. № 3–4. Northampton Smith College, 1939. P. 62–110.
61. *Brewster D.* East-West Passage: A Study of Literary Relationships. London : George Allen and Unwin Ltd, 1954. 328 p.
62. *Лотман Ю. М.* Семьосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2004. 704 с.
63. *Brailsford H. N.* The Slavic Hope // *The New Republic*. 1915. January 9. P. 12–13.
64. *West R.* The Barbarians // *The New Republic*. 1915. January 9. P. 19–20.
65. *Zeitlin J.* Dostoevsky the Reactionary // *The New Republic*. 1915. March 20. P. 176–178.
66. *Старкова Л. К.* Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. 239 с.
67. *Howe I.* Dostoevsky: The Politics of Salvation // *The Kenyon Review*. 1955. Vol. 17, № 1. P. 42–68.
68. *Cox G.* Dostoevskian psychology and Russian cultural and political identity // *Mosaic* 17. 1984. P. 87–102.
69. *Matlock J.F.* Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky // *The Political Science Reviewer*. Hampden-Sydney. 1979. Vol. 9. P.39–60.
70. *Frank J.* Dostoevsky: the encounter with Europe // *Russian Review* (22). 1963. P. 237–252.
71. *Fueloep-Miller R.* Dostoevsky's Literary Reputation // *The Russian Review*. January 1951. Vol. 10, № 1. P. 46–54.
72. *Simmons E. J.* Dostoevsky: The Making of Novelist. New York : Oxford University Press, 1940. 416 p.
73. *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
74. *Belknap R. L.* Dostoevsky's Nationalistic Ideology and Rhetoric // *Review of national literature*. 1972. Vol. 3, № 1. P. 89–100.
75. *Sandoz E.* Political Apocalypse: A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1971. 263 p.
76. *Sandoz E.* Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics // *The Journal of Politics*. 1978. Vol. 40, № 3. P. 648–674.
77. *Walsh D.* Dostoevsky's Discovery of the Christian Foundation of Politics // *Religion & Literature*. 1987. Vol. 19, № 2. P. 49–72.
78. *Ward B. K.* Dostoevsky's Critique of the West: The Quest for the Earthly Paradise. Waterloo ; Ont. : Wilfrid Laurier Univ. Press, 1986. 202 p.
79. *Dirscherl D.* Dostoevsky and the Catholic Church. Chicago : Loyola University Press, 1986. 177 p.
80. *Futrell M.* Dostoevsky and Islam (and Chokan Valikhanov) // *Slavonic and East European Review*. 1979. Vol. 57, № 1. P. 16–31.
81. *Futrell M.* Buddhism and the Brothers Karamazov // *Dostoevsky Studies*. 1981. Vol. 2. P. 156–162.
82. *James R.* Dostoevsky and The Healing Art. N.Y. : Ann Arbor, 1985. P. 259–279. (ch.'Muhammad's Kinsman, or Lafolie salutaire).

83. *Sahni K.* Oriental Phantoms: F. Dostoevsky's Views on the East // *Social Scientist*. 1986. Vol. 14, № 7. P. 36–45.
84. *Moor H. T.* Preface // *Pachmuss Temira*. F.M. Dostoevsky. Dualism and Synthesis of the Human Soul. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1963. P. III–X.
85. *Carter S. K.* The Political and social thought of F. M. Dostoevsky. L. ; N.Y. : Routledge, 1991. 310 p.
86. *Kelly A.* Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: “From the Other Shore” and “Diary of a Writer” // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. P. 397–416.
87. *Ridenoure B. D.* «A Most Modest Wish»: The Ideal Form of Dostoevsky's Russia. Senior Honors : Theses. 2006. 144 p.
88. *Johae A.* Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // *Dostoevsky Studies*. 2007. Vol. 9. P. 76–97.
89. *Hudspith S. F.* Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. L. ; N.Y. : Routledge, 2004. 240 p.
90. *Dostoevsky's Political Thought* / ed. by R. Avramenko, L. Trepanier. MD : Lexington Books, 2013. 254 p.
91. *Khan H.* Dreaming of Islam: Dostoevskij's Vision of a New Russia in Prestuplenie i nakazanie // *Russian Literature*. 2000. Vol. 48, iss. 3. P. 231–261.
92. *Thompson D. O.* Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest, 2009 P. 480–491.
93. *Thompson D. O.* Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg : Universitätsverlag, 2010. P. 101–114.
94. *Avramenko R.* Bedeviled by Boredom: A Voegelinian Reading of Dostoevsky's Possessed // *Humanitas*. 2004. Vol. 17, № 1&2. P. 108–138.
95. *Avramenko R., Ying J.* Dostoevsky's Heroines: or, on the Compassion of the Russian Woman // *Dostoevsky's Political Thought*. MD : Lexington Books, 2013. P. 73–93.
96. *Avramenko R.* Freedom from Freedom: on the Metaphysics of Liberty in Dostoevsky's Crime and Punishment // *Dostoevsky's Political Thought*. MD : Lexington Books, 2013. P. 159–181.
97. *Trepanier L.* The Politics and Experience of Active Love and The Brothers Karamazov // *Perspectives on Political Science*. 2009. Vol. 38:4. P. 197–205.
98. *Trepanier L.* What Can Political Science Learn from Literature? // *The Political Science Review*. 2020 (November 1). Vol. 44. P. 1–19.
99. *Ranke L. von.* Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert : 3 Bde. / L. von Ranke. 3. Aufl. ; Berlin : Duncker u. Humblot, 1844–1845.
100. *Pastor L. von.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters : 16 Bde / L. von Pastor. Freiburg i. B., 1886–1933.
101. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / пер. с фр. М.А. Юсима. 2 vol. М. : Яз. рус. культуры, 2002.
102. *Le Goff J.* Le Moyen Age et l'argent : est d'anthropologie préhistorique. Paris : Perrin., 2011. 244 p.
103. *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. Прага : The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
104. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : [в 90 т.] М. : ГИХЛ, 1928–1958.
105. *Линке Ш.* Образ папы Пия IX в публицистике Ф. М. Достоевского (1870–1878 годы) // *Достоевский и мировая культура : филологический журнал*. 2019. № 2 (6). С. 179–190.

106. *Новикова Е. Г.* «Nous serons avec le Christ»: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: монография. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 244 с.
107. *Новикова Е. Г.* Рим и Неаполь Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 2009. Вып. 26. С. 35–42.
108. *Кибальник С. А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 432 с.
109. *Подосокорский Н. Н.* Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф. М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85–93.
110. *Ипатов А. М.* Образ Отто фон Бисмарка в творчестве российских писателей второй половины XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2011. № 8-1 (14). С. 100–103.
111. *Евлампиев И. И.* Главный принцип философии человека Ф. Достоевского // Соловьевские исследования. 2015. № 2 (46). С. 20–35.
112. *Карпи Г.* Достоевский-экономист: Очерки по социологии литературы / пер. с ит. М.: Фаланстер, 2012. 224 с.
113. *Hildebrand V.* Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main, 1848. 329 s.
114. *Политическая* экономия настоящего и будущего / соч. Бруно Гильдебранда; пер. и предисл. М. П. Щепкина. СПб., 1860. (280 стр. in 8) // Время. 1861. № 3, март. С. 73–96.
115. *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2001. 544 с.
116. *Engels F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig: Verlag Otto Wigand, 1845. 358 s.
117. *Бакунин М. А.* Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г. // Избр. соч.: в 5 т. Т. 3. Пб.; М., 1920. С. 99–104.
118. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 1–4. № 4. С. 3–48.
119. *Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: антология / сост. П. Верг, П. С. Кабытов, А. И. Миллер.* М.: Новое издательство, 2005. 696 с. (Новые границы).

Глава 2

Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского

2.1. Источники знания о географии Российской империи как основа геополитических представлений Ф. М. Достоевского

М. В. Михновец

Данный параграф монографии посвящен кругу тех исходных источников, которые повлияли на формирование первичных представлений Ф. М. Достоевского о географии. Для дальнейшего описания и изучения геополитической карты мира писателя важно определить, что именно в 1830–1840-е гг. составило основу знаний будущего писателя о географии вообще, о геополитическом положении России и об ее отдельных регионах.

Вопрос о содержании учебного курса петербургского Инженерного училища, где учился будущий писатель, уже поднимался в литературоведении [1], однако целью исследователей не было подробное и целостное описание того, по каким учебникам и кем преподавалась география молодому Достоевскому. Также в задачи ученых не входило освещение процесса постижения географии будущим писателем в детстве и отрочестве. В современном достоевведении нет и специальной работы, посвященной юному Достоевскому-путешественнику по России и представляющей его поездки как опыт непосредственного знакомства с географией родной страны или же как единый травелог. Также не изучены публицистические и иные нехудожественные произведения, которые оказали влияние на формирование геополитической картины мира молодого писателя.

Первые систематические знания по географии Достоевский получает с осени 1833 г. благодаря домашнему учителю диакону И. В. Хинковскому, который служил в Московском Екатерининском институте. Согласно труду В. А. Вагнера [2] в Московском училище ордена Святой Екатерины преподавателям было рекомендовано следующее:

В географии начать в младшем классе с математической и с общих и главнейших сведений о разделении земного шара, познания морей, проливов, главнейших озер, рек, островов, гор, государств и областей во всех частях света, их образа правления, вероисповедания и важнейших городов. А в старшем классе проходить подробнее географию всех частей света и областей, оныя составляющих во всех отношениях, как в физическом, так и в политическом, обращая особенное внимание на географию Российского государства [2. С. 280].

Можно предположить, что диакон Хинковский организовал образовательный процесс для братьев Михаила и Федора Достоевских в соответствии с этими рекомендациями. В качестве учебного пособия В. А. Вагнер называет «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма в пользу детей, начинающих учиться географии, Т. Каменецким» [3]. Это учебник по всемирной географии, значительный раздел которого посвящен географии России.

Чрезвычайно важен здесь вопрос о месте и статусе России по отношению к Азии и Европе. Также заслуживает пристального внимания специфика описания этнического состава Российской империи, в особенности положения славянского населения среди других народов. Важно прояснить, каким было первоначальное представление Достоевского о регионах, которые в дальнейшем стали зонами геополитического напряжения; одним из них было Царство Польское, где в 1863–1864 гг. разворачивались события Освободительного восстания, другим – Балканские территории, соотносимые с современными Болгарией и Румынией, а во времена Достоевского находившиеся под гнетом Османской империи. Наконец, важно выяснить, каким образом были представлены земли, вошедшие в состав Российской империи при жизни романиста. Речь идет о Кавказе, окончательно покоренном в результате Кавказской войны в 1864 г., и о Средней Азии, активное освоение которой началось с завоеваний В. А. Перовским крепости Ак-Мечеть в 1853 г. и завершилось в 1873 г. штурмом Хивы под командованием К. П. Кауфмана. Любопытно отметить, что К. П. Кауфман был одним из преподавателей Достоевского во время его учебы в петербургском Инженерном училище.

В самом начале раздела, посвященного России, Т. А. Каменецкий дает однозначное определение того, что относится к европейскому миру, какие земли включает в себя Сибирь, что являет собой так называемая «Азиатская Россия» и какие области России называются «особыми». Автор учебника пишет:

Европа разделяется по двум главным племенам, то есть Славянскому, обитающему в восточной половине Европы, и Немецкому, в западной, на Восточную и Западную; в первой находятся: Россия, Земли Карпатских гор (т. е. Польша, Галиция, Венгрия с Трансильванией), Далмация и Турецкие владения [3. С. 33].

В круге этих географических описаний и были заложены те основания, на которых в дальнейшем будет построена геополитическая картина мира Достоевского. В учебнике заявлено, что половина Европы является славянской, и необходимо подчеркнуть значимость этого утверждения в свете будущей позиции писателя по так называемому «восточному вопросу». Важно, что к славянскому миру автор учебника относит Россию и Польшу, следовательно, изначально у будущего писателя была сформирована почва для рассмотрения двух народов как братских. Позднее мысль об особой близости этих двух народов в учебнике усиливается при описании этнического состава населения России: к коренным этносам относятся «народы славянского происхождения», а именно «Россияне с Казаками и Поляки» [Там же. С. 50]. Отметим, что для Достоевского 1860–1870-х гг. было характерно особое сложное отношение к польскому народу. Во многом проблема для писателя заключалась в том, что, с одной стороны, поляки являются славянами, т. е. этносом, близким по духу русскому, а с другой – они исповедуют католичество и ориентированы не на славянский мир, а на общеевропейские ценности.

Часть славянской Европы, согласно учебнику, относится к «Турецким владениям» [Там же. С. 33]. Любопытно, что нигде Т. А. Каменецкий не проблематизирует положение балканских славян как находящихся под гнетом мусульманской Османской империи. Устойчивым определением является «европейская Турция» [Там же. С. 29–32], однако межэтническое и межконфессиональное напряжение никак не обозначено в учебнике.

Интересно, с точки зрения современной географии, как автор, описывая географию Российской империи, разделяет Азию и Сибирь. Несколько раз у него появляется мысль, что «Азиатскую Россию не должно смешивать с Сибирью», которую Т. А. Каменецкий определяет как «часть Азии, простирающуюся от Уральского хребта до Восточного океана с островами оного» [Там же. С. 51]. К «Азиатской России» относятся

<...> все земли, принадлежащие России в Азии, как-то: собственно называемые четыре Сибирские Губернии (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская) со своими областями и Приморскими Управлениями, Киргизская степь, примерно полагая 1/3 Пермской, 2/5 Оренбургской,

1/3 Саратовской Губерний и вся Астраханская, Кавказская область с Землею Черноморских Казаков, Грузия с Кавказскими горными землями и Персидскими Провинциями [3. С. 52].

Следует обратить внимание на описание территорий, которые в первой половине XIX в. были фронтами Российской империи, в частности это так называемые «киргизские степи» и Кавказ. Т. А. Каменецкий, перечисляя земли «Азиатской России», создает своеобразное полукольцо, окружающее центральноевропейскую часть страны с юго-востока и юга, в результате чего в одном ряду оказываются земли, далекие друг от друга, но образующие своеобразную общность.

Достоевский в эпистолярном наследии и публицистике будет также несколько раз упоминать в одном ряду Кавказ, Сибирь, «киргизские степи» (территории современного Казахстана) как земли, не являющиеся исконно русскими, населенные собственными этносами и лишь отчасти ассимилировавшимися. Эти регионы оказываются в роли своеобразного «своего иного» [4. С. 14]: они, с одной стороны, включены в состав Российской империи, с другой стороны, осознаются русским писателем как инородные, «иные».

Т. А. Каменецкий, описывая сложную и противоречивую геополитическую картину, вполне закономерно привлекает такое понятие, как «граница». Например, в его учебнике «Киргизские степи» как пограничные упоминаются в самом начале, в первом абзаце, посвященном географии России: это земли, подобно Кавказу, «принадлежащие и неподвластные» [3. С. 36] Российской империи. В разделе учебника «Положение, Границы и Величина» указывается, что Россия к югу граничит «с Китайскими владениями, т. е. Дауриєю, Манжуриєю, Монголиєю и Зюнгориею, с Киргизскою степью, Каспийским морем, Персиею» [Там же. С. 37]. «Киргизские степи», таким образом, не входят в состав Российской империи, а являются по отношению к ней приграничной территорией. Однако сразу же после приведенной выше информации следует сноска о доле земель, принадлежащих на европейскую и азиатскую части России, где автор учебника указывает, что «Киргизская степь составляет 31,681 кв. м» [Там же. С. 51] от азиатской части государства. Получается, что «киргизские степи» оказываются уже по другую сторону границы государства и включены в него. Характеристика этого края как пограничного и находящегося в каждом конкретном историко-культурном контексте то по одну сторону границы, то по другую оказывается устойчивой в восприятии Достоевского на протяжении всей его жизни.

Обзорный анализ учебника Т. А. Каменецкого позволяет сделать вывод, что в основе геополитических воззрений зрелого Достоевского лежали установки, заложенные в официальной географии России того времени. Формированию этих геополитических представлений способствовала также одна из наиболее значимых для него книг – «История Государства российского» Н. М. Карамзина. О влиянии труда Н. М. Карамзина на мировоззрение Достоевского написано много работ [5–7], тем не менее представляется значимым упомянуть об этом важнейшем для писателя произведении и в рамках настоящей работы. В самом начале своей книги Н. М. Карамзин определяет границы страны, ее национальный и конфессиональный состав:

Не удивительно ли <...> как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь её жителей, разноплемённых, разнovidных и столь удалённых друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни [8. С. 9].

Н. М. Карамзин вполне определенным образом отмечает крайние точки обширной империи и разделяет население государства на просвещенных и «диких». Далее следует мысль о положении русских среди других народов: с одной стороны, автор говорит о том, что Россия – многонациональная страна, в которой вовсе не «надобно быть русским» [Там же]; с другой стороны, историк указывает, что подлинный путь развития других народов в составе империи и заключается в том, чтобы

<...> мыслить, чтобы с любопытством читать предания (русского. – М. М.) народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира <...> и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке [Там же].

Отметим, что здесь Н. М. Карамзин вводит позицию, которая оказалась очень востребованной в последующей историографии России: страна не вела насильственных, захватнических войн, а «смелостию и мужеством» несла христианство. Безусловно, эта идея могла быть важна и для формирования Достоевского.

После периода домашнего обучения с осени 1833 г. Достоевский вместе с братом Михаилом начал посещать полупансион Н. И. Драшусова (Сушарда) в Москве.

Этот период жизни будущего писателя лег в основу эпизодов его романа «Подросток», связаных с учебой Аркадия Долгорукого в пансионе Тушара. Особое внимание Аркадий уделяет описанию своих учебных пособий, в том числе «по географии, (где присутствует. – М. М.) описание главных городов Европы и всех частей света» [9. Т. 13. С. 271].

Герой неслучайно говорит о «главных городах» Европы, поскольку многие учебные пособия того времени, в том числе и учебник Т. А. Каме-нецкого, при описании европейских стран сосредоточивались преимуще-ственно на характеристике столичных городов, их населении, главных до-стопримечательностях, промышленности и т. д. В таком подходе заклю-чался существенный недостаток: у читателя не было достаточного матери-ала для формирования представления о государстве в целом, и страна бы-ла представлена только как территория с единственным жизненным цен-тром – столицей. Это весьма распространенное представление могло повли-ять на определенные особенности восприятия Достоевским столичных го-родов по отношению к стране в целом. В картине мира зрелого Достоевско-го Петербург, Париж, Лондон, Берлин, Дрезден, Женева и др. предстают своеобразными городами-государствами, о них писатель говорит не столько как о населенных пунктах, принадлежащих своим странам, сколько как о самодостаточных образованиях. Причем при описании больших городов для Достоевского наиболее значимым оказывается не их государственная принадлежность, а факт причастности к городскому пути развития цивили-зации, отсюда – и их оторванность от всей остальной страны. Вспомним его размышления из «Дневника писателя» за январь 1881 г.:

Петербург, – он ведь дошел до того, что решительно считает себя всей Россией <...> В этом смысле Петербург как бы следует примеру Парижа, несмотря на то, что на Париж совсем не похож! Париж уж так сам собою устроился исторически, что поглотил всю Францию, всё значение ее поли-тической и социальной жизни, весь смысл ее, и отнимите Париж у Фран-ции – что при ней останется: одно географическое определение ее. И вот у нас воображают иные почти так же, как и в Париже, что в Петербурге сли-лась вся Россия. Но Петербург совсем не Россия [Там же. Т. 17. С. 14–15].

Безусловно, формированию подобных взглядов на феномен больших городов способствовали не только пособия по географии, во многом их определили и труды французских социалистов-утопистов. Как писал В. Б. Шкловский, «город – враг и позор как последствия безумия строя жизни – одна из основных идей фурьеристов, и эта идея хорошо знакома Достоевскому» [10. С. 211]. Тем не менее основания для утверждения в

сознании писателя образа большого города как явления, лишь условно связанного с остальным государством, были заложены уже в первых учебных пособиях по географии.

В сентябре 1837 г. Достоевский успешно прошел вступительные испытания, в том числе по географии, в Инженерное училище в Петербурге, а в конце того же года получил разрешение сдавать экзамен в 3-й кондукторский класс. В учебном плане на занятия географией отводилась одна лекция в неделю, продолжавшаяся полтора часа. Курс вел инженер-поручик А. К. Минквиц, который ранее принимал у Достоевского вступительные экзамены по истории и географии. Инженерами-кондукторами изучалась география европейской и азиатской частей России, в качестве ведущего учебного пособия был рекомендован «Учебный атлас, состоящий из немых географических карт» [11], а также «Географические листы, служащие объяснением к Учебному атласу» [12], составленные П. Максимовичем. В письме отцу от 30 октября 1838 г. Ф. М. Достоевский говорит об успешной сдаче большинства экзаменов, в том числе о десяти баллах из десяти возможных по географии.

Во многих произведениях Достоевского присутствует упоминание о том, что в юности герои изучали географию. В романе «Бедные люди» Варенька рассказывает: Сашу учили «французскому и немецкому языкам, истории, географии» [9. Т. 1. С. 31]. В «Двойнике» господин Голядкин говорит: «Конечно, разным талантам, бесспорно, нужно уметь, как-то: на фортепьянах иногда поиграть, по-французски говорить, истории, географии, Закону Божию и арифметике» [Там же. С. 221]. В одном из эпизодов «Неточки Незвановой» героиня подробно описывает, что именно ей приходилось изучать с преподавателем географии [Там же. Т. 2. С. 231]. В «Униженных и оскорбленных» Иван Петрович на столе в комнате старика Смита обнаруживает «краткую географию и Новый завет в русском переводе» [Там же. Т. 3. С. 17], а позднее Нелли об этом рассказывает: «Дедушка купил Новый завет и географию и стал меня учить» [Там же. С. 145]. Завершает череду героев Достоевского, изучавших в юности географию, Соня Мармеладова: отец пробует вместе с ней «географию и всемирную историю проходить» [Там же. Т. 6. С. 16].

Обращает на себя внимание то, что сочетание «географии и Закона Божия», «географии и истории» в одном ряду является устойчивым. То же самое встречаем и в письме Достоевского пасынку П. А. Исаеву от 6 января 1871 г.:

Займись, например, историей, но только систематически, не поверхностно и не урывками и непременно сначала (при этом, разумеется, география), и через два-три года занятий сам увидишь, как расширится круг твоего зрения и повысится уровень мыслей [9. Т. 29. С. 167].

Представляется, что это не простое перечисление учебных предметов, а отражение своеобразной проблемно-тематической связи между областями знания, существующей в сознании писателя с юности.

Подтверждение этой гипотезе можно обнаружить в третьей главе «Дневника писателя» за июль–август 1877 г. В статье о безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшей сущности «восточного вопроса» [Там же. Т. 25. С. 213–217] Достоевский вступает в полемику с публицистикой того времени. В периодической печати тех лет, параллельно с описаниями событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., регулярно появлялись статьи, в которых утверждалась мысль о том, что мнение большинства русского населения относительно так называемого «восточного вопроса» учитывать не нужно. При этом авторы подобных статей часто апеллировали к тому, что у народа отсутствуют базовые знания в области географии. С этой мыслью Достоевский был категорически не согласен. По его мнению, «темный и совершенно необразованный русский народ, то есть самые даже простые деревенские мужики, совершенно не зная истории и географии» [Там же. С. 21], имеет особый источник сведений о мировой географии: это жития святых, которые совершали паломнические путешествия. Достоевский утверждает, что, даже не имея печатного издания наиболее популярного в народной среде сборника «Избранные Жития святых», простые люди знают жития по рассказам, передающимся из уст в уста, поэтому у читателей и слушателей житийных историй формируется особая картина мира:

Но пока <...> про славян действительно народ наш почти ничего не знал, и не только один на тысячу <...> но на много тысяч один какой-нибудь, может быть, слышал, как-нибудь мельком, что есть там какие-то сербы, черногорцы, болгары, единоверцы наши. Но зато народ наш, почти весь, или в чрезвычайном большинстве, слышал и знает, что есть православные христиане под игом Магомётовым, страдают, мучаются и что даже самые святые места, Иерусалим, Афон, принадлежат иноверцам [Там же. С. 215].

Мысль о житийной литературе как о возможном источнике знания о географии Российской империи и мира появляется в рассуждениях писателя не впервые. В цикле «Ряд статей о русской литературе», опубликованном еще в 1861 г., Достоевский выделяет особый жанр рассказов: про-

изведения «священно-географического содержания» [9. Т. 19. С. 49], которые формируют у читателей особую картину мира со своими геополитическими акцентами.

Безусловно, пласт житийной литературы, которая входила в кругозор Достоевского, огромен. Назовем лишь некоторые из произведений этого жанра, наиболее значимые в данном контексте. Основополагающее значение для писателя имели названные выше «Избранные Жития святых», кратко изложенные по руководству Четых-Миней; в своей библиотеке писатель имел издание, которое в 1860–1868 гг. выпускала А. Н. Бахметева. В науке о Достоевском неоднократно отмечается, что писатель также любил читать «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника Святые Горы Афонския инока Парфения». Во время заключения в Петропавловской крепости Достоевский писал брату: «Я здесь читал немного: два путешествия к св<ятым> местам и сочинения с<вятого> Димитрия Ростовского» [Там же. Т. 28₁. С. 157]. Комментаторы академического Полного собрания сочинений предполагают, что Достоевский имел в виду книги А.Н. Муравьева «Путешествие по святым местам» (1836) и «Путешествие по святым местам русским» (1840), а также Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского [Там же. С. 446]. Особое влияние на формирование мировоззрения писателя имело «Житие Тихона Задонского», а также его книга «Сокровище духовное от мира собираемое» – серия притчевого и аллегорического прочтения явлений природы; также нельзя не упомянуть «Жития» Алексея Человека Божия и преп. Сергия Радонежского.

Несмотря на то, что структура жанра жития не подразумевает обилия географической информации, само упоминание тех или иных географических объектов в данном контексте априори наделяет их символическим смыслом. Поэтому можно говорить о том, что геополитическая картина мира Достоевского строится не только на этнокультурных, экономических и прочих подобных основаниях, но в значительной степени опирается на религиозную литературу. Безусловно, подробный анализ этого материала требует специального исследования.

Примечательно, что первыми путешествиями самого Достоевского стали семейные паломнические поездки в Троице-Сергиеву лавру. Каждое лето, начиная со второй половины 1820-х гг., Мария Федоровна Достоевская со всеми детьми отправлялась из Москвы в лавру. Так история Достоевского-путешественника началась именно с паломнических поездок, что, безусловно, сказалось на его отношении к произведениям «священно-

географического содержания» и к жителям как к способу познания мировой географии.

В 1840-е гг. значительную часть круга чтения Достоевского – выпускника Инженерного училища и начинающего писателя – составляли так называемые толстые журналы. Особое место среди них занимал журнал «Отечественные записки», который в это время издавал А. А. Краевский и в котором сам Достоевский с 1846 по 1849 г. опубликовал многие свои произведения: «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Неточка Незванова», «Белые ночи» и др.

Еще со времен П. П. Свинына – предыдущего издателя – в журнале постоянно появлялись «следующие предметы: журналы многих никому не известных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям» [13]. Характеризуя издательскую политику журнала, исследователи отмечают: «Свиньин задумал „Отечественные записки“ как журнал „национального“ направления с отчетливым историко-этнографическим и „местным“ уклоном» [14. С. 82]. Продолжил эту линию и А. А. Краевский. Он публиковал очерки путешественников, дорожные записки, статьи этнографического и географико-исследовательского характера, посвященные отдаленным землям Российской империи и прилегающим территориям, которые начали входить в сферу ее геополитических интересов. Издатель стремился к всестороннему освещению быта и нравов периферии государства. Так, современные исследователи описывают редакционную политику журнала по отношению к Кавказу следующим образом: «...основные направления репрезентации истории народов Кавказа связаны: 1) с публикациями критико-библиографического отдела; 2) художественно-литературными формами отражения этнокультуры и природы Кавказа; 3) публикацией в журнале материалов путешественников и представителей российской администрации на Кавказе» [Там же. С. 86].

К сожалению, неизвестно, насколько внимательно относился Достоевский к подобным публикациям. Однако небезосновательно предположение, что, даже при отсутствии у писателя специального читательского интереса к подобным материалам он не мог не обращать внимания на сам факт их размещения в журнале и на их названия, обозначенные в содержании каждого тома «Отечественных записок». Перечислим то, что было посвящено географии России и было опубликовано в журнале в 1841–1849 гг.: это «Средняя Азия» А. Гумбольдта, «Очерки Бухарии» Н. Ханыкова, «Заметки на пути из Москвы в Закавказский край» за подписью

«Я. А-в», «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П. И. Мельникова-Печерского, «Алтай. Естественная история его, копи и жители» французского ученого Катрфажа, «Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы» барона Ф. А. Бюлера – в одном номере с «Господином Прохарчиным», «Рассказы о сибирских золотых приисках» П. И. Небольсина.

Упомянутые географические объекты, Сибирь, Алтай, Средняя Азия, юг России и Кавказ, удивительным образом повторяют то полукольцо, опоясывающее европейскую часть России, которое было описано в учебнике Т. А. Каменецкого. Получается, что материалы, опубликованные в «Отечественных записках», способствовали формированию картины мира, в которой заложено не только стремление России к европеизации, но и представления о периферии Российской империи.

Подводя итоги, следует сказать, что для Достоевского источниками знания о географии Российской империи в докаторжный период жизни наравне с официальными учебниками послужили «История Государства российского» Н. М. Карамзина, многочисленные сочинения житийного жанра, личные наблюдения во время путешествий, а также материалы, опубликованные в периодической печати, в частности в журнале «Отечественные записки». Материалы, с которыми познакомился писатель в период становления своей творческой индивидуальности, оказали основополагающее влияние на формирование геополитической картины мира писателя, а также на систему его историсофских взглядов.

2.2. Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского: системное описание

*А. Г. Кожевникова, Е. Г. Новикова,
М. В. Подрезов, Е. М. Понкратова*

В данном параграфе монографии осуществляется реконструкция ментальной геополитической карты мира Достоевского. В указанном подходе и масштабе подобное исследование в науке о писателе принято впервые; при этом оно осуществляется в общем контексте изучения Достоевского как яркого и оригинального политического мыслителя [15–22].

Базовое исследование творчества Достоевского в геополитическом подходе предпринято на основе «Статистического словаря языка Достоевского» [23]; также были использованы материалы электронной книги «Ф. М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений» [24]. В результате этого статистический анализ был осуществлен на материале художественных произведений, писем, статей, записных тетрадей и подготовительных материалов писателя. Впервые подобное исследование было проведено не эмпирически описательно (что характерно сегодня для картирования материалов мировой культуры и литературы), а с применением современных статистических методов: описание геополитической карты Достоевского стало научным результатом системного статистического анализа всего массива текстов писателя, проделанного на материале «Статистического словаря языка Достоевского» и электронной книги «Ф. М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений»; статистическая обработка наследия Достоевского была осуществлена на основе как печатных, так и электронных материалов.

Предметом рассмотрения в данной работе стали крупные геополитические субъекты – государства, межгосударственные и внутригосударственные объединения и значимые регионы; соответственно, это первый этап данного исследования.

Статистический анализ показал, что в наследии Достоевского упоминаются и осмысляются 55 таких геополитических субъектов: это Австрия, Алтай, Америка, Англия, Аравия, Африка, Бавария, Балканы, Бельгия, Болгария, Босния, Бразилия, Бретань, Венгрия, Галиция, Германия, Герцеговина, Голландия, Греция, Дагестан, Дания, Египет, Израиль, Индия, Исландия, Испания, Италия, Кавказ, Китай, Крым, Литва, Малороссия, Мальта, Мексика, Молдавия, Перу, Польша, Пруссия, Россия, Румыния, Саксония, Сандвичевы острова, Сахалин, Сербия, Сибирь, Сирия, Сицилия, Средняя Азия, Турция, Финляндия, Франция, Черногория, Швейцария, Швеция, Япония.

Всего данные субъекты упоминаются 8 278 раз в период с 1828 по 1881 г. Следует сразу же уточнить, что до 1859 г. их появление в круге размышлений писателя было единично и не носило еще целостного геополитического характера.

Геополитические воззрения Достоевского необходимо рассматривать и анализировать в общем контексте международных политических событий середины – второй половины XIX в., в том числе непосредственно касающихся России – бесспорного центра всех геополитических размышлений писателя.

Основное направление политики Российской империи в данный период – разрешение пограничных споров, конфликтов, а также политическое продвижение в Азии. Сюда следует отнести следующие события: завершающий этап Кавказской войны, начавшийся после пленения имама Шамиля (1859–1864); Польское восстание и разрешение данного конфликта силовым методом (1863–1864), что значительно повлияло на взаимоотношения России с европейскими государствами; покорение русскими войсками Средней Азии: война с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом (1864–1868), Хивинский поход (1873), завершившиеся в 1876 г. окончательным включением Кокандского ханства в состав Российской империи. Шло формирование новых границ и на дальневосточном направлении: с Китаем – Пекинский договор 1860 г., окончательно закрепивший за Россией Приморье; с Японией – Петербургский договор 1875 г. о передаче России острова Сахалин в обмен на 18 островов Курильской гряды; с США – подписание договора о продаже им Аляски и Алеутских островов в 1867 г.

Параллельно с этим Россия вела политику ликвидации последствий Крымской войны и Парижского трактата 1856 г., а также разрешения восточного вопроса. В рамках данного направления следует выделить Циркуляр канцлера А. М. Горчакова 1870 г. об отказе от условий Парижского мира и последующую Лондонскую конвенцию 1871 г., отменившую ограничения России и Турции на Черном море. Одновременно Россия подтвердила союзнические отношения с Австрией и Германией в рамках «Союза трех императоров» в ходе Шенбруннского соглашения 1873 г., а также секретной Будапештской конвенции России и Австрии о нейтралитете последней в случае русско-турецкой войны. В конечном счете данная международная политика привела к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (а годом ранее – к сербско-турецкой, черногоро-турецкой войнам), закончившейся подписанием Сан-Стефанского мирного договора, а затем – к Берлинскому конгрессу.

В то же время на Европейском континенте шел процесс объединения двух крупных государств – Италии и Германии. К сложному процессу объединения Италии следует отнести австро-итало-французскую войну 1859 г., провозглашение единого Королевства Италии в 1861 г., а также завершение формирования данного государства после присоединения Папской области и переноса столицы в Рим в 1870 г. Параллельно шло объединение Германии, важными событиями в котором стали назначение Отто фон Бисмарка главой правительства Пруссии (1862), австро-пруско-

датская война (1864), австро-пруско-итальянская война (1866), которые привели к созданию Северогерманского союза и исключению Австрии из модели будущего единого германского государства. Финальным историческим событием здесь стала франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся падением Второй французской империи, на смену которой сначала пришла Парижская коммуна, затем – Третья республика, и провозглашением Германской империи. Среди других важных международных событий рассматриваемого периода отметим завершение второй «опиумной войны» (1860), приведшей к изменению положения и границ Китая за счет уступок великим державам; гражданскую войну в США (1861–1865), после которой США (как и Япония после революции Мэйдзи) встали на путь колониальной экспансии, и этот внутренний политический процесс породил противостояние между Россией, Англией и Францией; открытие Суэцкого канала (1869), оказавшего колоссальное влияние на мировую торговлю. Специально стоит отметить продолжавшиеся колониальные захваты ведущих мировых держав; например, у Великобритании – это Белуджистан (1876), Суэцкий канал (1875), создание доминиона Канады (1867), ведение очередной войны в Афганистане (1878–1881); аналогичные процессы шли и у других держав.

Активность и интенсивность геополитических размышлений Достоевского часто совпадает со временем важных исторических событий эпохи.

Ниже представлены результаты геополитического и хронополитического исследования всего массива текстов Достоевского, а именно – датирование их по годам с указанием количества геополитических субъектов, оказавшихся в сфере внимания писателя.

В период с 1838 по 1845 г. упоминание каких-либо геополитических субъектов носит единичный характер и ограничивается четырьмя странами: это Россия, Франция, Германия и Испания. В 1838 г. Россия, Германия и Франция упоминаются по одному разу. В 1840 г. также единично зафиксированы Россия и Франция. В 1839, 1841, 1842 гг. – вообще никаких упоминаний. В 1843–1845 гг. – вновь единичные фиксации: в 1843 г. Россия – 1, Франция – 2, в 1844 г. Россия – 2, а также впервые Кавказ – 1; в 1845 г. Россия – 2; Франция – 2, Испания – 1.

В 1846 г. количество геополитических размышлений об указанных территориях кратно возрастает: Россия – 14, в том числе впервые Крым – 1, Сибирь – 3; Франция – 12; к ним прибавляются также Турция – 5, Голландия, Индия – 1, Испания по-прежнему – 1.

В 1847 г. объектом размышлений Достоевского становятся Россия – 33, Франция – 5, Голландия – 2, впервые Греция – 1. В 1848 г. впервые акти-

визируется интерес к Италии – 9, появляется Дания – 1, по-прежнему есть Россия – 2, Франция – 1, Турция – 2. В 1849 г. значительно возрастает количество упоминаний Франции – 21, Россия – 8, Германия – 5, по одному разу названы Англия, Греция и Италия, впервые появляется Перу – 1.

В период с 1850 по 1853 г. по объективным причинам каких бы то ни было упоминаний не обнаружено: Достоевский находился в Омском остроге, был лишен права переписки, никаких свидетельств его геополитических размышлений этого периода не сохранилось.

В начале 1854 г. Достоевский вышел из каторги, после чего был определен на солдатскую службу в Семипалатинске. В этом году в круге интересующих Достоевского геополитических субъектов вновь Россия – 5, в том числе специально Кавказ – 9, Сибирь – 3, а также Франция – 1, Германия – 2, впервые появляется Китай – 1.

В 1855 г. не зафиксировано ни единого упоминания каких-либо стран или регионов.

В 1856 г. на фоне коронации Александра II было объявлено о помиловании петрашевцев, после чего Достоевский был произведен в прапорщики. В этом году наблюдается значительное возрастание размышлений о России – 45, которые тесно переплетаются с замечаниями о Сибири – 21, Кавказе – 2, Средней Азии – 1; также Франция – 4, по одному разу – Турция и Голландия.

1857–1858 гг. не очень богаты геохронологическим материалом, это всего 37 упоминаний за два года, которые в основном сосредоточены на России (1857 г. – 9, 1858 г. – 16) и Сибири (1857 г. – 1, 1858 г. – 8), по одному разу фиксируются Алтай (1857), Малороссия (1857) и Китай (1858).

В конце 1859 г. Достоевский возвращается в Петербург. В этом году выявлено 13 стран и регионов: Россия – 29, Сибирь – 21, Франция – 24, Германия – 6, Италия – 6, Испания – 5, Голландия – 3, Польша – 2, Турция – 2, по одному разу Кавказ, Китай, Англия и Швейцария.

Следует отметить, что в мировой политике в этом году начинается последний этап Кавказской войны после пленения имама Шамиля, а на европейском континенте оформляется сложный процесс объединения двух крупных государств, Италии и Германии. Именно с 1859 г. начинается период формирования геополитической концепции Достоевского; впервые прорисовываются и становятся видны границы его геополитической карты мира; впервые количество геополитических упоминаний писателя превышает 100 единиц – 102.

Далее основные геополитические размышления Достоевского распределяются по годам следующим образом: 1860 г. – 567 упоминаний, 1862 г. –

328, 1863 г. – 155, 1864 г. – 120, 1866 г. – 265, 1867 г. – 128, 1868 г. – 366, 1869 г. – 170, 1872 г. – 388, 1873 г. – 381, 1875 г. – 264, 1878 г. – 122, 1880 г. – 502, 1881 г. – 135. Рекордными по насыщенности геополитической информацией являются 1876 г. – 1516 и 1877 г. – 2100.

В 1860 г. Достоевский активно включается в актуальную социокультурную и политическую жизнь России. Он жадно изучает новую социально-политическую ситуацию в стране, существенно расширяется его круг общения, он создает вместе с братом литературный кружок, присутствует на вечерах и в кружках в самых различных домах Москвы и Петербурга [25. 1. С. 254–281].

Думается, этим обусловлен небывалый рост гео- и хронополитических размышлений писателя, количество упомянутых им геополитических субъектов возросло до 567. Так, многократно увеличилось размышления о России – 397 (это сопоставимо только с будущими 1876–1877 гг.); много раздумий о судьбах Германии – 41, Франции – 41, до этого года столь частых обращений к этим важнейшим геополитическим субъектам не было. Впервые из тени единичных упоминаний выходит Англия – 18. В этом же году на карте Достоевского впервые появляется Америка – 4, Дагестан – 4, Египет – 2, Мексика – 2, Сандвичевы острова – 3, Швеция – 3, Япония – 3. Помимо перечисленных, вновь упоминаются Кавказ – 9, Крым – 2, Малороссия – 3, Сибирь – 1, Италия – 11, Швейцария – 4, Голландия – 3, Греция – 6, Испания – 2, Китай – 5, Индия – 1, Перу – 2.

В 1861 г. наблюдается определенное затишье. Общее количество геополитических упоминаний за год: Россия – 14, Италия – 12, Франция – 11, Германия – 4, Англия – 5, Швейцария – 3, Китай – 3, Сибирь – 6, Польша – 1, впервые появляется Австрия – 2.

В мае 1862 г. Достоевский отправляется в свое первое заграничное путешествие, посещает Пруссию, Германию, Францию, Бельгию, Англию, Австро-Венгрию, Литву. Заграничное путешествие закономерно повлияло на увеличение количества геополитических замечаний. Но обращает на себя внимание тот факт, что на фоне его пребывания за границей увеличивается и количество упоминаний о России и ее азиатской части: Россия – 140, Сибирь – 58. Это наиболее частотное обращение к Сибири в творчестве Достоевского в целом. Думается, такая высокая частотность упоминания Сибири может быть связана в том числе с активной публикацией в это время «Записок из Мертвого дома» (во «Времени» и отдельным изданием). Помимо России и Сибири, упоминаются Средняя Азия – 13, Польша – 18, Кавказ – 5, Крым – 1, а также Черногория – 27, Китай – 1, Ан-

глия – 28, Франция – 17, Америка – 3, Турция – 3, Швейцария – 2, Италия – 3, Германия – 8.

1863–1865 гг. были посвящены у Достоевского его журналам, «Времени» и «Эпохе»; настоящим испытанием стал для него 1864 г., когда он одновременно потерял и брата М. М. Достоевского, и первую жену М. Д. Достоевскую. Вероятно, этим объясняется относительно низкая активность по исследуемому нами вопросу: в целом упомянуты 327 единиц.

В 1863 г. – 155 упоминаний 14 субъектов: Россия – 102, Малороссия – 2, Англия – 12, Германия – 3, Голландия – 2, Испания – 2, Италия – 2, Польша – 5, Сибирь – 1, Франция – 4, Швейцария – 7, Китай – 1. Впервые встречается единичное упоминание Африки.

В 1864 г. обнаружено 120 упоминаний 13 территорий: Россия – 63, Австрия – 3, Америка – 2, Англия – 5, Германия – 28, Греция – 3, Франция – 5, по одному упоминанию об Испании, Италии, Швейцарии, Китае, Сибири.

В 1865 г. отмечено 52 упоминания 8 стран и регионов: из них большая часть – это Россия – 33, встречается также Сибирь – 2, Англия – 4, Германия – 3, Египет – 2, Италия – 1, Франция – 4, Швеция – 1, Швейцария – 2.

В 1866 г. – время завершения и первой публикации «Преступления и наказания» – обнаружено 265 статистических единиц упоминания 14 субъектов: Россия – 73, Австрия – 8, Англия – 20, Африка – 1, Германия – 21, Голландия – 1, Египет – 7, Италия – 1, Китай – 1, Польша – 24, Сибирь – 6, Турция – 5, Франция – 90, Швейцария – 7.

1867–1871 гг. Достоевский проживает за границей. В начале 1867 г. состоялось венчание Достоевского и Анны Григорьевны Сниткиной, и в апреле семья Достоевских выезжает за границу: сначала в Вильну и Берлин, после – в Дрезден и Гамбург. Июнь и июль они проводят во Франкфурте и Бадене, в августе перебираются в Базель, впоследствии – в Женеву. В это время Достоевский работает над романом «Идиот». В 1867 г. обнаружено 128 упоминаний 8 субъектов: Россия – 60, Австрия – 2, Англия – 3, Германия – 25, Италия – 12, Мексика – 1, Франция – 8, Швейцария – 17.

В 1868 г. количество геополитических фиксаций несколько возрастает, и количество упоминаний увеличивается до 366, охватывающих 12 субъектов: Россия – 228, Австрия – 1, Германия – 2, Италия – 12, Крым – 2, Польша – 2, Сибирь – 13, Средняя Азия – 1, Турция – 2, Франция – 41, Швеция – 1, Швейцария – 61. В этом году в «Русском вестнике» начинает публиковаться роман «Идиот», а у четы Достоевских рождается и через три месяца умирает их первая дочь Софья, после чего семья переезжает из Швейцарии в Италию.

В 1869 г. Достоевские продолжают передвигаться по Европе: Болонья, Венеция, Вена, Прага, Дрезден. У них рождается дочь Любовь; Достоевский начинает работу над замыслом «Житие великого грешника». В этом году найдено 170 единиц 14 субъектов: Россия – 97, Америка – 7, Англия – 15, Бретань – 1, Германия – 18, Голландия – 1, Греция – 1, Италия – 10, Китай – 5, Сибирь – 5, Сицилия – 1, Турция – 1, Франция – 3, Швейцария – 5.

1970–1871 гг. стали важнейшим периодом в политической жизни Европы, и – последним этапом этого долгого пребывания Достоевских за границей. В это время Достоевские живут в основном в Дрездене, писатель работает над романом «Бесы». Его тоска по родине, сопровождавшая писателя годы пребывания за границей, все более усиливается:

Здесь я нахожусь в таком гнусном состоянии духа, что почти писать не могу <...> За событиями слежу и у нас и здесь лихорадочно и много прожил жизни в эти четыре года. Сильно жил, хотя и уединенно [9. Т. 291. С. 161].

В июле 1871 г. Достоевские возвращаются в Россию. «За событиями слежу», – написал Достоевский. Действительно, он крайне внимательно следит за новостями о франко-прусской войне, об объединении Германии, о поражении Франции и падении Наполеона III, которое привело также и к падению политической власти папы Пия IX, к переносу столицы Италии из Ватикана в светский Рим и к окончательному формированию Италии как единого государства. В письмах этого времени он много размышляет об этом принципиальном изменении политической карты Европы. Но при этом количество геополитических статистических данных в эти годы невелико: в 1970 г. – 96 упоминаний 7 субъектов: Россия – 73, Америка – 1, Англия – 2, Германия – 8, Крым – 2, Сирия – 1, Франция – 9. В 1871 г. упоминаются всего только 3 страны, которые можно воспринимать как ключевые в этот период для писателя: Россия – 39, Германия – 8, Франция – 7.

После возвращения Достоевского в Россию уже в 1872 г. список анализируемых геополитических субъектов качественно увеличивается, это 388 единиц 18 стран и регионов: Россия – 216, Америка – 27, Англия – 11, Германия – 16, Греция – 2, Египет – 2, Испания – 6, Италия – 7, Кавказ – 1, Китай – 1, Крым – 2, Польша – 4, Сирия – 12, Турция – 2, Франция – 21, Швейцария – 52. В этом году впервые упоминается Аравия – 3 и Исландия – 3.

В 1873 г. происходит событие, важное для окончательного оформления геополитической концепции Достоевского: он принимает предложение князя В. П. Мещерского редактировать его «газету-журнал политики и литературы» «Гражданин». Работа писателя в этом издании продлится не-

долго, 1973–1874 гг. Но работа в «Гражданине» позволила Достоевскому-публицисту осуществить свою давнюю мечту и создать в журнале литературно-публицистический отдел «Дневник писателя»; также он должен был вести еженедельные обзоры иностранных политических событий. На этом фоне в 1873 г. круг геополитического материала увеличивается, но ненамного, это 381 единица о 20 субъектах: Россия – 165, Австрия – 25, Алтай – 3, Америка – 7, Англия – 17, Бретань – 1, Германия – 60, Испания – 11, Италия – 34, Китай – 11, Крым – 2, Польша – 4, Сибирь – 9, Турция – 1, Франция – 17, Швейцария – 1. Впервые появляются Болгария – 2, Венгрия – 8, Молдавия – 2 и Финляндия – 1.

В 1874 г., после разрыва Достоевского с князем В. П. Мещерским и на фоне начала работы над «Подростком», отмечается спад активности: 100 упоминаний 10 стран, причем главенствующее место среди них занимает Германия: Германия – 46, Австрия – 1, Англия – 5, Африка – 1, Испания – 3, Италия – 3, Китай – 1, Россия – 27, Франция – 11, Швейцария – 2.

В течение 1875 г., когда Достоевский публикует роман «Подросток», отмечено 264 единицы 15 субъектов: Россия – 163, Австрия – 3, Америка – 7, Англия – 12, Германия – 16, Греция – 1, Египет – 2, Испания – 1, Италия – 4, Крым – 2, Польша – 11, Сибирь – 2, Финляндия – 1, Франция – 38, Швеция – 1.

Как уже было отмечено выше, пик геополитических размышлений Достоевского приходится на 1876–1877 гг. – 1 516 и 2 100 соответственно.

С 1876 г. он начинает публиковать «Дневник писателя», в котором в особой синтетической форме выражаются литературные, историософские, политические, литературно-критические, социологические, историко-культурные размышления Достоевского-философа, Достоевского-публициста и Достоевского-художника.

В этом же году началась Русско-турецкая война 1876–1877 гг., за которой Достоевский предельно внимательно следил и которой он посвятил многие страницы «Дневника писателя».

Можно предположить, что именно совпадение этих двух (конечно же, очень разных) явлений, важнейшего военного геополитического события и появившейся у Достоевского возможности свободно и подробно писать о нем, и привело к такому количественному и качественному эффекту геополитических размышлений писателя.

1876 г. отмечен самым большим количеством названных стран и регионов, это 1 516 упоминаний 32 субъектов: Россия – 853, Австрия – 27, Алтай – 1, Америка – 27, Англия – 94, Аравия – 1, Балканы – 8, Бельгия – 2,

Болгария – 25, Босния – 3, Венгрия – 5, Германия – 109, Герцеговина – 10, Греция – 7, Египет – 5, Израиль – 2, Испания – 1, Италия – 20, Кавказ – 6, Китай – 8, Крым – 15, Малороссия – 2, Мальта – 3, Польша – 4, Румыния – 1, Сербия – 48, Сибирь – 12, Средняя Азия – 1, Турция – 60, Франция – 144, Черногория – 7, Швейцария – 5.

В свою очередь, в 1877 г. наблюдается самое значительное количество упоминаний геополитических субъектов, это 2100 единиц о 25 странах и регионах: Россия – 981, Австрия – 73, Америка – 4, Англия – 122, Балканы – 10, Болгария – 53, Босния – 1, Венгрия – 6, Галиция – 1, Германия – 254, Герцеговина – 3, Испания – 5, Италия – 10, Крым – 1, Литва – 4, Польша – 32, Румыния – 1, Сербия – 35, Сибирь – 21, Средняя Азия – 1, Турция – 208, Финляндия – 1, Франция – 268, Черногория – 4, Швейцария – 1.

Географическое положение и актуальное геополитическое состояние называемых Достоевским стран и регионов ярко показывает особенности его геополитической концепции: в нее входят и Европа, и Азия, и Запад, и Восток. Особенно остро ставится здесь восточный вопрос, и писатель выстраивает дискурс, в котором «восточный вопрос» [9. Т. 25. С. 37] уточняется для него прежде всего как вопрос «славянского согласия» [Там же. С. 45].

Острые современные процессы мировой политики и истории и вопросы будущего Российской империи даны в «Дневнике писателя» в органичной и глубокой взаимосвязи. «Дневник писателя» демонстрирует глубочайшие знания Достоевского в области военного, политического, культурного, географического состояния современного ему мира. С этим связаны мощный всплеск его геополитических изысканий, невиданное ранее расширение границ геополитической карты и картины мира писателя.

Начиная с 1876 г. и по 1881 г. включительно, Достоевский не только обращается к явлениям современной мировой политики, но и осмысливает события прошедших десятилетий, встраивая их в собственную систему координат, в центре которой – вопрос о настоящем, прошлом и будущем России. Достоевский предлагает рассмотреть сквозь призму своей геополитической концепции не только уже произошедшие, но и необходимые, с его точки зрения, но пока не состоявшиеся события, вполне возможные в ближайшей или долгосрочной политической перспективе.

В 1878 г., на фоне трагической для семьи Достоевских смерти младшего сына Алеши, писатель продолжает размышлять об актуальной для него геополитической проблематике, о путях и способах самоидентификации России в контексте предлагаемых Европой и Азией путей дальнейшего геополитического развития. Однако в этом году отмечено только 122 еди-

ницы всего 7 субъектов: Россия – 93, Англия – 3, Германия – 18, Кавказ – 2, Сахалин – 2, Сибирь – 1, Франция – 3.

Этот спад удивительным образом продолжается в 1879 г., когда обнаруживается лишь единичное упоминание Польши. Достоевский в это время активно занимается созданием и публикацией романа «Братья Карамазовы», возможно, работа над этим произведением, обобщающим многие ключевые мысли, мотивы и сюжеты всего его художественного творчества, так кардинально отвлекла его от специальной геополитической проблематики.

В свою очередь, 1880 г. был насыщенным событиями, прямо или косвенно повлиявшими на гражданскую и политическую позицию Достоевского. В этом году писатель встречается с Александром III; открывает «Книжную торговлю Ф. М. Достоевского» в Петербурге (она будет закрыта вскоре после его смерти); у С. А. Толстой знакомится с дипломатом Эженом М. де Воюэ, с которым жарко обсуждает вопросы самоопределения русских и европейцев; заканчивает роман «Братья Карамазовы»; получает информацию об освобождении от надзора III отделения; произносит знаменитую Пушкинскую речь. В этом году обнаруживается 502 упоминания 23 субъектов: Россия – 354, Австрия – 1, Америка – 17, Англия – 9, Германия – 8, Голландия – 1, Греция – 1, Дания – 1, Египет – 3, Испания – 1, Италия – 4, Кавказ – 1, Китай – 5, Польша – 27, Сибирь – 26, Сирия – 1, Сицилия – 3, Турция – 8, Финляндия – 1, Франция – 26, Швеция – 1, Швейцария – 1, Япония – 2.

В 1881 г. Достоевский успевает издать только один выпуск «Дневника писателя» за январь, и тем удивительнее значительное количество упоминаний геополитических субъектов, в центре которых – размышления об азиатском пути развития России, о ее азиатских истоках. «Азия-то и есть наш главный исход!» – отмечает Достоевский в главе «Дневника» «Геок-Тепе. Что для нас Азия?» [9. Т. 27. С. 33]. За один этот месяц обнаружено 135 статистических единиц 14 субъектов: Россия – 81, Австрия – 3, Америка – 5, Англия – 7, Африка – 1, Болгария – 3, Германия – 16, Египет – 3, Индия – 2, Китай – 3, Сибирь – 2, Средняя Азия – 1, Турция – 4, Франция – 4. Геополитические размышления Достоевского обрели новый масштаб...

На основе проделанных геохронологических статистических подсчетов составлен рейтинг частотности упоминания геополитических субъектов: Россия (4420), Франция (848), Германия (735), Англия (397), Турция (304), Сибирь (223), Италия (173), Швейцария (172), Польша (145), Ав-

стрия (141), Америка (119), Болгария (83), Сербия (83), Китай (49), Испания (40), Черногория (38), Кавказ (38), Крым (30), Египет (26), Греция (23), Венгрия (19), Балканы (18), Средняя Азия (18), Голландия (15), Сирия (14), Герцеговина (13), Малороссия (10), Швеция (7), Япония (6), Алтай (5), Аравия, Африка, Босния, Дагестан, Индия, Литва, Мексика, Сицилия, Финляндия по 4 раза, Бельгия, Исландия, Мальта, Перу, Сандвичевы Острова по 3 раза, Бразилия, Бретань, Дания, Израиль, Молдавия, Румыния, Сахалин по 2 раза, Галиция – 1.

По количеству геополитических упоминаний в год рейтинг выстраивается следующим образом: 1877 г. (2100), 1876 г. (1516), 1860 г. (567), 1880 г. (502), 1872 г. (388), 1873 г. (381), 1868 г. (366), 1862 г. (328), 1866 г. (265), 1875 г. (264), 1869 г. (170), 1863 г. (155), 1881 г. (135), 1867 г. (128), 1878 г. (122), 1864 г. (120), 1859 г. (102), 1874 г. (100), 1870 г. (96), 1856 г. (75), 1861 г. (61), 1871 г. (54), 1865 г. (52), 1846 г. (43), 1847 г. (41), 1849 г. (38), 1858 г. (25), 1854 г. (21), 1848 г. (15), 1857 г. (12), 1845 г. (5), 1843–1844 гг. (3), 1838–1839 гг. (2), 1879 г. (1); в 1841 г., 1842 г., 1850 г., 1851 г., 1852 г., 1853 г., 1855 г. упоминаний геополитических субъектов не обнаружено.

Проведенное исследование ярко демонстрирует широту и масштабность геополитического мышления Достоевского. Анализ источников показал, что геополитическое сознание великого русского писателя находит отражение на всех уровнях его творчества. Художественные произведения, письма, заметки, публицистика насыщены политическими, историческими, социокультурными размышлениями и замечаниями, которые, вне всяких сомнений, формируют особую геополитическую карту и картину мира Достоевского. В то же время количественный и хронологический анализ геополитических материалов в творчестве писателя позволяет констатировать, что в центре всех размышлений писателя находится Российская империя, а широкое присутствие на геополитической карте Достоевского других мировых держав и регионов имеет для него окончательный смысл и значение, прежде всего, во имя России.

2.3. «Картирование» как воображаемый конструкт: славянский мир в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского

А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина

Общая проблематика реконструкции геополитической карты Ф. М. Достоевского в данном параграфе уточняется как принципиальный для понимания геополитической картины мира писателя вопрос о картировании славянского мира в «Дневнике писателя».

Для понимания того уникального влияния, которое имел «Дневник писателя» Достоевского на современное ему общество, воспользуемся сравнением его с информацией в Интернете, к которому прибегнул И. Л. Волгин, сославшийся на статьи Д. Быкова и Л. Андрулайтиса, опубликованные в журнале «Октябрь» в 2002 и 2005 гг. [26. С. 7]. Действительно, по содержанию, своеобразной коммуникации, производимому им резонансу в различных слоях общества, а главное – по глубоко искренней авторской позиции в отношении проблем внутреннего мира личности и мира внешнего сходство «Дневника» с блогом поражает. Особо интересна в этом смысле форма коммуникации: «Ежемесячник Достоевского, вся редакция которого состояла из одного человека, мог успешно конкурировать с крупнейшими современными изданиями, каждое из которых обладало собственным редакционным аппаратом, штатом сотрудников и значительным контингентом авторов» [27. С. 20].

Подписчики (и покупатели) «Дневника писателя» исчислялись тысячами; и среди них были те, кто состоял в переписке с автором – одобрял или негодовал, присылал материал для очередного сюжета: «Поток писем, хлынувший в адрес автора-издателя, отразил практически весь спектр российского образованного общества. Достоевскому писали студенты и священники, учителя и чиновники, идеалисты и циники, правдолюбцы и потенциальные самоубийцы» [26. С. 7]. И эта «сеть» кратно увеличивалась за счет реакции корифеев русской литературы и литературной критики, политических публицистов и идеологов различных направлений, которыми, не в пример нынешнему времени, была богата тогдашняя Россия.

Конечно, во многом причиной популярности стали не одни лишь обсуждения актуальных проблем, стойкая нравственная / идейная позиция по ключевым вопросам, зачастую шедшая вразрез с официальным (ортодоксальным) мнением, а равно и с мнением авторитетных и уважаемых

«властителей дум». Проекцию внутреннего мира на духовный и социально-политический ландшафт 1870–1880-х гг., а точнее, на картину этого мира, предлагаемую Достоевским читателям, отличают не только сочность красок реальности, но и поистине провидческая сила писателя в отношении будущего России и мира. При этом писатель выступал не регистратором или прозектором прошлого и настоящего, он активно продвигал свое видение будущего.

Данный параграф монографии посвящен проблеме, которую не обошел практически ни один крупный исследователь Достоевского. Речь идет о его позиции в отношении славян и России, «восточного вопроса» и балканских войн: «Достоевский держит в поле своего зрения весь универсум. Но если, скажем, подробное рассмотрение перипетий тогдашней европейской политики представляется сегодня не столь актуальным, а те или иные пророчества о ближайшем будущем Европы, о судьбах католичества и т. д. выглядят достаточно эфемерными (хотя и здесь явлены поразительные угадки), то, пожалуй, ни одно из авторских размышлений, касающихся России, не утратило своей остроты и злободневности. Мы имеем в виду даже не столько вечно повторяющиеся парадоксы российской действительности (хотя их ментальное постоянство не может не изумить читателя), сколько постижение Достоевским того нравственного механизма, который во многом определяет повороты отечественной истории» [27. С. 8–9].

Однако здесь предлагается посмотреть на данную проблему с особой стороны: с точки зрения политической науки и специальной проблематики воображаемого «картирования».

«Картирование» может быть интерпретировано как своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. Ментальная карта мира воображения является путеводителем по одному из феноменов мира политики, поскольку он по своей природе относится более к символической реальности, которая имеет или должна иметь референции в объективном мире политических институтов. Но существуют и «анклавные» политические миры воображаемого, полностью зависящие от воли своего творца. Подобные миры можно объективировать только в символических продуктах, такими символическими продуктами и выступают картографические описания. В сущности, «картирование» любого мира имеет непосредственное отношение к миру воображаемого. Здесь можно сослаться на

Д. Вуда: карта, по его мнению, всегда показывает реальность, которую можно постичь только с помощью карты. К такой реальности относится невидимое простым глазом или недостижимое в настоящем [28. С. 81]. То есть карта создает именно «картированную реальность», а картирование, в свою очередь, представляет собой один из способов конструирования исследуемой реальности.

При этом необходимо указать на экстраординарное (и в силу этого – политическое) положение русского писателя в XIX в., в нашем случае – выдающегося писателя, находящегося в диалоге с обществом. Б.А. Прокудин, посвятивший ряд своих исследований политическому значению писателя в России, отметил следующее: «Начиная с 1840-х гг. литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была публицистика и литературная критика. Третьим – философия <...> Кроме военной или государственной службы, других форм гражданской жизни в России с этого времени не предусматривалось, и здесь пришла литература. Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать гражданственность больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага, литература звала вперед, литература определяла нашу социальную и политическую жизнь» [29. С. 225].

Не случайно в канун и в ходе Русско-турецкой войны славянский вопрос, всколыхнувший практически все слои общества, становится центрообразующим и для понимания миропорядка Достоевским, что и нашло отражение в «Дневнике писателя». Поэтому проблематика воображаемого «картирования» принципиально уточняется на этом материале как картирование славянского мира в его «Дневнике писателя».

С нашей точки зрения, конструкция славянского мира выступает особым политическим макрокосмом, где «реальное» представляет ментальное. «При всем многообразии трактовок слова «ментальность» ближе всего, вероятно, к глобальному видению сути явления будет дефиниция «мирочувствие» (А. Ф. Лосев) или «мировидение» (А. Я. Гуревич)» [30. С. 6]. Уже сами эти определения ментального подчеркивают его конструктивистский потенциал, определяющий в данном случае особый взгляд на мир славянства [31].

Символически (и метафорически) «картирование» славянского мира задано у Достоевского наличием в Европе трех мировых идей, последовательно приходящих на смену одна другой. Они отрицают друг друга, но на момент написания «Дневника» сосуществуют в духовном, экономическом и идейно-политическом конфликте вокруг выбора истинного пути человечеством. Это идеи католицизма, протестантизма и славянства. Географически три мировые идеи привязаны к трем центрам: Франции, Германии и России (как оплоту славянского мира). Столкновение этих идей означает, по Достоевскому,

<...> начало конца всей прежней истории европейского человечества, – начало разрешения дальнейших судеб его... [9. Т. 25. С. 67].

Католицизм (Франция) для Достоевского не только (и не столько) религия (на чем делает акцент И. Л. Волгин), сколько, если можно так выразиться, политика, идущая от Древнего Рима, прошедшая внутри себя периоды кровавых трансформаций, но не утратившая сути и последовательно воплощавшаяся в атеизме, социализме и коммунитаризме (в данном случае речь идет о Парижской коммуне).

Протестантизм генетически выводится писателем из этой непрекращающейся борьбы с первой идеей: от противостояния германских племен Риму через претендующую на мировое господство идею Лютера до прославления торжества германской мысли и германского духа.

Третья идея – славянская. Отметим, что здесь Достоевский ее не расшифровывает, а только, противопоставляя предыдущим, пишет, что у России есть

<...> две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и тесное единение его с монархом [Там же].

Зададимся вопросом: насколько прав был писатель в определении точек напряжения мировой истории, насколько долговременными являются предсказанные им векторы развития? Начнем с того, что война России и Турции на Балканах, война за свободу славянских народов, действительно, положила начало новейшей истории через военный конфликт Болгарии и Сербии, а затем – и первую мировую войну, поводом для которой послужил, как известно, инцидент в Сараево. Война, приведшая, в свою очередь, к крушению трех европейских монархий, а впоследствии и Османской империи, к кардинальной перекройке всего европейского ландшафта, оставила «жало» конфликта в претензии соперничающих идей на мировое господство.

В дальнейшем можно обнаружить, как эти три мировые идеи (по Достоевскому) мутировали в центры противостояния и претензий на мировое господство: либерально-атлантический центр во главе с Францией и Великобританией, протестантско-реваншистский – нацистской Германии и советский (мессианиззм как составная часть «замещенной» всеславянской идеи).

Возвращаясь к картированию славянского мира в «Дневнике писателя», следует отметить, что славянство как мировая идея должно быть привязано к определенному месту, в данном случае – не только на географической, но и на ментальной карте-конструкте (писателя и читателей). Судя по текстам публикаций в «Дневнике», Достоевский ограничивал славянский мир Балканами. В это понятие не включались славянские земли, входившие в Австро-Венгерскую империю, не входила и Польша. Поскольку на тот момент славянство еще было конструктом, основанным на идее единения в ходе и результате освобождения Балкан от османского ига, освобождение его напрямую связывалось с Россией, бесспорно полагавшейся не столько центром, сколько духовной, военно-политической основой и донором славянского мира. Со своей стороны, освобождаемый и рождавшийся на Балканах славянский мир мыслился триггером, способным запустить процесс духовного очищения и обновления самой России. Отсюда – и выявление положительных сторон Русско-турецкой войны: подъем морального духа, патриотизм, единение нации во всех слоях, укрепление связей с монархом.

Однако и визуально, и по замыслу вряд ли огромная Россия смогла бы сойти за политический центр. И в марте 1877 г. Достоевский вновь возвращается к мысли, которая кажется ему самому утопической, – о Константинополе-Царьграде. В развернутом виде эта идея была высказана в июне 1876 г. и включала вопрос об альтернативе петербургскому сценарию эпохи Петра Великого. Если на тот момент у Петра, по Достоевскому, не было сил справиться с султаном, к тому же многовековой царедворский опыт греков привел бы к насаждаемой азиатчине вместо немецких порядков, а может быть, и расколу православия на «царьградское» и «старорусское», то к весне 1877 г. рассмотрение данной альтернативы стало, на взгляд писателя, вполне уместным. Для чего? Для увенчания российского великана достойной столицей и для укрепления православия как основы государственности в России. Ясно, что виды на Константинов град имели и греки («греческая» составляющая, которую приводил как пример национальной алчности Достоевский, уже стала основой распри Вселенского патриарха и Болгарской церкви), Россия же в этом конфликте не могла

встать на чью-либо сторону. В Европе возникали идеи сделать Константинополь «международным» [9. Т. 25. С. 73] городом, что совсем обесценило бы геополитическое значение России и, напротив, усилило Запад, прежде всего Англию [Там же. С. 70–74].

Чтобы ограничить проблему, обратим внимание на то, что в отношении «карты славянского мира» налицо не только конструктивизм Достоевского, но и показательная деконструкция славянского мира (славянской идеи) как текста. Только что мы упомянули о деконструкции идеи Константинополь-центра. Достоевский, пишущий об очищающем характере войны, о призвании русского народа спасать братьев-славян, вдруг останавливается: постойте, картина в болгарских селах, куда вошло наше войско, совсем не та, которую рисовала пресса и поддерживала общественность. На одну мечеть – две православные церкви, дома беленые, сады ухоженные. Начинают солдаты сравнивать с Отечеством – кого спасать надо? Не в меньшей степени освежающе действует рассуждение писателя об освобождаемых славянах, когда в ход у Достоевского идут уменьшительные «новоосвобожденные славянские народцы» [Там же. Т. 26. С. 78], «славянские земли и землицы» [Там же. С. 80]. Даже само название публикации «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» маркирует не столь «частность» или «мелочность» вопроса, сколь профанирование «славянской идеи», а больше – досадную механику ее воплощения. Но дело даже не столько в масштабах на конструируемой карте, сколько в идейно-политическом значении, не утратившем актуальности и поныне:

<...> не будет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! <...> Начнут они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их <...> в защиту от *России* [Там же].

Далее, по мнению автора «Дневника»,

<...> мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее [Там же. С. 79].

Достоевский предполагает – это подтверждается национальными практиками и поныне, –

<...> особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации [9. Т. 26. С. 79].

Наконец, ринувшиеся в Европу славяне заразятся европейскими политическими формами, забыв о «своем особом славянском призвании» [Там же. С. 80]. Мало того, «между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать» [Там же], и России «надолго останется тоска и забота мирить их» [Там же], но это – обратная сторона ее как основы славянского мира. Надо ли специально говорить о том, сколько раз подтверждалось это прозрение Достоевского, да и не только в отношении славян.

Возвращаясь к этому дару писателя видеть узел противоречий, способных повлиять на расстановку сил (и идей) в мире в долгосрочной перспективе, стоит отдать дань его оценке позиции Вселенского патриарха. Сам Достоевский оценивал свои рассуждения как «некое пророчество»:

Столь недавняя у них греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством. Вселенский патриарх, порицая послушание болгар и отлучая их и самовольно выбранного ими экзарха от церкви, выставлял на вид, что в деле веры нельзя жертвовать уставами церкви и послушанием церковным “новому и пагубному принципу национальности”. Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения, служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян [Там же. Т. 25. С. 70–71].

В этом контексте поставившая на грань раскола православную церковь в 2018 г. позиция Константинопольского патриарха по вопросу об Украинском патриархате показывает такие же очевидные политические основания и эгоизм, что и сто сорок лет назад, небрежение задачей поддержки статус-кво православного мира – это тот же самый «тленный запах» [Там же. С. 70], с ощущения которого Достоевский начинает статью «Самые подходящие в настоящее время мысли». И это вновь меняющийся облик мира, его «новая карта», контуры которой намечены в тексте «Дневника писателя».

Достоевский пишет свой текст, понимаемый семиотически как знаковая реальность, и сам же «читает» его, подчеркивая смысловую наполненность знакового ряда. Но это еще не все: он одновременно и комментирует

значение прочитанного, и тем самым переосмысливает текст, т. е. подвергает деконструкции. Критический мотив деконструкции «текста славянского мира» проявляется в нахождении смысловых противоречий, которых как бы нет в наличии, но они присутствуют в виде «следов», по терминологии Ж. Деррида. Определяя деконструкцию в предисловии к книге Ж. Деррида, Н. С. Автономова подчеркивает, что «в целом деконструкция – это разборка концептуальных оппозиций, поиск “апорий”, моментов напряженности между логикой и риторикой, между тем, что текст «хочет сказать», и тем, что он принужден означать» [32. С. 71]. Само нахождение противоречия ведет к снятию его знаковой неразрешимости и новому познанию смысла.

Как бы на полях своего текста или в примечаниях Достоевский приходит к заключению, что дело спасения и освобождения славян, о коем манифестирует официальный медийный конструкт (к которому Достоевский и отсылает читателя), по сути, не нужно славянам, они непременно станут игнорировать как самый его факт, так равно и роль спасителей. Здесь Достоевский выступает уже как критически настроенный «читатель» самого себя, т. е. в идее символической роли старого Константинополя-центра Россия не сможет наличествовать в качестве центра бытия славянского мира.

Завершая это исследование, сошлемся на позицию Д.В. Гришина, назвавшего «Дневник писателя» «заключительным словом в развитии творчества», «последним словом убеждений», по словам самого Достоевского, где он нашел возможность высказывать свое отношение к миру, не скрывая его за текстом художественного произведения, за словами и мыслями его героев [33. С. 19]. Драматургия «Дневника» позволила писателю делиться напрямую своими мечтами, сомнениями, включать современников в собственную картину мира, важным элементом которой было призвание России – в том числе по отношению к нарождающемуся на карте Европы славянскому миру.

Литература

1. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (новые архивные материалы 1837– 1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 57–90.
2. Вагнер В. А. Московское училище ордена святой Екатерины. 1803–1903 гг.: исторический очерк. М., 1903. 560 с.
3. Каменецкий Т. А. Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма, в пользу детей, начинающих учиться географии. М., 1828. 352 с.
4. Лекке М., Чхаидзе Е. Россия – Грузия после империи : сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 5–30.

5. *Архипова А. В.* Достоевский и Карамзин // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 101–112.
6. *Белов С. В.* Достоевский и Карамзин // Русский архив. М., 1990. Вып. 1. С. 178–192.
7. *Миллионщикова Т. М.* Творчество Карамзина в американском литературоведении // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 194–217.
8. *Карамзин Н. М.* История Государства российского : в 12 т., 3 кн. Кн. 1. М., 2002. 502 с.
9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
10. *Шкловский В. Б.* За и против: Заметки о Достоевском. М. : Сов. писатель, 1957. 262 с.
11. *Учебный атлас, состоящий из немых географических карт.* СПб., 1829. 29 л.
12. *Географические листы, служащие объяснением к Учебному атласу, состоящему из немых карт, составлены при Главном инженерном училище.* СПб., 1829. 127 с.
13. *Проскурин О. А.* Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 270–277.
14. *Кузьминов П. А., Тахушева И. С.* Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818–1867 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 81–87.
15. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 543 с.
16. *Roazen P.* Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson. London : Open Gate Press, 2000. 185 p.
17. *Trepanier L., Avramenko R.* Dostoevsky's Political Thought. Lanham ; MD : Lexington Books, 2013. 254 p.
18. *McReynolds S.* Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky // Literary Imagination. 2002. Vol. 4, № 1. P. 91–104.
19. *Schmid U.* Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics // Dostoevsky Studies. New Series. 2011. Vol. 15. P. 37–45.
20. *Orr J.* The Demonic Tendency, Politics and Society in Dostoevsky's The Devils // The Sociological Review Foundation. 1978. Vol. 26, № 1. P. 271–283.
21. *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М. : Сов. писатель, 1990. 480 с.
22. *Карякин Ю. Ф.* Достоевский и канун XXI века. М. : Сов. писатель, 1989. 652 с.
23. *Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А.* Статистический словарь языка Достоевского / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
24. *Энциклопедическое собрание сочинений. Достоевский Ф.М.* М. : ООО «БизнесСофт», 2005. (Электронные книги).
25. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского : в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридендера.* СПб. : Академ. проект, 1993.
26. *Волгин И. Л.* Воссозданный Достоевский: текст как текст // Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М., 2011. С. 5–17.
27. *Волгин И. Л.* Поверх барьеров // Достоевский Ф.М. Дневник писателя : в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 5–42.
28. *Орлова Г. А.* «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 57–104.
29. *Прокудин Б. А.* Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 224–237.

30. *Щербинин А. И., Щербинина Н. Г.* Политический мир России. Томск : Водолей, 1996. 256 с.
31. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.
32. *Автономова Н. С.* Деррида о грамματοлогии // Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. С. 7–110.
33. *Гришин Д. В.* Достоевский – человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн : Мельбурнский университет, 1971. 369 с.

Глава 3

Страны и регионы мира в восприятии Ф. М. Достоевского

3.1. Англия и Франция на страницах российских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время»

С. В. Вировец

Русская пресса середины XIX в. постоянно обращалась к Англии и Франции; ведущие журналы эпохи «Современник», «Отечественные записки» и «Русский вестник» не только внимательно следили за происходящими в них актуальными политическими процессами, но и постоянно сопоставляли политику этих двух европейских держав между собой. В центре внимания российской публицистики начала 1860-х гг. находились события итальянского Рисорджименто, в которых наряду с самими итальянцами, Австрией и Пруссией принимали участие Англия и Франция, а также вопросы колониальной политики этих ведущих колониальных держав.

Впервые Ф. М. Достоевский системно обратился к анализу современной ему геополитической ситуации в своем первом журнале «Время» (1861–1863). Создавая «Время», Достоевский подчеркивал уникальность позиции журнала в общем социально-культурном контексте эпохи. В <Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год> говорилось:

Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов, – несмотря на наше уважение к ним <...> Мы не уклонимся и от полемики [1. Т. 18. С. 39].

При этом, в связи с вопросами европейской политики в журнале, следует учитывать тот факт, что Достоевский впервые посетил Европу только летом 1862 г., а до этого момента он имел возможность составить представление о ней преимущественно на основе отечественной публицистики

(и художественной литературы), за которой пристально следил. После 1862 г. представления Достоевского о Европе существенно уточнились, что нашло отражение в его «Зимних заметках о летних впечатлениях» 1863 г. Именно на основании этого произведения в настоящее время, как правило, описывается его восприятие европейских событий начала 1860-х гг. [2–5]. Однако общий контекст российской журналистики этого времени до сих пор не становился предметом специального анализа в указанном аспекте.

Редакция журнала «Русский вестник» позиционировала в это время Англию как страну, в которой индивидуальная свобода человека ценится превыше всего. Так, в январе 1860 г. стало известно о запрете во Франции католической газеты *l'Univers*. «Русский вестник», освещая данный факт, отмечает, что редакция *l'Univers* была вынуждена

перенести свои станки в ненавистную протестантскую Англию <...> и уже оттуда метать ватиканские перуны в союзе с ирландскими ультрамонтанами, которые пользуются совершенной безопасностью и полной свободой изрыгать свои хулы на свободу [6. С. 84].

Францию «Русский вестник» представляет, напротив, негуманной и беспринципной. Позиция Франции, направленная в это время на борьбу за часть разрозненных пока итальянских земель, расценивалась «Русским вестником» как предательство гуманистических идеалов ради выгоды. Редакция приводит слова одного французского публициста:

Прилично ли Франции с её преданностью абсолютным принципам, теории человеческих прав, равенству, утверждать, что в одном месте народ имеет право установить себе правительство, а в другом, в нескольких шагах от прежнего, он теряет это право ради интересов большинства и исторических преданий? [Там же. С. 88].

Одной из лучших черт Англии в рамках итальянского вопроса редакция «Русского вестника» считает приверженность своим принципам:

Но и без объяснения всякому очевидно, что Англия не только не последовала за другой державой, но, напротив, заставила свою союзницу следовать за собой и действовать в духе её начал. Она доказала ясно, что готова защищать эти начала всей своей силой и что, следовательно, они непобедимы [Там же. С. 107].

«Современник» также противопоставлял Англию и Францию. В февральском политическом обзоре 1860 г. указывается на лицемерие Франции; Англия же предстает как страна, сочувствующая угнетённому итальянскому народу, а также ставящая благо своего народа превыше всего.

Редакция одобряет нежелание Англии, несмотря на сочувствие жителям Савойи, вступать из-за неё в войну:

Конечно, одна только Англия имела бы теперь силу остановить французские притязания на Савойю вооружённой рукой. Но английские министры положительно объявили, что не намерены жертвовать деньгами и кровью англичан по этому делу, которое не касается прямых интересов Англии. Они будут протестовать, выразят своё неудовольствие, но больше этого не захотят ничего сделать, если сам Пьемонт не имеет решимости мешать насильственному присоединению Савойи к Франции <...> Итак, спор собственно идёт между Сардинией и Францией <...> Поэтому английские государственные люди полагают, что присоединение Савойи к Франции неизбежно [7. С. 308].

«Отечественные записки» в деятельности Англии так же, как и «Русский вестник», были склонны видеть далёкие от меркантильных мотивов побуждения. Журнал вступил в полемику уже с французскими публицистами, которые стремились приписать Англии политическую позицию личной выгоды, они утверждали, что «англичане не будут спонсировать разжигание мятежа, если он не принесёт им пользы» [8. С. 56]: «Редакция журнала не допускает мысли о правдивости данных предположений» [Там же].

Так в «Русском вестнике», «Отечественных записках» и «Современнике» начала 1860-х гг. формируется образ Англии как либеральной гуманной державы, для которой главную ценность представляют нация и индивидуальные права каждого человека, которая руководствуется рациональным гуманизмом. Данные качества выявляются в контрасте с беспринципной, беззащитно пользующейся своей силой Францией.

Вопросы колониальной политики Англии и Франции актуализировались в России начала 1860-х гг. как тесно связанные с отечественной проблематикой отмены крепостного права. Так, автор февральской статьи «Современника» 1860 г. «Леность грубого простонародья» критикует доводы в пользу крепостного труда [9]. Для их опровержения «Современник» приводит перевод статьи из журнала *Edinburgh Review*. Она начинается с описания нравственных и физических страданий работников плантаций. Английский автор приводит подробную статистику наказаний, смертности и рождаемости среди рабов, а также уровень продуктивности их труда и прибыли, и делается вывод, что по всем показателям рабовладение, прежде всего, невыгодно. В этом позиции автора английской статьи и автора статьи «Современника» совпадают: и тот и другой акцентируются на выгоде и экономической прибыли человеческой свободы. Подробно

описываются и плоды освобождения; с отменой рабства афроамериканцы начинают превращаться в «цивилизованный» народ: они строят каменные дома со спальнями и гостиными, «передней части участка дают вид европейского сада» [9. С. 260], мужчины ходят в чистых опрятных костюмах, а женщины – в платьях. Статья англичанина заканчивается словами:

Вместо того, чтобы быть мучением государственных людей, позором Англии – Вест-Индия теперь становится бесценным сокровищем британской короны. Великое дело освобождения доказало, что поступать справедливо есть высшая степень расчётливости [Там же. С. 262].

Освобождение рабов как «высшая степень расчётливости», а не акт гуманизма – редакция «Современника» это полностью одобряет и считает нужным освободить крестьян в России на тех же основаниях.

«Отечественные записки» также придерживаются данной позиции. В майском номере журнала за тот же 1860 г. в обзоре повести, посвящённой Новой Зеландии, подчёркивается, что именно англичане первыми перестали обращать в рабов жителей земель, которые покоряли. Подобная политика понравилась далеко не всем: многие европейцы претендовали на эти земли, однако англичане дали понять, что попытки обмануть туземцев будут дорогого стоить державам [10]. «Отечественные записки» также предлагают читателям в рамках политического обозрения перевод статьи из одного из английских еженедельных изданий, посвященной поездке принца Валлийского в Канаду, где говорится:

Мы давно отказались не только от покушений, но даже и от желания подчинить наши колонии мелочным интересам торговой монополии. Мы теперь смотрим на них так, как следует смотреть, – как на частицы величия англо-саксонской расы... [11. С. 85–86].

В одном из обзоров иностранной литературы исследуется «Мой дневник в Индии» Уильяма Росселя, в котором он описывает «безрассудную и нехристианскую мстительность» англичан по отношению к индийцам во время подавления восстания сипаев [12. С. 4.]. У. Россель испытывает симпатию к туземцам и жёстко критикует соотечественников за дискриминацию людей из-за цвета кожи и культурных различий. Он говорит о том, что англичане – страшные деспоты, когда находятся на большом расстоянии от дома, а значит, от «бича общественного мнения и гласности» [Там же. С. 11]. «Отечественные записки», используя данный материал, подчеркивают, что английская пресса, обладающая полной свободой слова, становится совестью английской нации и одним из столпов развитого гуманистического государства.

При этом английские исследователи XIX в., а вслед за ними и «Отечественные записки», отмечали признаки нравственного упадка в английском обществе. В разделе, посвящённом иностранной литературе, в переводе работы «О свободе» Стюарта Милля [13] говорится, что отсутствие личности – главный порок европейского (в том числе английского) общества. Уравнивание всех во всём считается высшей целью развития, главным достижением человечества. С. Милль указывает на то, что стремление к стандартизации лишает людей индивидуальности, оригинальности мышления, подчас даже самой способности мыслить. Автор называет это «тиранией большинства». Единственным «лекарством» от этой «болезни» является способность людей, стоящих у власти, прислушиваться к более талантливым и оригинальным советникам. С. Милль подчёркивает: «Все благородные начинания идут от отдельных лиц, по большей части от одного лица» [Там же. С. 3].

Живой интерес русских публицистов к политической и общественной жизни европейских держав, к их государственному устройству и колониальной политике был вызван необходимостью осмыслить, по какому принципу следует проводить свои реформы России: пойдёт ли она по европейскому пути или найдёт свой собственный. Публицисты, стремясь указать царю «правильный» путь реформирования страны, создали на страницах журналов образ Англии как гуманной страны, в которой человек и в целом нация являются высшей ценностью. Также Англия, согласно их представлениям, сочетает гуманность с рациональностью: жизнь и достаток англичанина для неё приоритетны.

Достоевский же считал, что в этих вопросах нельзя полагаться на опыт Англии или любой другой европейской страны. Уже в упомянутом выше <Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год>, размышляя об актуальной современности, о том, что «мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую» [1. Т. 18. С. 35], писатель подчёркивает далее: «Мы не Европа» [Там же. С. 36]. Аргументация данной позиции стала важной задачей «Времени».

В первой части программного произведения «Ряд статей о русской литературе. I. Введение» Достоевский отмечает, что задача России – это синтез европейских идей и поиск своего пути развития.

Для того чтобы донести данную мысль до читателя, Достоевский использует уже знакомую читательской аудитории оппозицию «Англия – Франция». Русские публицисты утверждали принципиальную разницу между двумя нациями. Достоевский же преследует цель развенчать данное

убеждение, поэтому разрушает оппозицию, утверждая, что обе страны похожи больше, чем кажется:

Англичанин до сих пор еще не в состоянии допустить разумности существования Француза; Француз платит ему совершенно той же монетой, даже с процентами, несмотря ни на какие союзы, ententes cordiales³ и проч. и проч. А между тем и тот, и другой – европейцы, настоящие, главные европейцы, представители европейцев [1. Т. 18. С. 46].

Главное свойство всех европейцев – стремление к национальному индивидуализму. Желание отделиться настолько сильно, что порождает агрессию, которая делает невозможным гуманное отношение к другим народам. В первом «Политическом обзоре» январского номера об Англии говорится:

С вершины Гибралтарской скалы она давно ревниво надзирает за проливом: из двух сторон его она снисходительно соглашается владеть только одной, но никак не хочет допустить мысли, чтобы другая сторона принадлежала какой-нибудь другой европейской державе. Французский ли флот явится перед Тангером, как это было 15 лет назад, – Англия негодует. Испания ли хочет наказать разбойников – Англия начинает её страшать... [14. С. 2].

Так Англия Достоевского, в отличие от Англии, образ которой был создан в других журналах, антигуманна. Показной, приносящий выгоду гуманизм также оказывается порождением индивидуализма и, по мнению «Времени», направлен исключительно на извлечение выгоды из чужого страдания. Для утверждения этой идеи Англия и приравнивается к всегда агрессивно настроенной Франции.

Англия и Франция вновь соотносятся в рамках сирийского вопроса, который возник из-за массового убийства христиан. На Европейском совете было решено ввести в Сирию французские войска для обеспечения безопасности христианского населения. Согласившись с данным решением, Англия делает все возможное, чтобы Франция не имела влияния в Сирии, несмотря на то, что христиане, там живущие, возлагают на французов большие надежды. Морская держава проигнорировала данный факт, так как у нее есть свои прагматические мотивы: Сирия лежит на пути в Индию. Франция также не заботится об оставляемых ею христианах:

Но отступление из Сирии нисколько не сконфузит французов. Они сочинят по этому поводу несколько песен, устроят торжественный приём для возвращающихся войск и потом взапуски будут прославлять свои подвиги

³ Сердечные согласия (фр.)

на Востоке <...> Между тем в Сирии слух о скором выступлении французов навёл уныние на всё тамошнее европейское и христианское население, а турки, напротив, очень рады [15. С. 3].

Так редакция, сравнив державы с точки зрения следования гуманным идеалам, нивелирует разницу между ними. Более того, при помощи откровенной иронии рационализм англичан, одобряемый русским прогрессивным обществом, доводится до абсурда.

Индивидуализм Англии и Франции, Европы в целом, с точки зрения редакции «Времени», разрушителен для личности и неминуемо ведёт к нравственному разложению общества на всех уровнях. Они представляются очагом идеи современности о богатстве и накоплении, которая развращает человека.

К предисловию переведённого романа Элизабет Гаскелл «Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках» дано следующее примечание:

Печатаем этот интересный роман потому, что в нём живо очерчены быт и страдания рабочего класса в Англии. Из всех европейских государств одна только Россия может смотреть с братским участием на все эти бедствия, на всю эту сословную ненависть, благодаря Богу ей самой вовсе неизвестные. Надел крестьян наших землю спасает нас навсегда от этой страшной, повсюду зияющей теперь язвы, которая называется пауперизмом или пролетариатом [16. С. 523].

Редакция «Времени» отмечает, что якобы принципиальная в своих убеждениях Англия готова идти на преступления, если это сулит выгоду. В январском «Политическом обзоре» 1862 г. подводятся итоги прошедшего года. В это время конфликт между Севером и Югом в Американских штатах уже разгорелся, и предполагалось, что Англия вступит в войну. Американцы не хотели войны с Англией, однако виконт Пальмерстон и лорд Россель скрыли данную информацию и продолжили мобилизацию, заставляя тем самым народ нести огромные потери. «Время» жёстко осуждает поведение английских политиков:

Мирные намерения вашингтонского кабинета были несомненны; но их лордства продолжали делать военные приготовления, отправлять войска в Канаду и в своём величии равнодушно изволили взирать на упадок курсов <...>. Неизвестно, в какой мере их лордства воспользовались упадком, но теперь, когда дело разъяснилось, оказывается несомненным, что игра была выгодная и очень крупная [17. С. 7].

«Время» также подчеркивает, что в период хлопкового кризиса часть английских рабочих не получали зарплату, а хлеб при этом значительно

подорожал. В то же время правительство устраивает всемирную выставку, оставляя «бедных рабочих» умирать от голода [17. С. 17].

Таким образом, в 1860–1862 гг. в крупных российских журналах Англия была представлена как мощная, развитая держава; главная ценность для англичан – человеческие права, поэтому Англию можно назвать гуманной страной, и она готова бороться за свои принципы. Такой образ современной державы выстраивается публицистами в сравнении с Францией, которая обладает противоположными характеристиками: беспринципная, жестокая и меркантильная. В связи со спецификой внутренней политической обстановки в России образ Англии на страницах российских журналов обретает своего рода «назидательную функцию»: исследуя прошлую и современную жизнь английского общества, политическую систему державы и многое другое, публицисты «намекали» российскому правительству, каким путём должна идти Россия.

Достоевский же, исходя из своей почвеннической позиции, последовательно критикует Запад, используя для этого образ той же Англии. Ее образ, представленный на страницах «Времени», противоположен образу «Современника», «Русского вестника» и «Отечественных записок»: Англия негуманна, непоследовательна, английский рационализм абсурден, а правительство ради выгоды допускает массовые страдания подданных. Писатель также разрушает сложившуюся оппозицию «Англия – Франция» и подводит их под общий знаменатель – «европейцы», выводя тем самым проблематику двух европейских держав на новый геополитический уровень. Достоевский и его единомышленники устанавливали принципиальную связь между «математическим» гуманизмом, индивидуализмом и нравственным разложением европейского общества.

В таких контекстах формировались геополитические взгляды Достоевского.

3.2. Франция Ф. М. Достоевского

Е. Г. Новикова

В самый страшный момент своей жизни – стоя на эшафоте, Ф. М. Достоевский обратился к Франции. Из воспоминаний петрашевцев:

Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза <...> Достоевский был несколько восторжен, вспоминал

«Последний день осужденного на смерть» Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: «Nous serons avec le Christ»⁴ [18. С. 188].

Перед лицом смертной казни он вспомнил «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго и о Христе размышлял по-французски.

В начале своего творчества Достоевский был ориентирован на французский язык – и на французскую литературу. Его первой публикацией стал перевод на русский язык романа О. де Бальзака «Евгения Гранде» [19], вышедший в свет в 1844 г. в журнале «Репертуар и Пантеон» без указания имени переводчика. Одновременно с романом О. де Бальзака Достоевский перевел и другие произведения французской литературы – романы Эжена Сю «Матильда» и Жорж Санд «Последняя Альдини» (по разным причинам они опубликованы не были).

Но, конечно же, все основные силы молодой Достоевский направлял в это время на создание своего собственного первого художественного произведения. Цена вопроса была для него предельно высока: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву. Что же делать? Я уже думал обо всем» [1. Т. 281. С. 110]. Когда же роман, с его точки зрения, состоялся, он его знаменательно сопоставляет именно с «Евгенией Гранде»:

Я кончаю роман в объеме «Eugénie Grandet». Роман довольно оригинальный <...> Я моей работой доволен [Там же. С. 100].

Безусловно, вопросы о французском языке, французской литературе и культуре неоднократно ставились в науке о писателе; тема французского языка активно осмысливается в связи с его переводом «Евгении Гранде» [20–23]; особую важность для понимания роли французской литературы в жизни и творчестве Достоевского представляет ныне ставшая уже классической работа Г. М. Фридендера «Достоевский и В. Гюго» [24]; наконец, литература, посвященная образу Наполеона и теме наполеонизма у Достоевского, колоссальна. В данном параграфе предпринята попытка описать образ Франции в творчестве писателя преимущественно в политическом аспекте.

С 1862 г. Достоевский начал выезжать в Западную Европу. Творческим результатом его первой поездки стали «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863). Писатель в них поставил перед собой совершенно осознанную (и неоднократно подчеркнутую в тексте) задачу описания современной европейской жизни:

⁴ Мы будем вместе с Христом (фр.).

Вот уже сколько месяцев толкуете вы мне, друзья мои, чтоб я описал вам поскорее свои заграничные впечатления <...> зато я все видел, везде побывал; зато из всего виденного составитя что-нибудь целое, какая-нибудь общая панорама. Вся «страна святых чудес» представится мне разом, с птичьего полета, как земля обетованная в перспективе. Одним словом, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатление [1. Т. 5. С. 46–47].

Эту единую картину Достоевский пытается создать, посетив во время своей первой заграничной поездки Германию, Францию, Англию, Италию, Швейцарию, и этот искомый образ Европы он составляет из отдельных специальных описаний Франции, Англии, Италии... Но – все оказалось не так просто. Характерно, что глава V «Ваал», в которой описывается Лондон, начинается следующим образом: «Итак, я в Париже...» [Там же. С. 68]. Из восьми глав «Зимних заметок...» Франции посвящены фактически шесть; исключение составляют только глава I «Вместо предисловия» и уже упомянутая глава «Ваал». В конечном счете именно Франция стала основной темой «Зимних заметок...» Достоевского, сквозь призму которой он воспринимает и описывает Западную Европу в начале 1860-х гг. Как сказано в произведении,

Запад, то есть <...> Франция преимущественно [Там же. С. 50].

Безусловно, это было связано с его опорой на французский язык, и Париж Достоевский сделал своим «базовым» европейским городом, из которого и выезжал затем в другие страны:

Я целый месяц, без восьми дней, употребленных в Лондоне, в Париже прожил. Ну вот я вам и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядел [Там же];

Я <...> немедленно ускакал в Париж <...> [Там же. С. 68];

Но во втором отеле, в котором я остановился, не найдя места в прежнем Hôtel Coquillière после восьмидневной моей отлучки в Лондон, со мной обращались гораздо откровеннее. Этот второй Hôtel des Empereurs <...> [Там же. С. 66]; и т. д.

При этом такой очевидный «франкоцентризм» своего первого заграничного путешествия Достоевский отчетливо рефлексировал; более того, писатель в конечном счете вполне иронично вписывает его в традицию российской галломании, понимая последнюю предельно широко, в диапозоне от персонажей Д. И. Фонвизина до кружка В. Г. Белинского:

Помню я тогда, лет пятнадцать назад, когда я знал Белинского, помню, с каким благоговением, доходившим даже до странности, весь этот тогдашний кружок склонялся перед Западом, то есть перед Францией преимуще-

ственно. Тогда в моде была Франция – это было в сорок шестом году [1. Т. 5. С. 50].

Во многом опорой для самоопределения Достоевского по отношению к Франции стала в «Зимних заметках...» историко-культурная традиция, восходящая к Д. И. Фонвизину, сатирические тексты которого, направленные как собственно против французской культуры, так и против российских галломанов, Достоевский активно привлекал. Например, от названия своего произведения он неожиданно и в то же время очень показательно переходит к «Бригадиру» Д. И. Фонвизина:

<...> ведь это зимние воспоминания о летних впечатлениях. Так уж к зимним и примешалось зимнее... Я именно размышлял на тему о том: каким образом на нас в разное время отражалась Европа <...> А впрочем, на чем я остановился? Да! на французском кафтане. С него все и началось! Ну так вот, один из этих французских кафтанов и написал тогда «Бригадира». «Бригадир» был по-тогдашнему вещь удивительная и произвел чрезвычайный эффект [Там же. С. 54–55].

Один из текстов Д. И. Фонвизина вообще стал в «Зимних заметках...» основой для создания искомого образа Западной Европы. Начало главы II «В вагоне»:

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял [Там же. С. 50].

Отсюда – название главы VI: «Окончательное решение о том: действительно ли “рассудка француз не имеет”?».

Посыл фонвизинского высказывания был нужен Достоевскому для того, чтобы подчеркнуть противоположное: предельную, абсолютную рассудочность современного француза, именно в этом писатель усматривает суть современной Франции:

Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид. Прежде хоть что-нибудь признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение: ну а теперь ни-ни <...> И не только на уважение других, но даже на самоуважение нельзя иначе рассчитывать [Там же. С. 76].

Описанию человека французской культуры как сущностного буржуа посвящены три последние главы произведения «Опыт о буржуа», «Продолжение предыдущего», «Брибри и Мабишь». Франция предстала у него воплощением современного буржуазного мира.

Такое представление о Франции было продолжено и развито в романе «Игрок» (1866). Образы французов в романе стали прямым продолжением проблематики «Опыта о буржуа» и «Брибри и Мабишь». Де-Грие и mademoiselle Бланш поистине буржуазны; рядом с заглавным героем романа, русским «игроком» Алексеем Ивановичем, одержимым страстью к Полине и к рулетке, их одержимость только «деньгами» представлена Достоевским с однозначным и глубоким неприятием. Именем же своего персонажа «Де-Грие», восходящим к чудесному роману аббата А. Ф. Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1753), писатель зафиксировал тот исторический процесс изменения национального характера, который он связывает с господствующей ныне в Европе и Франции буржуазностью: на смену романтику А. Ф. Прево пришел жесткий стяжатель.

История создания и проблематика «Игрока» связаны со следующими заграничными путешествиями Достоевского. Путешествие 1863 г. Достоевский совершил вместе с А. П. Суловой. 17 сентября 1863 г. она записала в дневнике тот разговор с Достоевским, который сегодня считается первым документальным свидетельством историософского замысла «Преступления и наказания»:

Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: «Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: «Истребить весь город». Всегда так было на свете [25. С. 60].

Такова была перспектива дальнейшего развития образа Франции Достоевского: проблематика современной буржуазности начинала вписываться в широкие историко-политические контексты великой французской истории.

Эти закономерности наиболее концентрированно и полно воплотились в романе «Идиот» (1868), который восходит к самому травматичному моменту в жизни Достоевского – к казни на эшафоте, на интенсивную «французскую» составляющую которого уже было указано выше: «“Последний день осужденного на смерть” Виктора Гюго <...> “Nous serons avec le Christ”».

Как точно заметила Н. М. Перлина, «вернувшись к литературной деятельности после тягчайших испытаний, Достоевский <...> долгое время избегал каких бы то ни было упоминаний о катастрофе, разразившейся над

ним и его друзьями. Табу, наложенное самим писателем на обсуждение темы об узаконенном и насильственном лишении человека жизни, диктовалось не столько прагматикой литературной деятельности (опасения цензурного вмешательства), сколько указывало на исключительную значимость и важность этой проблемы для его сознания. <...> Впервые Достоевский заговорил о переживаниях приговоренного к смертной казни в романе «Идиот» [26. С. 74]. Действительно, в «Записках из Мертвого дома» 1860–1861 гг., в этом первом обращении Достоевского к теме собственно «преступления и наказания», писатель передал своему герою-повествователю Александру Петровичу Горянчикову весь свой каторжный опыт – за одним крайне показательным исключением: тот осужден «за убийство жены своей» [1. Т. 4. С. 6]. Собственно говоря, в «Преступлении и наказании» также описано уголовное преступление. В первой половине 1860-х гг. некие внутренние запреты никак не позволяли Достоевскому обратиться к теме политического преступления и тем более связать это со своей собственной жизнью и судьбой.

Преодолевается это только в «Идиоте» – и преодолевается непросто. В роман введен автобиографический рассказ Достоевского о своей смертной казни, он доверен князю Мышкину, но как история некоего анонимного человека:

Тут одно обстоятельство очень странное было, – странное тем собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстреливанием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет [Там же. Т. 8. С. 51].

Представляется, что одной из стратегий преодоления Достоевским этой сложной личной ситуации стал интенсивный «французский» контекст романа – контекст Великой французской революции и публичной казни, гильотины.

Традиционно – и совершенно справедливо – считается, что в «Идиоте» ярко проявилось отношение Достоевского к Швейцарии: в начале романа князь Мышкин прибывает в Россию из Швейцарии, и рассказ героя о его швейцарском опыте играет в произведении значимую роль. В этом рассказе в доме Епанчиных князь Мышкин дважды упоминает о том, что его врач Шнейдер брал его с собой в Лион; так в романе возникает Франция, и тема рассказа о ней – публичная казнь:

- А там казнят?
- Да. Я во Франции видел, в Лионе. Меня туда Шнейдер с собою брал.
- Вешают?
- Нет, во Франции всё головы рубят» [1. Т. 8. С. 19–20];
- А разве в вашей деревне казнят? – спросила Аделаида.
- Я в Лионе видел, я туда с Шнейдером ездил, он меня брал. Как приехал, так и попал [Там же. С. 54];

Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага [Там же. С. 20].

История казни уголовного преступника Легро – художественный вымысел Достоевского, конечно же основанный на реальности, поскольку «во многих странах Западной Европы (в Англии, Франции, Германии и в некоторых кантонах Швейцарии) кражи, грабежи и другие уголовные преступления и во второй половине XIX в. по-прежнему карались повешением и гильотинированием» [26. С. 73]. Однако «по законам Российской империи смертные приговоры выносились только за государственные и политические преступления» [Там же]; до петрашевцев в России конца XVIII – первой половины XIX в. публичной смертной казни были подвергнуты только Пугачев и участники его восстания, затем – декабристы [Там же]. Поэтому для русского человека XIX в. публичная казнь ассоциировалась, прежде всего, с политическим преступлением и – с Францией, с Великой французской революцией, эпохой революционного трибунала [27]. А Лион вошел в историю Великой французской революции как город, в котором состоялись массовые казни многих тысяч человек.

Французская проблематика публичной смертной казни продолжается далее в романе рассказом Лебедева о графине Дюбарри, гильотинированной по приговору революционного трибунала:

Это была такая графиня, которая, из позору выйдя, вместо королевы управляла <...> Умерла она так, что после этакой-то чести, этакую бывшую властелинку, потащил на гильотину палач Самсон, заневинно, на потеху пуасардок парижских, а она и не понимает, что с ней происходит, от страху. Видит, что он ее за шею под нож нагибает и пинками подталкивает, – те-то смеются, – и стала кричать: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!» Что и означает: «Минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!» И вот за эту-то минуточку ей, может, Господь и простит, ибо дальше этакого мизера с человеческою душой вообразить невозможно [1. Т. 8. С. 164].

В этом небольшом по объему фрагменте текста обращает на себя внимание интенсивность французской лексики и реалий революционной эпохи. В центре, на эшафоте, – две крайне показательные фигуры Франции конца XVIII в., графиня М. Ж. Дюбарри, бывшая фаворитка Людовика XV, и знаменитый палач Ш. А. Сансон. А также «пуасардки»⁵, «буро»⁶, «мизер»⁷, наконец, фраза на французском языке, данная с переводом: «"Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!" Что и означает: "Минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!"» Введенный в романский текст перевод – это такой совершенно очевидный акт взаимодействия русской культуры с франкоязычным миром, реализуемый здесь во имя описания смертной казни эпохи Великой французской революции.

Историю казни мадам Жанны Дюбарри Лебедев рассказывает, в присутствии Мышкина, своему племяннику, которого так характеризует князь: «Бунтует! Заговоры составляет!» [1. Т. 8. С. 161]. Адресат истории казни Жанны Дюбарри в романе совершенно неслучаен, племянник Лебедева – один из молодых «нигилистов», к развернутому изображению которых Достоевский впервые обратился в «Идиоте». Следующий роман, «Бесы» (1871–1872), уже специально посвящен современным российским политическим заговорщикам. Роман вызвал ожесточенную полемику, и, отвечая своим рецензентам, писатель фактически поставил знак равенства между «нечаевцами», реальное политическое дело которых легло в основу романа «Бесы», и самим собой как бывшим петрашевцем:

Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую дорогу, в случае если б так обернулось дело? <...> Но позвольте мне про себя одного сказать: *Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может и мог бы... во дни моей юности [Там же. Т. 21. С. 129].

И далее в этих размышлениях показательно возникает тема эшафота как личного опыта писателя:

Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор <...> Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти» [Там же. С. 133].

⁵ Poissarde – торговка (рыбой) (фр.).

⁶ Bourreau – палач (фр.).

⁷ Misère – горе, беспомощность, несчастье, мука (фр.).

Вторая составляющая французской проблематики романа «Идиот», наряду с изображением публичной смертной казни, – художественный образ Наполеона. Одним из самых значимых исторических следствий Великой французской революции стали деятельность Наполеона и наполеоновские войны, изменившие европейский мир. Однако изображение французского полководца в романе Достоевского достаточно специфично, и именно определенные художественные особенности этого образа обусловили тот факт, что он часто остается «незамеченным» – как в самом романе, так и в творчестве Достоевского в целом.

Широко известно утверждение Д. С. Мережковского о том, что если Л. Н. Толстой как «тайновидец плоти» в «Войне и мире» нарисовал художественный образ Наполеона Бонапарта, то Достоевский как «тайновидец духа» [28. С. 178] в «Преступлении и наказании» передал сам дух и идеологию наполеонизма. Значительную часть своего исследования Д. С. Мережковский посвятил роману «Идиот», при этом показательно «не заметив», что уже в этом следующем за «Преступлением и наказанием» романе Достоевский также создает художественный образ Наполеона – Наполеона в горящей Москве. В свою очередь, когда к «Идиоту» обращаются современные исследователи, они, как правило, связывают появление Наполеона в романе Достоевского с влиянием «Войны и мира». Однако до завершения и полной публикации «Идиота» в 1869 г. у Достоевского не было возможности прочитать «Войну и мир» [3. С. 218–224], в новом романе он актуализировал наполеоновскую проблематику самостоятельно.

Если проблематика публичной казни за политическое преступление в «Идиоте» фундирована крайне серьезной позицией автора, то с образом Наполеона, по крайней мере, на первый взгляд, ситуация обстоит иначе. Современные исследователи неоднократно указывали на кенотическую природу художественного образа заглавного героя романа князя Мышкина-«идиота» [29. С. 123–190; 15. С. 33–39]. Художественный принцип кенозиса распространен в романе и на образ Наполеона. Историю о Наполеоне в горящей Москве рассказывает генерал Иволгин, комический персонаж, доминанта образа которого определяется позицией постоянной, непрекращающейся «лжи» [1. Т. 8. С. 411]:

<...> это был один из того разряда лгунов, которые <...> лгут до сладострастия и даже до самозабвения [Там же. С. 418].

Дебора Мартинсен, воспринимая рассказы генерала Иволгина как «нарративы стыда и идентичности» [31. С. 90], подчеркивает, что «в гене-

рале постоянно разоблачают вруна» [31. С. 91]. При этом она пронизательно отметила типологическую близость двух героев романа – генерала Иволгина и Мышкина: «Но Иволгин является второстепенным персонажем только с точки зрения сюжета, а не с точки зрения металитературной конструкции романа, где он ставится в один ряд с князем Мышкиным как один из важнейших рассказчиков в романе» [Там же. С. 90]. Художественный принцип кенотического снижения персонажа, намеченный в образе князя Мышкина, со всей своей возможной полнотой реализовался в образе генерала Иволгина как рассказчика-«лгуна»; именно ему Достоевский и доверил свою историю о Наполеоне в Москве.

Рассказу генерала Иволгина предшествует разговор Аглаи и Мышкина, в котором шутивно обсуждаются реальные эпизоды из истории наполеоновских войн, использующиеся здесь как прекрасная основа для личных исторических вымыслов и фантазий современного человека:

– Что вы опять улыбаетесь, – быстро прибавила она, нахмуривая брови, – вы-то об чем еще думаете про себя, когда один мечтаете? Может, фельдмаршалом себя воображаете, и что Наполеона разбили?

– Ну, вот, честное слово, я об этом думаю, особенно когда засыпаю, – засмеялся князь, – только я не Наполеона, а все австрийцев разбиваю.

– Я вовсе не желаю с вами шутить, Лев Николаич [1. Т. 8. С. 354–355].

В этом разговоре не только наглядно показан, но, собственно говоря, и «легализирован» тот принцип исторического повествования, который определит рассказ генерала Иволгина о его службе камер-пажом у Наполеона в Москве.

В сущности, Достоевский здесь предвосхитил ту специальную научную проблематику исторического нарратива, из которой выросла вся современная нарратология: «"Истории-в-себе", т. е. истории без точки зрения, не бывает вообще <...> Во внеязыковой действительности существуют не истории, а только безграничный, абсолютно непрерывный континуум событий», – указывает В. Шмид [32. С. 90]. Опираясь на труды немецкого философа Георга Зиммеля и американского историософа Хейдена Уайта, он уточняет это исходное положение исторического нарратива следующим образом: «По Зиммелю, историк должен проложить «идеальную линию» сквозь бесконечное множество «атомов» определенного отрывка мировых событий, чтобы получить такие историографические единицы, как «Семи-летняя война» или «Цорндорфская битва». Проложению «идеальной линии» предшествует абстрактное представление о том, что значимо для данной историографической единицы и что – нет <...> Сопоставление нарратора и

историограф проводит американский теоретик истории Хейден Уайт <...> Уайт снимает противопоставление фактуальных и фикциональных текстов, что без особого восторга было принято европейской наукой» [32. С. 91].

Достоевский создает систему специальных художественных средств, направленных на организацию истории генерала Иволгина о Наполеоне как бесспорно ложной и комической. Ее показательное начало – предельно нелепая история Лебедева о своей ноге, похороненной на Ваганьковском кладбище, но восходящая в конечном счете также к рассказу Иволгина и к войне 1812 г.:

Если ты, говорит <...> в двенадцатом году был у Наполеона в камерпажах, то и мне позволь похоронить ногу на Ваганьковском [1. Т. 8. С. 411];

<...> французский шассёр⁸ навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы <...> он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище» [Там же].

Подобно фрагменту о казни Дюбарри, история генерала Иволгина также насыщена французской лексикой:

Когда он бросил на меня свой орлиный взгляд, мои глаза, должно быть, сверкнули в ответ ему: «Voilà un garçon bien éveillé! Qui est ton père?»⁹. Я тотчас отвечал ему, почти задыхаясь от волнения: «Генерал, умерший на полях своего отечества». «Le fils d'un boyard et d'un brave pardessus le marché! J'aime les boyards. M'aimes-tu petit?»¹⁰ На этот быстрый вопрос я также быстро ответил: русское сердце в состоянии даже в самом враге своего отечества отличить великого человека! [Там же. С. 413].

Активный французский язык – очевидная особенность русской культуры начала XIX в. Но, в отличие от истории Дюбарри, в изложении которой Лебедев исходит из того, что слова графини о «минутке» могли быть исторической правдой, все диалоги мальчика Иволгина и Наполеона заведомо вымышлены. Например, именно по совету маленького Иволгина принимается решение оставить Москву:

<...> я обращаюсь к Даву и говорю, как бы во вдохновении: «Улепетывайте-ка, генерал, восwoяси!» Проект был разрушен. Даву пожал плечами и, выходя, сказал шепотом: «Bah! Il devient supersticieux!»¹¹ А назавтра же было объявлено выступление [Там же. С. 416].

⁸ Chasseur (фр.) – солдат особых частей пехоты или легкой кавалерии.

⁹ Какой бойкий мальчик! Кто твой отец? (фр.).

¹⁰ Сын боярина, и к тому же храброго. Я люблю бояр. Любишь ли ты меня, малыш? (фр.).

¹¹ Ба! Он становится суеверным! (фр.).

Однако смысловой результат этой подчеркнуто вымышленной Иволгиным – Достоевским – ситуации оказывается предельно серьезным. Эмоциональной кульминацией истории о Наполеоне в Москве стала его мольба о сострадании и жалости:

«Ты жалеешь меня!» – вскричал он, – ты, дитя, да еще, может быть, пожалеет меня и другой ребенок, мой сын, le roi de Rome¹²; остальные все, все меня ненавидят, а братья первые продадут меня в несчастье! [1. Т. 8. С. 416–417].

Интенсивный художественный вымысел потребовался Достоевскому для того, чтобы обозначить такой возможный подход к изображению Наполеона в горящей Москве, как подход любви и сострадания. «Я любил его!» – восклицает Иволгин [Там же. С. 413]. Для русской культуры XIX в. такое отношение к Наполеону было не самым очевидным; прекрасно понимая это, Достоевский и организует свой заведомо комический рассказ героя-«лгуна»; но его основные смыслы, в конечном счете, определяются представлением писателя о роли личности в истории. Плодотворным представляется соображение Г. Н. Крапивина о том, что комический образ генерала Иволгина Достоевский использует в романе «<...> для передачи информации стратегического значения» [33. С. 401]. Глубоко сочувственное отношение к Наполеону, сначала вошедшее в роман как вымышленная эмоция ребенка, неожиданно получает подкрепление в позиции князя Мышкина, который оперирует уже реальными историческими документами:

<...> я вот тоже очень недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлосской кампании. Книга, очевидно, серьезная, и специалисты уверяют, что с чрезвычайным знанием дела написана. Но проглядывает на каждой странице радость в унижении Наполеона, и если бы можно было оспорить у Наполеона даже всякий признак таланта и в других кампаниях, то Шаррас, кажется, был бы этому чрезвычайно рад; а это уж нехорошо в таком серьезном сочинении [1. Т. 8. С. 415].

Труд Ж. Ф. Шарраса «История кампании 1815 года. Ватерлоо» в 1868 г., в год создания «Идиота», был переведен на русский язык [34]. «Радость в унижении Наполеона» в романе Достоевского неприемлема, и можно предположить, что в словах Мышкина о труде Ж. Ф. Шарраса было выражено собственное отношение писателя к этой книге [1. Т. 9. С. 455]. Неприемлема потому, что Наполеон в «Идиоте» изображен такой же жертвой исторических событий и обстоятельств, как Жанна Дюбарри на эшафоте, как петрашевцы... Связанная с темой наполеонизма в «Преступ-

¹² Римский король (фр.).

лении и наказании» позиция «необыкновенного» человека в «Идиоте» просто отсутствует.

Французская проблематика романа Достоевского «Идиот», изображение публичной смертной казни за политическое преступление и Наполеона в горящей Москве, основана на представлениях Достоевского о человеке как о жертве мирового исторического процесса, восходящих к собственному жизненному опыту писателя – бывшего петрашевца, впервые описанному в этом романе.

И наоборот, реальные европейские политические события, которые привели к франко-прусской войне, а затем к падению французской монархии и окончательному объединению Германии, воспринимались и описывались Достоевским вновь в контексте проблематики особой роли отдельной исторической личности, значимого политического лидера.

Как известно, супруги Достоевские жили в Европе с начала 1867 г. по июль 1871 г. и были свидетелями нарастающего политического напряжения между Францией и Пруссией после окончания австро-пруско-итальянской войны 1866 г., а затем – франко-прусской войны 1870 г., в результате которой французская монархия в лице Наполеона III пала, между Пруссией и Францией был заключен невыгодный для последней мирный договор, одним из последствий которого стала Парижская коммуна, просуществовавшая с 18 марта по 28 мая 1871 г.

Достоевский очень внимательно следил за этими политическими событиями и описывал их в многочисленных письмах своим русским корреспондентам. При этом главным героем происходящего предстает у него Наполеон III – и Франция, французы:

Небо заволакивается облаками. Наполеон объявил, что сам уже заметил у себя на горизонте черные точки. Чтоб поправить мексиканский, итальянский и, главное, германский вопросы, ему надо отвлечь умы войной и угодить французам старым средством: военным успехом. И хоть французов теперь этим, может быть, и не надуешь, но война очень может быть, что будет [1. Т. 28 2. С. 223].

Достоевский пишет это в письме к С. А. Ивановой 29 сентября (11 октября) 1870 г., «предсказывая» франко-прусскую войну 1870 г. Когда же военные действия действительно начались, в одном из писем ей же от 17 (29) августа 1870 г. Достоевский приветствует войну как политически и исторически необходимое событие:

Насчет войны я с Вами не согласен совсем. Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к велико-

душным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство. Я говорю про народы в целом. Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание переходит, как золото через огонь. Царство небесное усилием достается [1. Т. 29₁. С. 138].

Как известно, франко-прусская война, пусть официально и объявленная Наполеоном III, была спровоцирована и «организована» канцлером Пруссии Отто фон Бисмарком. Война завершилась не только падением Франции, но и созданием единого Германского государства, к чему Бисмарк и стремился. В восприятии же Достоевского реальным политическим лидером войны был Наполеон III. Из письма А. Н. Майкову от 21–22 марта (2–3 апреля) 1868 г.:

Для чего Наполеон увеличил свое войско <...> Черт его знает. Но добром для Европы не кончится. (Я как-то ужасно этому верю.) <...> и наконец, главное, Наполеон старик и плохого здоровья. Проживет недолго. В это время наделает неудач еще больше, и Бонапарты еще больше омерзят Франции – что будет тогда? [Там же. Т. 28₂. С. 281].

Когда началась франко-прусская война, Достоевские жили в Дрездене:

<...> вчера читал телеграммы, продающиеся на улицах, что еще чуть-чуть и война у Франции с Пруссией. Теперь всё так наболело, что начнись война где бы то ни было, сейчас разгорится [Там же. Т. 29₁. С. 131].

При этом все политические симпатии Достоевского были на стороне Франции, которую он воспринимает главным актором франко-прусской войны, и из Дрездена описывает слабость ее противника. Из его письма к А. Н. Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.) из того же Дрездена:

Вы пишете, что против грубой силы встает теперь, во Франции, дух нации? Да никогда же я в этом не сомневался с самого начала, и если там не дадут маху, заключив мир, и переждут еще месяца три, то немцы будут выгнаны, и тогда – какой позор! Долго писать надо, а то я бы мог сообщить Вам много любопытного из наглядных наблюде<ни>й, например, как отправляются отсюда во Францию солдаты, как собирают их, экипируют, продовольствуют и везут. Это ужасно любопытно <...> Я сам читал несколько писем солдатиков немцев из Франции, из-под Парижа, сюда к своим матерям и отцам (лавочникам, торговкам). Господи, что они пишут! Как они больны, как голодны! Но – долго рассказывать! [Там же. С. 162].

И даже после низложения Наполеона III, которое последовало в сентябре 1870 г., Достоевский ожидал от формирующегося в начале 1871 г. во Франции Национального собрания возвращения императора; об этом он пишет тому же А. Н. Майкову 26 января (7 февраля) 1871 г.:

Увидите, что если и будет Национ<альное> собрание, то безмерностью своих требований (умышленною) они нарочно заставят Собрание не согласиться и тогда – объявят Наполеона [1. Т. 29. С. 176].

Здесь я за границей окончательно стал <...> совершенным монархистом [Там же. Т. 28₂. С. 281].

Вот характерный вывод, который делает Достоевский из своего анализа этой войны. И отсюда – его реакция на парижское восстание, которое положило начало Парижской коммуне:

Во Франции же, кажется, начинается междоусобная война городов с поселянами. Бисмарк пронюхал дело и сам пожелал там республики – *для порядка*. Провалится Франция. Разве спасет себя – выберет короля построже [Там же. Т. 29₁. С. 182].

В сознании Достоевского по-прежнему единственной эффективной формой правления Францией остается монархия, вот только «король» должен быть другим, «построже». Отто фон Бисмарк в этом описании Достоевского выглядит рядом с французским монархом вполне второстепенным политическим персонажем, который способен только «пронюхать» те политические события, которые совершаются отнюдь не по его воле.

Однако по мере развертывания военных действий у Достоевского формируется более общий – фактически общеевропейский взгляд на франко-прусскую войну, и он предлагает следующий глубокий анализ ее смысла и значения, в котором в том числе представлена уже иная интерпретация роли и политических перспектив Франции:

Франция слишком очерствела и измельчала. Временная боль ничего не значит: она ее перенесет и воскреснет к новой жизни и к новой мысли. А то ведь всё была старая фраза, с одной стороны, и трусость и телесные наслаждения – с другой. Наполеонова фамилья будет уже невозможна. Эта новая жизнь и преобразование так важны, что страдание, хоть и тяжелое, ничего не значит. Неужели Вы не видите руки Божией? Семидесятилетняя наша русская, европейская – немецкая политика должна тоже будет измениться сама собою. Те же немцы нам откроют наконец, каковы они есть на самом деле. Вообще перемена для Европы будет великая всюду. Каков толчок! Сколько новой жизни повсеместно будет вызвано! <...> Кто сделал стратегическую ошибку? Намцы или французы? Мне кажется, что немцы. Я еще за 10 дней так думал. Но всё равно, кажется, временно немцы одолеют: у французов есть одна бездна, в которую они временно свалятся: это династический интерес, которому пожертвовано отечество» [Там же. С. 139].

«Династический интерес» теперь осмысливается как главная политическая опасность современной Франции; но, в конце концов, Достоевский

уверен в ее воскресении и преобразовании. Франция по-прежнему остается центром его политического анализа войны; но теперь он рисует и общеевропейскую картину грядущей новой жизни. И действительно, не имеет смысла лишний раз напоминать о том, что в результате всего комплекса политических и исторических событий конца 1860-х – начала 1870-х гг. геополитическая карта Европы существенно изменилась, и «перемена для Европы будет великая всюду».

Затем, уже в 1873 г., в разделе «Гражданина» «Иностранные события» от <8 октября 1873 г.> Достоевский вновь возвращается вопросу о «династическом интересе» Наполеона III, тем самым вновь актуализируя значимость его личной политической роли:

Император Наполеон III во всё время своего царствования принужден был направлять все свои усилия к упрочению и укоренению во Франции своей династии. Будь он избавлен от этой роковой и повседневной заботы, и наверно бы он устоял, и не было бы седанской катастрофы. Тогда как преследуя эту роковую цель, он принужден был начинать множество деяний, клонившихся не к счастью Франции, а единственно лишь к упрочению дома Наполеонов. Французы это ясно понимали, ибо почти все эти деяния предприняты были не только не к счастью Франции, но даже к неоспоримому несчастью ее. Таким образом, несмотря даже на ореол чрезвычайной силы и славы, французы все-таки с беспокойством продолжали ощущать себя, во всё время царствования Наполеона III, в положении неопределенном и неустойчивом; ибо, если сам глава правительства не верил в устойчивость своей власти, тем менее могли верить французы [1. Т. 21. С. 200].

Так личностью Наполеона III начались – и закончились размышления Достоевского о событиях, изменивших Европу: «Наполеон объявил»; «Наполеон старик и плохого здоровья. Проживет недолго. В это время наделает неудач еще больше, и Бонапарты еще больше омерзуют Францию»; «Будь он избавлен от этой роковой и повседневной заботы, и наверно бы он устоял» – и сохранилась бы сильная монархическая Франция.

В целом образ Франции Достоевского, сначала ставший воплощением буржуазного мира, затем разворачивается в изображение французской истории и ее современной политической жизни, в центре которой у писателя – династия Бонапартов; это закономерно влечет за собой постановку и осмысление вопроса о роли личности в истории, и на французском материале Достоевский отвечает на него амбивалентно: от представления о ведущей роли отдельной исторической личности до изображения того, что политический лидер – такая же жертва исторических обстоятельств, как и

любой другой обыкновенный человек. Наконец, в размышлениях Достоевского, посвященных франко-прусской войне, обращает на себя внимание его постоянная искренняя забота о политическом «счастье» Франции.

3.3. Швейцария Ф. М. Достоевского

Ш. Линке

Швейцария на европейской карте Ф. М. Достоевского занимает особое место. Она не держава, т. е. не субъект и не соперник в борьбе за геополитическое влияние, как Пруссия, Англия и др. Швейцария – и не объект в этой борьбе; она в творчестве и публицистике писателя не обсуждается как потенциальная зона влияния, как Константинополь, Балканы или славянские страны. При этом в романах «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы», а также в ряде других произведений Достоевского Швейцария играет важную роль [35. С. 108–109], что было обусловлено связанной с этой страной политической проблематикой.

Оговоримся: политика – это только один из мощных пластов восприятия Швейцарии в творчестве Достоевского, другим же является христологический, связанный с картиной «Мертвый Христос» Г. Гольбейна мл., а также с позицией князя Мышкина, стремящегося спасти Мари [36. С. 67–69]. Христологическая проблематика важна и в контексте данного параграфа, но в его центре находится все-таки политическая проблематика.

Образ Швейцарии у Достоевского в общем и целом негативный. Это то место, где князь Мышкин лежит в беспомощности [1. Т. 8. С. 507–508]; о самоубийстве Ставрогина говорится: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей» [Там же. Т. 10. С. 516]. Эта общая негативная оценка была обусловлена представлением Достоевского о Швейцарии как о стране опасных иллюзий и провалом двух российских идеализаций Швейцарии: Швейцария как рай простых и добродушных нравов и Швейцария как рай демократии и свободы, либерализма с его антропологическим оптимизмом.

На глазах у Достоевского разрушился концепт А. И. Герцена о Швейцарии как образцовой демократии. Напомним, что к его прототипу восходит гражданство Ставрогина и именно с ним связана речь о Швейцарии как о месте убежища в «Преступлении и наказании» [1. Т. 7. С. 215; 37. С. 77]. Именно в

Швейцарии осело множество революционеров 1848 г. [35. С. 105], поэтому в романе «Бесы» Швейцария представлена как «Другое» России, как оплот Реставрации, особенно после падения К. фон Меттерниха (1848) [Там же. С. 106].

Второй эпитафия к «Бесам», фрагмент из Евангелия о том, как бесы вошли в стадо свиней и свиньи бросились с крутизны в озеро (Лк 8: 32–35), можно воспринять как некий намек на Швейцарию, поскольку швейцарский ландшафт во многом структурируют именно озера, на берегах которых пасутся стада (правда, преимущественно стада коров): Боденское, Нёвшательское, Цюрихское, Фирвальдштетское, Женевское озера, Лаго-Маджоре и др. На особое швейцарское сочетание гор и воды обратил внимание уже князь Мышкин [1. Т. 8. С. 50–51; 38. С. 179].

Для самого романа «Бесы» особо значимо Фирвальдштетское озеро (Озеро четырех кантонов). Именно на его берегу расположен кантон Ури, о котором говорится уже в романе «Идиот» [1. Т. 8. С. 25; 37. С. 76; 38. С. 32] и который играет ключевую роль в «Бесах». Там Ставрогин, «как Герцен, записался в граждане», став собственником домика [1. Т. 10. С. 513], и именно туда он якобы намеревается уехать, но вместо этого кончает жизнь самоубийством [Там же. С. 513–516].

Кантон Ури – родина Вильгельма Телля, о котором Достоевский упоминает уже в рассказе «Крокодил» [1. Т. 5. С. 188] и который традиционно воспринимается главным героем освобождения Швейцарии [35. С. 109–110]. Очевидно, что Ставрогину достичь подобной свободы невозможно. В «Бесах» бунт заговорщиков не ведет к свободе, и даже отъезд в Швейцарию не знаменует освобождения, поскольку туда уезжает только фон Лембке для лечения, подобно князю Мышкину [1. Т. 10. С. 337].

Н. Т. Ашимбаева, полемизируя с Т. А. Касаткиной [37. С. 76], справедливо отмечает, что «бесы» революции были изначально в России и только потом оказались в Швейцарии [39. С. 183]. Но важно подчеркнуть: если Швейцария и не сделала их революционерами, то всё-таки она и не учила радикалов более цивилизованному решению споров, на что именно и претендует демократия.

На самом деле в Америке и в Швейцарии, тесно связанных между собой в романах «Преступление и наказание» и «Бесы», как «Другое» России [40. С. 176–178], на глазах Достоевского решался один из сложнейших вопросов республик XIX в.: как соотносить либеральный образ человека, связанный с рабством на Юге США [41. С. 700–702] и с клерикализмом во внутренней Швейцарии [42. С. 258–261], – с либерализмом, как соотносить

права меньшинства (жителей более традиционно настроенных штатов или кантонов) – с демократией, конституционный порядок – с необходимостью реформ? Как ввести более полноценную форму свободы, если меньшинство, достаточно значительное для права вето (большинство законных избирателей южных штатов и, соответственно, внутренних кантонов), этого не хочет. В этом смысле Швейцария (так же, как и Америка) – это и страна недавней гражданской войны и неразрешенных конфликтов [42. С. 258–260], а Ури – бедный сельский кантон [39. С. 185] из числа консервативных католических кантонов, потерпевших поражение в 1847 г. [42. С. 258]. Одним словом, как в Америке, так и в Швейцарии демократия своими легитимными средствами не сумела решить острые вопросы середины XIX в., поэтому народы вернулись к старому способу их решения: к гражданской войне между сторонниками разных убеждений в стиле XVI и XVII вв.

Идея побега в Швейцарию для того, чтобы стать гражданином демократического государства, иллюзорна. На это указывает, в частности, одна неточность Ставрогина: он пишет Даше, что, «как Герцен, записался в граждане кантона Ури» [1. Т. 10. С. 513]. Однако Герцен записался в граждане кантона Фрибур [39. С. 184], что и не удивляет, поскольку сам Ставрогин признается, говоря об Ури, что «место очень скучно, ущелье; горы теснят зрение и мысль. Очень мрачное. Я потому, что продавался маленький дом» [Там же].

В бедном отсталом Ури Ставрогин не может стать полностью свободным гражданином демократии, но только «идиотом» в буквальном смысле, обособленным человеком [40. С. 361–362]. Он и сам от этого места ничего не ожидает [1. Т. 10. С. 513] и знает, что там будет оторван ото всего [Там же. С. 514]. Поэтому Ставрогин трижды подчеркивает, что Дашу зовет (или не зовет) «в сиделки» [Там же. С. 513–514]. Но даже это становится еще одной иллюзией, и Ставрогин заканчивает суицидом, который в его собственных глазах – «последний обман в бесконечном ряду обманов» [Там же. С. 514].

Герценовская идеализация швейцарской демократии оказалась, говоря словами генеральши Епанчиной, «одной фантазией» [Там же. Т. 8. С. 510]. Демократия не способна ни разрешать конфликты мирным путем, ни – после случившегося конфликта – интегрировать побежденную сторону. Разумеется, для этого есть политические причины, требующие специального изучения. Однако, как нам кажется, есть еще более глубинные, духовные и нравственные, причины. Они связаны с провалом еще одной (хронологически – первой) идеализации Швейцарии в русской литературе:

представлением о Швейцарии как о рае естественного, доброго человека. Такой гуманистический и оптимистический взгляд на человека позволил бы дать людям свободу, и если бы люди были однозначно и естественно добрыми, демократия бы функционировала успешно. Показательно, что, например, Т. Гоббс, переживший опыт религиозных войн и пришедший к выводу, что «человек человеку волк» [43. С. 443], стал сторонником абсолютной власти монарха.

Либеральный гуманистический оптимизм в описании Швейцарии вошел в русскую духовную культуру благодаря Н.М. Карамзину. В «Письмах русского путешественника» он следующим образом описывает свое прибытие в Швейцарию недалеко от Базеля:

Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцарцы! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и слуга одному Богу? [44. С. 102].

Эта идеализация связана с представлением о том, что красивая первобытная природа Швейцарии указывает и на простоту добрых, естественных нравов людей.

В творчестве Достоевского вопрос, оправдан ли такой образ человека, обсуждается преимущественно в романе «Идиот», и он с самого начала также связан со Швейцарией. Князь Мышкин рассказывает о своем прибытии в Швейцарию, также через Базель, в тоне, близком к Н. М. Карамзину. Сначала о поездке по Германии он сообщает:

Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я всё удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что всё это чужое; это я понял. Чужое меня убивало [1. Т. 8. С. 48].

Затем он рассказывает о Базеле, и здесь проявляется карамзинский мотив простой, естественной красоты, встречающей путешественника при въезде в Швейцарию:

Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы всё прояснело [Там же].

Это находит продолжение в том восторге, который в князе вызывают простота и искренность швейцарских детей. О ребенке князь говорит:

О Боже! Когда на вас глядит эта хорошенькая птичка, доверчиво и счастливо, вам ведь стыдно ее обмануть [1. Т. 8. С. 58].

Он тут же подчеркивает, что «лучше птички нет ничего на свете» [Там же]. Опираясь на учение Иисуса Христа [45. С. 234], он детям приписывает ту простую красоту, которая, согласно Ж. Ж. Руссо, свойственна «естественному человеку» [46. С. 145]. Такой взгляд на человека делает князя гуманистом, считающим, что человек (например, Мари или Настасья Филипповна) сам «не виноват» в грехах, но виноваты обстоятельства и среда [Там же. С. 149]. Этот гуманизм и оптимизм по поводу детской невинности и искренности в романе явно понимается Келлером как «швейцарский» [1. Т. 8. С. 257]. Он связывает князя с Й. Г. Песталоцци, швейцарским педагогом и сторонником Ж. Ж. Руссо [39. С. 181]. Связь между Ж. Ж. Руссо и Й. Г. Песталоцци была весьма тесной [47]. Однако педагогика Й. Г. Песталоцци, выглядевшая вдохновляюще с идеологической точки зрения, на практике потерпела провал, и его школа быстро развалилась [Там же]. А оптимистический гуманизм Ж. Ж. Руссо стал во время Французской революции основой для убийственного фанатизма М. Робеспьера [48. С. 416].

Поэтому либеральная педагогика со своим гуманистическим оптимизмом в романе «Идиот» дискредитируется: антропологический оптимизм приводит князя к некоему «самодовольству» [49. С. 252–253]. Дети, с которыми общается князь, далеко не простые и искренние. Наоборот, они воспринимают князя сквозь призму предрассудков, потому что он «мешковатый», «дурен», «наконец... иностранец» [1. Т. 8. С. 58; 45. С. 233–234]. После того как Мари была соблазнена, а затем оставлена комми, дети ее так же презирают, как и взрослые, потому что все жители деревни «на это жестокие» и «у них тяжелые на это понятия» [1. Т. 8. С. 59–60] – включая учителя, пастора и даже мать Мари [Там же. С. 58–59]. И то, что князь возбуждает в детях естественную и добродушную простоту [Там же. С. 60–64], происходит не благодаря этическим нормам швейцарцев, но вопреки им.

Особой дискредитацией швейцарской педагогики является то, что по распоряжению Тоцкого к Настасье Филипповне приезжает гувернантка-швейцарка [46. С. 149], фактически для того, чтобы сделать из первобытной юной красавицы образованную любовницу Тоцкого для изящных отношений [1. Т. 8. С. 35–36], или, как говорит сам Тоцкий (при этом жалея о провале своего проекта), что образование героини в общем и деятель-

ность этой гувернантки в частности были рассчитаны на то, чтобы Настасья Филипповна не осталась «нешлифованным алмазом» [1. Т. 8. С. 149].

Так у Достоевского от либерального гуманизма, связанного со Швейцарией, не остается ничего. И даже князь, который искренне верит в эти идеалы, не может убедить в них ни Мари [Там же. С. 60], ни Настасью Филипповну [Там же. С. 138]. Наоборот, то, что князь, разделяя антропологический оптимизм либерального гуманизма и считая, что Настасья Филипповна «страдала и из такого ада чистая вышла» [Там же. С. 138], поскольку она – невинное, естественное дитя, окруженное ужасом жизни, только препятствует ее воскрешению через прощение [40. С. 164–165]. Оптимизм «естественного человека» в ключе Ж. Ж. Руссо и Й. Г. Песталлоцци оказывается, по крайней мере, обманчивым, если – не губительным. Гуманистический оптимизм, свойственный, по мнению сторонников Ж.-Ж. Руссо, швейцарскому либерализму, – это «одна фантазия».

Поэтому образ Швейцарии в целом носит сомнительный характер. Князь, разделяющий идеалы либерализма, – «осел» [1. Т. 8. С. 48–49]. Базель, город, где князь понял красоту осла, является также городом «Мертвого Христа» [Там же. С. 55]. Для швейцарских протестантов в глазах Достоевского Христос мертв, они для писателя связаны с картиной, от взгляда на которую «у иного и вера может пропасть» [Там же. С. 182]. А если для швейцарцев Христос мертв и веры в прощающую власть воскресшего Христа нет, то, действительно, остается лишь оптимизм, считающий, что греха нет, который, однако, ничем не оправдан. Если дать народу полную свободу, то жители деревни, например, безжалостно погубили бы Мари. Если Христос мертв и нет прощения, то в таком случае может взять вверх нравственный ригоризм, выражающий себя в «тяжелых понятиях» жителей деревни Мари. Но эти понятия морально дискредитируют то, что они направлены против слабых и беспомощных, которых губит ригоризм «праведных» – как Мари [Там же. С. 59–63], а затем и Настасью Филипповну [Там же. С. 492–493]. Нравственный ригоризм также не может быть основой справедливого демократического общества.

Швейцария, по мнению Достоевского, показывает, что при «мертвом Христе» не может быть настоящей жизни, нет прощения и воскрешения, а господствует идея либерального антропологического оптимизма, которой по-своему противостоит «тяжелый» нравственный ригоризм. С крахом либеральной антропологии связано то, что Швейцария не может быть образцом демократии. Русские эмигранты в «Бесах» не учатся в ней решать конфликты мирным путем, поэтому быть там истинным гражданином

страны в итоге невозможно. По мысли писателя, протестантская Швейцария, страна «мертвого Христа», так же как и католические страны Европы, относятся к тем землям, которым ради их спасения, а также ради спасения России нужно нести

<...> обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом [1. Т. 8. С. 453].

Как католичество, по мнению Достоевского, заменило Христа верой во всемогущество папы [50. С. 182–183], так (швейцарский) протестантизм заменил живого Христа, несущего людям прощение грехов, либо оптимистической верой в естественного, доброго человека, либо моральным ригоризмом. По мнению Достоевского, с Запада могут прийти в Россию «нигилизм, иезуитизм, атеизм» [1. Т. 8. С. 453], и всё это приходит в романе «Бесы» именно из Швейцарии [40. С. 176–177]. Даже в романе «Идиот» в лице мягкого и доброго князя и при всем его почвенничестве [1. Т. 8. С. 452–453] из Швейцарии в Россию проникают идеи либерального гуманизма, оказывающиеся, вопреки его намерениям, смертоносными. С этим (отчасти) связано геополитическое видение Достоевского: либо Россия несет миру «русского бога и Христа», либо она получит от Запада «бесов» разрушения.

В этом смысле Швейцария на карте мира Достоевского (наряду с Америкой и с Ватиканом) – «Другое» России. Слова же князя Мышкина об «обновлении всего человечества и воскресении его <...> одною только русскою мыслью, русским богом и Христом», особенно в свете сюжета романа «Бесы», показывают: геополитические устремления Достоевского были направлены на то, чтобы те страны и регионы, судьба которых решалась в 1859–1881 гг. (Балканы, Константинополь, славянские страны, Италия...) не опирались бы на швейцарскую модель, но приняли бы то, что может предложить Россия.

3.4. Австрия Ф. М. Достоевского

М. В. Подрезов

В основу параграфа положены теоретические представления о символическом картировании мира, обоснованные А. И. и Н. Г. Щербиниными: «Это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или

словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. Ментальная карта мира воображения является и путеводителем по одному из феноменов мира политики» [51. С. 60–61]. Исходя из данной позиции, в параграфе воссоздается карта Австрийской империи в творчестве Ф. М. Достоевского на основе анализа его публицистики, записных книжек и тетрадей. В результате предпринятого исследования выделено пять кейсов: канцлер Клеменс фон Меттерних и его политика как репрезентация сущности Австрии; Австрия как «младший брат» Пруссии, а впоследствии – Германской империи; Австрия, противостоящая, с одной стороны, Германии, с другой – России; Австрия в качестве «помощника» и «покровителя» / «коварного завоевателя» южных славян; Австрия, находящаяся в «самом выгодном геополитическом положении», или конец «лоскутной империи»? Рассмотрим каждый из кейсов.

Кейс первый – канцлер Клеменс фон Меттерних и его политика как репрезентация сущности Австрии. Достоевский в целом пренебрежительно относился к Австрии разных периодов, однако политика канцлера Меттерниха самая ненавистная для русского писателя. Он не мог простить изменения политики Вены и Берлина после наполеоновских войн:

<...> когда мы свергли с Европы иго Наполеона I <...> Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили они одни, а Россия только мешала [1. Т. 22. С. 121–122].

Согласно Достоевскому эта Австрия коварна, а также абсолютно неблагодарна России за то, что последняя спасла ее в конфликте с венграми, предотвратив распад империи в 1849 г. В этом вся Австрия Меттерниха – расчетливая, ориентированная на «политическую выгоду с насильственной корыстной целью» [Там же. Т. 25. С. 49], что не отвечает идеалам Достоевского, воплощенным для него в России:

<...> неподкупность внешней политики России и <...> вечное служение ее общечеловеческим ценностям [Там же].

Поэтому Россия, по мнению писателя, «никогда не умела производить настоящих, своих собственных Меттернихов и Биконсфильдов» [Там же]. Несмотря на то, что Достоевский часто в негативном ключе высказывался об австрийской политике и личности Меттерниха, историческую значимость этой персоны он отчасти признавал:

Князь Меттерних считался одним из самых глубоких и тончайших дипломатов в мире и уж бесспорно имел всеевропейское влияние. А между тем в чем была его идея, как понял он свой век, в его время лишь начинавшийся, как предчувствовал он грядущее будущее? Увы, он со всеми основными идеями начинавшегося столетия решил справиться полицейским порядком и вполне был уверен в успехе! Посмотрим теперь на князя Бисмарка, вот этот так уж бесспорно гений, но...» [1. Т. 25. С. 143].

Значимы в этом смысле также размышления Достоевского, в которых он отвечал Т. Н. Грановскому:

Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей «гордости»? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это «служение» [Там же. Т. 26. С. 171].

В целом образ Австрии, особенно старой, часто у Достоевского отождествляется с образом Меттерниха, по этой же аналогии в более позднее время – с образами Бисмарка и Германии.

Кейс второй – Австрия как «младший брат» Пруссии, а впоследствии – Германской империи. Впервые на данную тему Достоевский заговорил на страницах <<Записной тетради» за 1864–1865 гг.>, где отметил, что по результатам многолетней борьбы между Данией, Австрией и Пруссией за земли Шлезвиг и Гольштейн (присоединение которых часто называется первым этапом создания Германской империи) Австрии суждено стать «младшим братом» в союзе с Пруссией [52. С. 273], хотя это будет реализовано только после австро-прусской войны 1866 г.

Ключевые суждения по данному вопросу высказаны Достоевским в разделе «Нечто о политических вопросах» главы второй «Дневника писателя» за апрель 1876 г. В ответе-реакции писателя на нелестные по отношению к России слова австрийского наместника Далмации барона Г. Родича используется простой, но эффектный прием (оформление ответа в виде якобы речи самого Родича, который показывает, что, по его мнению, представляет собой Австрия с точки зрения ее собственных политиков) и содержатся примечательные идеи: Берлин является надежным союзником Вены, ее патроном, который не позволит разделаться России с Австрией, даже если она будет способна это сделать, при этом усилиться перед Германией она не сможет даже в том случае, если присоединит к себе южнославянские территории [1. Т. 22. С. 120].

Кейс третий – Австрия, противостоящая, с одной стороны, Германии, с другой – России. Достоевский еще в <<Записной тетради» за 1864–1865 гг.>

отмечал приближающийся раздел Османской империи между Англией, Францией и Россией, что неизбежно приведет к вражде между последней и Австрией [52. С. 243], а также поставит под сомнение долгосрочное существование австро-прусского союза, поскольку, по мнению писателя, после силового создания Пруссией единого Германского государства она непременно попытается включить Австрию в его состав [Там же. С. 244, 284]. Он считал, что Германия хочет забрать у Австрии не только ее немецкие земли, но и «слишком уж цивилизованных славян-чехов, которые могут впоследствии превратиться в немцев» [Там же. С. 517]. Он также часто противопоставляет Россию и Австрию, в частности со следующих позиций:

Россия народна <...> Россия не Австрия <...> в каждый значительный момент нашей исторической жизни дело всегда решалось народным духом и взглядом, царями народа в высшем единении с ним [1. Т. 25. С. 70].

В то же время Достоевский опасался, что Россия уступит международному давлению, хотя, по его мнению, это несправедливо:

Австро-Венгрия смела говорить, что Россия ее боится. Да Россия не боится и всего их союза, т. е. Франции, Англии, Австрии и Турции. Теперь она с ними разделается, только бы мы остались в дружбе с Германией [52. С. 584].

Кейс четвертый – Австрия в качестве «помощника» и «покровителя» / «коварного завоевателя» южных славян. Пристальное внимание к Австрии появляется у Достоевского в разгар балканского кризиса, при этом она в редких случаях удостоивается даже защиты со стороны писателя. Так, писатель признавал за Австрией некое «благородство» за отпуск провианта для Черногории во время Герцеговинского восстания [Там же. С. 370]. В то же время Достоевский считал, что Австрия имеет корыстную цель заполучить южнославянские земли, при этом их судьба будет незавидна:

Представить только себе, что славяне попадут под власть Австрии, и она, первым делом начнет их онемечивать, и даже потеряв уже свои немецкие владения! [1. Т. 22. С. 121].

Безусловно, начало сербско- и черногоро-турецких войн Достоевский не мог обойти стороной, прогнозируя победу славян, но с оговоркой:

Если те раскатают Турцию, что несомненно, то дадут ли им что-нибудь приобрести (Австрия) – Россия [52. С. 547].

Более того, иногда Достоевский прямо обвинял Австрию в помощи Турции деньгами, оружием и людьми [1. Т. 23. С. 51], хотя европейская пресса сообщала о пожертвованиях множества миллионов гульденов на содержание беженцев [Там же. С. 72], по поводу чего сам писатель выра-

жал большие сомнения. В целом он стоял на позициях, что Австрия мечтает присоединить к себе славянские земли, поэтому вопрос о будущем славянских государств был актуален:

<...> расширится ли наконец в границах своих Сербия, или Австрия тому воспрепятствует, в каком объеме явится Болгария, что станется с Герцеговиной, Боснией [1. Т. 26. С. 77].

Об этом он размышляет в крайне популярном сейчас разделе «Дневника писателя» «Одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать».

Наконец, кейс пятый – Австрия, находящаяся в «самом выгодном геополитическом положении», или конец «лоскутной империи»? Данный вопрос является одним из самых спорных в представлениях Достоевского, поскольку имеет целый ряд аргументов в пользу обеих точек зрения.

Так, писатель цитирует английские и российские газеты, утверждающие, что «неудачи русской стратегии оживили и ободрили Австрию», до сих пор испытывавшую «некоторую досаду против Пруссии» [Там же. С. 12]. По мнению Достоевского, в Берлине опасались Австрии, справедливо полагая, что последняя питает «старые обиды», связанные с потерей главенствующей роли в немецкоязычном мире, а также способна создать «католическую и антипрусскую лигу» [Там же], в которую, помимо Франции, могли бы включиться и южные регионы самой Германской империи, и «даже Англия» (хотя и протестантская) [Там же. С. 13]. Дополняя это тем, что Германия находится без поддержки своего естественного союзника – России, Достоевский заключал:

И если есть теперь в мире государство в самом выгодном внешнеполитическом положении, то это именно Австрия! [Там же. С. 17].

И далее он посвящает Австрии специальный раздел под названием «О том, что думает теперь Австрия». В нем писатель отмечает, что в Австрии в настоящее время существует множество серьезных проблем: народные волнения и недовольства, венгерские манифестации, англо-мадьяро-польский заговор, опасения со стороны славянской части населения и т. д. [Там же. С. 17–20]. Тем не менее Вена уверена, что ничего не произойдет на Востоке без учета ее мнения. Почему она так считала, по мнению Достоевского? Ситуация сложилась таким образом, что противостояние между Францией и Германией поставило в самое выигрышное положение Австрию, которой любая из сторон будет безмерно благодарна даже за какой-нибудь нейтралитет:

<...> подарков и гостинцев обещано ей множество, и это несомненно, так что она совершенно уверена, что останься она в союзе с Германией, в случае войны ее с Францией, то получится за это... много. И всего только за какой-нибудь нейтралитет, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смирно на месте, в ожидании награды за доброе свое поведение, – вот что ведь всего приятнее!» [1. Т. 26. С. 19].

Достоевский идет дальше, заключая, что, поддержав Францию (и в случае ее победы), Австрия будет способна создать две Германские империи – католическую и протестантскую, после чего сможет разделаться и с внутренними проблемами и неудобствами, в частности с «дуализмом» [Там же. С. 20]. Но по прошествии времени Австрия стала терять это свое положение, поэтому после окончания русско-турецкой войны Достоевский кардинально меняет свой прогноз ее будущего:

<...> выберем минутку такую в Европе, вроде франко-прусской войны, и когда притом сама собой затрещит Австрия [52. С. 688];

<...> мы с Австрией, пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости [Там же. С. 693].

Итак, выскажем ряд суждений по поводу места Австро-Венгрии на воображаемой карте мира Достоевского. Безусловно, писатель оценивал Австрийскую империю в первую очередь по отношению к России, что является наиболее важной стратегией всей его политической публицистики. В этих рамках очевидно, что Австрия для России – это враг как с геополитической (борьба за один и тот же регион влияния), так и с идейной (столкновение православия и католичества) точек зрения. В данном случае Достоевский весьма категоричен, он не рассматривает всерьез и не обращает внимания даже на некоторые взаимоотношения Австрии и Пруссии (Германии). Достоевский констатирует принятие роли «младшего брата» Австрией с середины 1860-х гг. по отношению к резко усилившейся Пруссии. Он скептичен по поводу прочности их союза – по целому ряду причин: во-первых, непримиримая вражда между католичеством и протестантством; во-вторых, Германская империя желала включить немецкоговорящие территории Австрии в свой состав, в то же время Австрийская империя не возражала бы, если бы в ее состав вошли южногерманские территории, преимущественно католические и более близкие в языковом плане австрийцам; в-третьих, германские устремления по расширению сферы влияния (особенно в борьбе с Францией или Россией) определяли необходимость иметь Австрию в качестве союзника, что позволяло Вене «торговаться» с соперниками. В целом Достоевский относился к Австрии

преимущественно предвзято и негативно как к стране расчетливой и коварной. Достоевский также прогнозирует будущность Австро-Венгрии на геополитической карте мира. Согласно его представлениям Австрия – один из «главных кандидатов» на исчезновение (после Турции):

<...> чуть не на ладан дышит, развалиться хочет, точно такой же “больной человек”, как и Турция, да, может быть, и еще того плоше. Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений: тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов [1. Т. 25. С. 148].

В заключение отметим, что аналогичная участь, по мнению Достоевского, ждет большинство европейских держав, которые рухнут из-за неудовлетворенных стремлений своих подданных, кроме России, которая «никогда не была столь могущественной, как теперь» [Там же]. Иными словами, враги не только окружают Австрию на европейской карте, но и раздирают ее изнутри, и она представляет собой, по мнению писателя, классическую «лоскутную империю», участь которой предreshена, несмотря на некоторые временные преимущества.

3.5. Отношения Австрии, Германии и России в системе геополитических взглядов Ф. М. Достоевского

М. В. Подрезов

Взаимоотношения между тремя великими европейскими державами XIX в. – Российской, Германской (Пруссией) и Австрийской (Австро-Венгрией) империями – представляются одним из центральных процессов, определивших историческое развитие Европы и мира, последствия которого нельзя переоценить и сегодня.

Начиная с трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), когда три «черных орла» поглотили «белого», и череды наполеоновских войн, установивших систему европейского концерта держав, определенная стабильность в отношениях между государствами сохранялась вплоть до кризиса рубежа XIX–XX вв., вылившегося в конечном счете в Первую мировую войну, на которой Петербург и Берлин с Венной оказались по разные стороны. Копившиеся на протяжении всего «долгого XIX века» (термин,

введенный в оборот видным британским историком Эриком Хобсбаумом в трилогии «Век революции», «Век капитала», «Век империи») противоречия между державами вряд ли могли быть решены иным путем.

Это отчетливо понимал и Ф. М. Достоевский, предостерегавший Россию от спасения европейского «l'Ordre»¹³ [1. Т. 22. С. 91] методами, присущими европейцам (но чуждыми нам). Не без иронии он писал в 1876 г.:

И не пойдем ли мы, напротив, усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя вполне европейцами [Там же].

Для Достоевского, родившегося и почившего в эпоху достаточно стабильных и тесных взаимоотношений России, Австрии и Германии, вопрос прошлого, настоящего и будущего этих связей представлялся весьма важным, и писатель неоднократно обращался к нему как в художественных, так и публицистических произведениях. Поэтому целью данного параграфа является реконструкция образа и характера взаимоотношений трех империй в воззрениях Достоевского, которое предпринимается впервые. В науке о писателе отчасти изучен только вопрос о его отношении к Германии.

Настоящее исследование главным образом основывается на анализе публицистики, записных книжек и тетрадей Достоевского. Однако заметим, что в некоторой степени он касался ряда интересующих нас вопросов и в художественном творчестве. Приведем данные американского исследователя Р. Чаппла. В соответствии с ними Германия упоминается писателем 75 раз, из них в «Братьях Карамазовых» – 18, в «Униженных и оскорбленных» – 12, в «Бесах» – 9, в «Подростке» – 8, в «Кроткой» и «Идиоте» – по 5, в «Преступлении и наказании» – 4, в «Белых ночах» и «Дядюшкином сне» – по 3, в «Маленьком герое» и «Вечном муже» – по 2, в «Бедных людях», «Чужой жене и муже под кроватью», «Записках из подполья» и «Игроке» – по 1 разу [53. С. 254]. Внимание Достоевского в художественном творчестве сосредоточено в основном на самой Германии, реже – на взаимоотношениях между Германией и Россией. На это указывает и Е. Ю. Сафронова: «В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно и амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации. <...> Связи Германии с Россией были тесными и продолжительными» [54. С. 117]. В свою оче-

¹³ Порядок (фр.).

редь, П. В. Алексеев и Э. Биллет пришли к выводу, что Германия в целом получила положительное воплощение в воображаемой географии Достоевского, несмотря на то, что в 1870-х гг. ее образ стал сложным, наполненным негативными значениями, но первоначальная положительная основа оставалась прежней [55. С. 68], поскольку Россия и Германия во многом похожи [Там же. С. 70–71], и Достоевский видит в Германии идеологического борца с католическими странами [Там же. С. 74].

Достоевский неоднократно обращался к размышлениям о взаимоотношениях России, Германии и Австрии. Его представления об этом в значительной мере выражены в известной фундаментальной работе 1877 г. «Три идеи»:

Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы – идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей или не быть, жить ей еще или пришел ей конец <...> С другой стороны, восстает старый протестантизм, протестующий против Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической <...> А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся [1. Т. 25. С. 6–8].

Безусловно, Достоевский ассоциирует данные идеи с Францией, Германией и Россией соответственно. С нашей точки зрения, роль «католического элемента» в данной системе в равной степени разделяет и Австрийская империя, во многом более консервативная католическая страна, хотя и не такая однородная, как Франция, которая, значительно подорвала свой авторитет в этой сфере во время Великой французской революции и эпохи Наполеона I в силу его «особых» отношений с папой.

Впервые Достоевский обращается к проблемам взаимоотношений этих стран применительно к событиям победоносных наполеоновских войн, где Петербург, Вена и Берлин выступали в качестве союзников. Достоевский в работе «Нечто о политических вопросах» (1876 г.) показал весь свой скепсис по отношению к Австрии и Пруссии в качестве надежных союзников:

Нас точно так же уже раз судьба спасла, в начале столетия, когда мы свергли с Европы иго Наполеона I, – спасла именно тем, что дала нам в союзники Пруссию и Австрию. Если б мы тогда одни победили, то Европа, чуть только бы оправилась после Наполеона I, тотчас, и без Наполеона, бросилась бы опять на нас. Но, слава богу, случилось иначе: Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили они одни, а Россия только мешала [Там же. Т. 22. С. 121–122].

Это показательное суждение Достоевского подчеркивает, что даже в период наибольшего сближения между странами цивилизационные противоречия не позволяли надеяться на справедливую политику, основанную на паритетных началах, так как для европейских стран Россия – слишком чужая, далекая и непонятная.

Олицетворением отношений первой половины XIX в. для Достоевского стала центральная фигура австрийской и европейской политики – канцлер Клеменс фон Меттерних, один из главных организаторов Венского конгресса. Меттерних, безусловно, выступает для писателя отрицательной личностью, проводившей политику, шедшую в разрез с убеждениями Достоевского. В полной мере это раскрывается в работе «Идеалисты-циники» (1876 г.):

<...> можно оправдать политику Меттерниха из высших и реальных государственных целей. Да и практические ли только выгоды, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и «высшую» ее политику, в противоположность всей этой «шиллеровщине» чувств, идеалов и проч.? <...> Напротив... не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)? [Там же. Т. 23. С. 65].

Для Достоевского Меттерних выступает олицетворением политики текущей практичности. Можно констатировать, что, с его точки зрения, первая половина XIX в. – это период в отношениях между Россией, Германией и Австрией, в которых центральное место занимает Вена с ее влиятельнейшим интриганом-канцлером Меттернихом. Ситуация стала меняться уже в середине столетия. Разразившаяся в 1848–1849 гг. в Австрийской империи революция, больно ударившая по амбициям Габсбургов и лично канцлеру, отправленному в отставку, изменила баланс сил. При этом Достоевский не исключал изменения позиции Австрии при диалоге с Россией в знак благодарности за усмирение венгров. В то же время поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. открыло для Пруссии путь усиления и возвышения. Дальнейшее усложнение восточного вопроса благоприятствовало этому, так как и Петербург, и Вена оказались в заложниках необходимости иметь Берлин в друзьях или хотя бы рассчитывать на его нейтралитет.

В начале 1860-х гг. происходят два важнейших события, определивших развитие взаимоотношений трех стран, не оставшиеся вне внимания Достоевского. Во-первых, в 1862 г. министром-председателем правительства

Пруссии становится Отто фон Бисмарк; во-вторых, Берлин начинает активную военную фазу «сбора» немецких земель в ходе датско-прусской и австро-прусской войн середины 1860-х гг. В «Записной тетради» за 1864–1865 гг. Достоевский размышлял:

Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то даром это не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн [52. С. 244].

Достоевский видел в этом событии превращение Австрийской империи в «младшего брата» Пруссии. Будущность австрийской государственности с этого момента начинает регулярно ставиться писателем под сомнение, в частности, он пишет:

Силой она (Пруссия – *М. П.*) соберет Германию. В то же время, когда Австрия будет разрываться, Западная Германия частью примкнет к Пруссии, частью – к Франции [Там же. С. 284].

В канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский начинает задаваться вопросом о взаимоотношениях России, Германии и Австрии. В разделе «Дневника писателя» «Мечты о Европе» (1876) он обозначил следующее:

В согласии великих восточных держав бесспорно видят великие залого мира, а иные из газет наших так даже и в герцеговинской теперешней смуте <...> уж не потому ли, кстати, что ключ и к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкапулке у князя Бисмарка? [1. Т. 22. С. 84].

Вместе с тем писатель выводит свой «политический» и «естественный закон», что «два сильные и ближайшие друг к другу соседа, как бы ни были дружны, всегда кончат желанием истребить один другого» [Там же. С. 87]. По всей видимости, Достоевский исходил в этом суждении как из многовекового противостояния России и Польши, так и из наблюдений за развитием отношений между Францией и Германией. Однако он не распространял эти свои суждения, с нашей точки зрения, на соседство Германии и России. Так, в «Записной тетради» за 1875–1876 гг. он предположил:

Будущее России ясно: мы будем идти, может быть, без войны с Германиею – будем идти до тех пор, пока бросится к нам устрешенная Европа и станет молить нас спасти ее от коммунаров [52. С. 410].

Достоевский, как и многие другие, возлагал большие надежды на Константинопольскую конференцию великих держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция, Италия). Писатель был категоричен по отношению к ее результатам:

России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы и на занятия настоять силой, объявив и продолжая объявлять, что ей ничего не надо, кроме гарантий реформ для славян, никаких завоеваний для себя [52. С. 605–606].

Более того, Достоевский крайне эмоционально реагировал на сообщения прессы о том, что Австрия будет говорить с Россией с позиции силы, поскольку ее боится, отвечая на это следующим образом:

Россия не боится и всего их союзу, т. е. Франции, Англии, Австрии и Турции вместе. Теперь она с ними разделается одна, только бы мы остались в дружбе с Германией [Там же. С. 584].

Как известно, Константинопольская конференция не склонила Турцию пойти на требуемые реформы и уступки, что вылилось в начало русско-турецкой войны. В канун и в годы войны Достоевский регулярно обвинял Австро-Венгрию в нечестности и подлоге, чего, как правило, не делал по отношению к Германской империи. В связи с проблемой южных славян, боровшихся с турецким игом, писатель указывал на «двуличность» Австрии, которая, с одной стороны, заявляла о поддержке борцов за свободу, жертвовала якобы «множество миллионов гульденов на содержание семей повстанцев» [1. Т. 23. С. 72]; с другой стороны, Достоевский указывал на известия, что

<...> туркам, хотя и анонимно, весьма деятельно помогают австрийцы и англичане. Впрочем, почти и не анонимно. Помогают деньгами, оружием, снарядами и людьми [Там же. С. 51].

Отметим, что намерения Австрии «пожиться» на балканском кризисе писатель регулярно констатировал в своих публикациях, ставя их в противовес «бескорыстным» намерениям России. Так, в 1876 г. Достоевский окончательно убедился в том, что дружба между Россией и Австрией более невозможна. Дело не только в цивилизационном разломе между католическим и православным миром, а в вопросе защиты южных славян от австрийских посягательств, с его точки зрения, Австрия намерена «их онемечивать» [Там же]. Здесь следует подчеркнуть, что Достоевский не исключал отъема Германией немецких земель Австро-Венгрии. При этом для писателя со временем становится очевидным, что Берлин в случае конфликта России и Австрии скорее займет позицию последней. В разделе «О воинственности немцев» он излагал личные наблюдения, зафиксированные во время поездок в Германию после франко-прусской войны. В его описании немецкие обыватели весьма охотно рассуждали о возможностях войны с Россией:

С торжествующим и даже несколько надменным спокойствием они общили друг другу, что никогда еще Россия не была в таком слабом состоянии <...> «вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас» [1. Т. 23. С. 59–60].

Однако Достоевский понимал, что подобные настроения в те годы были характерны преимущественно для немецкого народа, а не на государственном уровне, где отношения между Российской и Германской империями оставались весьма стабильными. В некоторых случаях Достоевский идет дальше, пытаясь представить будущность отношений Берлина и Петербурга и оспаривая тезис о том, что Россия нуждается в Германии, считая это преувеличением. Рассуждения приводят писателя к умозаключению, что своеобразное геополитическое положение «серединной империи» заставляет Германию нуждаться в России:

Германия ведь все-таки в Европе страна серединная: как бы она ни была сильна – с одной стороны Франция, с другой – Россия [Там же. Т. 25. С. 156].

Отметим, что Достоевский уже тогда понимал невозможность борьбы одновременно на два фронта, несмотря на немецкую мощь. В «Записной тетради» за 1880–1881 гг. он признавал, что судьба Франции уже предрешена, а единственный, кто может ее спасти от Германии, – это, конечно, Россия [52. С. 691]:

Германия во всяком случае рассчитывает на нас не как на временных союзников, а как на вечных [1. Т. 26. С. 91].

Более прозаично писатель видел будущность отношений между Россией и Австрией. После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский считал восточный вопрос уже фактически решенным, осталось лишь дожидаться, когда Австрия «сама собой затрещит» [52. С. 688]. Вместе с тем он признавал, для чего России нужна на самом деле Германия: во время очередной франко-прусской войны, пока Берлин будет занят на Западе, это позволит нам беспрепятственно разделаться с Веной, так как «пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости» [Там же. С. 693]. Сама же Австрия, по мнению Достоевского, ничего сделать не способна из-за внутренних неурядиц и раздоров, а также в силу «клерикального усложнения дела», что связывает ей руки [1. Т. 25. С. 166]. Туманными виделись Достоевскому и перспективы развития отношений между Германией и Австрией. Свою позицию писатель изложил в статьях «То да не то. Ссылка на то, о чем я писал еще три месяца назад», «О том, что думает теперь Австрия» (1877).

Как уже было отмечено выше, Достоевский считал, что начало новой войны между Германией и Францией – это всего лишь вопрос времени, что, безусловно, было на пользу Австро-Венгрии, укрепляя ее международное положение. Как Германия, так и Франция нуждались в расположении Вены, которая умело этим пользовалась. Лавирование между Берлином и Парижем позволило Австрии повернуть в свою пользу успехи русского оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. При этом, по мнению Достоевского, Австрия могла рассчитывать на гораздо большее, если она даст возможность Франции взять у Германии реванш:

И всего только за какой-нибудь нейтралитет, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смиренно на месте, в ожидании награды за доброе свое поведение [1. Т. 26. С. 19].

При этом даже в случае поражения Франции дипломатическое спасение Парижа сулит Вене большие преференции. Позиция писателя понятна, учитывая его главную концепцию противостояния «трех идей», в данном случае – между католическим и протестантским миром. По мнению писателя, Австрия к тому же не теряет надежду создать вторую объединенную Германскую империю за счет аннексии у первой южных католических немецких территорий, что позволит Вене усилиться не только на международной арене, но и на внутренней:

Австрия могла бы посягнуть и на свой «дуализм», поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения, а затем, разумеется, распорядиться уж и с своими славянами, и это как-нибудь навеки [Там же. С. 20].

Таким образом, отношения между Россией, Германией и Австрией, с точки зрения Достоевского, были весьма сложными и противоречивыми. Писатель, исходя из собственной концепции «трех идей», показывает невозможность долгосрочного мирного сосуществования католического, протестантского и славянского миров, Австрийской, Германской и Российской империй на протяжении всего XIX в. Достоевский полагал, что существовавшее искусственное политическое устройство Европы должно рухнуть. Германия, разделившись с католической Францией, непременно вступит в борьбу с Австрией, стремясь объединить все немецкие земли воедино. Австрия же надеется создать еще одну немецкую империю, для чего ей нужно забрать у Берлина южные католические земли, и в таких условиях Достоевский предполагал скорый крах «клерикальной» и «лоскутной» Австро-Венгрии. Россия, с точки зрения писателя, выше политики выгоды и практичности, она стоит в стороне от европейских интриг и является оплотом единства, чести и свободы.

3.6. Итальянское Рисорджименто в восприятии Ф. М. Достоевского

С. В. Мурзина

Образ Италии начинает складываться в русской культуре и литературе в конце XVIII в., а «со второй половины XIX в. в русской словесности архетипический образ Италии приобрел черты литературной завершенности. Это хорошо прослеживается на примере творчества как И. С. Тургенева, так и Ф. М. Достоевского», – указывает О. С. Крюкова [56. С. 13].

Путешествие в Италию было детской мечтой писателя, так, в письме к Я. П. Полонскому 1861 г. он вспоминал:

Сколько раз мечтал я с самого детства побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарины и Лючии вьелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир – Верона, Ромео и Джульетта – черт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! А вместо Италии попал в Семипалатинск [1. Т. 28₂. С. 19].

Впервые Достоевский посетил Италию в 1862 г. и после этого бывал в ней многократно. Интерес к культуре и истории Италии сохранялся на протяжении всей жизни писателя, он обращался к ней в своем художественном и публицистическом творчестве, в письмах. Тема «Достоевский и Италия» сейчас активно изучается в самых разных аспектах (см., например: [50, 57–61]). Однако в данном параграфе впервые предпринята попытка описать итальянское Рисорджименто в восприятии русского писателя.

Представления о современной Италии и ее месте на политической карте Европы формировались у Достоевского в контексте европейских политических и исторических событий, за которыми писатель пристально следил. Так, в «Дневнике писателя» за 1877 г. он отмечал:

Европа с часу на час становится не такой, как была прежде, еще недавно, как была, может быть, всего назад еще полгода, так что теперь даже за три месяца вперед ручаться и за дальнейшую неизменяемость ее нельзя [1. Т. 26. С. 87].

В год возвращения Достоевского из Сибири – в 1859 г. – в Европе развернулась Австро-итало-французская война. Фактически это была борьба между Францией и Австрией за итальянские территории, но для самой Италии это стало процессом Рисорджименто – итальянского национально-

освободительного движения за объединение отдельных раздробленных итальянских земель, которое завершилось в 1870 г. созданием единого итальянского государства во главе с королем. Объединение Италии стало характерным проявлением общих европейских политических процессов второй половины XIX в., «когда в устах народов начало звучать требование национального суверенитета, когда национальные идеи начали становиться демократическими в рамках этих государств, – либерализм качнулся в сторону поддержки государства, придерживаясь официальной доктрины патриотизма», – пишет С. В. Картунов [62. С. 98].

При этом следует заметить, что в разных исторических исследованиях период Рисорджименто выделяется по-разному. Одни историки считают, что этот процесс начался уже в 1815 г. (окончание эпохи Наполеона, Венский конгресс) и завершился до сентября 1870 г., т. е. до завоевания итальянскими войсками Рима; другие утверждают, что окончательно процесс Рисорджименто закончился в феврале 1871 г., когда столица Италии была перенесена в Рим; третьи говорят об окончании периода объединения Италии только в 1918 г., «...когда после Версальского мирного договора к Италии были присоединены <...> “неосвобожденные земли”» [63. С. 182]. Вопрос становления итальянского государства актуален и для историков и политологов нашего времени. Так, в посвященном 150-летию объединения Италии интервью на радио «Свобода» Т. В. Зонова и А. В. Шарый делают следующий вывод: «...чтобы движение за объединение страны было успешным, нужны три человека: идеолог, полководец и король. Главным идеологом Рисорджименто можно назвать Мадзини <...> полководцем – Джузеппе Гарибальди, а королем – представителя савойской династии» [64] (Виктор Эммануил II. – С. М.). При этом Т. В. Зонова добавляет: «...конечно, здесь обязательно надо упомянуть еще одного деятеля Рисорджименто – графа Кавура» [Там же]. Т. В. Зонова выделяет четыре ключевые фигуры итальянского Рисорджименто: это Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди, Виктор Эммануил II и Камилло Бенсо ди Кавур.

В корпусе текстов Достоевского в связи с Рисорджименто были обнаружены четыре имени – и это именно те деятели, о которых говорит современный исследователь. При этом в центре размышлений Достоевского – Гарибальди, Кавур и король Виктор Эммануил II; обращение писателя к фигуре Мадзини носит достаточно косвенный характер. Это позволяет утверждать, что писатель обращался к ведущим деятелям Рисорджименто.

Период активного обращения Достоевского к итальянской политической проблематике – 1860–1870-е гг., что обусловлено как основными со-

бытиями Рисорджименто, так и зрелостью творчества русского писателя. Первые упоминания Достоевского, связанные с Рисорджименто, относятся к 1861 г.: в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» появляется имя Гарибальди, а в «Ряде статей о русской литературе» – имя Кавура; последнее упоминание относится к 1877 г., и это общее размышление об Италии (и вновь здесь – о Кавуре). В письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. он отмечал:

<...> я вывел неотразимое заключение, что писатель – художественный, кроме поэмы должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. <...> Имея 53 года, можно легко отстать от поколения при первой же небрежности [1. Т. 29₂. С. 78].

Н. Н. Страхов, путешествовавший с Достоевским по Италии в 1862 г., вспоминал:

Фёдор Михайлович всегда <...> с чрезвычайной симпатией относился к итальянцам, находил их простыми и добродушными, а людей из простого народа похожими на русских мужиков и баб [65. С. 48].

В связи с осмыслением процесса Рисорджименто Достоевский обращался к итальянскому народу, писатель сохранял веру в него:

Тут всё зависит от народного гения и во сколько он сам ценит и сознает себя [1. Т. 21. С. 192–193].

Это об итальянцах Достоевский пишет в статье «Иностранные события» от <1 октября 1973 г.> в «Гражданине»:

Расставшись навеки с колоссальной римской идеей всемирного владычества папы, унаследованной прямо от идеи всемирного владычества древнего Рима, итальянцы смотрят теперь хотя и безмерно уменьшенным взглядом на судьбы свои, но зато позитивно и материально и, несмотря на прозаичность занятия, неуклонно хлопочут устроить свое будущее мещанское счастье под знаменем Италии, соединенной во единое конституционное королевство. Очень может быть, что они избрали благую часть. Тут всё зависит от народного гения и во сколько он сам ценит и сознает себя [Там же].

Выбор итальянского народа, положившего, с его точки зрения, в основание своего нового государства материальность и протестантизм, писатель не одобрял, относился к этому с большим опасением:

<...> итальянцы вполне и с удовольствием сознают, что порвали надолго свои древние (католические) связи с крайним западом Европы и пристали к началу германскому (протестантскому) [Там же. С. 192].

Достоевский был против победившей в Европе, в том числе и в Италии, буржуазии, писатель с большим недоверием относился к выбранному Италией духовному пути. Достоевский пишет, что Италия потеряла свое мировое предназначение, идею:

<...> явилось объединенное второстепенное королевство, потерявшее всякое мировое поприще, променявшее его на самое изношенное буржуазное начало <...> королевство, вседовольное своим единством, ровно ничего не означающим, единством механическим, а не духовным [1. Т. 25. С. 143].

Однако при всем скептицизме писателя его вера в итальянский «народный гений» сохраняется, поэтому остается надежда, что «они избрали благую часть».

И при всем этом предельно своим сложном отношении к итальянскому «второстепенному королевству» Достоевский с очевидным пиететом относился к королю Виктору Эммануилу II. Виктор Эммануил II – король Итальянского королевства с 1861 г., первый король единой Италии Нового времени, один из политических лидеров Рисорджименто. Виктор Эммануил II вступил в Рим 2 июля 1871 г., и с этого момента Рим официально стал столицей единой Италии. Упоминаний, связанных с ним, у Достоевского немного, однако они встречаются как в художественных текстах, так и в публицистике.

Впервые Достоевский пишет о нем в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе», имя Виктора Эммануила здесь упоминается вскользь. Будучи в Гостином дворе, герой думает о Ф. Шиллере, а позже о Викторе Эммануиле II. На самом деле писатель размышлял о медальках, которые распространялись в городе в честь 100-летия со дня рождения Ф. Шиллера и 55-й годовщины его смерти. Похожие медальки были выпущены и в честь короля Италии, объединившейся под его властью:

Газеты за ноябрь – декабрь 1860 г. были полны сообщений о почестях, «принимаемых Виктором-Эммануилом от своих подданных [Там же. Т. 19. С. 271].

Второе упоминание о Викторе Эммануиле короле более обширно. В статье «Иностранные события» от <17 сентября 1873 г.> в «Гражданине» Достоевский пишет о том, что «в Европе произошли три весьма крупные события», и одно из них – «чрезвычайное посещение Вены и Берлина королем итальянским» [Там же. Т. 21. С. 180]. В целом Достоевский относится к Виктору Эммануилу II с уважением и почтением:

О короле итальянском и о путешествии его мы обещаем поговорить особенно обстоятельно, ибо событие это одно из самых важнейших за весь, может быть, нынешний год [1. Т. 21. С. 188];

Это король-джентльмен, простой, гордый и с чрезвычайным тактом [Там же. С. 188];

Король Виктор-Эммануил был в Берлине и даже в Вене, у бывшего врага своего и соперника императора австрийского. Эти свидания короля итальянского с двумя могущественнейшими из властителей Европы произвели в поданных его, в Риме и во всей Италии, восторг. Да и, без сомнения, все эти свидания государей европейских, полные дружества и высокого чистосердечия, должны были радовать Европу и ободрить пессимистов [Там же. С. 242].

В статье от <1 октября 1873 г.> Достоевский продолжает развивать тему значимости визита короля в Германию:

В Риме 21 сентября, то есть в годовщину народного голосования, присоединившего Церковную область к королевству Итальянскому, устроена была восторженным народом иллюминация и горел транспарант, изображавший императоров австрийского и германского и короля итальянского, подающих друг другу руки <...> Во всяком случае политическое обеспечение юного итальянского королевства устроилось, на время, довольно крепко [Там же. С. 192].

Виктор Эммануил II посетил столицы Германии и Австро-Венгрии, чтобы заручиться поддержкой этих государств, поскольку находился во враждебных отношениях с папской курией и опасался вмешательства Франции в итальянские дела. Достоевский пишет о том, насколько в сложившихся политических условиях действия Виктора Эммануила были тактически верными. Он выстраивает отношения с главами ключевых европейских государств ради нового итальянского королевства, и Достоевский с почтением относится к королю с точки зрения его политической тактики, его визиты к главам Германии и Австро-Венгрии он считает одним из главных событий в Европе за 1873 г. Однако при этом писатель в целом не одобряет связанного с этим выбора буржуазных ценностей. Тем не менее однозначно можно сказать об отношении писателя к королю как к человеку: «простой, гордый и с чрезвычайным тактом».

Еще одним значимым итальянским деятелем эпохи Рисорджименто у Достоевского является Камилло Бенсо ди Кавур. Кавур – один из государственных деятелей Италии этого времени, ее первый премьер-министр. Его имя впервые появляется на страницах Достоевского в 1861 г. и остается актуальным вплоть до 1877 г., и это несмотря на то, что Кавур умер в

том же 1861 г., когда сам Достоевский только начинал свое возвращение в литературу и журналистику.

В это время не только в зарубежных, но и в российских газетах подробно освещался процесс становления нового итальянского государства. Безусловно, каждая из газет описывала политические события, происходившие в Италии, со своей точки зрения, исходя из собственных политических убеждений. Так, редакция «Русского вестника» «настойчиво рекламировала консервативный курс <...> К. Б. Кавура» [1. Т. 18. С. 265], «Современник» же придерживался противоположной точки зрения. Почти с самых первых выпусков журнал братьев Достоевских «Время» включается в этот процесс, и чаще всего Кавур у Достоевского упоминается в контексте полемики с «Русским вестником» и «Современником».

Впервые имя Кавура встречается в «Ряде статей о русской литературе» (1861), где отражены не только эстетические, но и общественно-политические позиции писателя. Упоминание о Кавуре встречается в контексте рассуждений писателя о «Русском вестнике», когда в нем начал печататься М. Е. Салтыков-Щедрин:

Говорят, в «Русском вестнике» прибавилось вдруг столько подписчиков, что и сосчитать нельзя было, несмотря на то, что почтенный журнал уж и тогда начинал толковать о Кавуре, об английских лордах и фермерстве [Там же. С. 60].

Статья написана в несколько ироническом ключе. Публицисты «Русского вестника» «ратовали за введение в России английских учреждений и порядков» [Там же. С. 263], что давало основание упрекать журнал в англоманстве; в этот отчасти иронический контекст и введено упоминание Кавура.

Второй раз имя Кавура также встречается в «Ряде статей о русской литературе», теперь уже в статье «IV. Книжность и грамотность». Здесь писатель размышляет о проекте народной книги Н. Ф. Щербины «Читальник», представленном в 1861 г. в «Отечественных записках». Достоевский подробно разбирает этот проект, дает ему свою оценку, пишет о современном состоянии литературы. Имя итальянского политика здесь вновь использовано в ироническом контексте. Писатель, примеряя на себя роль мужика-крестьянина, для которого планировалось издавать «Читальник», как будто бы отвечает барину тем, что прекрасно понимает, что созданная книга – это некоторый обман, подвох для мужика, в котором напечатано лишь то, что удобно барину-опекуну. Крестьянин оказывается не так уж глуп, даже не зная,

<...> кто такой граф Кавур, или про то, что в болотной воде водятся инфузории, так уж совсем я и глуп и уж больше ничего не пойму? Неужели ж вы вправду думаете, что народ не поймет, что вы хоть и ужасно хотите обучить его чему-то, но в то же время и ужасно хотите скрыть от него что-то, по той причине, что он до того не дорос? [1. Т. 19. С. 35].

Имя Кавура в определенной степени снижено, поставлено в один ряд с инфузорией-туфелькой. Русский мужик не должен и не имеет потребности знать ни о Кавуре, ни об инфузории-туфельке.

В статье того же года «"Свисток" и "Русский вестник"» появляется авторский термин Достоевского «кавурство». Как отмечает В. С. Нечаева, «Имя Кавура и термин "кавурство" Достоевский неоднократно использовал в полемике с "Русским вестником" в 1861 г., адресуя их Каткову, защитнику политики Кавура» [5. С. 160]. Рассуждая о том, какое значение «Русский вестник» имел для политического просвещения страны, Достоевский подчеркивает его оторванность от жизни действительной:

<...> споры, задоры, ваша диалектика, полемика оставались <...> книгой, а потому и отзывались чем-то книжным, а не живым <...> И всё более и более от вас веяло таким ораторством, пальмерстонством, кавурством [Там же. С. 108].

«Пальмерстонство» и «кавурство» – это авторские неологизмы Достоевского, образованные от имен собственных. «Пальмерстонство» – можно с большой долей вероятности предположить, что в данном случае Достоевский имел в виду Генри Джон Темпла, третьего виконта Палмерстона, который в 1855–1865 гг. был премьер-министром Великобритании. Темпла и Кавура сближает многое: оба министра боролись за независимость возглавляемых ими стран, были сторонниками либерально-буржуазного строя, противниками революций и любыми средствами поддерживали мощь и престиж своих стран. Более развернуто о «кавурстве» писатель говорит в своей следующей статье, посвященной полемике с журналом «Русский вестник»:

Мы сказали уже раз, что от вашего журнала повеяло таким пальмерстонством, кавурством. Слово кавурство тут вовсе не означало Кавура. Этим названием мы хотели только выразить мелкое самоупоение, эту кичливость, юпитерское величие, детскую раздражительность [Там же. С. 121];

<...> почему это мы назвали «кавурством», право, не можем вам дать полного отчета, именно не можем [Там же].

Авторский неологизм «кавурство» согласно исследованию И. В. Ружицкого можно квалифицировать как «гапаксы <...> индивидуальные ав-

торские образования, которые часто можно квалифицировать как языковую игру» [66. С. 63], и задачи у подобных авторских образований могут быть разными. Можно предположить, что в данном случае это явно экспрессивная функция, связанная с негативными коннотациями.

Имя Кавура активно используется Достоевским и в набросках статей, которые планировались как полемика с журналом «Современник», с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, обращавшимися к фигуре политического деятеля в своих работах.

В <I Записной книжке за 1860–1862 гг.> в разделе «Будущие критические статьи» во фрагменте, который начинается словами «Куда вы торопитесь? (Чернышевский)» [1. 20. С. 153] содержится следующий набросок:

Вы препинаетесь о Кавуре, о «Р<усском> в<естни>ке» нечего и говорить – журнал отпетый [Там же].

Далее здесь же во фрагменте под специальным названием «Чернышевскому» [Там же. С. 154] Достоевский записывает наброски для статьи, направленной против Н. Г. Чернышевского. В частности, Достоевский вспоминает принадлежащую Чернышевскому характеристику Кавура в «Современнике» 1860 г.:

Он просто дипломат, которому хороши все средства, ведущие к обыкновенной цели дипломатов, к увеличению силы того государства, которым он управляет <...> Кавур был человек довольно дюжинный [67. С. 32].

На это Достоевский здесь отвечает:

Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы.

Если кто мог негодовать вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы. Но вы уж слишком размахались.

(NB. Французы бы не пошли против Гарибальди) [1. Т. 20. С. 154–155].

К предшествующим определениям личности Кавура добавляется то, что он – «дюжинная душа», которая умеет только «воровски пользоваться гениальными мыслями». Можно предположить, что упомянутый далее Гарибальди – это и есть тот «гений», «вопреки» которому властвует Кавур.

В свою очередь, Н. А. Добролюбов после смерти Кавура посвятил ему специальную статью «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», опубликованную в том же «Современнике» в 1861 г. В ней Кавур предстал как аналог русского либерала:

Русский читатель видел в анализе деятельности Кавура и объяснение политики русских либералов во время подготовки крестьянской реформы 1861 года и начавшийся переход либералов на сторону реакции [68. С. 554].

Реплика Достоевского, обращенная к Добролюбову по поводу Кавура, носит достаточно неопределенный характер:

Да ведь это история ваша с Кавуром <...> [1. Т. 20. С. 160].

Безусловно, этот достаточно интенсивный полемический контекст, в котором Достоевский использует имя Кавура и даже создает неологизм «кавурство», нуждается в дополнительном исследовании.

Наконец, наиболее развернутая характеристика Кавура содержится в «Дневнике писателя» за май – июнь 1877 г., где Достоевский размышляет о закономерностях современной европейской политической жизни и о таких ее лидерах, как Меттерних, Бисмарк – и Кавур:

Возьмите <...> графа Кавура – это ль был не ум, это ль не дипломат? Я потому и беру его, что за ним уже решена гениальность, да к тому же и потому еще, что он умер. Но что ж он сделал, посмотрите: о, он достиг своего, объединил Италию, и что же вышло: 2500 лет носила в себе Италия мировую и объединяющую мир идею – не отвлеченную какую-нибудь, не спекуляцию кабинетного ума, а реальную, органическую, плод жизни нации, плод мировой жизни: это было объединение всего мира – сначала древнеримское, потом папское. Народы, возраставшие и преходившие в эти два с половиной тысячелетия в Италии, понимали, что они носители мировой идеи, а непонимавшие чувствовали и предчувствовали это. Наука, искусство – всё облекалось и проникалось этим же мировым значением. О, положим, что мировая эта идея там, под конец, сама собой износилась и вся истратилась, вся вышла (хотя вряд ли так?), но ведь что ж наконец получилось вместо-то нее, с чем поздравить теперь-то Италию, чего достигла она лучшего-то после дипломатии графа Кавура? А явилось объединенное второстепенное королевство, потерявшее всякое мировое попользование, променявшее его на самое изношенное буржуазное начало <...> королевство, вседовольное своим единством, ровно ничего не означающим, единством механическим, а не духовным (то есть не прежним мировым единством), и, сверх того, в неоплатных долгах, и, сверх того, именно вседовольное свою второстепенностью. Вот что получилось, вот создание графа Кавура! Одним словом, современный дипломат есть именно «великий зверь на малые дела»! [Там же. Т. 25. С. 143].

Именно здесь Достоевский описывает современное преобразование ранее великой Италии, которая носила в себе «мировую и объединяющую мир идею», «сначала древнеримскую, потом папскую» – во «второстепен-

ное королевство, потерявшее всякое мировое поприще, променявшее его на самое изношенное буржуазное начало». В этом контексте Кавур как один из тех, кто таким образом «объединил Италию», окончательно определяется Достоевским как «великий зверь на малые дела». Думается, такие предшествующие его характеристики, как «мелкое самоупование, эта кичливость, юпитерское величие, детская раздражительность», находятся с последним определением в одном смысловом ряду.

В свою очередь, имя Мадзини в текстах Достоевского прямо не упоминается. Можно предположить, потому что ключевую роль в развитии Рисорджименто Мадзини сыграл на его первом этапе, в 1840–1850-х гг., когда русский писатель еще не особенно интересовался европейской политикой и десять лет провел в Сибири.

Однако, с точки зрения авторов Примечаний к Полному собранию сочинений Достоевского, запись «Банкет Гарибальди» в <IV Записной тетради 1864–1865 гг.> может быть связана с Мадзини. Судя по Примечаниям, Достоевский мог узнать об этом банкете из журнала Герцена «Колокол» и из «официальной прессы» [Там же. Т. 20. С. 378].

Банкет был устроен в Лондоне А. И. Герценом в честь Гарибальди, также на нем присутствовали и Мадзини и «двадцать <...> эмигрантов-революционеров» [Там же]. Гарибальди и Мадзини произнесли тосты «за юную Россию, которая страдает и борется, и победит; за новый народ России, который, одолев царскую Россию, будет призван играть великую роль в судьбах Европы» [69. С. 118].

Еще двум великим деятелям, чьи имена связаны итальянским Рисорджименто, Дж. Гарибальди и папе Пию IX, в данной монографии посвящены специальные параграфы, которые существенно углубляют изложенные здесь представления о восприятии Рисорджименто Достоевским.

3.7. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского

С. В. Мурзина, Е. Г. Новикова

Джузеппе Гарибальди – один из самых ярких политических деятелей европейской истории середины – второй половины XIX в., национальный герой Италии, один из лидеров Рисорджименто, главным политическим завоеванием которого стало объединение страны и нации.

Сложные, зачастую противоречивые события Рисорджименто находились в центре европейского политического внимания. Уже в 1856 г. французские газеты писали: «Вся Европа сейчас занята только итальянским вопросом <...> Проблема Италии стала актуальней восточного вопроса» [70. С. 193–194].

В свою очередь, в России «в 1860 г. не было ни одного номера русской газеты или журнала без статьи об итальянских событиях и о Гарибальди. Ежедневно в газетах излагались новые подробности его биографии, его взаимоотношений с Кавуром и Виктором-Эммануилом» [71. С. 270]. Характерно, что в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» Ф. М. Достоевского чиновник, вообразивший себя Гарибальди, впервые узнал о нем из газет: «...вычитал он что-то случайно в подвернувшейся на столе газете» [1. Т. 19. С. 72].

Журнал братьев Достоевских «Время» принимал активное участие в этом общем процессе осмысления актуальных итальянских событий. В центре «Политического обозрения» самого первого номера журнала 1861 г. – именно Гарибальди, его биография, его политическая деятельность, наконец, его исключительная личность:

Вся Европа следила за этим шествием с самым напряженным любопытством. Деятельность производит на умы неодолимое очарование. Где действие, там жизнь <...> И деловой человек, и государственный муж, и простой работник, и поэт – в то время принимались за свое дело не иначе как с мыслью: что-то делает Гарибальди? Что он потом станет делать? [72. С. 28].

В минуту опасности он отдавал приказания, одушевлял вое войско и дрался впереди всех с неустранимостью истинного героя [Там же].

«Триумфальное шествие Гарибальди <...> к Неаполю» [Там же] представлено здесь как истинная «жизнь». В этом же номере «Времени» были опубликованы «Петербургские сновидения в стихах и прозе» Достоевского [73], где сам писатель также обращается к Гарибальди. Одно из «сновидений» повествователя – рассказ о бедном чиновнике; в нем

<...> образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей [1. Т. 19. С. 72].

Так Достоевский, стремясь быстро и активно проявить себя в новой российской действительности начала 1860-х гг. и организовав для этого журнал «Время», входит в нее, если можно так выразиться, с именем Гарибальди на устах. Гарибальди в первом номере «Времени» – и в художественном произведении писателя, и в «Политическом обозрении».

В настоящее время степень изученности темы «Достоевский и Гарибальди» невелика, исследователи к ней обращаются пока только для постановки и изучения отдельных вопросов, связанных с Достоевским и с восприятием Гарибальди в России в целом, а также с общей проблематикой российско-итальянских взаимоотношений в XIX в. ([5; 74–75; 59–61] и др.).

Как уже было отмечено выше, первое обращение Достоевского к имени Гарибальди зафиксировано в его «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» 1861 г.:

Приснилось мне недавно вот что: жил-был один чиновник, разумеется, в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное [1. Т. 19. С. 71].

Так начиная свою историю о чиновнике-Гарибальди, Достоевский сразу же при этом указывает на гоголевскую традицию «Записок сумасшедшего»:

Никогда-то он почти ни с кем не говорил и вдруг начал беспокоиться, смущаться, расспрашивать всё о Гарибальди и об итальянских делах, как Поприщин об испанских... [Там же. С. 72].

«Старые знакомые стучатся иногда в мою дверь» [Там же. С. 71], – специально подчеркивает это писатель. Рядом с гоголевским образом маленького человека-чиновника вполне закономерно возникает тема Невского проспекта:

Ходил мой чудак сгорбившись, смотрел в землю, и когда, бывало, возвращаясь к себе на Петербургскую, он попадал на Невский, то, наверное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее [Там же].

А также – собственно «поприщинская» тема сумасшествия: «его отвезли в сумасшедший дом» [Там же. С. 72]. Путь и судьба гоголевского / петербургского чиновника – сумасшествие, именно это важно здесь Достоевскому. Поэтому в «сновидениях» его повествователю являются «вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники» [Там же. С. 71]. И такой современной, актуальной «фантастикой» России начала 1860-х гг. становится образ Гарибальди:

И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди [Там же].

В гоголевских «Записках сумасшедшего» – и «Испания», и «Италия»: «...струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия» [76. С. 195]. Здесь, в знаменитом финале «Записок сумасшедшего», несчастный Поприщин умоляет о помощи и спасении: «Матушка, спаси твоего

бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят!» [76. С. 195]. «Ему нет места на свете! его гонят!» – это можно было бы сказать и о герое Достоевского. Изначальная суть его личности – смирение, терпение, молчание:

<...> ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное [1. Т. 19. С. 71];

<...> упорно молчал, опустил глаза в землю и что-то пришепечивая, как будто замаливал у Господа свои прегрешения [Там же. С.72].

Далее следует вполне ожидаемая тема петербургского чиновника как маленького и несчастного человека:

Дома у него была <...> ворчунья жена, с шестью детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казенные бумаги или упорно молчал <...> И когда слезы, попреки и терзанья дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и проговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом. И могло же ему войти в голову, что он – Гарибальди! [Там же].

В это же время, начиная с 1860 г., Достоевский несколько лет перерабатывал повесть «Двойник» (переработка будет закончена только в 1866 г. и станет каноническим вариантом произведения). В «Черновых набросках к предполагавшейся переработке повести» под названием «В Голядкина» содержится несколько записей, объединенных именем Гарибальди, которые разворачиваются в набросок некоей специальной сюжетной линии (в окончательной варианте произведения она отсутствует):

Обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди.

<...> Головоломное известие, во-1-х, о Гарибальди, а во-2-х, о кислороде и водороде.

<...> О появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди.

В Голядкине видно, как человек пугается, потому что, кроме администрации, никто ничего не знает. (Ну что, если вот Гарибальди, а я о нем ничего не знаю.)

Справляется о Гарибальди в разных министерствах. Секрет-с. За гривенник достает адрес: статский советник в отставке, в Кирпичном переулке, № 31.

Идет в Кирпичный переулок, ждет. Лакей выпроваживает [Там же. Т. 1. С. 435–436].

Безусловно, наброски этого микросюжета требуют специального анализа в контексте творческой истории повести «Двойник». Но вполне очевидно то, что, одновременно с «Петербургскими сновидениями в стихах и прозе», в этих набросках к новому «Двойнику» также возникает тема Гарибальди в России, Гарибальди в Петербурге («о появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди»), и в него вновь потенциально может превратиться петербургский чиновник, причем здесь – даже в двух вариантах, это и сам Голядкин («обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди»), и некий «статский советник в отставке». Восприятие этим типом героя Достоевского Гарибальди как «флибустьера и нарушителя естественного порядка вещей» продолжается и в этих набросках: «разбойник».

Самоидентификация героя «Петербургских сновидений в стихах и прозе» как Гарибальди, когда он, после своего глубокого терпения и смирения заговорил «как Валаамов осел», – это бунт. «Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша» [Там же. Т. 14. С. 223], прежде чем Иван Карамазов начал пересказывать ему свою поэму о великом инквизиторе. А проблематика великого инквизитора также восходит, в частности, к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «...не попался ли я в руки инквизиции, и тот <...> не есть ли сам великий инквизитор» [76. С. 193], «...сегодня великий инквизитор пришел в мою комнату» [Там же. С. 194] и пр.

Если измученный маленький человек Гоголя только молит о спасении, подчеркнуто продолжающий его традицию герой Достоевского оказывается способным на бунт. О Гоголе и Достоевском много и серьезно размышлял В. В. Розанов в своей классической работе, посвященной именно великому инквизитору, в «Легенде о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария»: «Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо <...> Достоевский прежде всех других заговорил о жизни, которая может биться под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях» [77. С. 52–53].

Бунт маленького человека Достоевского против сложившегося мироустройства, когда «весь Божий мир скользил перед ним и улетал куда-то, земля скользила из-под ног его» [1. Т. 19. С. 72], фиксируется именем Гарибальди. В российской культуре начала 1860-х гг. сформировалось устойчивое представление о Гарибальди как о «вселенском радетеле униженных и угнетенных» [74. С. 78], думается, эти контексты и определили динамику гоголевского образа маленького человека до чиновника-Гарибальди в произведении Достоевского. «Бунт? Я бы не хотел от тебя

такого слова, – проникновенно сказал Иван. – Можно ли жить бунтом, а я хочу жить» [1. Т. 14. С. 223]. Герой Достоевского, осознав себя Гарибальди, осознает себя также «преступником», «флибустьером», «нарушителем естественного порядка вещей»:

И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей. Сознав в себе свое преступление, он дрожал день и ночь [Там же. Т. 19. С. 72];

<...> в одно утро он вдруг бросился в ноги его превосходительству: виноват, дескать, сознаюсь во всем, я – Гарибальди, делайте со мной что хотите!.. [Там же].

Бунт героя-Гарибальди Достоевского, обозначившись и состоявшись, одновременно с этим практически мгновенно превращается в акт покаяния, в акт признания своего греха, признания сущностной греховности природы человека, который должен «замаливать у Господа свои прегрешения». Так уже это самое первое обращение Достоевского к Гарибальди оказалось связанным с глубинным формированием таких сущностных проблем его творчества, осмысление которых пройдет через всю его жизнь и которые до сих пор остаются актуальными (см., например: [61]).

К началу 1860-х гг. относится также следующая запись Достоевского в <Записной книжке 1860–1862 гг.>:

NB. Французы бы не пошли против Гарибальди [1. Т. 20. С. 155].

Этот сюжет уже был описан в предыдущем параграфе монографии, но здесь хотелось бы остановиться на нем подробнее в связи с Гарибальди.

В указанной «Записной книжке» есть фрагмент, озаглавленный «Чернышевскому», в котором Достоевский сделал ряд заметок, посвященных определенным публикациям в журнале «Современник». В частности, политический обзор Н. Г. Чернышевского «Октябрь 1860» в «Современнике» [67. С. 295–327] был посвящен «Итальянским делам» [Там же. С. 295]. Здесь Чернышевский анализирует стратегии Гарибальди и Камилло Бенсо ди Кавура по отношению к Риму, который в это время находился под патронатом Франции, в нем и в некоторых других итальянских городах были размещены «французские гарнизоны» [Там же. С. 321] с целью сохранения «клерикального управления» [Там же. С. 320] Италией, которое поддерживал Наполеон III. Опираясь в своем анализе на целый ряд европейских изданий, русский мыслитель утверждает, что «Гарибальди напрасно приписывают намерение идти на французов» [Там же. С. 319], «Гарибальди хотел

действовать в этом вопросе не вооруженною силою, а нравственным влиянием, хотел довести французов до того, чтобы они добровольно удалились из Рима» [67. С. 319]. Н. Г. Чернышевский, сравнивая политические действия Гарибальди и Кавура, утверждал, что «ловкий Кавур» [Там же. С. 318] только воспользовался «программой <...> провозглашавшейся» [Там же] Гарибальди. Достоевский, активно полемизируя с Чернышевским по целому ряду вопросов, по поводу итальянских событий пишет следующее:

Если кто мог негодовать вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы [1. Т. 20. С. 155].

«Дюжинной душе» «вороватого» Кавура Достоевский противопоставляет «гениальность», «гениальные мысли» человека, в котором без труда узнается Гарибальди. Поэтому далее в своей реплике «NB» Достоевский усиливает еще один аспект личности Гарибальди, его особое «нравственное влияние» [67. С. 319], его «неодолимое очарование» [72. С. 28] для всей Европы того времени, именно поэтому, по мысли русского писателя, «французы бы не пошли против Гарибальди».

Таков диапазон изображения Гарибальди, заданный в самых первых упоминаниях о нем Достоевского начала 1860-х гг., – это и политический деятель, который борется за «униженных и оскорбленных», и «гениальная» личность, представление о которой связано с вопросами истинно нравственной позиции человека. На этом первом этапе Гарибальди представлен у Достоевского в основном простой фиксацией имени и крайне лаконичными (хотя достаточно сложными по смыслу) определениями: «я – Гарибальди» / «он Гарибальди», «флибустьер», «нарушитель естественного порядка вещей», «разбойник», «гений», «гениальные мысли».

В 1862 г. Достоевский впервые выехал в Европу, и творческим результатом поездки стали «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованные также во «Времени» в 1863 г. В них размышления о Гарибальди были продолжены. Если в 1860–1861 гг. основным источником информации о деятельности Гарибальди были для Достоевского газеты и журналы, то теперь он впервые окунулся в европейскую жизнь как очевидец. На основании этого реального жизненного опыта в «Зимних заметках...» впервые был создан художественный образ итальянского политического деятеля. В произведение вошло описание разговора о Гарибальди, в котором участвовали итальянцы и французы (а также русский писатель – как молчаливый, но внимательный слушатель).

Общий смысл этого разговора в контексте произведения Достоевского – создание «опыта» [1. Т. 5. С. 74] о буржуазной Европе, самым ярким воплощением которой, по мысли писателя, стала французская буржуазия. Меркантильному французскому буржуа он противопоставляет здесь яркий образ итальянского национального героя [60. С. 39]:

Сидел я раз за одним табльдотом – это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. Тогда везде толковали о Гарибальди. Это было недели за две до Аспромонте. Разумеется, говорили загадочно <...> Общий смысл разговора был тот, что Гарибальди затеял дело рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнение с недоговорками, потому что Гарибальди – человек до того всем не в уровень, что у него, пожалуй, и выйдет благоразумно даже и то, что по обыкновенным соображениям выходит слишком рискованным. Мало-помалу перешли собственно к личности Гарибальди. Стали перечислять его качества – приговор был довольно благоприятный для итальянского героя.

– Нет, я одному только в нем удивляюсь, – громко проговорил один француз <...>

Разумеется, все с любопытством обратились к оратору.

Новое качество, открытое в Гарибальди, долженствовало быть для всех интересным.

– В шестидесятом году, некоторое время, в Неаполе, он пользовался неограниченной и самую бесконтрольную властью. В руках у него была сумма в двадцать миллионов казенных денег! В этой сумме он никому не давал отчета! Он мог взять и утаить сколько угодно из этой суммы, и никто бы с него не спросил! Он не утаил ничего и сдал правительству всё счетом до последнего су. Это почти невероятно!!

Даже глаза его разгорелись, когда он говорил о двадцати миллионах франков.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать всё что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди с хаптурками из казенного мешка – это, разумеется, мог сделать только один француз.

И как наивно, как чистосердечно он это проговорил. За чистосердечие, разумеется, всё прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести [1. Т. 5. С. 83–84].

Именно личность Гарибальди в центре этого описания, он предстает здесь «итальянским героем», «человеком» совершенно особого «уровня», человеком «чести». Так в «Зимних заметках...» тема его гениальности и высоких нравственных качеств была не только продолжена, но развернута в два специальных небольших сюжета: в сюжет его обсуждения итальян-

цами и французами и в сюжет его пребывания у власти в Неаполе; на этом сложном двойном разноуровневом основании рождается у Достоевского художественный образ итальянского полководца.

Обращает на себя внимание та точность, с которой Достоевский описывает политическую деятельность Гарибальди: «Это было недели за две до Аспромонте». Имеется в виду сражение 29 августа 1862 г. у горы Аспромонте, проигранное Гарибальди, он был тяжело ранен и взят в плен (в октябре этого же года амнистирован). В свою очередь, уже 1864 г. в журнале «Эпоха», активно полемизируя с А. А. Краевским и его газетой «Голос», писатель напоминает о позиции этого издания по отношению к Гарибальди: победа знаменитой «гарибальдийской тысячи» над генералом Франческо Линди при Калатафими в 1860 г. была описана предвзято, даже само местечко было неточно названо «Кастельфидардо». Достоевский здесь резко возражает против этих «последних штучек» [78. С. 20] А. А. Краевского. Все это свидетельствует о том, что сам Достоевский в 1860-е гг. внимательно следил за сложными перипетиями политической борьбы Гарибальди и стремился быть в курсе всех последних событий итальянского Рисорджименто.

В 1867 г. супруги Достоевские уехали в Европу (чтобы прожить там долгие четыре года); к этому периоду относятся три случая упоминания Гарибальди в письмах писателя. Одно из них вновь свидетельствует о пристальном внимании Достоевского к политической деятельности и судьбе Гарибальди. В письме к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г. Достоевский упоминает поражение Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.: «разбитие Гарибальди» [1. Т. 282. С. 253, 462]. А в 1867 г. Достоевскому довелось увидеть Гарибальди лично. Впечатления русского писателя вошли как в его письма, так и в воспоминания А. Г. Достоевской.

В августе этого года супруги Достоевские для постоянного проживания выбрали Женеву. В конце августа – начале сентября в городе проходил конгресс Лиги мира и свободы – одно из крупных политических мероприятий, связанных с формированием I Интернационала. В нем принял участие и Гарибальди. Из письма А. Н. Майкову от 3 (15) сентября 1867 г.: «Видел и Гарибальди. Он мигом уехал» [Там же. С. 217]. Описание этого события в письме к С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 г.:

Я сюда попал прямо на Конгресс Мира, на который приезжал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5000 слушателей, то невыразимо! [Там же. С. 224].

Если в этих письмах Достоевского только упоминается имя Гарибальди, то развернутый рассказ о его пребывании в Женеве 1867 г. содержится в воспоминаниях А. Г. Достоевской, сначала – в ее «Дневнике 1867 г.» [79], затем – в поздних, составленных на его основе, но существенно отредактированных «Воспоминаниях» 1910-х гг. [80]. В сущности, описание Гарибальди в текстах А. Г. Достоевской – это еще один развернутый образ итальянского полководца, созданный пусть не самим Достоевским, но в ближайшем круге его авторитетного влияния. Подробный рассказ о Гарибальди в Женеве и об отношении к этому событию супругов Достоевских дан в «Дневнике 1867 г.», в «Воспоминаниях» же представлен гораздо более сокращенный и схематизированный вариант. «Сравнение расшифрованного “Дневника” за 1967 год и соответствующих ему по времени страниц воспоминаний позволяет судить о том, каким образом переделывались Анной Григорьевной записи непосредственные, по горячим следам <...> Именно поэтому “Дневник” в чем-то более достоверный мемуарный документ» [81. С. 17]. Эти размышления ученых, подготовивших «Воспоминания» к печати, самым непосредственным образом могут быть отнесены и к описанию Гарибальди.

Приведенные далее записи из «Дневника 1867 г.» датированы 8–9 сентября / 27–28 августа 1867 г.:

Сегодня день приезда Гарибальди <...> Народ попадался толпами, все спешили смотреть на разные депутации, которые отправляются встречать Гарибальди на железную дорогу. Собраться назначено было ровно в 5 часов <...> Я пошла домой, а Федя читать газеты. Сговорились, что он скоро придет <...> Я сидела дома все время, пока на мосту Монблан не показалась депутация. Тогда я тоже пошла и вышла на улицу Монблан <...> Улица Монблан очень широкая, но она была решительно наполнена народом до невозможности, особенно много было ребятишек и, как я заметила, они-то больше всех и суетились, когда началась процессия. Окна здешних 5- и 6-этажных домов была заняты дамами в нарядах и мужчинами. Мне было ужасно скучно ходить по улице одной и я, право, жалела, что не было со мной Федей <...> Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо, лет ему 55, мне кажется, он с лысиной. Но что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> Когда народ несколько отхлынул, я отправилась до-

мой и пришла гораздо раньше Феде и всех наших хозяек, которые, как потом говорили, отправились слушать речь, которую говорил Гарибальди с балкона дома президента <...> Когда воротился Федя, я начала бранить, за чем он за мной не зашел <...> я его (Гарибальди. – Е. Н.) видела очень близко, так что отлично могла рассмотреть его благородное лицо.

<...> Мы решились сегодня пораньше идти, чтобы до обеда прогуляться по городу <...> Мы, пообедав, пошли искать библиотеку и по дороге встретили Гарибальди, который ехал вместе с президентом в коляске из конгресса. За ним и перед ним бежала толпа мальчишек, а он предобродушно раскланивался [79. С. 242–244].

«Воспоминания»:

В начале сентября 1867 года в Женеве состоялся Конгресс мира, на открытие которого приехал Джузеппе Гарибальди. Приезду его придавали большое значение, и город приготовил ему блестящий прием. Мы с мужем тоже пошли на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги. Дома были пышно убраны зеленью и флагами, и масса народу толпилась на его пути. Гарибальди, в своем оригинальном костюме, ехал в коляске стоя и размахивал шапочкой в ответ на восторженные приветствия публики. Нам удалось увидеть Гарибальди очень близко, и мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка» [80. С. 188–189].

Незадолго до этого события в письме А. Н. Майкову из Женевы от 16 (28) августа 1867 г. Достоевский следующим образом описывает Анну Григорьевну: «В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно). Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек» [1. Т. 28₂. С. 205]. Можно предположить, что именно это «антикварство» подвигло Анну Григорьевну принять участие во встрече Гарибальди и подробно описать ее в «Дневнике». Достоевский с ней не пошел, он предпочел пойти в местную библиотеку читать последние газеты (в которых, очевидно, тема Гарибальди также занимала не самое последнее место). В «Воспоминаниях» – не так, здесь описано, как супруги Достоевские вместе пошли встречать Гарибальди «на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги».

Судя по «Дневнику», главное первое впечатление А. Г. Достоевской о Гарибальди – его удивительное лицо: «Какое у него доброе, прекрасное лицо <...> что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> благородное лицо». Безусловно,

возникает вопрос о том, вправе ли была Анна Григорьевна в «Воспоминаниях» приписать это свое впечатление о Гарибальди и Достоевскому: «...мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка». Думается, ответить на этот вопрос можно положительно. В «Дневнике 1867 г.» А. Г. Достоевская самым подробным образом описывает и те споры, недоразумения, противоречия, которые возникали между молодыми супругами в этот первый год их совместной жизни, и какие-либо расхождения по поводу Гарибальди, если бы они были, она должна была бы зафиксировать. Косвенным ответом на этот вопрос также может стать ее поразительное сравнение внешности Гарибальди и Достоевского: «Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди». Как однажды заметил писатель в письме к А. Н. Майкову из той же Женевы, «...я красавец <...> в глазах Анны Григорьевны – и серьезно, я Вам скажу!» [1. Т. 282. С. 278]. Во внешности и Гарибальди, и Достоевского Анна Григорьевна увидела доброту, ум, благородство, то же самое, по ее словам, увидел и сам русский писатель в «итальянском герое».

При этом в описании реальной случайной встречи супругов Достоевских с Гарибальди, которая произошла на второй день пребывания его в Женеве, есть один новый акцент – его простодушие: «он предобродушно раскланивался». Далее простодушие Гарибальди станет одним из важнейших его качеств и как человека, и как политика в описании Достоевского:

Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют <...> [Там же. Т. 16. С. 69];

И дела великие легки при таком простодушии [Там же];

<...> Гарибальди, человек простодушнейший до странности <...> может быть, очень честолюбивый, но непременно гениальный [Там же. Т. 24. С. 282].

О «простодушии» Гарибальди Достоевский писал, в частности, и в подготовительных материалах к «Подростку» 1874 г. в «Заметках, планах, набросках. 11 (23) июля – 7(19) сентября 1874». При этом вновь, как это было с повестью «Двойник», упоминания о нем так и останутся в черновых материалах и не войдут в окончательный текст романа, несмотря на то, что Гарибальди здесь посвящен фрагмент, значительный как по объему, так и по своим смыслам. Здесь источники представлений о Гарибальди расширяются: к газетам, журналам и личным впечатлениям добавились «Записки» [82] («Мемуары» [83]) итальянского политического деятеля:

Записки Гарибальди. «Вы, – говорит он правительствам и государям, – творцы интернационалки и революции, потому что вы противитесь истине и человеческому братству». Экономическая система Гарибальди сводится

вся к следующему: «Каким образом избежать опасности? Ничего нет легче: стоит только, чтоб потребляющие теперь за пятьдесят человек потребляли бы только как двадцать пять».

– Таких убеждений человеку легко жить на свете. Таких экономических правил можно надеть сколько угодно, но как их исполнить? Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют в совершенные пустяки, что удивление берет, как они могут иметь влияние.

– Чистым великим характером. Тем, что служили провозвестниками великой идеи.

– Так, уступая, Гарибальди, в противоположность всем революционерам, не нажился и отверг миллионы, предлагавшиеся ему правительством Италии! Но все-таки согласитесь, что сей храбрый генерал и честный человек мыслию не орел.

– Он был защитником великой идеи всю свою жизнь.

– Видите ли-с, эти люди легко веруют, а потому им и жизнь легка.

– А дела великие?

– И дела великие легки при таком простодушии.

Замечание.

NB. Разговоры Подростка с НИМ вначале имеют иногда следующую форму:

– А что вы думаете о Гарибальди?

– А что вы думаете вообще о женщинах?

– А что вы думаете о будущей жизни? и т. д.

Т. е. все такие бессвязно-поспешные внезапные вопросы (также и с Витей при первом свидании). Как будто Подросток спешит, чтоб не забыть задать вопросы, о которых он про себя *уже много прежде думал* и которые его очень интересуют [1. Т. 16. С. 69–70].

Подобно описанию разговора о Гарибальди в «Зимних заметках о летних впечатлениях», данный текст о Гарибальди также организован как диалог. Судя по «Замечанию», это были подготовительные материалы к тем обширным диалогам, которые вели Аркадий Долгорукий и Версиков и в которых исходная позиция вопрошания всегда принадлежала Подростку. И тема Гарибальди важна для него здесь так же, как темы «будущей жизни» и «женщин», это темы, «о которых он про себя *уже много прежде думал*». Причем в разговоре о Гарибальди этот общий диалогический подход усилен и обострен до прямой полемики двух разных точек зрения. Можно предположить, что начинает этот разговор Аркадий, Версиков же отвечает ему и выказывает свою позицию по отношению к итальянскому полководцу. Думается, именно Подросток в начале данного фрагмента

обращается к «Запискам» Гарибальди, специально сосредоточившись на его политической и «экономической системе», которую он воспринимает как «совершенные пустяки», потому что «как их исполнить?». Отсюда следует его вывод о том, что Гарибальди «мыслию не орел». Этой характеристике экономической программы Гарибальди Версилов противопоставляет иной подход к нему – подход в масштабе «великой» человеческой личности: «чистый великий характер», «дела великие», «провозвестник великой идеи», «защитник великой идеи всю свою жизнь».

В определенной степени Аркадий с ним согласен, он также называет Гарибальди «храбрым генералом и честным человеком», он вспоминает об известном бескорыстии итальянского героя; хотелось бы напомнить, что именно бескорыстие явилось основной темой разговора о нем и в «Зимних заметках о летних впечатлениях». И в конечном счете на основании этого сложного сочетания личностного и политико-экономического подхода к Гарибальди Аркадий делает вывод о его «простодушии» и как человека, и как политика.

В сущности, Версилов повторяет здесь представления Достоевского о Гарибальди 1860-х гг., а в вопрошаниях и утверждениях Аркадия намечается новая проблематика этого образа: более специальная проблематика его политической и экономической программы. Именно политическая составляющая образа Гарибальди, осмысление специфики и исторического значения его политической деятельности актуализировались у Достоевского в 1870-е гг., о чем свидетельствуют последние случаи обращения к нему в подготовительных материалах к «Дневнику писателя».

Здесь также ярко проявилась уже обозначенная ранее тенденция использования имени и образа Гарибальди в основном в черновых материалах – без введения его в окончательный текст произведения («Двойник», «Подросток»). Это полностью относится и к упоминанию Гарибальди в материалах «Дневника писателя».

В 1876 г. в <Записной тетради 1876–1877 гг.> для «Дневника писателя» имя Гарибальди введено в развернутый фрагмент размышлений писателя, посвященных франко-прусской войне, падению Наполеона III и французской монархии в целом и формированию Французской республики:

Garibaldi; la république avant la France¹⁴.

Воевали две равносильные державы, и не пришел бы помогать Гарибальди. Но кончился Наполеон, и настала республика, и Гарибальди пришел помогать молодой республике и республиканцам <...>

¹⁴ Гарибальди; республика прежде Франции (фр.).

Франция очень-таки не сочувственно смотрела <...> на подвиги Гарибальди и сказала «jamais»¹⁵. Франция очень покойна была в то время. Разве стала считать себя более зрелой, чем прежде? Это смешно. Общество было недовольно Наполеоном, эпоха смешанная, а в первую революцию Франция, основанная во Франции, гордилась собой и действительно считала себя зрелее. А уж при Наполеоне-то I как гордились собою все 2/3 или даже 3/4 его царствования, до тех пор, пока буржуазное восхищение поддалось наконец разочарованию, а вместе с тем и проснулись подавленные революционные силы [1. Т. 24. С. 253–254].

Достоевский пишет здесь о решении Гарибальди, на фоне падения Наполеона III и провозглашения Французской республики, возглавить в 1870–1871 гг. Вогезскую армию в продолжающейся войне Франции с Пруссией. Этот эпизод из его политической жизни Достоевский отчетливо и недвусмысленно интерпретирует именно как поддержку «молодой республики и республиканцев»: «Garibaldi; la république avant la France». Так впервые в творчестве Достоевского Гарибальди предстает одним из лидеров революционного движения в Европе.

В свою очередь, из «Вариантов» к «Дневнику писателя» 1874 г. следует, что имя Гарибальди возникает у Достоевского, как кажется сначала, в совершенно неожиданном контексте «восточного вопроса»: «внизу листа наброски: ”1. Гарибальди и проч.”» [Там же. Т. 23. С. 308]. Эта отметка писателя относится к главе «III. Продолжение предыдущего», которая начинается следующим образом:

Мне даже очень досадно, что я должен был так распространиться. Если б возможна была когда-нибудь война Франции с Турцией и при этом заволновались бы принадлежащие Франции мусульмане, алжирские арабы, то неужели вы думаете, что французы не усмирили бы их тотчас же самым энергическим образом? [Там же. С. 127].

Но как показывает <Записная тетрадь 1876–1877 гг.> для того же «Дневника писателя» 1876 г., действительно, Гарибальди и «восточный вопрос» были объединены в сознании Достоевского – и объединены категорией личности; личность политического деятеля по-прежнему в центре внимания писателя. Именно здесь он сопоставляет Гарибальди и генерала М. Г. Черняева, возглавившего в 1876 г. сербскую армию в борьбе православных славян против владычества Османской империи:

¹⁵ Никогда (фр.).

Черняева можно сравнить разве с Гарибальди, человеком простодушнейшим до странности, а тоже, может быть, очень честолюбивым, но непременно гениальным. Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура, а Черняев сам начал. (Объединение Италии, объединение славян.) Правда, уж то, что Гарибальди примкнул к Кавуру, показывает его гениальность <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром, а Черняев всё сам начал, но... [1. Т. 24. С. 282].

Как известно, Достоевский восхищался М. Г. Черняевым и его деятельностью по «объединению славян». В данном фрагменте Достоевский вновь возвращается к вопросу о соотношении двух лидеров национального объединения Италии, Гарибальди и Камилло Бенсо ди Кавура, фактически, противореча самому себе начала 1860-х гг. Если в <Записной книжке 1860–1862 гг.> в разделе «Чернышевскому» он утверждал, что «дюжинная душа» Кавура «властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями» Гарибальди, то теперь он пишет: «Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром». Думается, такое смещение акцентов было предпринято Достоевским, чтобы подчеркнуть исключительно самостоятельную позицию М. Г. Черняева: возглавить военную борьбу сербов против турецкого владычества было его собственным политическим решением, которое на первом этапе расходилось даже с дипломатическими решениями Российской империи по этому поводу. В целом же данный текст организован плодотворным сопоставлением Гарибальди и М. Г. Черняева. Они оба, с точки зрения Достоевского, стремились к реализации соотносимых между собой историко-политических задач национального объединения: «объединение Италии, объединение славян». И их личностные качества, по мысли Достоевского, также соотносимы между собой – это гениальность, простодушие и честолюбие.

Итак, можно утверждать, что «гениальность» и «простодушие» – это сущностные качества личности Гарибальди, по Достоевскому, он возвращается к ним снова и снова.

В целом к имени и образу Гарибальди Достоевский обращался на протяжении двух десятилетий, начиная с 1860 г. и заканчивая 1876 г. Произведения Достоевского, связанные с именем Гарибальди, – это «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Двойник», «Подросток», «Дневник писателя», а также письма 1867–1868 гг. При этом следует еще раз подчеркнуть одну важную особенность обращения к Гарибальди в творчестве писателя: только в двух произведе-

ниях начала 1860-х гг., в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», его образ представлен в опубликованном каноническом тексте; во всех остальных произведениях 1860–1870-х гг. (второй вариант «Двойника», «Подросток», «Дневник писателя») обращение к нему предпринимается исключительно в подготовительных материалах. Образ Гарибальди в творчестве Достоевского важен, но зачастую «скрыт», зачастую он выполняет функции некоего «подтекста», смыслы и значение которого для основного текста нуждаются в дальнейшем исследовании.

Весь комплекс указанных материалов свидетельствует о том, что Достоевский был хорошо осведомлен о событиях и обстоятельствах, связанных с именем Гарибальди и с итальянским Рисорджименто в целом. Источниками этого знания для писателя послужили европейские и российские газеты и журналы, «Записки» итальянского политического деятеля, наконец, случайная личная встреча с ним в 1867 г. Изображение Гарибальди разворачивается у Достоевского в широком диапазоне от простого называния имени до яркого художественного образа (свой вклад в создание образа Гарибальди внесла также А. Г. Достоевская). И при всем внимании к его политической деятельности в конечном счете в образе Гарибальди Достоевского доминируют личностные категории и характеристики, представление писателя об уникальном масштабе личности «итальянского героя».

3.8. Образ папы Пия IX в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского

Ш. Липке

Тема «Ф. М. Достоевский и папство» или «Ф. М. Достоевский и католичество» давно занимает исследователей. Например, Н. А. Бердяев связывает роль и идеи папства с идеями Петра Верховенского в «Бесах» по поводу социалистической революции, а в романе «Братья Карамазовы» с учением великого инквизитора о том, что верховная религиозная власть должна освободить людей от бремени свободы. По его мнению, Достоевский считает, что папа римский, примыкая к французским социалистам, старается достичь окончательной и всеобщей власти [84. С. 431–433]. И. И. Лапшин подчеркивает, что критика папства у Достоевского заим-

ствована у самих римских католиков; соответственно, наряду с Н. А. Бердяевым, исследователь видит ее направленной не только против католицизма, но и против социализма; однако он обращает внимание также на то, что, вслед за Д. Ф. Штрауссом, Достоевский видит в искушениях Христа в пустыне искушения именно католичества [85. С. 375–377]. Н. О. Лосский считает, что, согласно Достоевскому, папство не отрекается от светской власти, потерянной в 1870 г., а хочет восстановить ее и одновременно благодаря догмату о непогрешимости (точнее: безошибочности) папы расширить свою духовную власть. Средством же для достижения обеих целей послужит папе союз с социалистическими революционерами [86. С. 350–352]. В то же время Н. О. Лосский обращает внимание на то, что в дальнейшем Лев XIII (1878–1903) в некотором смысле сблизился с бедными и их защитниками [Там же. С. 353–354]. С. А. Кибальник подчеркивает тематику связи между римским католицизмом и социализмом, представленную, в частности, в образе Великого инквизитора [57. С. 393]. Как отмечает Е. Г. Новикова, уже в романе «Идиот» Достоевский пишет о мнении князя Мышкина, что римский католицизм связан с социализмом [3. С. 148].

Здесь же впервые высказывания Достоевского о папе интерпретируются на фоне биографии конкретного папы (фактически единственного, на которого Достоевский мог обратить внимание) – папы Пия IX (1846–1878; в миру Джованни Баттиста Мастаи-Ферретти), в частности на фоне ключевого момента его биографии – противоречивых событий 1870 г.: потери папой светской власти, с одной стороны, и апогея его духовной власти – с другой. Это требует углубленного изучения исторической роли Пия IX в свете размышлений Достоевского. Роль папы Пия нам кажется во многом противоречивой – и Достоевским воспринятой также противоречиво. Важно для нас иметь в виду, что позиция Пия IX является во многом обострением того, что Достоевский считает позицией папства как такового.

Тема «Достоевский и Пий IX» интересна уже удивительными параллелями между биографиями обоих деятелей. В молодости Пий болел эпилепсией, в связи с чем был сверхчувствителен [87. С. 661] – так же как и с творчеством Достоевского связана повышенная чувствительность. Переломный момент в биографии Пия – революция в Риме, побег из города переодетым и пребывание в изгнании в 1848–1850 гг. [88. С. 1274; 87. С. 662], как в жизни Достоевского – арест и смертный приговор, помилование, каторга и ссылка [3. С. 8]. Пий IX сначала считался, условно говоря, прогрессистом [89. С. 1506], а затем приблизился, также условно гово-

ря, к консервативной позиции [87. С. 662] – как это произошло и с Достоевским [3. С. 145]. Причем в обоих случаях это было скорее смещением акцентов, нежели изменением позиции. Оба считали, что бывают священные дела, которые стоят народного подъема и готовности воевать ради них: для Пия это была защита Рима и церковного государства [87. С. 663], а для Достоевского – защита православных христиан [1. Т. 25. С. 65–66]. Наконец, Пий так же, как и Достоевский, считал, что его главная борьба – не политическая, а духовная [87. С. 665; 84. С. 423].

На фоне данных параллелей, о которых Достоевский, безусловно, в общих чертах знал, мы рассмотрим статьи Достоевского, посвященные папе Пию, и постараемся реконструировать образ папы у писателя, в чем заключалась нравственная и духовная сущность данного образа. В нем, как нам кажется, сочетаются критика папства как такового со стороны Достоевского и взгляд писателя на особенности личности и деятельности Пия.

В связи с так называемым «культуркампом» и сотрудничеством клерикалов и социалистов в Германии по поводу притеснений со стороны правительства Отто фон Бисмарка Достоевский пишет:

Папа сумеет выйти к народу пеш и бос, ниц и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих [1. Т. 21. С. 202].

Он имеет в виду, что клерикальное движение во Франции, ищущее поддержку монархистов,

<...> может быть, последняя попытка римского католичества обратиться еще раз, в последний раз, за помощью к королям и высшим мира сего [Там же].

После провала данной попытки папа может заключить союз с социалистами, чтобы с их помощью добиться политической власти не только в центральной Италии, как прежде, но во всем мире [Там же. С. 203]. К этой же мысли писатель возвращается в «Дневнике писателя» за март 1876 г.:

Потеряв союзников царей, католичество бросится к демосу [Там же. Т. 22. С. 89].

По его мнению, католичество сделает этот шаг, чтобы защитить земное владение папы, поскольку,

<...> провозгласив как догмат, «что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы», оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволаво искушение, на царства земные [Там же. С. 88].

В данном контексте Достоевский пишет, как будто от имени папы, говоря:

Это вы думали, что я только титулом государя Папской области удовольствуюсь? Знайте же, что я всегда считал себя владыкой всего мира и всех царей земных, и не духовным только, а земным, настоящим их господином [1. Т. 22. С. 88–89].

Разумеется, в этих высказываниях есть доля правды. Например, действительно папа настаивал на восстановлении папского государства; в 1860 г. он подчеркивал, что без него служение папы как духовного лидера церкви не будет свободным, и критиковал власти Италии за губительные, с его точки зрения, нападки на христианство на тех территориях, которые до недавних пор еще принадлежали церковному государству [90].

Однако это, во-первых, не догмат. Во-вторых, здесь утверждается необходимость правления папы не всем миром, а всего лишь своей территорией, и это фактор, который обеспечивает его независимость от земных правителей. В-третьих, здесь не сказано, что христианство как таковое не может устоять без церковного государства, а только то, что нападки в центральной Италии угрожают его существованию в данных регионах. В-четвертых, влияние клерикалов на правительство Франции переоценивается, поскольку Наполеон III в 1870 г., в начале войны с Германией, прежде всего забрал свое войско из Рима, так как считал, что важнее защитить свое государство, нежели папское. В-пятых, сотрудничество клерикалов с социалистами в Германии носило скорее тактический характер, нежели стратегический, оно было обусловлено тем, что оба движения подвергались преследованию со стороны Бисмарка; по сути же как раз Пий IX назвал социализм «чумой», причем в одном из самых авторитетных документов, в «Силлабусе» 1864 г. [91. Р. IV; 92. С. 477].

Все это показывает, что высказывания Достоевского нельзя воспринимать в первую очередь как анализ политической ситуации. Вместо этого, как нам кажется, Достоевский вникает в духовную ситуацию папы римского как такового и лично папы Пия IX. Он видит, что первая возможность римских пап отреагировать на потерю Рима – стремление к восстановлению своей власти с помощью консерваторов – фактически нереальна. Достоевский угадывает, что время папы как итальянского князя и как союзника «легитимных» монархов прошло и что папа, ожидавший от правителей стран одновременно и защиты для церкви, и уважения к ее независимости от светской власти, оказался в тупике [87. С. 663]. В связи с этим закономерно было ожидать если не от Пия, то по крайней мере от его

преемников поворота. Достоевский также видит, в чем именно мог бы заключаться такой поворот. Он, конечно, вслед за либералами и протестантами переоценивает догмат о безошибочности папы, считая, что вместе с данным догматом папа провозгласил

<...> себя владыкой мира, а пред католичеством поставил, уже догматически, прямую цель всемирной монархии [1. Т. 25. С. 158].

Данная интерпретация в официальных документах католической церкви, конечно, отсутствует. Но Достоевский вникает в то, что догмат о безошибочности торжественных папских определений касательно веры и нравственности придает папе новую власть как духовному лидеру [Там же. Т. 22. С. 89]. На самом деле католичество как раз в это же время училось мобилизовывать верующий народ в рамках таких массовых мероприятий, как паломничества или съезды католиков [Там же. Т. 21. С. 202]. Например, съезды католиков Германии, инициатором которых выступает ассоциация, названная в честь папы «Piusverein», на протяжении десятилетий после 1848 г. превратились из собраний ассоциаций в мероприятия с десятками тысяч участников [93. С. 38–39]. При этом, как подтверждают историки, популярности папы только способствовало то, что после 1870 г. он потерял земную власть и богатство [87. С. 664–665]. В этом смысле Достоевский понимает лучше, чем сам папа, что потеря светской власти дает папе и церкви возможность окрепнуть в качестве духовной силы; здесь Пий IX ошибся, когда осудил оценку, что «отмена земного правления, которым обладает Апостольский престол, весьма способствовала бы свободе и благосостоянию Церкви» [91. P. LXXVI].

Достоевский замечает, что отказ от попытки сотрудничества с консервативными силами Франции, связанный с окончательным поражением монархизма в 1877 г., произойдет скорее после смерти Пия IX, нежели при нем [1. Т. 22. С. 88–89]. Более того, дальнейшая история покажет, каким образом действительно «выход к народу» станет повесткой дня папства: впервые за долгое время кардиналы будут избирать в основном не представителей знати, а несколько раз представителей мелкой буржуазии: Пия X (1903–1914), Иоанна XXIII (1958–1963), Иоанна Павла I (1912–1978), Иоанна Павла II (1978–2005), Бенедикта XVI (2005–2013); из них в молодости лично испытывали лишения и бедность Пий X, Иоанн XXIII и Иоанн Павел II. Более того, Иоанн XXIII, Павла VI, Иоанна Павла II и Франциска (с 2013 г.) характеризует стремление сблизиться с народом, при этом отказываясь от давнейших традиций само-

изоляции пап: вопреки обычаям, папы стали посещать больницы, тюрьмы, отказались от передвижения на носилках и приема пищи в одиночестве. Что папа «выходит к народу», можно сказать также и в том смысле, что папы после Пия IX, в частности Лев XIII (1878–1903), Пий XI (1922–1939), Иоанн XXIII, Павел VI и Франциск, заботятся об улучшении жизненной ситуации самых бедных людей. На это обращает внимание уже Н. О. Лосский, подчеркивая, что с этим никогда не был связан призыв к революции и насилию [86. С. 353–354].

Достоевский совершенно справедливо отмечает необходимость «выхода папы к народу», но возможность реализовать его писатель оценивает неверно: вся дальнейшая история показывает невозможность встать на стороне всего народа или даже всего верующего народа. Французские и немецкие католики во время Первой мировой войны были врагами, между 1918 и 1939 гг. католики (причем именно из простого народа) были как на стороне авторитарных режимов, так и на стороне демократов и даже социал-демократов; после 1945 г. интересы простого народа на севере земного шара и в колониях противостояли друг другу; самоидентификация Иоанна Павла II со страдающим польским народом означала невозможность с уверенностью принять сторону простого католического народа Латинской Америки против его гонителей – антикоммунистических представителей военных диктатур.

В этом смысле слова Достоевского указывают на то, что понтификат Пия IX означал упущенный, может быть единственный, шанс встать на сторону народа как такового. Уже в 1848 г. папа отказался идентифицироваться с итальянским народом и осудить позицию Австрии [94. С. 258]. Также смелое выступление на стороне польских повстанцев 1863 г. было бы возможным, при этом потеряв поддержку властных лиц, но не народов. Однако Пий осудил только гонения на церковь, само же Польское восстание 1863 г. он назвал «*funestissima, et omnimodo damnanda rebellio*», т. е. «весьма печальный и всячески осуждаемый бунт» [95. Vol. 2. P. 270–273]. Также после 1875 г. папа критикует гонения на греко-католиков упраздненной российским императором Холмской епархии на востоке Польши, но в политику России не вмешивается [89. С. 1509]. То, что, как писал Достоевский, «сам папа, громко, в собраниях ватиканских, с радостью говорил “о победах турок”» [1. Т. 26. С. 13], точнее, отказался встать на сторону славян и России, осуждая «кровопролитие» [95. Vol. 10. P. 165], свидетельствует о невозможности для Пия IX «выйти к народу». Папа мог бы стать моральным лидером тех, кто выступает за независимость балканских

народов, тем более что здесь движение точно не было направлено против одного из христианских народов. При этом он мог бы надеяться на приближение унии между католиками и православными и тем самым на усиление своей роли всеобщего лидера христиан. Однако он к балканским народам «не вышел», отчасти, возможно, под влиянием того же легитимизма, в связи с которым он отказался выступить против Австрии еще в самом начале своего понтификата, а отчасти потому, что для него, как подзревает Достоевский, «обновление римского светского правительства» было важнее вопросов всемирного христианства. Поэтому папа должен был надеяться на поражение России не как «схизматической страны» против «правоверной» Турции, о чем с сарказмом пишет Достоевский, но в первую очередь как союзника Германии и тем самым Италии [1. Т. 26. С. 13]. Так при Пии «выход к народу» не состоялся и в дальнейшем, как таковой, был невозможен.

Вскользь Достоевский упоминает третью возможность (помимо сотрудничества с монархистами и «выхода к народу»), хотя считает ее нереальной: преемник Пия IX может принять дотацию, предложенную ему итальянским правительством. Тем самым он

<...> согласился бы на status quo и кончилось бы римское католичество, а вместо (так у Достоевского. – *Ш. Л.*) его началось бы нечто совсем иное и еще неизвестное [Там же. Т. 21. С. 244].

Здесь, как нам кажется, Достоевский частично угадывает путь церкви при преемниках Пия IX, путь смягчения «Non possumus» (непризнания захвата Рима самим папой) и «Non expedit» (запрета принимать участие в национальных выборах для католиков), окончательно одобренный Пием XI в Латеранских договорах 1929 г., когда папа признал центральную Италию и город Рим как части итальянского государства и был ими признан главой Ватикана и некоторых экстерриториальных имений. Фактически это привело к образу папы и церкви, эмпирически совершенно непохожему на папство предыдущих времен. Стоит ли считать церковь, признающую светское государство, свободу совести и остальные права человека, вступающую в диалог с представителями других религий и конфессий, той же римско-католической церковью, как и церковь Пия IX, – это вопрос веры. Достоевский считал бы, что нет, так как это уже церковь, отвергнувшая «третье дьяволово искушение», что, по его мнению, противоречит римскому принципу церкви, церкви скорее Юлиана Отступника, нежели Христа [1. Т. 22. С. 89]. Но, как уже было отмечено, Н. А. Бердяев

и Н. О. Лосский одобряют католическую церковь именно за это. И на самом деле всемирная сила папства в начале XXI в. связана с его согласием на отказ от земной власти, считавшимся невозможным при Пии IX, и с выбором роли духовного лидерства. Следует сказать, что критика Достоевского в определенном смысле касается не папства как такового, а скорее именно Пия IX. Ведь учение «Силлабуса», подчеркивание безошибочности папы и необходимости земной власти папы, колебание между «выходом к народу» и легитимизмом – это свойственно было именно Пию лично. В то же время вопросы, поднятые Достоевским, и при преемниках Пия IX скорее преобразуются, нежели исчезают совсем.

Размышления Достоевского о папе показывают, что писатель вникал в вопрос о богословском смысле современной ему ситуации в рамках истории католической церкви. Несмотря на преувеличения и предрассудки, он всё-таки справедливо отмечает, что вопрос о власти церкви и папы важен, так как уже в Евангелии много раз обсуждается отношение между властью и служением (например: Мф 18: 1–5; Лк 22: 24–27). Достоевский видит, что время папы как итальянского князя и как почетного главы католического мира, которому сотрудничество с монархами не только дает власть, но и ограничивает его их желаниями и требованиями, закончилось. Не веря в истинно духовную сторону папства, он видит для него три возможности: победа еще раз с помощью союза клерикалов и монархистов, попытка стать мировым лидером, «выйдя к народу» и сотрудничая с социалистическими революционерами, сотрудничество со светскими властями ценою самоограничения ролью одного из епископов.

Нам здесь кажется важным еще один аспект, без которого нельзя достичь глубины богословской мысли Достоевского: он пишет не просто о политике своего времени и не просто о нравственности (вернее: безнравственности) другого человека, пусть даже такого значимого, как папа римский. Нам кажется, что в Пии IX он видит искушения всечеловеческого значения. Упрекая Рим в том, что он поддался третьему искушению Христа в пустыне, писатель указывает на угрозу для каждой человеческой души, по крайней мере для властных людей, поклоняться дьяволу, чтобы расширить свою власть. И Достоевский, конечно же, не мог не знать, что и русский император, и православная церковь во многих случаях делали то, в чем Достоевский упрекает католичество, т. е. распространяли не духовность, а расширяли свою власть огнем и мечом. Ярким случаем этого является вышеуказанное насильственное упразднение греко-католической Холмской епархии в 1875 г.

Для Достоевского же, активно распространявшего идею о том, что «Третий Рим» должен овладеть «Вторым Римом», т. е. Константинополем [1. Т. 26. С. 82–85], особо важно было дистанцироваться от того, что он считает нравственной опасностью «римской идеи» – подмены Христа Юлианом Отступником [Там же. Т. 22. С. 89]. Отвергнув «третье дьяволово искушение» в виде папизма, согласно которому папа одновременно есть и император, он дистанцируется и от цезаропапизма, распространенной на христианском Востоке идеи о том, что император является также и папой.

Итак, жесткая критика Достоевским папства, центральным пунктом которой в 1870-е гг. является «римский вопрос», выражает не только профессиональную позицию. Она подчеркивает также необходимость искренней духовности и отказа от искушения властью для религии и общества. Образ Пия IX и рассуждения о «римском вопросе» после падения Рима и провозглашения догматов Первого Ватиканского собора, которые на первый взгляд касаются достаточно частных вопросов, вписываются в главные линии творчества Достоевского: в осмысление вопросов добра и зла, свободы и власти.

3.9. Америка в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в журнале «Гражданин»

Т. В. Коротченко

Размышления Ф. М. Достоевского о судьбе России были неразрывно связаны с анализом историко-политической ситуации во всем мире, и в поисках основополагающих идей писатель выходил за рамки столь популярной в XIX в. темы, как «Россия и Запад». В контексте политической мысли того времени под «Западом» в основном понимали европейские страны, однако писатель живо интересовался событиями, происходившими не только в Европе, но и в странах Нового Света (а также в Азии), о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к историческим событиям, упоминания культурных реалий как в художественных произведениях, так и публицистике писателя.

Безусловно, о Европе Достоевский писал очень много. За время путешествий по европейским странам он смог подробно ее изучить в самых

разных аспектах. Возможности так же подробно изучить Америку у Достоевского, как известно, не было. При этом следует отметить, что Россия XIX в. не испытывала недостатка в информации о далекой стране. В журналах публиковались статьи об экономическом устройстве Америки, в которых политологи и философы часто проводили параллели между освобождением американских рабов и крепостных крестьян в России. Помимо публицистических материалов Достоевскому хорошо были известны работы А. де Токвиля и Г. де Бомона «Du systeme penitenciarie aux Etats-Unis et de son application en France» («О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции», 1832) [96], А. де Токвиля «О демократии в Америке» («De la Démocratie en Amérique») [97], социальный роман Г. де Бомона «Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis» («Мария, или Рабство в Соединенных Штатах», 1835) [98]. В России эти книги были опубликованы на французском языке. Достоевский, как известно, знал французский язык в совершенстве. Более того, историко-политический трактат «О демократии в Америке» обсуждали на собраниях у М. В. Петрашевского [99. Р. 12], и в 1860 г. текст был переведен на русский язык. Можно сказать, что такой круг вопросов, как рабство, расовая дискриминация, колониальная экспансия и особенности социальной демократии, не мог остаться вне поля зрения писателя.

Вопрос об особенностях восприятия образа Америки в творчестве Достоевского был обозначен, но до настоящего времени не становился предметом специального научного исследования. Так, следует отметить работу Л. И. Сараскиной «Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры» [100]. В частности, в главе «Америка как миф и утопия: бегство в никуда» автор обращается к исследуемому вопросу, прежде всего, в контексте художественных произведений писателя, справедливо указывая, что «Америка – это конечный пункт побега» [Там же. С. 140] героев от себя и окружающей действительности. В аналогичном ключе данная проблема рассматривается в книге К. А. Ланца «Энциклопедия Достоевского» («Dostoevsky Encyclopedia»), где в небольшой заметке под названием «Америка» автор приводит цитаты из романов «пятикнижия», в которых далекая страна представлена как «символический конечный пункт – фактически, конец земли – для героев, стремящихся убежать от угрызений совести, или тех, кто <...> утратил связь с русской почвой» (a symbolic destination – virtually the end of the earth – for characters who are trying to escape a guilty conscience or who <...> by losing contact with the Russian soil) [99. С. 12]. Следует указать, что оба исследователя в разной

степени намечают круг тем, связанных с образом Америки в творчестве Достоевского, а именно: либерализм, индивидуализм и безграничная свобода.

Соглашаясь с этими положениями Л. И. Сараскиной и К. А. Ланца, мы полагаем, что тема Америки на фоне напряженных и неоднозначных социально-политических обстоятельств второй половины XIX в., а также с учетом интереса самого Достоевского к историческому факту, обозначенному Л. П. Гроссманом как «литература факта» [101. С. 331] писателя, может быть представлена в творчестве писателя в различных и отчасти противоречивых контекстах.

Творческое наследие Достоевского многопланово и разнообразно: художественные произведения различных жанров, многочисленные литературно-критические статьи, очерки как результат публицистической деятельности автора и, наконец, уникальный по своей природе проект «Дневник писателя». К проблеме реконструкции творческого процесса писателя обращались многие известные филологи и достоевковеды: Б. В. Томашевский, Н. Ф. Бельчиков, А. С. Долинин, Л. П. Гроссман, Г. М. Фридлендер и др. Так, Б. В. Томашевский и Н. Ф. Бельчиков первыми описали внешний вид черновики и записных тетрадей, указывая на повторы особо важных для писателя тем, постепенную проработку мотивов и образов. А. С. Долинин охарактеризовал творческий процесс Достоевского как движение от исторического факта к более общей идее [102. С. 15]. Л. П. Гроссман назвал особенностью работы писателя «движение от повседневной действительности к внутренней драме, от газетной хроники в мир искусства» [101. С. 414]. Г. М. Фридлендер выделил несколько этапов в творческом процессе писателя, подчеркивая, что отбор фактов и исторических событий, их осмысление с проекцией дальнейшего воплощения в публицистическую или художественную форму является наиболее длительным этапом (см. об этом: [101–103]). Несмотря на то, что творческий процесс Достоевского рассматривался в разных аспектах, исследователи сходятся в одном: несомненно наличие тесной связи между публицистической деятельностью Достоевского, по сути выступающей как один из этапов его творческой работы, и художественным творчеством писателя. Не случайно И. Л. Волгин писал о взаимопроникновении романа и фельетона, включая использования принципов журналистики, в творчестве Достоевского [104].

Обозначенная специфика творческого процесса обуславливает целесообразность обращения к анализу образа Америки в контексте всего творческого наследия Достоевского, включая «Дневник писателя», а также ре-

дакторскую деятельность писателя в газете-журнале «Гражданин» периода 1873–1874 гг. При этом в рамках данного параграфа мы не станем подробно останавливаться на репрезентации образа Америки в художественных произведениях Достоевского, ранее описанной в работах Л. И. Сараскиной и К. А. Ланца.

Упоминания Достоевского об Америке и американцах в «Дневнике писателя» можно условно разделить на четыре типа. Во-первых, как и в художественных произведениях, Америка изображается местом, куда все стремятся в попытке найти лучшие условия для жизни. Во-вторых, встречаются описания Америки как буржуазно-либерального государства, интересы которого связаны, прежде всего, с наращиванием капитала и установлением мирового господства. В-третьих, не раз упоминается сам факт открытия Америки и говорится о его значении для Европы и всего мира в целом. И наконец, отдельной темой, в рамках которой возникают отсылки к Америке и западной культуре, существует вопрос о спиритизме – новом увлечении общества второй половины XIX в., которое вызывало серьезное беспокойство у Достоевского. Выделенные типы репрезентации Америки рассматриваются в «Дневнике писателя» в их динамике.

В статье «Мечты и грезы» «Дневника писателя» (1873) Достоевский размышляет о судьбе России и будущем русской молодежи. Историческая задача страны – стать «великой европейской державой» [1. Т. 21. С. 91] – может быть достигнута, по мысли писателя, за счет решения внутренних проблем государства: в том числе создания такой экономической системы, при которой

<...> правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии [Там же. С.95].

Для этого важно также просвещение народа:

<...> могут образовываться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет <...> если сам народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему [Там же].

Напомним, что статья «Мечты и грезы» была опубликована в газете-журнале «Гражданин» 21 мая 1873 г. Несколькими месяцами ранее в письме великому князю Александру Александровичу Романову от 10 февраля 1873 г. Достоевский пишет:

Эти явления (подобные нечаевскому делу. – Т. К.) – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни [Там же. Т. 29]. С. 260].

По мнению Достоевского, именно в разъединении народа и интеллигенции коренятся причины отсутствия общей деятельности, отставание в науке и просвещении, а также таких преступлений, как нечаевское. Рефлексируя по поводу последствий такой вековой оторванности народа от интеллигенции, Достоевский особое место отводит роли учителя, на которого возлагает надежды по воспитанию нового поколения. Именно в таком контексте размышлений впервые в «Дневнике писателя» упоминается Америка. Хотя Достоевский не раз подчеркивал в статье, что все его рассуждения являются лишь «грезами», он не питал иллюзий относительно реального положения дел в современных образовательных учреждениях. Учитель – чаще всего молодой человек,

<...> не знающий народа, мнительный и недоверчивый <...> быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему [1. Т. 21. С. 95–96].

Ввиду отсутствия характера такие молодые учителя спиваются или бегут

<...> куда угодно, даже даром <...> даже в Америку [Там же. С. 96].

Америка, таким образом, предстает некоей альтернативой пьянству и собственному бессилию, мечтой о либеральном обществе, от которой человек без личности и характера не в силах отказаться:

Там, в Америке, какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит такого беглеца на грубой ручной работе, обсчитывает и даже тузит его кулаками, а он за каждым тузом восклицает про себя в умилении: «Боже, как эти же самые тузы на моей родине ретроградны и неблагородны и как, напротив, они здесь благородны, вкусны и либеральны!» И долго еще так ему будет казаться; не изменять же из-за таких пустяков своим убеждениям! [Там же].

К мотиву бегства в Америку Достоевский возвращается в статье «Одна из современных фальшей» (декабрь 1873 г.), в которой он полемизирует с одним из сотрудников «Русского мира», утверждавшим, что только необразованные и глупые молодые люди могут стать участниками таких кружков, как группа С. Г. Нечаева. Доказывая несостоятельность подобного утверждения, основанного лишь на «отрицании факта» [Там же. С. 127], Достоевский затрагивает проблематику многих предыдущих статей «Дневника писателя», включая вопросы воспитания, взаимоотношения «отцов и детей» и образования. В подтверждение своей мысли о том, что образованные молодые люди также могут увлечься «безумными

идеями» и что в этом не их вина, Достоевский приводит заметку из «Камско-Волжской газеты», которая сообщает, что

<...> три гимназиста 2-ой казанской гимназии, 3-го класса, привлечены к ответственности по обвинению в каком-то преступлении, имеющем связь с их предполагавшимся бегством в Америку [Там же. С. 135].

В данном контексте Америка предстает не столько географическим местом или страной, сколько воплощением / символом «великой» идеи, которая способна овладеть умами совершенно разных людей независимо от их происхождения и уровня образования:

С тех пор бежали в Америку изведать «свободный труд в свободном государстве» старики, отцы, братья, девы, гвардейские офицеры... разве что не было только одних семинаристов [Там же].

Достоевский пророчески предвидел серьезные последствия деятельности предводителей европейской мысли, повсеместно распространяющего цинизма и равнодушия отцов, воспитателей и учителей к собственному отечеству. При таком воспитании и образовании мечта о бегстве в Америку воспринимается молодыми людьми как новая религия:

Винить ли таких маленьких детей, этих трех гимназистов, если и их слабыми головками одолели великие идеи о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется им религией [Там же].

Заметим, что прямое или косвенное упоминание Америки в контексте сравнения с новой религией не единожды встречается в «Дневнике писателя». Как уже отмечалось ранее, в нескольких статьях «Дневника», опубликованных в течение 1876 г., Достоевский размышлял над опасностью увлечения спиритизмом, делая при этом отсылки к Америке. Так, упоминаются братья Вильям и Эдди Горацио – популярные в то время американские медиумы, а также американский журналист Генри Олкотт, который на протяжении долгого времени вел наблюдения за спиритическими сеансами братьев. В статье «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» писатель в шуточной форме излагает собственную теорию о поведении чертей. По Достоевскому, черти демонстрируют особую хитрость и изворотливость в стремлении посеять смуту и раздор среди людей. Так, они никогда не предстанут перед всей ученой комиссией, которая пытается доказать их существование, но они выберут «кого-нибудь из упорнейших членов ее <...> и вдруг разом уловят его в свои сети» [1. Т. 22. С. 36]. В этом контексте Достоевский указы-

вает на тот факт, что «в Америке черти поступали, кажется, точь-в-точь по этому плану» [1. Т. 22. С. 36]. Таким образом, Достоевский сравнивает Россию с Америкой в аспектах масштабности и специфики распространения спиритизма. Стоит отметить, что на протяжении всей статьи Достоевский подчеркивает ироничный характер своих размышлений, однако в заключение замечает:

<...> если взглянуть на спиритизм как на нечто, несущее в себе как бы новую веру (а почти все, даже самые трезвые из спиритов склонны капелюк к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку [Там же. С. 36–37].

В этом отношении Америка, упоминаемая в статьях о спиритизме в качестве объекта для сопоставления с Россией, предстает страной, несущей миру новую веру. В подтверждение этой мысли можно также привести фрагмент из записных тетрадей к «Дневнику писателя»:

Молодой человек собирается и читает Евангелие, другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку, жена его слушает курс [Там же. Т. 24. С. 161].

Достоевский упоминает далекую страну как одну из жизненных перспектив современного человека, при этом желание убежать в Америку может возникнуть у того, кто отказывается от веры или изобретает собственную религию.

Анализ статей «Дневника писателя», в которых Америка упоминается как лучшее место для бегства от насущных проблем, а также статей, посвященных вопросам спиритизма, указывает на ряд закономерностей. Так, черти и спиритизм как вера в возможность общения с потусторонним миром, по Достоевскому, могут стать для человечества новой религией, заменив все предыдущие. При этом, учитывая изощренность и хитрость «чертей», эта новая религия легко может овладеть умами самых образованных людей.

Описанные Достоевским особенности «поведения» чертей и воздействия «великих» теорий в более широком смысле отсылают читателя «Дневника» к статье «Одна из современных фальшей» (1873), в которой писатель доказывает, что страшные по своей сути идеи и теории могут увлечь не только «праздных недоразвитков» [Там же. Т. 21. С. 132], но и вполне образованных людей. Любопытно, что в обеих статьях Америка упоминается как страна, олицетворяющая новые возможности и новую веру. Как и увлечение спиритизмом, стремление убежать в Америку мо-

жет распространиться не только среди тех, кто утратил свои исторические корни, но и среди лучших представителей молодежи.

Все возрастающее число русских, эмигрирующих в Америку, не могло остаться незамеченным писателем. В опубликованной в «Гражданине» аннотации к книге «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.» Эдуарда Циммерманна приводятся следующие статистические данные:

Из отчета статистического отделения в Вашингтоне видно, что общее число переселившихся в Америку европейцев с начала существования американской республики по 1871 год равнялось слишком 8 миллионам человек. *В том числе из России переселенцев значилось 4,045*, а польских переселенцев – 4,038 человек <...> Между тем эмиграция наших соотечественников и поляков именно в последнее десятилетие настолько увеличилась, что первых значилось в промежуток 1869–1870 гг. – 2,671 человек, а вторых почти столько же [105. С. 55].

О том, что идеи об эмиграции в Америку волновали общественное сознание, говорит и художественное их осмысление. Так, в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864), впервые опубликованном в журнале «Отечественные записки» и имевшем большую популярность во второй половине XIX в., герои (супруги Бероевы), доведенные до отчаяния жизненными обстоятельствами, не видят другого выхода, кроме как бежать из страны:

– Бежать отсюда! Скорее бежать, куда ни попало, и бежать навсегда, навеки! – вымолвил он наконец с какой-то нервической злобой. – Здесь нет нам свободного места! Здесь ни жить ни дышать невозможно! – Бежать... – задумчиво повторила Бероева. – Но как, куда бежать-то? – Туда, где уж нас не достанут и не узнают, – в Америку, в Соединенные штаты! Заберем детей, распродадим последние крохи, сгношим сколько возможно денег. Ковров, ты говоришь, добудет тебе вид на чужое имя, и – вон из России!.. Там мы не пропадем! Там нужны рабочие силы, а у меня – слава тебе господи! – пока еще есть и голова и руки! [106. Т. 2. С. 756].

(Следует отметить, что отдельные отрывки романа были также опубликованы в журнале братьев Достоевских «Эпоха»). В романе В. В. Крестовского Америка для героев становится единственным шансом на спасение, страной, открывающей новые возможности для работы и жизни.

Героям художественных произведений Достоевского также свойственно желание убежать в далекую страну. Однако это желание связано либо с попыткой избежать наказания (Родион Раскольников в «Пре-

ступлении и наказании», Митя Карамазов в «Братьях Карамазовых»), либо убежать от самого себя (Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Аркадий Долгоруков в «Подростке»), либо познать новый мир и разобраться в себе (Шатов, Кириллов «Бесы»). Так в художественных произведениях Достоевского Америка предстает не столько географическим пространством (несмотря даже на тот факт, что Кириллов и Шатов действительно побывали в этой стране), где можно начать новую жизнь, сколько символом идеи о лучшей жизни, охватившей общество, маркером состояния одиночества и потерянности героя. В подтверждение этой мысли – наблюдение Л. И. Сараскиной о том, что «американская история невнятна и лишена красок: нет ни имен, ни названий, ни адресов» [100. С. 139].

В «Дневнике писателя», ввиду его жанрового своеобразия, мотив бегства в Америку вплетается и в размышления Достоевского о качестве современного образования, воспитания подрастающего поколения. Чаще всего он связан с вопросами об уровне образования молодого поколения, оторванности интеллигенции от народа и излишнем увлечении западными идеями. Думается, что мучительные переживания Достоевского о дальнейшей судьбе России и напрямую связанные с ними размышления об увлечении прогрессивными европейскими идеями и стремлении большого количества русских людей бежать из России привели к тому, что мотив бегства в Америку становится крайне важным в «Дневнике писателя» за 1873 и 1876 гг. В частности, в статье «Анекдот из детской жизни» (декабрь 1876 г.) Достоевский опять возвращается к истории гимназистов, бежавших в Америку.

Вторым по количеству упоминаний мотивом является описание Америки как буржуазно-либерального государства. Анализируя статьи «Дневника писателя», прежде всего, отметим, что репрезентация Америки как буржуазно-либеральной страны претерпевает изменения за время написания «Дневника», а взгляды писателя на роль и позицию Америки в мире, развиваясь и углубляясь, достигают концептуальной завершенности к концу 1870-х гг.

Так, в статье «Маленькие картинки» от 16 июля 1873 г. даны зарисовки улиц Петербурга. По мнению Достоевского, Петербург в архитектурном смысле является уникальным городом, так как отражает

<...> все архитектуры в мире, всех периодов и мод; все постепенно заимствовано и все по-своему перековеркано [1. Т. 21. С. 106].

Здания города лучше людей могут рассказать о том, какие западные идеи были популярны в тот или иной исторический период. Город подражал Византии, Италии (Риму, Венеции), Франции. При этом писатель практически всегда отрицательно оценивает подражательный характер петербургской архитектуры: «жалкая копия», «псевдовеличественно и скучно до невероятности» [1. Т. 21. С. 107]. Отсылка к Америке появляется в статье в контексте описания современности:

И, наконец, вот архитектура современной, огромной гостиницы – это уже деловитость, американизм, сотни номеров, огромное промышленное предприятие: тотчас же видно, что и у нас явились железные дороги и мы вдруг очутились деловыми людьми [Там же].

По мысли Достоевского, времена увлечения Европой, европейской культурой уже прошли, и современная Россия пытается подражать деловой Америке с множеством «чрезвычайно высоких домов <...> тонкостенных и скупо выстроенных» [Там же].

В статьях 1876–1877 гг. и 1881 г. Россия и Америка, в частности взаимоотношение двух стран, предстают уже в несколько ином свете. В публикации «Утопическое понимание истории» (1876) Достоевский размышляет о последствиях реформ Петра I. Писатель отмечает особую ценность преобразований первого русского императора, которая заключается в «расширении взгляда» [Там же. Т. 23. С. 46]. В этой фразе Достоевский не подразумевает слепого подражания европейской науке, западной системе образования или политическому устройству. Реформы Петра I учили русского человека не копировать и преклоняться перед другими народами, а любить, принимать и находить в них истину:

<...> это и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его [Там же. С. 47].

Достоевский объединяет основные идеи Петра I с православием и определяет основную задачу русского народа в стремлении «к единению всечеловеческому» [Там же. С. 147]. В этом свете писатель развивает мысль о роли России на политической карте мира второй половины XIX в., и первый шаг этой новой политики состоит в единении всего славянства, так сказать, под крылом России [Там же. С. 47]. При этом Достоевский подчеркивает, опасаясь неверной трактовки его идеи, что «единение всех славян» не подразумевает ни захвата земель, ни насилия, а наце-

лено на создание славянской цивилизации, которая сможет «принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого» [Там же]. Такой политический союз основан, прежде всего, на идее всеслужения человечеству, а главным положительным результатом Петровских реформ стало осознание Россией своей силы и основного предназначения. Для того чтобы окончательно разъяснить свою позицию читателю «Дневника» относительно характера предлагаемого им союза славян во главе с Россией, Достоевский, в качестве негативного примера, приводит Соединенные Штаты Америки и Европу, где политические союзы появлялись с целью захвата земель и

<...> во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и все тех же обоготворенных пороков [1. Т. 23. С. 50].

Лишь намеченное противопоставление России и Америки в статье «Утопическое понимание истории» усиливается в публикации 1881 г. «V. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться». Размышляя об особой роли русского народа в истории России, абсолютно веря в его мудрость и самобытность, заключающуюся в особом отношении к царю, Достоевский отмечает, что в этом и кроется уникальность России на фоне всего остального мира. В качестве примера писатель приводит понимание русским народом свободы:

<...> гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке [Там же. Т. 27. С. 22].

В этом фрагменте Достоевский подчеркивает противопоставление России Америке, используя усилительную частицу «даже». Можно сказать, что в этом вопросе Достоевский проявляет некое предвидение относительно противостояния двух держав. Известно, что Америка на протяжении всего XIX в. воспринималась европейской общественной мыслью как страна, которая смогла добиться независимости от гнета Англии (Американская революция 1775–1783 гг.). В середине XIX в. и в Европе, и в России особенно внимательно следили за ходом Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865 гг.), а российские журналы проводили параллели между освобождением негров и крестьян. В этом свете Америка воспринималась символом свободы, страной равных возможностей для всех, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Можно сказать, что в тексте Достоевского за Америкой признается определенное лидерство в вопросах борьбы за независимость и свободу в тех или иных сферах жизни обще-

ства. Не случайно эта страна не раз выступает объектом для сравнения в различных вопросах развития России. О такой оценке Америки Достоевским свидетельствуют и наброски к «Дневнику писателя», в которых авторская мысль предстает в концентрированном виде, не затуманенной дополнительным контекстом:

Свое цельное управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка [1. Т. 24. С. 86].

Безусловно, на протяжении всего XIX в. основными империями в мире считались Англия и Франция. Однако все нарастающая мощь Соединенных Штатов Америки не могла остаться без внимания общественной мысли. В этом отношении показательны наблюдения Э. В. Саида о том, что «империализм сохраняется в виде своего рода общей культурной сферы, равно как и специфической политической, идеологической, экономической и социальной практики» [107. С. 51]. В этом смысле литература как часть культурного пространства неотделима от истории развития общества. По утверждению Э.В. Саида, американская литература XIX в., несмотря на яркий антиколониализм, направленный против Старого Света, тем не менее «несет в себе исключительно сильный имперский образец» [Там же. С. 148]. В качестве примера исследователь приводит произведения Д. Ф. Купера, М. Твена, Г. Мелвилла, которые проявляли особый интерес к экспансии Америки на запад и к разрушению сложившегося уклада жизни американских аборигенов. Известно, что произведения Д. Ф. Купера активно переводились на русский язык в 1830-е гг. Перевод первого романа М. Твена (в соавторстве с Ч. Уорнером) «Мишурный век» был опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1874 г. Творчество Мелвилла стало известно русскому читателю уже в середине XIX в. – в публиковавшихся в журналах отрывках и фрагментах. Не вызывает сомнений, что Достоевский был знаком с творчеством упомянутых Э. Саидом американских писателей. Более того, отсылки, например, к роману Д.Ф. Купера «Последний из могикан» можно встретить в романе «Братья Карамазовы» и в «Дневнике писателя»:

Там, говорят, есть еще краснокожие, где-то там у них на краю горизонта, ну так вот в тот край, к последним могиканам [1. Т. 15. С. 126];

Теперь, после всей этой четверти века и после множества новых, прежде неслыханных фактов, добытых уже практическим изучением русской жизни, – эти «последние могикане» старых теорий невольно представляются в комическом виде, несмотря даже на их усиленно почтенную осанку [Там же. Т. 23. С. 123].

На противоположность России Америке указывал Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869), которую Достоевский назвал «будущей настольной книгой всех русских надолго» [1. Т. 29. С. 30]. В качестве примера можно привести размышления русского философа и геополитика о том, что Россия была вынуждена консолидировать и, по сути, закрепить все народные силы в исключительно политических целях, что, собственно, и сделал Петр I. По мнению Н. Я. Данилевского,

<...> в этом отношении Америка, с которой нередко сравнивают Россию, составляет с ней, как уже было замечено, полнейшую противоположность <...> Европейские государства занимают в этом отношении среднее положение между Америкой и Россией [108. С. 598–599].

Таким образом, можно сказать, что Достоевский, опираясь на накопленный опыт обозревателя и аналитика и, безусловно, обладая даром предвидения, развивает идеи о кардинальной противоположности Америки и России, которые уже витали в воздухе в середине XIX в., и делает политический прогноз о будущем противостоянии двух держав.

Наконец, в «Дневнике писателя» не раз упоминается сам факт открытия Америки. В разделе «Дневника писателя» за апрель 1877 г. «Война. Мы всех сильнее» Достоевский обосновывает важность для России войны с Османской империей в союзе с балканскими государствами. Во-первых, по убеждению писателя, Россия не может оставаться в стороне, когда угнетается братский ей народ. Во-вторых, такая война во спасение «братьев-славян» необходима и самой России, так как она ознаменует новый этап в истории страны, «освежит воздух, котором мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте» [1. Т. 25. С. 95]. Война, по мнению Достоевского, подарит возможность русскому народу и интеллигенции поверить в себя, осознать собственную уникальность и силу. Только после этого

<...> в нас уверует и впервые откроет нас, как когда-то Америку, Европа [Там же. С. 98].

В этом контексте Америка символизирует глоток свежего воздуха, новый ориентир, который может кардинально изменить современную ситуацию. В аналогичном ключе Достоевский рассуждает в разделе «Дневника писателя» за май – июнь 1877 г. «Германский мировой вопрос. Германия – страна протестующая». Развивая мысль о современном положении Германии в Европе, о ее особой задаче, Достоевский обращается к событиям европейской истории конца XVIII в.:

Крайне западный мир под влиянием открытия Америки, новой науки и новых начал искал переродиться в новую истину, в новый фазис. Когда наступила первая попытка этого перевоплощения во время французской революции, германский дух был в большом смущении и на время потерял было самость свою и веру в себя [1. Т. 25. С. 153].

Несмотря на период замешательства, который последовал за открытием Америки, и период социальных потрясений, приведших к Французской революции, приведенный пример ярко иллюстрирует положительный аспект, связанный с открытием Европой Америки. В очередной раз Новый Свет выступает в качестве символа обновления. Сам момент открытия Америки рассматривается писателем с положительной точки зрения. Именно в этом случае Достоевский избегает оценки дальнейших событий, оставляя этот вопрос в рамках онтологических закономерностей развития общества.

В заключительном разделе «Дневника писателя» за январь 1881 г. «Вопросы и ответы» Достоевский, сравнивая открытие Америки Европой с ролью Азии для России, подчеркивает положительную сторону подобных событий в истории развития той или иной страны:

Видите ли, – продолжаю я, – с поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка [Там же. Т. 27. С. 36].

Открытие Азии, как в свое время и открытие Америки, ознаменует подъем духа и сил, послужит началом нового этапа развития.

Напомним, что начало работы над «Дневником писателя» совпало с редакторской деятельностью Достоевского в газете-журнале «Гражданин» (1873–1874). В журнале работали два редактора: «редактор-собственник» В. П. Мещерский и «редактор-издатель» Достоевский. В обязанности Достоевского входило редактирование уже отобранных В. П. Мещерским статей, а также подготовка рубрики «Иностранные события» [109. С. 48]. В силу определенной издательской и редакторской позиции этого журнала представляется необходимым созданный в нем образ Америки проанализировать специально.

В «Гражданине», как и во многих других журналах середины и конца XIX в., большая часть опубликованных материалов была анонимна – такая была особенность публицистики и журналистики того времени. Как пишет В. Н. Захаров, «во многих случаях нельзя однозначно решить, кому принадлежит та или иная статья» [110. С. 14]. Большинство анонимных

статей писали либо сами редакторы, либо сотрудники издательства, либо авторы по специальному заказу. Все они классифицируются как редакционные, которые формулируют «не личную, а редакционную, но почти всегда редакторскую точку зрения <...> выражают направление и программу журнала, установки и указания редактора» [110. С. 14]. В этом отношении интересным представляется замечание В. Н. Захарова относительно редакторских принципов работы Достоевского: «Достоевский был деспотичным редактором <...> Он печатал только то, с чем был согласен, лишь те статьи, под которыми он мог поставить свою подпись редактора, а нередко и соавтора» [Там же. С. 11]. Учитывая редакционную политику «Гражданина» и редакторские принципы работы Достоевского, можно утверждать, что все публикуемые в газете-журнале материалы подвергались оценке писателя с точки зрения содержания и стиля. Более того, Достоевский имел полное право вносить правку даже в авторский текст в соответствии со своими убеждениями.

Уже в первом выпуске «Гражданина» за 1873 г. (№ 1 от 1 января) в разделе «Иностранное обозрение за истекший год» («Политическое обозрение») Америка и Англия приводятся в качестве примера, которому должна следовать вся Европа в разрешении политических конфликтов. В заметке речь идет о состоявшемся в 1872 г. Третьейском суде между Великобританией и США по поводу разрешения спора о принадлежности острова Булама, находящегося у западного берега Америки:

Остается желать, чтобы блистательный пример в этом отношении, явленный в 1872 году, не остался без подражаний и на будущее время, и чтобы Европа все более и более проникалась сознанием пользы политики прямодушной, миролюбивой и честной [111. С. 8].

Примечательно, что в данной заметке не просто описываются события за прошедший год, но и дается их оценка, в случае с Америкой и Англией – оценка явно положительная.

В выпуске № 2 от 8 января 1873 г. приводится аннотация к книге Э. Циммерманна «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.», в которой анонимный автор развенчивает существующие в российском обществе мифы об Америке по поводу системы женского образования, опираясь на приведенные в книге факты, и приходит к выводу о схожести образовательных принципов в России и Америке в противовес распространенному мнению об оригинальности США в этом вопросе. В итоге автор рекомендует данную книгу для про-

чтения, так как она может навести русского читателя на много трезвых мыслей [105. С. 56].

Стоит отметить, что еще в одной редакционной статье «Гражданина», посвященной вопросу материального обеспечения школы, Америка приводится в качестве примера для подражания. Автор утверждает, что современную школу необходимо обеспечить постоянным помещением и участком земли, опираясь в этом вопросе на опыт Америки:

Известно, что в Америке поземельный фонд, предоставляемый в пользу местных школ из государственных имуществ, служит главным источником блистательных материальных средств американских школ [112. С. 294].

Интересной представляется оценка США в небольшой редакционной заметке «Ужаснейший пожар в доме умалишенных в Америке», опубликованной в №3 от 15 января 1873 г.:

В Америке всякое событие принимает американские, то есть громадные, размеры [113. С. 82].

Заметка посвящена описанию пожара, произошедшего в больнице для умалишенных, в результате которого ни один из пациентов не пострадал. Несмотря на этот факт, а также постоянно совершенствующуюся систему пожарной безопасности, автор тем не менее подчеркивает и даже отчасти высмеивает стремление Америки возводить обыденные и рутинные дела в ранг масштабных событий. Желание Америки все доводить до глобальных размеров, стремление страны к господству также отмечается в редакционной статье «Политическое обозрение», опубликованной в № 10 от 5 марта 1873 г.:

А теперь Соединенные штаты, едва вышедши крепкими из отчаянной междоусобной войны, почувствовали свою силу и думают уже подобрать к своим рукам всю Америку. <...> И так гегемония Соединенных Штатов в Новом Свете уже объявлена, конечно, не далеко то время, когда она перейдет из намерения в совершившийся факт! [114. С. 289].

Приведенные отрывки из редакционных статей «Гражданина» со всей очевидностью указывают на то, что репрезентация образа Америки происходит в разных контекстах и с разной оценкой. Америка может служить примером для подражания в отдельных политических, образовательных и социальных вопросах. Помимо этого, в статьях отмечается особая, характерная для Америки черта – стремление к масштабности, доминированию и господству в любых сферах общественной жизни. При этом стоит заметить, что тон, которым излагается подобный материал, не осуждающий, но слегка ироничный или нейтральный.

Учитывая литературно-политическую направленность «Гражданина», Америка упоминается практически в каждом выпуске журнала. Безусловно, мы наметили лишь некоторые смысловые сдвиги в изображении Америки с целью сопоставить Достоевского-писателя «Дневника» и Достоевского-редактора статей, публикуемых в «Гражданине». Очевидно, что систематический анализ контекстов, в которых происходит отсылка к этой стране, требует отдельного исследования.

Уникальность и богатство творческого наследия Достоевского позволяют говорить о трех его ипостасях: редактор, публицист, писатель. В зависимости от творческой роли, которую принимает на себя Достоевский, меняется и репрезентация Америки. Выступая в роли редактора, Достоевский пытается познакомить читателя с достоверными политическими, социальными и литературными событиями, произошедшими в далекой стране, явно не проявляя собственного отношения к предоставленным сведениям.

В художественных произведениях, в частности в романах «пятикнижия», Достоевский неумолим к Новому Свету. Его оценка данной страны всегда отрицательна: конечный пункт побега, страна ложных надежд, страна потерянных для своего Отечества людей.

Отношение Достоевского к Америке в «Дневнике писателя» не столь однозначно негативное, как в художественных произведениях, и не такое нейтрально-завуалированное, как в материалах «Гражданина». В «Дневнике писателя», главы и разделы которого содержат элементы аналитических и художественно-публицистических жанров, Достоевский проводит детальный анализ социально-политических процессов, пытаясь найти им объяснение с опорой на философские концепции, религию. На протяжении первых годов публикации «Дневника» (1873 г., 1876 г.) мотив бегства в Америку является центральным. В 1877–1881 гг. фокус внимания автора в контексте размышлений о Новом Свете переключается на вопросы, связанные с политическим и экономическим устройством Америки. И, несмотря на то, что в «Дневнике писателя» Америка всегда упоминается как бы вскользь, Достоевский делает ряд политических прогнозов, конкретизируя лишь намеченные в «Гражданине» тенденции.

При всей неоднозначности оценки Достоевским далекой страны текст «Дневника писателя» указывает на восприятие Америки как нового, формирующегося имперского центра, который, с одной стороны, явно вызывал беспокойство, с другой – имел свои безусловные достоинства, на которые Россия могла бы ориентироваться. Это не просто прекрасное место

для побега заблудших душ, это независимая и быстро развивающаяся страна. Именно поэтому в тексте «Дневника писателя», несмотря на отрицательное отношение Достоевского к политическому строю Америки и к ее ценностным ориентирам, она часто привлекается как объект сравнения для оценки собственных российских достижений.

3.10. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1877–1878 гг.

Е. Г. Новикова

Кстати, скажу одно *особое* словцо о славянах и славянском вопросе <...> по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена <...> Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо влух, объявят себе и убедят себя в том, что <...> от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» [1. Т. 26. С. 77–79].

Это широко обсуждаемое сейчас высказывание Ф. М. Достоевского из третьей части второй главы «Дневника писателя» за ноябрь 1877 г. под названием «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» – яркая манифестация не только его позиции по поводу «славянского вопроса», но, что представляется еще более важным, и по поводу принципиальной для него сущностной взаимосвязи «славянского» и «восточного» вопросов.

Чаще всего это высказывание писателя закономерно интерпретируется в контексте его известного отношения к Российской империи как к потенциально «Всеславянской». Имперские взгляды Достоевского, их природа и специфика неоднократно становились предметом специального исследования. Так, опыт В. Л. Волгина [115] и В. И. Габдуллиной [116] показал,

что в указанном контексте важными материалами для исследователя должны быть уникальные стихотворения Достоевского «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года», «На коронацию и заключение мира», обусловленные, так или иначе, Крымской войной 1853–1856 гг. Крымская война России против коалиции, в которую, как известно, входили Османская империя, Франция, Великобритания и Сардинское королевство, описана Достоевским как война с Европой:

Умолкла грозная война!
Конец войне ожесточенной!.. <...>
Утучнив кровию святой
В честнóм бою свои поля,
С Европой мир, добытый с боя,
Встречает русская земля [1. Т. 2. С. 409].

Ср. в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого, участника этих военных событий, описание обороны и падения Севастополя как военного противостояния русских и французов. Вероятно, в связи с этим можно говорить не только об имперском, но и о таком – в широком смысле – «колониальном» сознании великих русских писателей XIX в., для которых в антироссийской коалиции Крымской войны Османская империя никак не могла играть роль и политического лидера.

При этом общая позиция Достоевского по поводу русско-турецких войн как 1850-х, так и 1870-х гг. состояла в актуализации взаимосвязанной проблематики «восточного вопроса» и славянства. По поводу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский выстраивает принципиальный дискурс, в котором «восточный вопрос» уточняется как несравненно более значимый и актуальный для него вопрос «славянский». «Восточный вопрос по-прежнему у всех перед глазами» [Там же. Т. 25. С. 37] – так начинается «Февраль» «Дневника писателя» 1877 г. И здесь Достоевский сразу же поясняет, что для него

<...> восточный вопрос <...> есть и славянский вместе [Там же. С. 30].

Как писал В. А. Туниманов, «в “Дневнике” <...> на первом плане всегда мнения и выводы самого Достоевского, а подбор фактов – низший слой в структуре издания» [117. С. 169]. Так, рассказывая о жестокости восточных народов, писатель демонстрирует вполне обычный европейский ориентальный дискурс. Как пишет Н. Найт, «когда дело касалось отношений с «Востоком», Россия до мозга костей становилась европейской страной» [118. С. 330]. Однако этот дискурс Достоевского, в сущности, подчинен проблематике славянства, «западных славян»:

Между этими привезенными в Москву славянскими детьми есть, говорят <...> один ребенок, девочка лет восьми или девяти, которая часто падает в обморок и за которую особенно ухаживают. Падает она в обморок от воспоминания: она сама, своими глазами, видела нынешним летом, как с отца ее сдирали кожу и – содрали всю. Это воспоминание при ней неотступно и, вероятнее всего, останется навсегда, может быть, с годами в смягченном виде, хотя, впрочем, не знаю, может ли тут быть смягченный вид [1. Т. 25. С. 41].

Описание подобной жестокости имеет своей целью не только «запретить туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей» [Там же], но, в конечном счете обозначить судьбу «девочки-болгарки» [Там же]. История этой девочки включена у Достоевского в описание благотворительной деятельности России по приему пострадавших от войны славянских детей:

В газетах упоминалось как-то, что в Москву в эту зиму привезли из славянских земель не одну партию бедных маленьких детей из разрушенных войною семейств, совершенных сирот. Их размещают по разным рукам и заведениям <...> Говорят, недавно в Москву привезли еще «партию деток», от трех до тринадцати лет, и которых приняла к себе Покровская община сестер милосердия. Рассказывают, что этих маленьких сербских девочек покровские сестры милосердия поместили вместе с прибывшими прежде болгарками и что за ними надзирает одна из сестер, знающая по-сербски, так что дети рады и детям весело. Детям, конечно, хорошо и тепло, но я слышал недавно от одного воротившегося из Москвы приятеля прехарактерный анекдот про этих самых малюток: сербские девочки сидят-де в одном углу, а болгарки в другом, и не хотят ни играть, ни говорить друг с дружкой, а когда спрашивают сербок, отчего они не хотят играть с болгарками, то те отвечают: «Мы им дали оружие, чтоб они шли с нами вместе на турок, а они оружие спрятали и не пошли на турок». Это очень, по-моему, любопытно. Если восьми-девятилетние малютки говорят таким языком, то, значит, переняли от отцов, и если такие слова отцов переходят уже к детям, то, значит, между балканскими славянами несомненная и страшная рознь. Да, вечная рознь между славянами! Они запоминают ее в своих преданиях и сохраняют в песнях [Там же. С. 38–39].

Вот так, по логике Достоевского, «восточный вопрос» превращается в «славянский», и Россия, с его точки зрения, в этой войне де факто уже начинает выполнять свою миссию «Всеславянской империи» – получая при этом в ответ от «славянских племен» реакцию «ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов». История о вражде между спасенными болгарскими и сербскими девочками, с точки зрения писате-

ля, – это один из многочисленных примеров существующей «несомненной и страшной розни» между славянами. «Да, вечная рознь между славянами!» – вот что стало принципиальным выводом из описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так в «Дневнике писателя» «восточный вопрос» превращается в «славянский».

Очень значимым представляется то, что в качестве основы своего «славянского» дискурса «восточного вопроса» Достоевский называет «Песни западных славян» (1834) А. С. Пушкина:

Помните ли вы у Пушкина, в «Песнях западных славян», «Песню о битве у Зеницы Великой»? Там восставшие собрались с Радивоем в поход на турок.

А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою»...

.....
Беглербей с своими босняками
Против нас пришел из Банялуки;
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы Великой, –
Разбежались изменники далматы! [1. Т. 25. С. 39].

Пушкин сопроводил публикацию данных строк своего стихотворения специальной сноской, в которой подчеркивается именно «рознь между славянами»: «Потеря сражения приписывается долматам, ненавистным для влахов» [119. Т. 2. С. 418]. Рассказ о сербских и болгарских девочках, по мысли Достоевского, – убедительное продолжение того, что предсказал Пушкин в своих «Песнях западных славян». А тема предсказаний и исторических совпадений здесь очень важна.

В. И. Габдуллина показала, что «пушкинский след» был уже в поэзии Достоевского периода Крымской войны 1853–1856 гг.: «Обращаясь в своей первой оде “На европейские события в 1854 году” к царю, Достоевский следует примеру Пушкина, писавшему стихотворные послания императору из своей Михайловской ссылки. Причем адресат у них один и тот же – Николай I, жестоко расправившийся с декабристами и спустя без малого двадцать пять лет подписавший приговор петрашевцам» [116. С. 31].

Как известно, пушкинские «Песни западных славян» возникли на основе литературной мистификации П. Мериме «Гузла, или Избранные илли-

рийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине», посвященной западному славянству, а также на основании некоторых других источников. Д. Д. Благой в этот контекст включает и польского поэта Адама Мицкевича: «В бытность в России в 1827–1828 гг. Мицкевич перевел из сборника Мериме «La Guzla» стихотворение «Морлак в Венеции». Это же самое стихотворение в числе других из того же сборника перевел и Пушкин в своих «Песнях западных славян», в примечании к нему упомянув о более раннем переводе Мицкевича» [120. С. 304]. И далее известный пушкинист самым непосредственным образом связывает «Песни западных славян» и посвященное Мицкевичу стихотворение Пушкина «Он между нами жил...», также написанное в 1834 г.: «Возможно, что именно это <...> и послужило творческим толчком к написанию Пушкиным, в августе того же 1834 г., когда поэт как раз работал над циклом «Песен западных славян», знаменитого стихотворения о Мицкевиче, причина возникновения которого больше чем через год после знакомства Пушкина со стихотворным посланием Мицкевича «Русским друзьям» представлялась исследователям недостаточно ясной» [Там же].

Стихотворение Пушкина о Мицкевиче организовано противопоставлением двух идей – братства славянских народов и их же «вечной розни»:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши <...> Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью объединятся.
Мы жадно слушали поэта <...> Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет [119. Т. 2. С. 388].

Если проблематику «западных славян» в аспекте славянских культур и литератур Достоевский осмысляет, опираясь на Пушкина, то ее исторический аспект восходит, с его точки зрения, к самому становлению Московского царства и к Петру I:

Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная

идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) – значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию [1. Т. 26. С. 30].

Н. Найт в связи с российским ориентализмом пишет о «неуклюжем треугольнике» Запад – Россия – Восток [118. С. 343]. С точки зрения Достоевского, возможно, это также «неуклюжий» треугольник, но потому, что для писателя в центре внимания расположена Россия. При этом апелляция к имперским ценностям осуществляется им для того, чтобы в конечном счете поставить вопрос о христианстве – о «восточном христианстве» как о закономерной для него основе «Всеславянской империи».

3.11. Китай Ф. М. Достоевского

Е. М. Понкратова

Интерес европейцев к Китаю начинается в конце XVI в. При этом российско-китайские отношения, связанные, прежде всего, с торговыми интересами, начинают формироваться только во второй половине XVII в. Начало XVIII в. – период активной торговли, возвышение города Кяхта, в котором и происходил товарообмен между Китаем и Россией, а уже в 1719 г. в Пекин было отправлено посольство Л. В. Измайлова. С конца XVIII в. «китайская» тема уже узнаваема и в архитектуре: китайская деревня, строительство которой было инициировано императрицей Екатериной II в Александровском саду, китайский дворец, оформленный в причудливом рококо, являющийся частью дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум», и многое другое. Екатерина II поддерживала распространение китайской стилистики, и к концу XVIII в. она уже проглядывает и в живописи, и в театральных постановках. Так постепенно, сначала в результате калькирования «европейского Китая», в частности «французского», в России начинает формироваться миф о Китае как о некотором отдаленном специальном пространстве, выстроенном на тысячелетних традициях церемоний [121].

В начале XIX в. после экспедиции И. Ф. Крузенштерна и появления его материалов по итогам плавания «Путешествие вокруг света», после издания трудов Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа), возглавлявшего Девятую духовную миссию в Пекин и издавшего по возвращении целых 14 трудов по китаистике и восточному вопросу, начинает формироваться собственно русское понимание Китая, и «китайский вопрос» становится актуальным. До середины XIX в. увлеченность Китаем проявляется во многих сферах и обыденной жизни: китайские сувениры, вазы, фонарики, халаты, шелк, китайский театр, дома в китайском стиле. Правда, отличается эта китайская стилистика, как и положено всему мифологизированному и идеализированному, некоторой вычурностью. Но постепенно миф о далеком прекрасном Китае начинает терять свою привлекательность и актуальность, и на первый план выходит миф о разрушающей косности и излишней церемониальности, об упадке империи Цин. А. В. Лукин пишет: «Образ Китая как царства неподвижности, общества, еще в древности застывшего в своем развитии, позаимствованный из западных сочинений, в первой половине XIX в. стал общепринятым в образованных кругах российского общества» [121. С. 71].

Во второй половине XIX в. Китай переживает нелегкие времена, Цинская империя разрушается, первая и вторая опиумные войны заставляют пойти на подписание тяжелых и даже грабительских договоров, выплату огромных контрибуций. В то же время на территории Сибири начинает формироваться представление о Китае как о потенциальном агрессоре и захватчике, что окончательно разрушает первоначально сложившийся миф, идеализирующий Китай.

Тема Китая и «китайских» образов в русской литературе XIX в. недостаточно исследована, несмотря на то что основу анализа китайских мотивов в русской литературе XIX в. заложили еще китаисты этой эпохи. Следует отметить статью М. П. Алексеева «Пушкин и Китай» [122], в которой начато изучение китайской темы в творчестве Пушкина; пособие для иностранных студентов К. Ф. Пчелинцевой «Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв.» [123], в котором анализируются особенности функционирования китайской тематики в русской литературе в целом; образ Китая описан в работе К. Б. Голыгиной «Образ Китая в русской и советской литературе» [124]. Широкий материал по осмыслению образа Китая в русской культуре, литературе, политической и общественной мысли представлен в книге А. В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом...» [121], и несмотря на то, что материал литературы анализируется здесь вскользь, проведенное последовательное изучение отношения к

Китаю в России представляется наиболее полным и самым глубоким из всех существующих исследований по данной проблематике.

А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, В. Я. Белинский, А. И. Герцен, позднее Л. Н. Толстой и А. П. Чехов неоднократно высказывались о Китае, по-разному представляя читателю эту азиатскую страну. Очевидно одно, в эпоху творческой деятельности Ф. М. Достоевского Китай, наравне с Европой и Западом, волновал умы образованной общественности.

В науке о Достоевском ранее ставился вопрос о его источниках информации о Китае и китайцах. Исследователи часто ограничивались указанием на влияние Ч. Ч. Валиханова [125. С. 375] или предлагали расширить круг лиц «до его знакомых монархическо-охранительного направления» [126. С. 51].

Однако китайская тема была важной повесткой дня многих журналов того времени, входящих в круг чтения Достоевского. Так, в 1848 г. в «Современнике» публикуется рецензия В. Г. Белинского на труд «Китай в гражданском и нравственном состоянии» Н. Я. Бичурина. Здесь критик высказывается о Китае как о стране тысячелетнего застоя и стране, в которой церемонии фактически уничтожили человека в человеке:

Лицемерие, лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайца. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа <...> Становиться на колени и бить поклоны – это его священная обязанность [127. С. 595].

В 1859 г. появляется рецензия А. И. Герцена на работу «О свободе» Дж. С. Милля, вошедшая в «Былое и думы», в которой Китай представляется ярким примером абсолютного застоя. В 1856 г. на страницах «Современника» о причинах китайского застоя высказывается и Н. Г. Чернышевский. Не сходит китайская тема и со страниц таких известных журналов, как «Новое время», «Русский вестник», «Московские ведомости». Следует особо оговорить вклад в изучение китайского вопроса О. И. Сенковского, известного востоковеда первой половины XIX в., который, публикуя в своем популярнейшем журнале «Библиотека для чтения» рецензии на труды Н. Я. Бичурина, делает серьезные и глубокие замечания о причинах косности и неподвижности Китая. Так, в статье, которая явилась своеобразным итогом двух рецензий со знаковым названием «Китай и китайцы», О. И. Сенковский отмечает, что сложившаяся веками система церемоний является системой «дурачения людей» [128. С. 360]. Кроме того, О. И. Сенковский – автор ряда художественных произведений, посвященных Китаю и китайцам: «Чин Чун, или Авторская слава» (1834), «Фаньсу,

или Плутовка горничная» (1839), «Китаец, утвердившийся на середине» (1843) и др.

Во время нахождения Достоевского в Семипалатинске китайская тема, вопросы, связанные с китайской угрозой, опасением китайской экспансии, многократно поднимались в сибирской периодике. Именно в сибирский этап жизни Достоевский впервые сопоставляет Европу и Китай, обозначает интерес к Китаю как к стране с тысячелетней историей и традициями, впервые проявляет интерес к китайским церемониям.

Изученность образа Китая и китайцев в творчестве Достоевского сейчас пока исчерпывается несколькими, отчасти уже приведенными здесь, работами. Г. А. Краснова делает первую попытку заявить китайскую проблематику в творчестве Достоевского в рамках статьи в журнале «Вопросы литературы» [125], ее исследование достаточно обзорно открывает китайскую тематику и сосредоточено в основном на исследовании китайских объектов в художественном творчестве писателя. Н. Ф. Романова в статье «Ф. М. Достоевский и “китайский вопрос”» пунктирно обозначает «китайские мотивы» творчества Достоевского, оставляя их, однако, без серьезного анализа [129]. П. В. Алексеев уделяет значительное место китайской проблематике в творчестве Достоевского, посвящая ей одну из глав своей монографии [130]. Исследователь основательно подходит к проблеме изучения Китая в творчестве писателя, находит богатый и интересный материал, однако пытается встроить образ Китая в уже созданную им ориенталистскую концепцию творчества писателя, что зачастую отдаляет исследователя от объективных оценок. Обращается к теме китайских церемоний в творчестве Достоевского и оригинально их трактует Joseph Frank в книге «Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881» [131]. Интересное исследование принадлежит также В. Л. Цымбурскому, который первым поставил вопрос геополитической важности Китая в воззрениях Достоевского [132].

На первый взгляд столь неочевидная в кругу геополитических размышлений Достоевского страна упоминается им довольно часто: нами обнаружено 49 высказываний в художественных произведениях, в публицистике, в письмах, в черновых набросках. В этом смысле высказывание Г. А. Красновой о том, что «китайская тема как бы пронизывает все творчество Достоевского» [125. С. 373], не кажется таким уж бесосновательным. Китайская проблематика в творческом наследии писателя развивается поступательно: от вскользь упомянутых предметов быта, кратких упоминаний в черновых набросках до попыток определить место Китая на геополитической карте мира, рассмот-

реть особенности русско-китайских взаимоотношений. Это, очевидно, связано с усилением интереса к Китаю и русско-китайским отношениям в XIX в.

Тема Китая в художественной и публицистической мысли Достоевского в данном параграфе будет рассмотрена в нескольких аспектах: Китай как набор клише и мода на китайские предметы обихода; Китай как символ косности мышления, церемониальности; Китай как символ чужого и отдаленного; Китай как реальная угроза окраинам России, Сибири.

Китай как набор клише, мода на китайские предметы обихода. Клишированные высказывания о Китае встречаются уже в раннем творчестве Достоевского, в «Белых ночах». Возникший в разговоре Настеньки и Мечтателя китайский богдыхан ярко демонстрирует ведущую роль китайских клише – далекость, вычурность, недостижимость. Клишированные китайские атрибуты быта, носящие разную смысловую нагрузку, многократно будут упоминаться и в других художественных произведениях писателя. В «Записках из Мертвого дома» – разноцветные китайские фонарики, которые клеил Аким Акимыч; китайский фонарь на лестнице видят Раскольников и Иван Карамазов. В «Униженных и оскорбленных» реализуются сразу два клише: с одной стороны, китайский халат и китайские тапочки Маслобоева, с другой – изрядно выпившая мадам Бубнова, угождая Маслобоеву, обещает ему достать машерочек хоть «из китайского государства» [1. Т. 3. С. 274]. Это широко известная китайская ваза в доме Епанчиных и китайские вазы, которые Варвара Петровна дарит Кармазинову в «Бесах». Можно отметить также воображаемые цветы в «китайских банках» Свидригайлова и китайских кошек генеральши Крахоткиной в «Селе Степанчикове и его обитателях»; в «Братьях Карамазовых» несколько раз указывается на китайские ширмочки в комнате Федора Павловича, причем китайские они только в его собственном воображении. Китаисты XX в. неоднократно отмечали то, что в России и Европе китайскими зачастую считались отнюдь не китайские вещи.

При всей необходимости указать на этот аспект разворачивания китайской темы в наследии Достоевского важно подчеркнуть, что присутствие в текстах таких маркеров китайской культуры не приближает нас к концепции Китая Достоевского, а лишь указывает на моду на все китайское, которая начала сходить на нет только в 80-е гг. XIX в.

Китай как символ косности мышления, церемониальности. Особого внимания заслуживает рассмотрение китайских церемоний, «китайщины», как ее называет Достоевский, китайской косности, которая, по мысли писателя, является следствием многовековой истории соблюдения традиций

и церемоний. При этом Достоевский или иронизирует над темой церемоний, или с сожалением замечает, что церемонии могут организовать только внешнюю сторону жизни, что соблюдение церемоний может сузить жизнь человека до механической функции. Духовная рефлексия, чувство сострадания теряются: соблюдай традиции, и тебе все будет позволено. Отсутствие нравственных ориентиров пугает писателя. В <Записной тетради 1864–1865 гг.> в подготовительных материалах к статье «Социализм и христианство» Достоевский сатирически отметит:

Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица [1. Т. 20. С. 195].

Впервые о китайских церемониях Достоевский заговорил в Семипалатинске в 1856 г. Из «Воспоминаний» Г. Н. Потанина:

В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: «Десять тысяч китайских церемоний!» Вот и все, что я от него услышал [133. С. 194].

Е. Г. Новикова справедливо указывает на связь этого фрагмента с будущим вступлением к «Дневнику писателя» 1873 г. [Там же]. В Подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за указанный год Достоевский отметит:

Будь чем хочешь, лишь исполняй церемонии <...> Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавцем, нищим, фанатиком, но исполняй церемонии [1. Т. 21. С. 295].

Церемонии являются связующими звеньями, не дающими муравейнику (именно так Достоевский в подготовительных материалах характеризует китайское общество, созданное на бездумном соблюдении порядка и традиций) распасться:

Церемонии же это та связь, по которой муравейник распасться не может [Там же].

Для того чтобы избежать превращения в муравейник, необходимы духовные скрепы, самоанализ, сострадание, вера. В Подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1873 г. Достоевский помещает Китай во вполне предсказуемый маркированный ряд «Скука и китайщина» [Там же]:

Что такое Китай? Полизать пол, китайщина, муравейник. Лизать пол, есть рис [Там же. С. 296].

Во Вступлении к «Дневнику писателя» за 1873 г. Достоевский объединил все разрозненные высказывания о китайских церемониях в сатирическом описании своего назначения редактором «Гражданина»:

Двадцатого декабря я как раз читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: всё оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина». Там всё так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы невероятно приятно слушать <...> Заключив прекрасными словами: «Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести», третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полновесную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № «Гражданина», такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично [1. Т. 21. С. 5–6].

Важным представляется размещение этого сатирического фрагмента во Вступлении к «Дневнику писателя» 1873 г. Достоевский использует здесь шаблонные представления о китайских церемониях, распространенные в то время в обществе, и в известной мере доводит их до абсурда, гиперболизируя и детализируя процесс китайских церемоний, применяемый им для изображения процедуры назначения в редакторы. Однако если наложить этот полушутливый эпизод на размышления Достоевского в Заключении романа «Бесы» о хаосе и отсутствии убеждений, то мы неминуемо приходим к выводу о встраивании китайской темы в общую парадигму поиска путей налаживания порядка в современной России. Достоевский шутливо примеряет китайский уклад к российской действительности и

приходит к мысли о невозможности достижения порядка в России за счет внешних механических средств. Не случайно в следующей за Введением главе «Дневника» «Старые люди» писатель, говоря о В. Г. Белинском и А. И. Герцене, подчеркивает, что суть внутренних проблем российского общества заключается в отсутствии нравственной ответственности каждого перед каждым.

Комически обыгрывая свое вступление в должность, Достоевский формулирует основные черты «китайского муравейника», главная из которых – «не задумываться». Развивая данную тему, он обнаруживает, что в российском обществе данная черта становится все более выгодной:

На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызение совести, – мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе [1. Т. 21. С. 6].

Однако Достоевский обращает внимание читателя на то, что в Китае отсутствие рефлексии связано с выработанным многими тысячелетиями порядком, «там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет» в России же задумчивость «дорого стоит» [Там же]. Писатель неоднократно подчеркивает, что сейчас в России трудно выражать свое мнение открыто, что беспорядок стал центром общества. Все друг друга подозревают, но никто не говорит об этом. Вместо выражения собственных суждений – короткое «Я ничего не понимаю». Нежелание говорить прямо и откровенная глупость одинаково скрываются под шаблонными фразами:

У нас говорить с другими – наука, то есть с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве» – и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете <...>

В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет; здесь же всё вверх дном на тысячу лет <...>

Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?»

Положение вседозволенное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок [1. Т. 21. С. 6–7].

Подводя итог своим рассуждениям, Достоевский констатирует:

Пожалуй мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно, придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться [Там же. С. 7].

Достоевский дважды повторяет эту мысль, подчеркивая, что и в России никто не задумывается ни о чем, кроме денежного недостатка, и резюмирует: «...в сущности, у нас решительно тот же Китай, но только безо всякого порядка». Принципиальным различием между Китаем и Россией является разное основание для нежелания задумываться. В Китае люди живут, не задумываясь, потому что тысячами томов церемоний и тысячелетним соблюдением традиций они выработали порядок, соблюдая который, можно жить, не задумываясь. В России же жизнь без размышлений над своими действиями порождает еще больший беспорядок. Так, по мысли Достоевского, саморефлексия может разрушить устоявшийся порядок в Китае и, наоборот, стать фундаментом для создания порядка в России. Не случайно образ Китая возникает в Подготовительных материалах к роману «Подросток», в котором «беспорядок» является одной из основополагающих идей.

Следует особо подчеркнуть, что размышления о Китае и китайцах возникают во всем творчестве Достоевского только в открытом или имплицитном сопоставлении с Россией. Писатель практически не интересуется реальными политическими событиями в самом Китае, но постоянно анализирует китайский опыт выстраивания государственности, пытаясь разобраться в возможностях применения этого подхода к российской истории и действительности.

Лишь единожды обнаруживается упоминание о реальных событиях – это опиумные войны 1840–1850-х гг. В стихотворении «На европейские события в 1854 году», которое, безусловно, является предтечей геополитических идей и размышлений писателя, Достоевский открыто обвиняет англичан, которые ради экономической выгоды фактически создают целую эпидемию наркомании в Китае:

Не опиум, растливший поколение,
Что варварством зовем мы без прикрас,
Народы ваши двинет к возрожденью
И вознесёт униженных до вас!
То Альбион, с насилием безумным
(Миссионер Христовых кротких братств!)
Разлил недуг в народе полуумном,
В мерзительном алкании богатств! [1. Т. 2. С. 405].

Это, пожалуй, единственный случай, когда писатель вводит в поле своих геополитических размышлений реальные исторические события, связанные с Китаем.

Китай как символ чужого и отдаленного. Китай трактуется Достоевским как страна крайне далекая, малопонимаемая, закрытая. Эти характеристики, прежде всего гиперболизированная отдаленность страны, неоднократно подчеркиваются писателем. Зачастую образ Китая используется им для эксплицирования закрытости и непонятности России для европейцев – при всей ее внешней доступности:

Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости... [Там же. Т. 18. С. 41].

Писатель подчеркнет ниже, что у непонятости Китая есть объективные причины: географическая отдаленность и закрытость, но характер китаецца при этом более доступен для европейского понимания. Китаец в сознании западных соседей наделен рядом клишированных характеристик, поэтому может быть понят через познание китайских устоев; русский же человек, несмотря на большую географическую близость, есть тайна, которую европейцы разгадать не могут веками.

Достоевский нередко использует образ Китая для подчеркивания принципиальной разницы между сопоставляемыми объектами. Так, говоря о воспитании и сравнивая отношение к воспитанию отцов семейств, писатель отмечает:

Тогда бывало иногда так, что два дворянина, отцы семейств, различись между собою понятиями во всем, как Европа и Китай [1. Т. 281. С. 309].

В черновых записках 1875–1876 гг. в размышлениях о будущем России Достоевский отмечает разность России и Европы и, подчеркивая ошибоч-

ность попыток записать россиян в европейцы, делает пометы для размышлений о Китае и России.

Китай как реальная угроза окраинам России, Сибири. В публицистике Достоевского мы находим достаточное количество примеров, в которых Китай представлен как реальная угроза границам Российского государства.

В первую очередь это связано с территорией Сибири и восточных окраин. Опасность китайской угрозы повсеместно транслировалась сибирскими газетами, которые порою ее сильно преувеличивали. В 1854 г. в письме А. Е. Врангелю из Семипалатинска Достоевский отмечает:

Из новостей ничего не знаю, кроме того, что (и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством [Там же. С. 195].

Достоевский неоднократно говорит о китайском пришествии на сибирские земли, предостерегая государственных чиновников от халатного отношения к Сибири и азиатским окраинам. Известно, что писатель не раз рассуждал о возрождении России именно в Сибири. В этом смысле китайское или американское вторжение могло существенно повлиять на будущее страны. Записные тетради свидетельствуют о том, что Достоевский хотел написать отдельную статью об американской и китайской опасности, но не реализовал свои планы. Встречаются в «Дневнике писателя» и иронически изложенные мысли оппонентов писателя, большая часть из них относится к 1881 г.:

Сибирь продать по частям на сруб – уступить Китаю [Там же. Т. 27. С. 78];

Окраины всё это вздор, всё это мелочи ... Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам [Там же. С. 73].

Достоевский призывал как можно быстрее построить железные дороги, ими связать Сибирь с центральной частью страны и тем самым обезопасить окраины:

Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая. Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ <...> чтобы не догадаться, что кругом пустые и богатые земли <...> а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не <...> помыслить захватить эти земли <...> чтоб не догадаться до какой степени эти земли слабы и не защищены и даже в дальнейшем защищены быть не могут [Там же. Т. 24. С. 83–84].

Интересен тот факт, что, при подобных размышлениях, рядом с Китаем часто возникает Япония. Так, в окончании заметки, упомянутой выше:

<На полях рядом с текстом: Южная линия... иметь в виду. О Японии (см. ниже). Китай> [Там же. С. 84].

Складывается определенное представление об отношении Достоевского к китайской опасности: он не просто признает ее, но призывает задуматься и предпринять уже сейчас важные шаги для укрепления сибирских и других окраинных земель России.

В целом хотелось бы еще раз подчеркнуть место и значение Китая в творчестве Достоевского. Писатель последовательно осмысливал Китай, китайский опыт построения государственности, китайские традиции, неоднократно рассматривал и анализировал оппозиции «Китай и Россия», «Китай и Европа», вписывая Китай в большое геополитическое пространство. Писатель стратегически точно отмечал опасность, которую Китай представляет для окраин России, в частности для Сибири. Наконец, он пытался примерить китайский опыт развития к российской действительности, но пришел к выводу о невозможности применения китайских стратегий управления людьми к русскому народу. При этом Достоевский мало интересовался реальным китайским бытом, историей и культурой, ограничиваясь лишь самыми распространенными сведениями и клише.

Такое понимание Китая было вполне созвучно общим представлениям о нем в России того времени. Так, мысли о косности, отсталости Китая были едва ли не общим местом, об этом много говорили О. И. Сенковский и В.Г. Белинский. Идея о принципиальном противопоставлении Европы и Китая и срединном положении России между ними высказывалась П. Я. Чаадаевым и получила особое развитие у Н. Я. Данилевского. И. А. Гончаров, как и Достоевский, предлагал изучить опыт государственности Китая, чтобы не допустить собственных ошибок.

И все же Достоевский шел здесь своим особым путём: он не просто определял плюсы и минусы китайского уклада, но на его примере выстраивал разностороннюю социально-политическую концепцию азиатского пути развития.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
2. *Денисова А. В.* Функция хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // *Культура и текст.* 2016. № 1 (24). С. 64–74.
3. *Новикова Е. Г.* «Nous serons avec le Christ»: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Томск : Изд. Том. ун-та, 2016. 244 с.
4. *Меринов В. Ю.* Приёмы создания концепта «другие» в философской публицистике Ф. М. Достоевского // *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 107–118.

5. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М. : Наука, 1972. 316 с.
6. *Политическое обозрение*. Современная летопись // Русский вестник. 1860. Т. 25, кн. 1, 2. С. 83–111.
7. *Политика* // Современник. 1860. Т. 79. (№ 2). С. 303–322.
8. *Политическое обозрение* // Отечественные записки. 1860. Т. 130. С. 44–60.
9. *Леность* грубого простонародья. Современное обозрение // Современник. 1860. Т. 79. (№ 2). С. 227–264.
10. *Повесть* о Новой Зеландии. Иностранная литература // Отечественные записки. СПб., 1860. Т. 130. С. 40–42.
11. *Политическое обозрение* // Отечественные записки. 1860. Т. 131. С. 41–86.
12. *Мой дневник* в Индии. Иностранная литература // Отечественные записки. 1860. Т. 129. С. 1–18.
13. *О свободе*. Иностранная литература // Отечественные записки. 1860. Т. 128. С. 1–9.
14. *Политическое обозрение* // Время. 1861. Т. 1. С. 1–48.
15. *Политическое обозрение* // Время. 1861. Т. 3. С. 1–23.
16. Гаскелл Э. Мэри Бартон. Повесть о манчестерских тружениках // Время. 1861. Т. 2. С. 522–583.
17. *Англо-американские дела*. Политическое обозрение // Время. 1862. Т. 7. С. 6–18.
18. *Записка* о деле петрашевцев. Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского / публ. В. Р. Лейкиной-Свирской // Герцен и Огарев. Вып. 3. М., 1956. С. 165–190. (Литературное наследство. Т. 63).
19. *Евгения Гранде*. Роман г-на О. де-Бальзака // Репертуар и Пантеон. 1844. № 6, отд. 1. С. 386–457 ; № 7, отд. 1. С. 44–125.
20. *Гроссман Л. П.* Бальзак в переводе Достоевского // Бальзак О. де. Евгения Гранде / пер. Ф. М. Достоевского ; ред. и коммент. Л. П. Гроссмана. М. ; Л., 1935. С. I–LXXVIII.
21. *Поспелов Г. Н.* «Eugénie Grandet» в переводе Ф. М. Достоевского // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 103–136.
22. *Шкарпат С.* О переводе Ф. М. Достоевского романа «Евгения Гранде» О. де Бальзака // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 303–310.
23. *Кибальник С. А.* «Eugénie Grandet» О. де Бальзака в переводе Достоевского // Достоевский и мировая культура: альм. № 29. СПб., 2012. С. 27–40.
24. *Фридендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л. : Сов. писатель, 1985. С. 176–197.
25. *Суслова А. П.* Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / вступ. ст. и примеч. А. С. Долинина. М., 1928. 192 с.
26. *Перлина Н. М.* Достоевский о смертной казни: историко-литературное эссе в двух частях // Достоевский и мировая культура: альм. № 18. СПб., 2003. С. 71–95.
27. *Ямпольский М. В.* Жест палача, оратора, актера // Ad marginem '93 : Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М., 1994. С. 21–67.
28. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. М. : Наука, 2000. 586 с. (Литературные памятники).
29. *Кунильский А. Е.* «Лик земной и вечная истина»: О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. 302 с.
30. *Ашимбаева Н. Т.* Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб. : Серебряный век, 2005. 288 с.

31. *Мартинсен Д.* Настигнутые стыдом. М. : РГГУ, 2011. 328 с.
32. *Шмид В.* Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (*Studia philologica*).
33. *Крапивин Г. Н.* Штрихи к портрету «главного» героя: (О романе «Идиот» Ф.М. Достоевского) // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / под общ. ред. И.Л. Волгина. М., 2012–2014. С. 400–411.
34. *Шаррас Ж. Ф. А.* История кампании 1815 года. Ватерлоо. / предисл. и пер. Генерального штаба штабс-капитана Пичугина. СПб., 1868. 548 с.
35. *Меднис Н. Е.* Швейцария в художественной системе Достоевского (к проблеме формирования в русской литературе швейцарского интерпретационного кода) // Дискурсивность и художественность : К 60-летию Валерия Игоревича Тюпы : сб. науч. тр. М., 2005. С. 102–118.
36. *Lipke S.* La Suisse, symbole de Jérusalem «L'Idiot» de Dostoïevski // *Chosir*. 2019. № 693. P. 67–69.
37. *Касаткина Т. А.* Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения. М., 2001. С. 60–99.
38. *Янг С. Дж.* Картина Гольбеина «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения. М., 2001. С. 42–59.
39. *Ашимбаева Н. Т.* Швейцария в романах «Идиот» и «Бесы»: К вопросу о поэтике топонима у Достоевского // Достоевский и мировая культура: альм. №16. СПб., 2001 С. 177–185.
40. *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова : Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М. : ИМЛИ РАН, 2004. 479 с.
41. *Turner F. J.* United States: History // *The Encyclopaedia Britannica*. 11th Edit. Vol. 27 : Tonality to Vesuvius. Cambridge : University Press, 1911. P. 663–735.
42. *Coolidge W. A. B.* Switzerland // *The Encyclopaedia Britannica*. 11th ed. Vol. 26 : Sub-Tom. Cambridge : University Press, 1911. P. 238–269.
43. *Соколов В. В.* Гоббс // Новая Российская энциклопедия. М., 2012. Т. 4 (2). С. 442–443.
44. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л. : Наука, 1984. 717 с.
45. *Новикова Е. Г.* Евангельские тексты и проблема преступления и наказания в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения. М., 2001. С. 230–238.
46. *Степанян К.* Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения. М. : ИМЛИ РАН, 2001. 137–162.
47. *Schrems K. Pestalozzi* // *Lexikon für Theologie und Kirche (LThK)*, 2., völlig neu bearb. Aufl., 8. Band : Palermo bis Roloff. Freiburg i. Br. : Herder, 1963. 313 S.
48. *Robespierre* // *The Encyclopaedia Britannica*. 11th Edition. Vol. XXIII : Refectory to Sainte Beuve. Cambridge : University Press, 1911. P. 416–420.
49. *Мановцев А.* Свет и соблазн // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения. М., 2001. С. 250–290.
50. *Литке Ш.* Образ папы Пия IX в публицистике Ф.М. Достоевского (1870–1878 годы) // Достоевский и мировая культура : филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 179–190.

51. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5.
52. Литературное наследство. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / под ред. И. С. Зильберштейна, Л. М. Розенблюм. М. : Наука, 1971. 727 с.
53. Чапл Р. Материалы для «Словаря языка Достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 242–254.
54. Сафронова Е. Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 113–141. DOI: 10.17223/24099554/12/6.
55. Alekseev P. V., Billiet E. The image of Germany in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79. DOI: 10.17223/24099554/9/5.
56. Крюкова О. С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX в. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 291 с.
57. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб. : Петрополис, 2013. 432 с.
58. Юдахин А. А. Ф. М. Достоевский и «римский вопрос» (1862–1865 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 84. С. 50–64.
59. Курган М. Г. Ф. М. Достоевский и Италия (биографический, имагологический и рецептивный аспекты) : дис. ... магистра филологии. Томск, 2016. 133 с.
60. Новикова Е. Г. Рим и Неаполь Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альм. Вып. 26. СПб., 2009. С. 35–42.
61. Алоэ Стефано. Великий инквизитор и этико-политическая жизнь Италии «эпохи Берлускони»: Из журналистских и философских дебатов // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб., 2013. С. 361–379. (Dostoevsky Monographs ; вып. 4).
62. Кортунов С. В. Метаморфозы либеральной идеи // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 89–111.
63. Якубова Л. А., Кисленко А. О. Причины и предпосылки Рисорджименто в Италии XIX в. // XVII регион. студ. науч. конф. Нижневарт. гос. ун-та. Нижневартовск, 2015. С. 182–185.
64. Италия как вечный объект Рисорджименто // Радио Свобода. М., 2011. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/183760/> (дата обращения: 10.03.2020).
65. Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. М. : Директ-Медиа, 2007. 324 с.
66. Ружицкий И. В. Атопоны Ф. М. Достоевского: к проекту словаря // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 56–75.
67. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 8. 701 с.
68. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 9 т. Т. 7. М. ; Л. : Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1963. 630 с.
69. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18. 751 с.
70. Галло М. Джузеппе Гарибальди / гл. ред. Л. Григорян. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с. (След в истории).
71. Якубович И. Д. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 19. Л., 1979. С. 262–279.
72. [Разин А. Е.] Обзор главнейших политических событий за весь минувший год // Время. Журнал литературный и политический. 1861. № 1. С. 25–32.
73. [Достоевский Ф. М.] Петербургские сновидения в стихах и прозе // Время. 1861. С. 1–22.

74. Панарин С. А. Гарибальди в России: траектория образа // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 75–106.
75. Альтман М. О. По вехам имен / гл. ред. Л. В. Васильева. Саратов : Изд-во Самар. ун-та, 1975. 282 с.
76. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : ГИХЛ, 1952. 317 с.
77. Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития / сост., вступ. ст. В.В. Ерофеева ; коммент. О. Дарка. М. : Искусство, 1990. 605 с. (История эстетики в памятниках и документах).
78. Достоевский Ф. М. Каламбуры в жизни и в литературе // Эпоха. Журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. 1864. № 10. С. 20–32.
79. Достоевская А. Г. Дневник 1867 г. / изд. подгот. С.В. Житомирская. М. : Наука, 1993. 453 с. (Литературные памятники).
80. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, примеч. С. В. Белова, В. А. Туниманова. М. : Правда, 1987. 544 с.
81. Белов С. В., Туниманов В. А. А. Г. Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, примеч. С. В. Белова, В. А. Туниманова. М., 1987. С. 5–40.
82. Гарибальди И. Записки : в 3 ч. СПб., 1860. 461 с.
83. Гарибальди Дж. Мемуары. М. : Наука, 1966. 468 с. (Литературные памятники).
84. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М. : Э, 2016. 512 с.
85. Лапшин И. И. Как сложилась легенда о великом инквизиторе? // О Достоевском : творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990. С. 374–385.
86. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское мировоззрение. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 408 с.
87. Aubert R. Pius IX., Papst (1846–1878) // Theologische Realenzyklopädie (TRE) : in 36 Bänden. Bd. 26. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1996. S. 661–666.
88. Anrich D. Pius IX // Die Religion in Geschichte und Gegenwart (RGG), Bd. 4. Tübingen : Mohr, 1930. S. 1274–1276.
89. Токарева Е. С. Пий IX // Католическая энциклопедия : в 5 т. Т. 3. М., 2007. С. 1506–1510.
90. Pius IX. Encyclica “Multis gravibusque”. URL: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-multis-gravibusque-17-dicembre-1860.html> (дата обращения: 07.03.2019).
91. Pius IX. Syllabus errorum. URL: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/la/documents/encyclica-quanta-cura-8-decembris-1864.html> (дата обращения: 07.03.2019).
92. Hub D. Syllabus // Theologische Realenzyklopädie (TRE) : in 36 Bänden. Bd. 32. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2001. S. 476–479.
93. Hürten H. Katholikentage // Theologische Realenzyklopädie (TRE) : in 36 Bänden. Bd. 18. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1989. S. 37–40.
94. Torrielli A. Pio IX : L'ultimo Papa Re. Milano : Mondadori, 2011. 461 p.
95. Acta Sanctae Sedis (ASS). Romae : Ex typographia S. C. De Propaganda Fide, 1877–1910.
96. Tocqueville A. de., Beaumont G. Du systeme penitentiare aux Etats-Unis et de son application en France, 1832.
97. Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835. Vol. 1–2.
98. Beaumont G. Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis. Paris : Libraire de Charles Gosselin, 1835.

99. *Lantz K. A.* The Dostoevsky Encyclopedia. Westport ; Connecticut ; London : Greenwood Press, 2004. 503 p.
100. *Сараскина Л. И.* Испытание будущим: Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.
101. *Гроссман Л. П.* Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М., 1959. 546 с.
102. *Долинин А. С.* Вступительная статья («К истории создания «Братьев Карамазовых») // Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / под ред. А.С. Долинина. Л., 1935. 603 с.
103. *Тарасова Н. А.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М. : Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
104. *Волгин И. Л.* Возвращение билета: Парадоксы национального самопознания. М. : Грантъ, 2004. С. 25–145 (Ч. 1: Россия Достоевского. «Дневник писателя» как исторический феномен).
105. *Северо-Американские Штаты.* Циммерманна // Гражданин. 1873. № 2. С. 55–56.
106. *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы: (Книга о сытых и голодных): роман : в 2 кн. Кн. 2, ч. 4–6. М. : АСТ, 2004. 778 с.
107. *Саид Э. В.* Культура и империализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
108. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. А. В. Белова ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
109. *Бабин В. Л.* Международная тематика в обзорах Достоевского «Иностранные события» и в «Дневнике Писателя» 1876–1877 гг. // Достоевский и мировая культура: альм. № 30 (2). СПб., 2013. С. 48–51.
110. *Захаров В. Н.* О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1 С. 1–17.
111. *Иностранное обозрение* за истекший год // Гражданин. 1873. № 1. С. 8–10.
112. *Областное обозрение* // Гражданин. 1873. № 10. С. 290–294.
113. *Ужаснейший пожар* в доме умалишенных в Америке // Гражданин. 1873. № 3. С. 82.
114. *Политическое обозрение* // Гражданин. 1873. № 10. С. 289–290.
115. *Волгин И. Л.* Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М. : Центр гуманитарного образования, 1998. 656 с.
116. *Габдуллина В. И.* Достоевский: послания из ссылки в стихах и прозе // Достоевский и мировая культура: альм. № 26. СПб., 2000. С. 26–34.
117. *Туниманов В. А.* Достоевский – художник и мыслитель : сб. ст. М. : Худож. лит., 1972. 687 с.
118. *Найт Н.* О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет : антология. М., 2005. С. 324–344.
119. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962.
120. *Благой Д. Д.* Мицкевич и Пушкин // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. 15, вып. 4. С. 297–314.
121. *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М. : Восток-Запад : АСТ, 2007. 598 с.
122. *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 50–80.
123. *Пчелинцева К. Ф.* Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв. : спецкурс для иностранных студентов. Волгоград : Перемена, 2005. 21 с.
124. *Гольгина К. Б.* Образ Китая в русской и советской литературе // Теоретические проблемы изучения литератур востока. М., 1987. Ч. 1. С. 208–216.

125. *Краснова Г. А.* Достоевский и Китай // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 373–378.
126. *Алексеев П. В.* «Китайское вступление к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–110.
127. *Белинский В. Г.* Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Собр. соч. : в 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 595–599.
128. *Сенковский О. И.* Китай и китайцы // Собр. соч. : в 9 т. СПб., 1858. Т. 6. 630 с.
129. *Романова Н. Ф.* М. Достоевский и «китайский вопрос». 2012. URL: <https://omiliya.org/content/fmdostoevskii-i-kitaiskii-vopros.html> (дата обращения: 30.04.2021).
130. *Алексеев П. В.* Ф. М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2017. 152 с.
131. *Frank J.* Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton : Princeton University Press, 2002. 784 p.
132. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 543 с.
133. *Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.

Глава 4

Политическая карта России Ф. М. Достоевского

4.1. Россия как центр геополитических размышлений Ф. М. Достоевского

Е. Г. Новикова

Россия была главной темой всего творчества Ф. М. Достоевского, и он на протяжении многих лет творчества сосредоточенно и крайне ответственно размышлял о ее мировом значении. Результатом этого стала яркая авторская концепция особого места России на геополитической карте мира и ее уникальной роли в мировой истории.

Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности [1. С. 163].

Эта формула В. С. Соловьева, прямого наследника и последователя Достоевского в сфере постижения «истинных интересов нации и ее действительной исторической миссии» [Там же. С. 164], вошедшая в его работу «Русская идея» (1888), воплощает базовую установку русской историко-философской мысли:

Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа <...> [Там же. С. 179].

Как написал о В. С. Соловьеве В. В. Зеньковский, «его замечательные статьи <...> представляют собой настоящий вклад в литературу по национальному вопросу» [2. Т. 2, ч. 1. С. 24]. Именно в этом контексте следует воспринимать «Вторую речь <Сказана 1 февраля 1882 года>» В. С. Соловьева из цикла «Три речи в память Достоевского» (1881–1883), в которой он утверждал:

Центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христова <...> в ней же он видел духовную, еще не проявленную сущность русского народа, всемирно-историческую задачу России, то новое слово, которое Россия должна сказать миру [3. С. 177].

Указывая на исходную близость идей Достоевского и В. С. Соловьева, В. В. Зеньковский пишет об особой позиции писателя, в которой в равной степени и в сложной диалектике учитывается как русская историософская мысль, «сильная <...> Православием», так и европейский «историософский рационализм» [2. Т. 1, ч. 2. С. 242]: «Достоевский здесь с особенной остротой подчеркивает то, что гармонизация исторического процесса непременно включает в себя *подавление человеческой свободы*, – и это он считает глубочайше связанным с историософским рационализмом <...> Для него выход (как и для Влад <мира> Соловьева) заключался в свободном движении народов к “оцерквлению”» всего земного порядка <...> надо признать, что “метафизика истории” освещена у Достоевского с такой гениальной силой, как ни у кого другого» [Там же. С. 242–243]. В этих размышлениях В. В. Зеньковского принципиальным представляется указание на то, что историософская концепция России формировалась и развивалась у Достоевского в «большом диалоге» с европейской историей и европейской историософской мыслью (которая здесь квалифицируется как «рационализм»).

Действительно, уже свое первое по-настоящему программное высказывание – «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» – Достоевский сразу же организует геополитическим напряжением проблемы «Россия и Европа»:

Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена. Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами <...> Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами <...> Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная [4. Т. 18. С. 36].

Закономерно связав проект «европеизации» России с Петром I и его реформами, Достоевский следующим образом понимает его завершение и результаты: «узнали Европу» – «и не сделались европейцами». Объясняя это, писатель фиксирует две разные «национальности»: это «европейцы» и самобытная «отдельная национальность» России. Конечно, здесь может удивить эта квалификация всех представителей Европы как некоей единой «национальности», но Достоевскому это необходимо, чтобы подчеркнуть – на этом европейском фоне – самобытность России:

Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и вы-

работанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных [4. Т. 18. С. 36].

Так что Достоевский видит, конечно, в Европе разные «западные формы жизни, выжитые и выработанные Европою из собственных своих национальных начал», но все они «чужды и противоположны» России. При этом он замечает:

Мы говорим здесь не о славянофилах и не о западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно [Там же. С. 37].

Его размышления – совершенно не «домашние», но геополитические. Значение Петровских реформ, с его точки зрения, состоит в том, что Россия впервые начала рефлексировать самое себя в европейском и мировом контексте:

Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов. Мы знаем, что не оградимся теперь китайскими стенами от человечества [Там же. С. 36–37].

Отсылка к «китайским стенам» очень характерна: не китайская изоляция за Великой стеной [5], но место «в великой семье всех народов». И далее Достоевский формулирует то, как он представляет себе место и значение России – вновь возвращаясь здесь к европейскому масштабу геополитической картины мира:

Мы предугадываем, предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, всё враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности [Там же. С. 37].

У современных исследователей есть мнение, что именно Достоевский впервые ввел в культурный и политический оборот само понятие «русская идея» [6]. По Достоевскому, «русская идея» – не просто манифестация некоей абстрактной «общечеловеческой» идеи, она уточняется как «синтез», как «примирение и дальнейшее развитие» всех существующих сегодня отдельных европейских национальностей. Иначе говоря, России, по мысли писателя, суждено сделать новый шаг в развитии Европы – и всего мира. Следующее далее разъяснение этой принципиальной позиции писателя поразительно подготавливает его знаменитую «Речь о Пушкине»:

Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых <...> способность же примирительного взгляда на чужое есть высочайший и благороднейший дар природы, который дается очень немногим национальностям [4. Т. 18. С. 37].

Вот они, первые формулировки знаменитого утверждения о «всемирной отзывчивости» [Там же. Т. 26. С. 146] России. «Речь о Пушкине»:

В самом деле, что такое для нас петровская реформа <...> Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим <...> Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий <...> Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное [Там же. С. 147].

Так первый (1861) и последний (1880) программный текст Достоевского становятся общей рамой всей его геополитической концепции: Петровская реформа как шаг России в Европу во имя воссоединения всех наций – такова, по мысли Достоевского, геополитическая миссия России в Европе и мире.

Современная геополитическая мысль активно осмысляет специфику формирования геополитических представлений в России XIX в., и в качестве одной из важнейших ее особенностей зафиксирована теснейшая связь политики с русской культурой и литературой [7–8]. «Речь о Пушкине» Достоевского является просто уникальным доказательством этого: кульминацией и итогом многолетних геополитических размышлений писателя стало его слово о русском поэте:

<...> не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по настоящему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила <...> Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности? [4. Т. 26. С. 146–147].

В свою очередь, в этой общей раме геополитической концепции Достоевского можно выделить определенные периоды наиболее серьезного обращения писателя к миссии России: она активизируется, как правило, на фоне важных, зачастую переломных политических событий в Европе и мире. Острая политическая повестка дня актуализировала для него прежде всего проблематику России, ее места и ее возможного геополитического значения в контексте происходящих политических и исторических событий; именно таковы были основополагающие принципы формирования и развития геополитической концепции России писателя.

Наиболее ярко эти особенности проявились в два периода: вторая половина 1860-х – начало 1870-х гг. – преобразование политической карты Европы; 1877–1878 гг. – Балканская (русско-турецкая) война, «восточный вопрос».

Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. в результате серии войн и освободительных движений (австро-итало-французская война 1859 г., франко-прусская война 1870–1871 гг., итальянское Рисорджименто) в Европе впервые сформировались единые государства Италия (1870) и Германия (1871), пала французская монархия и безраздельная власть папы римского (1870), во Франции победила Третья республика.

С 1867 по 1871 г. супруги Достоевские жили в Европе и самым непосредственным образом наблюдали все эти важные исторические события. «Российская» доминанта в их оценке и осмыслении писателем совершенно бесспорна, именно она во многом и определила тематический репертуар его эпистолярия этого времени. Так, наблюдая за непростыми перипетиями правления Наполеона III и в целом находясь на его стороне, Достоевский однажды заметил:

Здесь я за границей окончательно стал для России – совершенным монархистом [Там же. Т. 28₂. С. 281].

Судьба французской монархии как пример и как проблематика монархии «для России» – такова общая методология писателя при работе с политическим материалом. Письмо к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. разворачивается как предельно показательный дискурс Достоевского на тему «Европа – Россия»:

Вот уже три года читаю усидчиво все политические газеты, то есть главное большинство. До какой степени хорошо они знают свои дела! Как предсказывают вперед! Какое умение иногда ударить в самую настоящую точку! (Какое сравнение с нашими политическими газетами с подражающею дрянью <...>) И что же? Чуть лишь дело коснется до России, – точно

горячешный человек в темноте забормочет черт знает что такое! Я думаю, звезду Сириус основательнее знают в Европе, чем Россию. Это-то вот до времени и есть наша сила. А другая сила была бы наша собственная вера в свою личность, в святость своего назначения. Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастье Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римской церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся [4. Т. 29₁. С. 146–147].

В связи с подобными высказываниями Достоевского о Европе Б. Н. Тарасов совершенно справедливо подчеркивает указание писателя на ее «неведение» о России (по аналогии с тютчевским «Умом Россию не понять...») [9]. Но, как показывает дискурс данного письма, от самой фиксации этого непонимания Достоевский идет дальше, полагая, что в нем «до времени и есть наша сила» – сила России. В этом общеевропейском политическом контексте для писателя категория силы была крайне важна: он неоднократно размышлял о том, не будет ли втянута и Россия в текущие европейские войны. Так, из этого же письма А. Н. Майкову:

<...> мне кажется, нам нечего бояться даже и внешних политических потрясений <...> Дают теперь нам обстоятельства года два или три навального мира – пойдем ли наше положение? Приготовимся ли? Настроим ли дороги и крепостей? Заведем ли еще хоть миллион штук оружия? Станем ли твердо на окраинах, и решатся ли у нас на реформу в подушном сборе и рекрутчине? Вот чего надо, а прочее, то есть русский дух, единение – всё это есть и будет и в такой силе, в такой целостности и святости, что даже мы не в силах проникнуть во всю глубину этой силы <...> [4. Т. 29₁. С. 146].

Две силы России здесь обозначены Достоевским – сила военно-политическая и сила духовная. В этих вопросах о строительстве дорог и крепостей, об увеличении количества оружия и реформе рекрутчины очевидно дает о себе знать полученное в Главном инженерном училище военно-инженерное образование Достоевского. Оно, отчасти даже бессознательное, основание грядущих политических и геополитических размышлений писателя. «Вот чего надо», – считает Достоевский; при этом в наличии второй, конечно же, гораздо более важной силы – силы духовной – он совершенно уверен: «<...> а прочее, то есть русский дух, единение – всё это есть и будет и в такой силе, в такой целостности и святости, что даже мы не в силах проникнуть во всю глубину этой силы». И уточняя далее свое представление о ней, Достоевский выстраивает дискурс как предъявление и развитие

сразу двух миссий: миссия России в Европе и его собственная миссия как писателя и мыслителя, состоящая в ее формулировании и обосновании:

А другая сила была бы наша собственная вера в свою личность, в святость своего назначения. Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастье Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся.

Как известно, на фоне европейской жизни и в контексте европейских размышлений Достоевского был написан роман «Идиот» (1868–1869). Ярким (и, в общем-то, несколько неожиданным) явлением романного сюжета стала проповедь Мышкина о «русском Боге и Христе», очевидно воплотившая позицию самого писателя:

<...> откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище <...> Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом <...> [4. Т. 8. С. 453].

Слово Мышкина здесь организовано именно как проповедь во имя воплощения этой идеи Достоевского об обновлении и воскресении всего человечества русским Богом и русским Христом. При этом речь-проповедь Мышкина несет в себе принципиальный антагонизм католичества и православия и начинается известным положением о том, что

<...> католичество вера нехристианская <...> римский католицизм даже и не вера, в решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем всё подчинено этой мысли, начиная с веры [Там же. С. 450].

Так в концепции Достоевского геополитическая и историософская проблематика фундируется религиозным – православным – мировосприятием писателя, и вне этой базовой специфики ее истинное постижение невозможно.

Религиозные (христианские) основы геополитики – или геополитическое значение разных христианских конфессий – вот суть политических размышлений писателя. Духовные смыслы разных христианских конфессий, как их понимает Достоевский, срастаются с политическими и геополитическими установками разных стран и народов и определяют их. Дух православия определяет политическую и историческую позицию и миссию России, а католицизм глубинным образом связан с Римской империей.

Этот комплекс идей, поданный в «Идиоте» подчеркнуто провокативно и шокирующе, разворачивается и подробно обосновывается в собственно авторском тексте Достоевского – в одном из наиболее важных разделов «Дневника писателя» за январь 1877 г. «Три идеи».

Здесь Достоевский выделяет в современном мире «три идеи» – на основании трех христианских конфессий: «идею католическую», «протестантизм» и «идею славянскую» [4. Т. 25. С. 6–7, 9]. Здесь он и демонстрирует указанный выше подход, с каждой из этих трех идей связывая политическую и геополитическую позицию определенных стран и народов:

Я не про религию католическую одну говорю, а про всю идею католическую, про участь наций, сложившихся под этой идеей в продолжение тысячелетия, проникнутых ею насквозь. В этом смысле Франция, например, есть как бы полнейшее воплощение католической идеи, унаследованной, конечно, еще от римлян и в их духе [Там же. С. 6].

В свою очередь, как сказано в «Дневнике писателя» за май – июнь того же года, «Германия – страна протестующая» [Там же. С. 151]:

С другой стороны, восстает старый протестантизм, протестующий против Рима вот уже девятнадцать веков <...> Это – германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической <...> верит, что выше германского духа и слова нет иного в мире и что Германия лишь одна может изречь его [Там же. С. 7].

«Три идеи» демонстрируют тот общий европейский геополитический фон, по отношению к которому и происходит у Достоевского самоопределение России. Идеи католицизма (Франция) и протестантизма (Германия) описаны здесь как исторически доминирующие в Европе; но они использованы писателем только как необходимый контекст для провозглашения третьей, пока еще только «нарождающейся» идеи – «идеи славянской»:

А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслышанным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы [Там же. С. 9].

«Три идеи» были написаны на фоне разворачивающихся балканских событий, которые в самом скором времени приведут к русско-турецкой войне, а затем – к освобождению Болгарии от ига Османской империи, и Достоевский посвящает свой текст именно этому:

Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса двинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая <...> не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно [4. С. 9].

Так вектор геополитического внимания Достоевского во второй половине 1870-х гг. сместился к «восточному вопросу» и от осмысления России в ее соотношении с Европой – к проблеме «Россия и Восток».

В приведенном выше письме к А. Н. Майкову было сказано о назначении России «в православии, в *свете с Востока*»; при этом слова «свет с Востока» были выделены Достоевским. «Свет с Востока» (лат. «*Ex oriente lux*») – устойчивое выражение, восходящее как парафраз к каноническому евангельскому тексту о рождении Иисуса Христа:

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят:

Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться ему (Мф 2: 1–2).

На протяжении многовековой истории бытования «*Ex oriente lux*» наполнялось (по понятной причине) самыми разными смыслами: свет христианства, восточное христианство – православие, собственно Восток и др. Наиболее полно всю его сложность и глубину для российского мира выразил В. С. Соловьев в специально посвященном ему стихотворении «*Ex oriente lux*» (1890). Поэт вкладывал в него важные смыслы своей собственной религиозной философии Всеединства:

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший из Востока,
С Востоком Запад примирил [3. С. 35].

Однако по отношению к России собственно В. С. Соловьев смыслы «*Ex oriente lux*» в финале стихотворения подчеркнута проблематизирует:

О, Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа? [Там же].

Вот выбор, перед которым стоит Россия, по мысли В. С. Соловьева, быть восточной империей по аналогии с персидской империей Ксеркса I или христианской страной. На таком проблемном фоне интерпретация Достоевским этого выражения вполне однозначна: «православие, *свет с Востока*» и восточное христианство как мировая историческая миссия Рос-

сии. (Кстати сказать, поэтому попытки современных исследователей свети все представления Достоевского о Востоке исключительно к ориентализму представляются недостаточно обоснованными [10].) В стихотворении В. С. Соловьева заложены и продемонстрированы необыкновенная сложность, противоречивость, многоуровневость смыслов, которые в русской культуре связаны с понятием «Восток», – иногда вплоть до амбивалентности. Художественный текст поэта-философа, восходящий к многозначному выражению «Ex oriente lux», свидетельствует о том, что «Восток» для России – это в конечном счете такая метафора, которая нуждается в специальном понимании и интерпретациях.

Сказанное самым непосредственным образом может быть отнесено и к Достоевскому. В его творчестве обнаруживается целый спектр различных смысловых комплексов, соотнесенных с представлениями о Востоке, и эта особенность геополитического мышления писателя закономерно достигает апогея во второй половине 1870-х гг. в широком и крайне неоднородном контексте «восточного вопроса».

Безусловно, в творчестве Достоевского обнаруживается вполне общепотребительное понимание «Востока» как синонима «Азии». Так, в стихотворении «На европейские события в 1854 году» (1854):

Не вам судьбы России разбирать!
Неясны вам ее предназначенья!
Восток – ее! К ней руки простирать
Не устают мильоны поколений.
И властвуя над Азией глубокой
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так Бог велел!) Россией настает [4. Т. 2. С. 405] –

«Восток», «древний Восток» и «Азия глубокая» в одном синонимическом ряду. Кроме этого, следует отметить, насколько стабилен дискурс Достоевского, в центре которого всегда Россия, будь это размышления писателя о Европе или о Востоке / Азии, как в данном случае.

На фоне национально-освободительной борьбы славян против османского ига, в которой приняли активное участие сначала русские, а затем и сама Россия, борьбы, которой Достоевский восхищался и которую всячески поддерживал, понимание «Востока» существенно усложнилось. В терминологии эпохи этот политический процесс на Балканах получил название восточного вопроса, и это понятие Достоевский постоянно использовал:

Восточный вопрос по-прежнему у всех перед глазами [4. Т. 25. С. 37].

Однако геополитический дискурс Достоевского фиксацией «восточного вопроса» только начинается:

<...> Восточный вопрос <...> то есть и славянский вместе <...> Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. Сущность Восточного вопроса) – значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию <...> [Там же. Т. 26. С. 30].

«Сущность Восточного вопроса» – вопрос «славянский», и на первый взгляд это совершенно понятно, поскольку речь идет об освобождении славянских народов. Но Достоевский, по-прежнему сосредоточенный на судьбе России, в своих геополитических размышлениях идет гораздо дальше: сначала «славянский вопрос» превращается у него в «славянскую идею» – идею объединения славян, затем в качестве объединяющего их начала провозглашается «восточное христианство» – православие, и наконец, все эти процессы описаны как сущностные для России. Эти краткие формулировки разворачиваются и поясняются на многих страницах «Дневника писателя» этого времени. В этом смысле показательны два раздела «Дневника писателя» за ноябрь 1877 г., идущие один за другим: «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» и «Голки о мире. “Константинополь должен быть наш” – возможно ли это? Разные мнения». Здесь Достоевский пишет о формирующемся и грядущем геополитическом предназначении России как «великой Всеславянской империи» [Там же. С. 79]:

<...> она же и лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему восточному миру его новое предназначение. Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России. Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение <...> и бывшее таким образом главной причиной матерьялизма и атеизма Европы <...> Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет современное человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос <...> Да, это великое христианское дело, эта новая деятельность христианства и православия уже начались, именно в теперешнюю войну и фактом теперешней войны [Там же. С. 85–86].

«Назначение России» мыслится здесь Достоевским как новый этап развития мировой истории: после падения римского католичества «утрачен-

ный образ Христа» сохраняют только Россия и восточное христианство – православие, поэтому на смену мировому господству Римской империи грядет мировое господство Всеславянской империи во главе с Россией. Христианство, его конфессии и его судьбы как главная тема исторических и политических процессов – это основополагающий принцип геополитики Достоевского. И в этой геополитической концепции Достоевского Европа и Восток не только встречаются и взаимодействуют, но реализуются как качественно новый, небывалый ранее историко-политический синтез, в основе которого – восточное христианство, православие, которое в современный мир несет только Россия.

4.2. «Окраины» России в восприятии Ф. М. Достоевского: постановка проблемы

М. В. Михновец

Проблеме окраин в составе Российской империи XIX в. посвящено значительное количество работ по геополитике и политологии [11–20]. Важный вклад в изучение этого вопроса внесла современная исследовательница И. Л. Дамешек [17–20], основной фокус её внимания сосредоточен на Сибири. Другие исследователи в свете окраинной проблематики рассматривают территории Средней Азии, Кавказа, Польши, Финляндии. При этом произведения русской литературы, как правило, не становятся материалом для геополитического исследования так называемого «окраинного вопроса».

В настоящее время появился ряд исследований, посвященных изучению геополитической картины мира Ф. М. Достоевского, и авторы работ неоднократно подчеркивали, что она во многом обусловлена колониально-империалистическими воззрениями писателя. Действительно, зафиксированные в художественном и публицистическом творчестве взгляды Достоевского на Кавказ, Польшу, остзейские провинции, «киргизские степи» и т. д. могут быть интерпретированы как яркий пример репрезентации так называемого колониального дискурса. Но геополитические взгляды писателя не могут быть всесторонне проанализированы и описаны исключительно в рамках методологии постколониальных исследований. Только на первый взгляд Достоевский мыслит территории Российской империи в

пределах представлений об оппозиции центра – периферии, «своего» – «чужого» / «другого», а также видит Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ только как внутренние колонии. При более подробном рассмотрении геополитической картины России и мира Достоевского оказывается, что каждый регион страны является для писателя своеобразной точкой преломления его сложных историко-политических и историософских воззрений.

Однако специальная проблематика окраин Российской империи в восприятии Достоевского до сих пор не попадала в сферу исследовательского внимания как политологов и специалистов по геополитике, так и литературоведов.

Только в Комментариях первого академического Полного собрания сочинений, посвященных статье «Дневника писателя» за май 1876 г. «Областное новое слово», исследователи косвенно рассматривали «окраинный вопрос» [4. Т. 23. С. 356–358]. В указанной статье Достоевский обращался к литературе «областей и окраин» Российской империи, к проблеме самобытности местных публицистических изданий. Он писал, что «области и окраины»

<...> решительно хотят зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем [Там же. С. 6].

Авторы комментария воссоздали социально-исторический контекст, обусловивший интерес Достоевского к проблеме, и пояснили: статья стала «откликом Достоевского на полемику о “местной” литературе и провинциальной печати, которая была ответвлением дискуссии о централизованном и федеративном устройстве России» [Там же. С. 356]. Комментаторы раскрыли сущность негативного отношения Достоевского к «сепаратистским настроениям» в России, подчеркнули веру писателя в необходимость государственного единства и убежденность в неразрывной связи Москвы и Петербурга с «областями и окраинами». Писатель подчеркивал: обе столицы постоянно подпитываются окраинами, творческими и интеллектуальными ресурсами людей, приезжающих в эти города. Поэтому государственная, культурная политика исходит вовсе не однонаправленно из Петербурга, на самом деле она включает в себе волеизъявление всех «областей». Подобная общность центробежных и центростремительных сил в государстве, по Достоевскому, является фундаментальным основанием его единства. При этом, не ставя под сомнение важность сделанных исследователями наблюдений, отметим: к вопросу о том, что представляют собой «окраины» в понимании писателя, авторы комментария не обращаются.

Близко к интересующей нас проблеме «окраин» подошла Г. Г. Ермилова в статье «Провинция как духовно-культурный феномен: по страницам “Дневника писателя” Достоевского» [21]. Однако проведенный нами лексический и лексико-тематический анализ показал, что для Достоевского содержание образа «окраины» не тождественно образу «провинции». Другие исследования, напрямую или косвенно обращающиеся к теме окраин в картине мира Достоевского, нам неизвестны.

Эти исследовательские лакуны и определили научную новизну данного параграфа монографии. Его задачи: выявить предпосылки возникновения интереса Достоевского к окраинному вопросу; определить, каковы, с точки зрения писателя, исторические корни этого вопроса; описать, какие геополитические конфликты в картине мира писателя связаны с окраинами Российской империи; показать, какие земли Достоевский к ним причислял.

В докаторжный период, а также в 1860-е гг. Достоевский не обнаруживает интереса к окраинному вопросу. Впервые само слово «окраины» встречается в 1873 г. в рукописной редакции статьи для «Дневника писателя» под названием «Мечты и грёзы». Позднее, в записных тетрадях 1875–1876 гг., он несколько раз отмечает намерение сосредоточиться именно на них, его интерес к ним становится неугасающим:

Мы не то время, но о войне, о будущем поговорим (о наших окраинах опять не успел) [4. Т. 24. С. 149];

Откуда же внешний толчок придет – война. О войне вообще. Затем Европа и, может, об окраинах [Там же. С. 157];

С В. В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати и 2) о наших азиатских окраинах [Там же. Т. 27. С. 112].

Писатель, сначала на страницах записных книжек несколько раз обозначив свое желание обратиться к вопросу окраин, позднее фиксирует это намерение и на страницах январского раздела «Дневника писателя» за 1876 г. «Спиритизм. Нечто о чертах...». В самом начале появляется фраза:

Но вот, однако же, я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и ещё на пятнадцать тем по крайней мере [Там же. Т. 22. С. 32].

Можно предположить, что обострившийся в конце 1860-х – начале 1870-х гг. интерес Достоевского к проблеме окраин был обусловлен знакомством с книгой публициста-славянофила Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (1869) [22]. С 1867 по 1871 г. Достоевский жил за рубежом и несколько раз обращался к друзьям, находившимся в России, с просьбой

прислать эту книгу. В письме от 6 апреля 1869 г. Достоевский писал к Н. Н. Страхову:

Я бы желал иметь несколько книг, которых я до сих пор еще не читал, а именно: «Окраины России» Самарина и всю «Войну и мир» Толстого [4. Т. 29. С. 35].

На это письмо Н. Н. Страхов ответил, что книга была опубликована в Праге, отечественная цензура её не пропустила, поэтому Достоевскому проще будет получить её в Европе. «Окраины России» Ю. Ф. Самарина критики и общественные деятели того времени считали «опасной книгой» из-за той проблематики, которую в ней рассматривал автор в связи с так называемым «остзейским вопросом». В своих опасениях были едины как приверженцы консервативных, так и либеральных идей.

Остзейские провинции – это территории современных стран Прибалтики, которые вошли в состав Российской империи в начале XVIII в. после окончания Северной войны, но обладали при этом существенной долей автономии. В основе книги Ю. Ф. Самарина лежал его личный опыт: в 1840-х гг. он служил в Прибалтике, и его раздумья об общественно-политической и социальной ситуации в остзейских провинциях вошли сначала в «Письма из Риги» (1849). Ю. Ф. Самарин характеризовал поведение остзейских немцев как агрессивное по отношению и к коренному латышскому населению, и к русским. По словам публициста, остзейцы «взывали к общественному мнению Пруссии в надежде на ее поддержку землякам против русского “нажима”» [22. С. 137], они ставили купцов и мещан русского происхождения в зависимое от себя положение. «Опасность» же новой книги Ю. Ф. Самарина заключалась в том, что он убедительно показывал те особенности общественно-социального устройства жизни рижских земель, которые могут побудить остзейские провинции стать «второй Польшей». Речь шла о недавних событиях отечественной истории – освободительном восстании в Царстве Польском, которое произошло в 1862 г., за семь лет до выхода «Окраин России». Ю. Ф. Самарин подчеркивал сложность геополитической ситуации не только на западе, но и на юге. Он видел неминуемое начало новой войны с мусульманской Турцией, акцентировал внимание на ущемленном положении балканских славянских православных народов. При этом, по мысли Ю. Ф. Самарина, межконфессиональное напряжение характерно не только для земель, пограничных с мусульманскими странами, не менее остро стоит вопрос религиозной нетерпимости и в Остзейских провинциях: местное коренное

население, а также русские оказываются под давлением немецко-протестантов.

Книга Ю. Ф. Самарина произвела на Достоевского сильное впечатление. В его записях за 1875–1876 гг. читаем:

Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении [4. Т. 24. С. 181].

Судя по всему, рассуждения Ю. Ф. Самарина оказали влияние на геополитические воззрения Достоевского. Более того, представляется, что именно книга «Окраины России» и задала основной объем проблематики, которую связывает Достоевский с «окраинами». Перечислим вопросы, которые присутствуют в книге Ю. Ф. Самарина и которые постоянно поднимает в публицистике Достоевский. Первый вопрос – это стремление российских окраин к отделению и независимости, желание «обособиться». Второе, что занимает Достоевского, – ослабление как административной, так и культурной связи между центром страны и окраинами. Третий вопрос связан с нарастающим на территории окраин геополитическим напряжением, спровоцированным доминированием местного населения над русским. Достоевский остро реагирует и на ещё один процесс: стремление неправославных конфессий занять ключевое положение как в системе локальных социальных институций, так и в формировании определенного типа мировоззрения у местного населения.

Но в геополитической картине России Достоевского в целом проблематика «окраинного вопроса», конечно же, выходит за пределы объема, изначально заданного книгой Ю. Ф. Самарина. На протяжении ряда лет Достоевский постоянно объединяет Кавказ, Сибирь, «Остзейские провинции», «киргизские степи» (территории современного Казахстана) как земли, не являющиеся исконно русскими, населенные собственными этносами и лишь отчасти ассимилировавшимися.

Более того, для Достоевского эта проблематика была обусловлена не только современными геополитическими изменениями, стремительным расширением территорий Российской империи на юге и юго-востоке, влиянием стран Западной Европы на её приграничные территории и т. д. Хронологические рамки «окраинного вопроса», с точки зрения писателя, выходят за пределы не только середины XIX в., но и начала XVIII в.: история вопроса уходит корнями в многовековую путь развития страны. В частности, писатель неоднократно отмечал, что присоединение и укрепление окраин было одним из важнейших общегосударственных дел России ещё в допетровскую эпоху.

В статье «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» «Дневника писателя» за апрель 1876 г. Достоевский размышляет об особенностях развития Европы по сравнению с Россией и говорит о том, что

<...> на протяжении тысячелетия <...> русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои окраины, да так укрепляли, как теперь мы, культурные люди, и не укрепим, а, напротив, пожалуй, еще их расшатываем. К концу концов, после тысячи лет – у нас явилось царство и политическое единство беспримерное еще в мире [4. Т. 22. С. 111].

Эту мысль Достоевский развивает и в июньском номере журнала за этот же год в главе «Утопическое понимание истории»:

Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие [Там же. Т. 23. С. 46].

В освоении «дальнейших краев родины» и их укреплении Достоевский видит одно из основных направлений внутренней и внешней политики страны на протяжении всей её истории. Любопытно при этом, что для автора единство государства стоит выше, чем его достижения в сфере науки и культуры. Он счел необходимым оговорить: отечественная наука отстает в развитии по сравнению с западной, однако дело не в «пассивности» русских, а в особых приоритетах. По Достоевскому, в то время как Европа «изобретала науку»,

Русские <...> проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и сознательно создали его единство [Там же. Т. 22. С. 111].

Именно в указанном контексте создания «царства» и его «единства» понятие «окраин» у Достоевского может уточняться как «колонии»: «...на протяжении тысячелетия <...> русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины». Глагол «колонизировать» заставляет предположить, что с понятием «колоний» в сознании писателя был связан, прежде всего, сам процесс расширения государства, результатом которого и становятся его «окраины». При этом писателя волнует «печальное состояние колоний» [Там же. Т. 28₂. С. 281] России; авторы комментария в первом академическом Полном собрании сочинений поясняют, что здесь имеются в виду «отдельные области Сибири, образованное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство и недавние приобретения на Дальнем Востоке» [Там же. С. 472]. Также, как показали современные исследовате-

ли, в круге внимания Достоевского находились как колониальная проблематика других современных ему империй [23–24], так и различные национально-освободительные движения эпохи [25–27].

Национально-освободительные процессы были для Достоевского важны, в частности, потому, что, с его точки зрения, крайний вопрос в XIX в. характеризуется тенденцией, противоположной сложившейся на протяжении целого тысячелетия: она заключается в так называемом «расшатывании» окраин, в их «отчуждении». Писатель обращался к проблеме обособления окраин неоднократно в публицистике и однажды – на страницах художественного произведения, в подготовительных материалах к роману «Бесы». Заметим, что в данном случае Достоевский преимущественно говорит о западных окраинах страны. Так, в набросках к речи Шатова автор осмысляет позицию либерально настроенной общественности по поводу национальной самобытности европейских народов и русских:

Целые газеты, журналы, люди серьезные, даже иные профессора и начальники – стоят за идею раздробления России и отчуждения наших окраин! Разве это не столь же глупо! <...> Разве идея о том, что всем народам на Западе надо быть национальными и их за то уважать и за всяким с благоговением признавать всю особенность его народного развития, а русским непременно надо быть не самими собой и даже в идее не предполагать в нем особенностей – не есть глупее всего, что пишут об артелях эти мальчишки в своих прокламациях? [4. Т. 11. С. 108].

В первой части данного высказывания Достоевский определяет саму проблему: «раздробление и отчуждение» окраин. В его второй части писатель раскрывает, что именно им понимается под процессом «расшатывания»: прежде всего речь идет об усилении местного национального самосознания на западных рубежах страны и об одновременной утрате исконно русскими землями своей самобытности.

В последующих работах Достоевский раскрывает эту свою мысль в новых аспектах. Так, в записной тетради за 1875–1876 гг. он отмечает:

Но до реформы Петра окраины были крепче, колонизация сильнее [Там же. Т. 24. С. 180].

Подчеркнем, что для Достоевского при обращении к окраинному вопросу упоминание фигуры Петра I является своеобразной константой, хотя содержание её варьируется. Зачастую с эпохой царствования императора-реформатора Достоевский связывает не процесс присоединения государством новых окраинных земель, он говорит о противоположном процессе – об «ослаблении» окраин. В чем кроется причина? Ответ на этот

вопрос можно найти в рукописной редакции главы «О том, что все мы хорошие люди...», которая была опубликована в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. На полях рукописи читаем:

Русская личность, порабощенная при Петре и отданная нам теперь, – в пути, а вне, в Европе, кончилось тем, что мы всем слуги, даже окраины ослабели и расшатались [4. Т. 22. С. 185].

Продолжает развивать эту же идею Достоевский в подготовительных материалах к главе «Война», позднее опубликованной в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г.:

Россия со времени того, как вошла в состав Европы (с царствования Петра I. – М. М.), ущерб Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе, нередко в страшный ущерб самой себе <...> Много ли выиграла Россия. Даже европейские ее окраины стали не так крепки с начала нынешнего столетия, чем были они в конце прошлого [Там же. Т. 24. С. 120–121].

Получается, что «ослабевание» окраин связано с тем, что Россия начала ориентироваться не на свои собственные потребности, а поступаться ими в угоду европейским государствам, западным ценностям. При этом, по мысли Достоевского, подобные уступки вовсе не результат слабости России. Такое внутреннее «ослабление» есть следствие специфики той самой основы единства России, о которой говорилось выше, – «подлинного православия». Православное служение России Европе носит миролюбивый и подлинно христианский характер. Согласно Достоевскому это «невинное» служение, имеющее своей целью помочь европейским государствам

<...> отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации [Там же. Т. 23. С. 47].

Парадоксальным образом Достоевский, подчеркивая негативный эффект преобразований и реформ Петра I для окраин, не ставит под сомнение роль императора в самом процессе освоения западных границ. Более того, его деятельность оказывается «золотым веком» России с точки зрения завоевания территорий, которые в дальнейшем и станут окраинами. В черновом автографе главы «Мечты и грезы» для «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский задает риторические вопросы:

Можем ли мы это? Великая ли мы держава? Мы даже не можем наших окраин обрусить и тем предаем их во власть чужеземцам. Хуже, чем не можем, – не хотим, считая их недостойными серьезного внимания, и тем самым прямо признаемся и себе и миру, что недостойны наших великих за-

воеваний прежних времен, что недостойны петровских трудов в отвоевании Балтийского моря, что недостойны екатерининской границы на западе и что границы наши по Днепр и более ничего [4. Т. 21. С. 313].

Обратим внимание на то, какие именно регионы упоминает Достоевский, говоря об окраинах: «окраинами» оказываются прибалтийские земли и границы «по Днепр»; территории, присоединенные после раздела Речи Посполитой, т. е. земли Царства Польского. Напомним, что именно эти земли упоминаются в книге Ю. Ф. Самарина. Уже в 1860-х гг. публицист писал о превалировании в западных «окраинах России» местных законов над общими законами империи, об эскалации влияния европейских держав, а также об увеличении значимости иных, неправославных, конфессий. Подобная проблематика связана с окраинами и в публицистике Достоевского 1870-х гг. Западные земли Российской империи, по мысли Достоевского, наиболее подвержены «пагубному» влиянию Европы. Эти территории,

<...> заселенные инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов [Там же].

Они испытывают давление извне, главным образом со стороны католического Рима и Германии. Прогерманские настроения, возникшие после объединения немецких земель, усиливаются в остзейских провинциях, Польша подвержена влиянию «римских клерикалов». Этому давлению Ватикана на Царство Польское посвящена целая глава «Дневника писателя» за октябрь 1877 г. В ней Достоевский выражает свое возмущение по поводу высказанной в либеральной прессе мысли о якобы существующем угнетении католицизма в Польше. С точки зрения писателя, в многоконфессиональной Российской империи не только нет угнетения иноверцев, но наличествует и обратная ситуация: в исконно русских землях католический пастор может иметь более привилегированное положение, нежели православный священник.

Для Достоевского сложность окраинного вопроса заключается не только в том, что непосредственно в самих пограничных землях растут обособленческие настроения, укрепляется местное самосознание и современная Россия не может «обрушить» свои окраины. Опасение Достоевского вызывает и то, что привилегированное положение обитателей окраин с точки зрения государственного юридического права, а также особое отношение к «нашим инородцам», присутствующее в общественном созна-

нии, на бытовом уровне влечет за собой притеснение собственно русского населения на землях, где они жили столетиями. То, что, например, немецкоязычное население, отстаивающее свою самобытность в Остзейских провинциях, встречает поддержку либеральной и прозападно настроенной общественности, вовсе не означает, что такое же одобрение может вызывать национальный подъем среди русского населения. То, что возможно для национальных меньшинств, недопустимо по отношению к русским. Парадоксальным образом русские оказываются в угнетенном состоянии в своей же стране, на своих же землях.

Таким образом, к «окраинам», по Достоевскому, относятся пограничные, периферийные земли Российской империи, однако важным основанием для причисления их именно к окраинам является не только географическое положение, но и наличествующее геополитическое напряжение. Для писателя временные границы окраинного вопроса не сводятся к современности – середине и второй половине XIX в. В картине мира Достоевского история окраинного вопроса уходит вглубь отечественной истории: в эпоху Московского царства, во времена освоения Сибири. Переломный момент в истории окраинного вопроса для Достоевского – эпоха Петра I и завоевания Екатерины II. Окраины в картине мира Достоевского – это земли, где происходит столкновение западной цивилизации и православной России. В системе представлений писателя геополитическое напряжение на окраинах в первую очередь возникает на этнокультурной, социокультурной и конфессиональной почве. Отличительной чертой этого напряжения является существующее или же латентное угнетение русского населения.

Проблематика окраин Российской империи в восприятии Достоевского продолжается и развивается в следующих параграфах монографии.

4.3. Кавказ Ф. М. Достоевского

М. В. Михновец

В русистике сформировался огромный корпус исследований, которые можно объединить общей темой «Русская литература и Кавказ». Начало её научному осмыслению было положено ещё в 1940-х гг. советским литературоведом грузинского происхождения В. С. Шадури [28], и с тех пор различные аспекты художественных и публицистических произведений рус-

ских писателей изучались в свете самых разнообразных методологий [29–33]. Обусловлено такое количество работ в том числе самой спецификой отечественной литературной традиции: кавказская тема едва ли не сквозная для всей русской словесности XIX в. Для русской литературы Кавказ является не менее важным топосом, чем Петербург, Москва или Крым. Точно так же, как о петербургском или усадебном текстах русской литературы, можно говорить и о кавказском тексте русской литературы.

При этом изучению кавказской темы в творчестве Ф. М. Достоевского посвящено лишь несколько работ. Отчасти это обусловлено тем, что при всей обширности географии перемещений и путешествий Достоевский не посещал Кавказ. Также кавказский регион не становился местом действия в художественных произведениях писателя, среди многочисленных героев творчества Достоевского только Аким Акимович и Алей из «Записок из Мёртвого дома» связаны с Кавказом, и кавказский мотив выполняет здесь характеро- и сюжетообразующую функцию. Компаративистскому анализу образов этих героев посвящена работа китайского исследователя Ми Сюйян [34]. Косвенно касается кавказской темы П. В. Алексеев в статье, посвященной мусульманскому Востоку в поэтике писателя [35]. Отечественный философ и литературовед В. К. Кантор несколько раз упоминает Кавказ в рамках изучения вопроса о культурно-философском национализме и так называемом имперском кризисе «Дневника писателя» [36. С. 256–258], но в цели работы не входило развернутое обращение к кавказской теме.

Исследование представлений Достоевского о Кавказе в геополитическом аспекте в данном параграфе предпринимается впервые. Изучение того, какими характеристиками наделяется Кавказ в публицистическом, эпистолярном и художественном наследии писателя, позволяет не только заполнить «белое пятно» в картине мира Достоевского, но и внести определенные дополнения в систему существующих представлений о специфике его понимания взаимоотношений Запада и Востока, славянского и западного, православного и мусульманского миров.

Уже в 1854 г. Кавказ в восприятии Достоевского являлся частью Российской империи. В этом году в письме брату Михаилу от 30 января – 22 февраля Достоевский рассказывает о возможных местах своей ссылки после сибирской каторги, и город Семипалатинск видится им как «почти киргизская степь», и в этом качестве он противопоставляется «нашему» Кавказу, который для писателя «всё-таки Россия» [4. Т. 281. С. 172]. Подобной точки зрения придерживается Достоевский и в 1870-х гг.: в набросках к «Дневнику писателя» за 1876 г. появляется фраза:

Кавказцы – наши земли [4. Т. 23. С. 305].

При этом Кавказ для него – своеобразная отметка «края мира», пограничная линия «своего» пространства. Так, например, в «Записках из Мёртвого дома» писатель размышляет о бегунах, которые всю жизнь проводят в скитаниях:

У нас в остроге мне указывали на одного из таких бегунов <...> Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал [Там же. Т. 4. С. 174].

Все перечисленные здесь регионы на момент написания книги относительно недавно вошли в состав Российской империи, были фронтами государства, и поэтому появление в размышлениях пишущего такого ряда топонимов неслучайно. В рамках этой же логики возникает ряд топонимов в «Дневнике писателя» за 1873 г. в главе «Влас». Достоевский, размышляя о феномене старчества предполагает, откуда могут прийти за советом:

Живет этот старец, положим, в Херсонской губернии, а к нему едут или даже идут пешком из Петербурга, из Архангельска, с Кавказа и из Сибири [Там же. Т. 21. С. 33].

Достоевский выстраивает ряд «Петербург – Архангельск – Кавказ – Сибирь», всё дальше перемещаясь от административного центра к периферии. Заметим, что подобное сближение Кавказа и Сибири впервые появляется ещё в рецензии «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года». Материал был опубликован в февральском номере журнала «Время» за 1861 г. и традиционно приписывается Достоевскому. Автор привлекает внимание к феномену читательской реакции на выход в свет любого нового произведения:

<...> и до того взмывают и до того муссируют, что это взмывание отзывается наконец и в Сибири, и на Кавказе, и даже в Остзейских провинциях, где, как известно, живут немцы, печатающие по-русски [Там же. Т. 27. С. 147].

Перечисляя в одном ряду Кавказ, Сибирь и Прибалтику, Достоевский подчеркивает особый статус этих земель, акцентирует их «инаковость». Подобная мысль повторяется и в «Дневнике писателя» за май 1876 г. В статье «Областное новое слово» Кавказ понимается как окраинный источник притока «новых сил», но представлен таким же «чужим», как и Рига:

И не вся ли Россия, напротив, притекала и толпилась в Петербурге и Москве, во все полтора лет сряду, и, в сущности, сама себя и вела, беспрерывно обновляясь свежим притоком новых сил из областей своих и

окраин, в которых, мимоходом говоря, задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было [4. Т. 23. С. 6].

Эти регионы оказываются в роли своеобразного «своего иного» [37. С. 14]: они, с одной стороны, включены в состав Российской империи, с другой стороны, осознаются русским писателем как инородные, «иные».

Подобное понимание места Кавказа в составе Российской империи прослеживается и в статье «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г., где Достоевский рассуждает о современной ему пейзажной живописи и её национальной специфике:

Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный, пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта [4. Т. 21. С. 70].

Для Достоевского Крым, Кавказ, степи – безусловно «наши», т. е. административно закреплены за территориями Российского государства. Но, исходя из контекста всего высказывания, видно, что в картине мира писателя эти регионы не являются русскими, «нашими».

Такое понимание сопровождается у Достоевского рядом особенностей. Писатель не проблематизирует вопрос о коренном населении Кавказа, для него самобытного населения Кавказа как будто бы и нет. Достоевский не задается вопросом о специфике его инаковости. В то же время в российском обществе проявлялась совершенно противоположная тенденция: стремление выявить особенности определенного края. Так, в середине XIX в. Русское географическое общество было озабочено вопросом о необходимости исследования Кавказа. В 1860 г. вышел большой труд Д. И. Романовского «Кавказ и кавказская война» [38]. Знаменательно, что в журнале «Заря» в 1870 г. печатались рассказ «Вечный муж» Достоевского и статья «Русские люди на Кавказе» А. И. Руновского – военного пристава при плененном Шамиле, опубликовавшего ранее записки о ходе Кавказской войны, о мюридизме, о самом имаме. И упомянутые здесь, и другие работы описывали этнографические и конфессиональные особенности Кавказа, в них обращалось внимание на различие в ментальности кавказских народов. Достоевский же не проявлял интереса к природе кавказского края, не задавался вопросами о различиях между многочисленными кавказскими этносами.

При этом в публицистике у Достоевского последовательно проводится колониально-империалистический взгляд на Кавказ. Для него Кавказ – «младший брат» великоруса:

Вы тревожитесь, чтобы «старший брат в семье» (великорус) не оскорбил как-нибудь сердца младшего брата (татарина или кавказца) <...> Позвольте, что ж это такое? Русская земля принадлежит русским, одним русским, и есть земля русская, и ни клочка в ней нет татарской земли. Татары, бывшие мучители земли русской, на этой земле пришлецы [4. Т. 23. С. 127].

В этой логике получается, что великорус волен поступать с коренным населением Кавказа так, как ему угодно. Достоевский в «Дневнике писателя» за июль – август 1876 г. в статье «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» с сочувствием воспроизводит мнение корреспондента «Московских ведомостей» об уместности переселения татар из Крыма и подчеркивает опыт положительного влияния прихода русских на Кавказ:

«Московские ведомости» выражают желание «не жалеть о татарах» и т. д. не для одной лишь политической стороны дела, не для одного лишь закрепления окраин, а выставляют и прямо экономическую потребность края. Они выставляют, как факт, что крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву Крыма и что русские, и именно южнорусы – на это гораздо будут способнее, и в доказательство указывают на Кавказ [Там же. С. 54–55].

Достоевский при этом не уточняет, имеет ли он в виду приезд русских квалифицированных специалистов на Кавказ или же появление там русского населения. В любом случае писатель транслирует колониальную установку: коренные народы находятся на более низком уровне развития цивилизации по сравнению с метрополией, и задача метрополии – «помочь» этим народам, вне зависимости от их собственного желания или согласия. Стоит тем не менее заметить, что речь идет о дальнейшем развитии края с учетом его природных особенностей. Не предполагается экспансия, ведущая к вывозу ресурсов и др.

Важным материалом для понимания места Кавказа в системе геополитических представлений Достоевского являются статьи, опубликованные им в «Дневнике писателя» в 1876–1878 гг. в период Балканской войны, во время которой христианские славянские народы Балкан сражались с мусульманской Османской империей за независимость. Россия оказывала поддержку братьям-славянам, в русском обществе был большой патриотический подъем, и за этими военными действиями внимательно следил Достоевский.

При этом один из фронтов войны пролегал на Кавказе, более того, современная официальная отечественная историография определяет в качестве одной из дат завершения кавказской войны, в общей сложности длившейся едва ли не целый век, именно 1878 г., апеллируя к тому, что в этом году в последний раз на Кавказе применялась артиллерия. Поэтому активный интерес Достоевского к событиям и проблематике Балканской войны, обусловленной, главным образом, столкновением двух конфессий, мог быть распространен и на кавказский фронт. Но пристальное внимание Достоевского не было обращено на Кавказ, и парадоксальным образом причина этого заключается в том, что в картине мира Достоевского Кавказ не был христианским регионом.

Об этом свидетельствует, например, статья «Лакейство или деликатность?», опубликованная в «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г. Предпосылкой для ее написания стал «Путевой дневник» князя В. П. Мещерского, который отправился в Турцию через Кавказ и остановившись в Тифлисе. Заметка В. П. Мещерского «Понедельник, 17 октября, в Тифлисе» была опубликована 4 ноября в газете «Московские ведомости». В ней автор описывает пленных турок и рассуждает о российской «слабости»: Россия желает «рисоваться перед Европой». Этот сюжет обратил на себя внимание Достоевского, и он приводит в «Дневнике писателя» целый фрагмент заметки В. П. Мещерского:

Пленные паши выехали из Тифлиса. Их хотели везти на перекладных, но они взбунтовались и изволили объявить, что не поедут, ибо не привыкли к русским телегам. Вследствие этого им поданы были почтовые кареты и рессорные экипажи, с шестернями лошадей к каждому экипажу. На это они изволили заявить свое удовольствие, и, вследствие огромного числа забранных под них лошадей, бедные проезжающие по Военно-Грузинской дороге будут сидеть трое суток без лошадей. А офицеру русской службы, сопровождающему их, назначено 50 коп. суточных, и посадили его не в карету, а как сажают прислугу в омнибус! Всё это гуманность! («Моск<овские> ведом<омости> № 273) [4. Т. 26. С. 70].

Далее писатель рассуждает о том, что есть подлинная гуманность, а что есть «деликатность» в услугу европейского мнения, и приводит, наравне с тифлисским сюжетом, и другие примеры подобного «либерального» отношения к врагам в угоду взглядам, устремленным на Россию со стороны Европы. В своих размышлениях Достоевский не прибегает к событиям сражений на кавказском фронте, к возмущению православных тифлисцев в связи с почестями, оказанными русскими своим пленным туркам-

мусульманам. Писатель откликается только на те события, которые соответствуют занимавшей его в то время проблематике: преклонению «либералов» перед Европой и – шире – взаимоотношениям Европы и России в целом. Поглощенность Достоевского, как и русской интеллигенции в целом, проблемой взаимоотношений России и Европы привела к тому, что кавказская проблема им не улавливалась. К 1860–1870-м гг. военные, историки, путешественники уже подошли к проблеме осмысления Кавказа, но петербургская и московская интеллигенция ещё не обращала на этот регион пристального внимания, её взгляд был устремлен на Европу.

Вероятно, поэтому Достоевский полностью игнорирует важнейшую составляющую конфликта, лежащего в основе описанного В. П. Мещерским эпизода, который вытекал из геополитического положения Кавказа, из его пограничного положения между христианским и мусульманским миром. Писатель не задается вопросом о существовании христианского Кавказа, находящегося на границе с мусульманским. На карте его геополитических представлений нет ни православной Армении, ни православной Грузии, которые на протяжении веков страдали от нападений мусульманской Османской империи так же, как и балканские народы.

Достоевский, по сути, исключает Кавказ из ореола распространения православных народов. Так, например, в записных подготовительных тетрадях Достоевского к «Дневнику писателя» читаем:

Пишут, что мы охладели к Восточному вопросу. Это неправда: народ не охладел <...> Вот в постановке вопроса народностей и национальностей вопрос о Востоке, о восточных христианах слился в народном понятии не в одно человеколюбие и не в одну политическую задачу <...> Восточный вопрос – русский по преимуществу, национальный, народный и всегда популярный [4. Т. 24. С. 307].

При всей важности для Достоевского вопроса о восточных христианах таковыми для писателя являются только славянские народы, в то время как положение южных христиан – кавказских народов – не проблематизируется. Кавказ в сознании Достоевского оказывается гомогенным в своей символической причастности к мусульманскому миру.

В «Дневнике писателя» за 1876 г. в главе «Кифомокиевщина» Достоевский пишет о России как христианской стране и размышляет о роли мусульманских народов (крымских, казанских татар, сторонниках шариата на Кавказе) в её составе, но опять-таки христианские народы Кавказа не упоминаются [Там же. Т. 23. С. 124–126]. Более того, в главе «В продолжение предыдущего» Достоевский предполагает возникновение ситуации,

при которой кавказские мусульманские народы могли бы взволноваться и пойти против христианской России, поддержав мусульманскую Турцию. Однако факт существования христианских кавказских народов, которые могли пострадать в таком случае от мусульман, он снова опускает:

Беспокойство, обнаружившееся в некоторых местностях Кавказа <...> должно напомнить нам, что православный великорус живет в семье, что он не единственный, хотя и старший сын России <...> Чем виноват этот старший сын в семье, что мусульманин-кавказец, этот младший сын в семье, так восприимчив насчет своей веры и с такими понятиями, что, идя против турок, старший сын идет уже и против него и всего мусульманства?.. Вы тревожитесь, чтобы «старший брат в семье» (великорус) не оскорбил как-нибудь сердца младшего брата (татарина или кавказца) [4. Т. 23. С. 127].

Из этого фрагмента и из приведенных выше текстов видно, что Достоевский понимает территорию Кавказа и населяющие её народы как неотъемлемые составляющие единой Российской империи, подчеркивает их связь. И такая «братская» связь, в системе современных представлений, подразумевает равные права всех народов и конфессий. Но для Достоевского народы Кавказа – «младшие братья» великорусов, это национальные и религиозные меньшинства. Кроме того, из проблематики снова выпадают православные народы Кавказа, они не упоминаются ни как братья по вере, ни даже как «младшие братья», их не существует на геополитической карте Достоевского.

Встает вопрос о том, почему христианские народы Кавказа остаются вне поля внимания Достоевского. С одной стороны, можно предположить, что для писателя вопрос национальности едва ли не важнее вопроса вероисповедания. С другой стороны, можно также предположить, что в представлении Достоевского периферия империи имела гомогенный характер и у отдельно взятого региона, который не был включен в какую-то другую проблематику, беспокоившую писателя, выделялась только ведущая характеристика. Для писателя не был характерен интерес к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала. Этнографический и антропологический интерес не был свойствен сознанию писателя, и его видение Кавказа является тому подтверждением.

Третье объяснение может быть дано при обращении к особенностям историософских воззрений Достоевского, а также к специфике источников его знания о текущих событиях. Творческое сознание Достоевского чутко реагировало на опубликованную в газетах и журналах информацию, эти

статьи органично входили как в художественные, так и в публицистические произведения писателя. При этом значима была ведущая проблема, которая больше всего занимала его в тот или иной период, в ее исследование он углублялся, и её утверждение и обоснование было важнее, нежели всестороннее изучение её противоречий и органичной сложности. Она служила своеобразным фильтром в отборе материала, на который реагировал писатель.

Кавказская тема присутствовала на страницах российской печати конца 1870-х гг., тем не менее гораздо большее внимание уделялось балканским событиям, именно на них был сосредоточен общественный интерес. Для сознания Достоевского, поглощенного в то время славянским вопросом и взаимоотношениями мусульманского и христианского мира, было достаточно фактического знания об одном регионе. Для утверждения своей позиции по славянскому и христианскому вопросу писатель выбирал те сведения, которые лежали на поверхности. Внутренней же потребности в поиске дополнительных примеров и аргументов, этнокультурных и геополитических параллелей, которые бы привели к появлению специального, углубленного интереса к Кавказу и его геополитическому положению, у Достоевского, поглощенного «русской идеей», не было.

4.4. Идеиные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире

М. В. Подрезов

Внешняя политика трех европейских держав – России, Пруссии и Австрии – в последней трети XVIII в. и на многие десятилетия вперед породила так называемый «польский вопрос», последствия которого до настоящего времени находят отклик в дискурсе ученых, политиков, журналистов и т. д. Расцвет внимания к данной проблеме, безусловно, пришелся на XIX в., что объясняется в первую очередь включением территорий Речи Посполитой в состав Российской империи, ролью поляков в наполеоновских войнах, кровавыми восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг., а также общим напряженным фоном во взаимоотношениях народов, отголоски которого отравляют диалог между странами и по сей день.

С разных сторон и позиций к «польскому вопросу» так или иначе обращалась значительная часть интеллигенции XIX в.: от видного русского и польского политического деятеля А. А. Чарторыйского до выдающегося отечественного писателя Л. Н. Толстого, от западника А. И. Герцена до славянофилов А. А. Киреева и Ю. Ф. Самарина, от М. А. Бакунина до И. С. Аксакова и т. д. Не остался в стороне даже А. С. Пушкин, перу которого принадлежит блестящее произведение «Клеветникам России», призывающее оставить вечный спор славян между собой.

Предметом данного параграфа является позиционирование Польши на геополитической карте мира Ф. М. Достоевского, интерпретация воззрений которого основывается на представлениях о картировании славянского мира, изложенных А. И. и Н. Г. Щербиниными: «<...> это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира» [39. С. 60].

Отметим, что тема поляков и Польши проходит сквозной линией через все творчество Достоевского, что, разумеется, нашло отражение в историографии вопроса. Однако основное внимание исследователей направлено главным образом на отношение Достоевского к полякам как к нации. Среди наиболее существенных работ последних лет выделяются труды М. Швидерски [40], М. Ведемана [41], Я. Углика [42], А. де Лазари [43], Е. Г. Новиковой [44], М. В. Михновец [45–46] и др.

Впервые польская тема появляется в «Записках из Мертвого дома», где Достоевским показательно отмечается обособленность поляков даже в условиях каторги:

<...> в казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не сообщавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы. Но поляки составляли особую цельную кучку. Их было шестеро, и они были вместе. Из всех каторжных нашей казармы они любили только одного жида, и может быть единственно потому, что он их забавлял [4. Т. 4. С. 54–55].

На наш взгляд, это очень наглядный пример, который можно ретранслировать и на общую ситуацию в Российской империи, в рамках которой Польша была принуждена к «сожительству» с Россией, но в то же время не признавала себя ее частью. Показательными здесь являются и отноше-

ния поляков и евреев, учитывая этнический состав входившей в состав Российской империи Польши.

Риторика Достоевского становится еще более негативной после событий 1863–1864 гг., что проявляется и в художественных произведениях. Так, в романе «Игрок» (1866) Достоевский констатирует европейское отношение к русским, сложившееся после Польского восстания:

В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии так много полячишек и им сочувствующих французигов, что нет возможности вымолвить слова, если вы только русский [4. Т. 5. С. 210].

К более глубоким рассуждениям, относящимся в том числе и к «польскому вопросу», писатель обращается в романе «Бесы», опубликованном в 1871–1872 гг., выразив всю суть собственных представлений о национальной идентичности:

Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиною, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ [Там же. Т. 10. С. 199–200].

Переходя к позиционированию Польши на карте мира Достоевского, первое, на чем хотелось бы акцентировать внимание, – это территориальные рамки, в которые заключена Польша в представлении писателя. Достоевский сосредоточивается исключительно на тех польских землях, которые вошли в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, т. е. на так называемой «Русской Польше». Одним из немногих исключений является отсылка к обострению «польского вопроса» на территории Австро-Венгрии:

<...> в Австрии волнения, половина Австрии не хочет того, чего хочет ее правительство. В Венгрии манифестации. Венгрия так и рвется против русских за турок. Открыт какой-то даже заговор, англо-мадяро-польский [Там же. Т. 26. С. 17].

Ни о каких прежних границах «<...> в пределах до семьсот семьдесят второго года!» [Там же. Т. 14. С. 382–383], – о которых мечтал герой романа «Братья Карамазовы» пан Врубелевский, Достоевский речи не вел. Первой «программной» работой, раскрывающей видение Достоевским места Польши на карте мира, является «Ответ редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“», вышедший в разгар Польского восстания 1863 г. Помимо отсылок к истории взаимоотношений двух стран, ав-

тор затрагивает в данной работе весьма концептуальные стороны вопроса, в частности выделяет в польском обществе два уровня: шляхта и ксендзы, с одной стороны, масса народа – с другой, сосредоточивая внимание именно на первых, олицетворяющих Старую Польшу и противостоящих России. Достоевский дополняет:

Никогда Польша вся не восставала; восставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, то есть крестьяне, никогда не сочувствовали панам, потому что раб своему угнетателю сочувствовать не может [4. Т. 20. С. 97–98].

В то же время писатель обособляет данную территорию от остальной империи:

Теперь бунтует только частица Польши, и вся Россия единодушно дает ей отпор [Там же. С. 98].

Это объясняется видением автора цивилизационного разлома: с одной стороны, славянская (русская), с другой – европейская (польская) цивилизация:

<...> поляки со всей своей (бесспорно) европейской цивилизацией «носили смерть в самом своем корне» [Там же];

<...> эта цивилизация была не народной, не славянской, что в ней не было никакой самобытности, и потому она не могла слиться в крепкое целое с народным духом [Там же].

Таким образом, геополитический крах Речи Посполитой в конце XVIII в. объяснялся Достоевским с позиции «неполноценности» европейской цивилизации, которая изначально являлась аристократической:

Несмотря на всю их гордость этой цивилизацией, до того сгубила, что им теперь уже нет воскресения, хотя бы они и сделались политически независимыми. Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своем месте в Европе, – в Польше (может быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получал такой степени прозелитизма, как в Польше [Там же. С. 99].

Более того, цивилизационный разлом, проходящий между «славянским гением» и «европейской цивилизацией», является неизбежной причиной будущей войны православия и католичества, предпосылки которой видны в Польском восстании 1863–1864 гг., считал Достоевский:

Польская война есть война двух христианств – это *начало* будущей войны православия с католичеством, другими словами – славянского гения с европейской цивилизацией [Там же. С. 170].

Несмотря на глубокие цивилизационные противоречия, Достоевский полагает, что сосуществование России и Польши в рамках одного государства возможно. Во-первых, Россия уже включила в свою «цивилизацию» польские народные массы:

Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю, Россия уж уделила Польше свою мысль, привила ей свой характер, и эта мысль – *цель*, с которою теперь Польша с Россиею Польша связана нераздельно [4. Т. 20. С. 176].

Во-вторых, по мнению Достоевского, даже более культурно чуждые Финляндия и Турция являются естественными границами России, в рамках которых она берет на себя обязанность ассимиляции «развитием русского духа (почвенные идеи)» [Там же. С. 203]. Ассимиляция, согласно его воззрениям, является неизбежной, так как сосуществование Польши и России в прежнем виде просто невозможно. Достоевский неоднократно в своем творчестве поднимает панславянские идеи. Так, в статье «Утопическое понимание истории» он рассуждает о возможности существования единого славянского государства, способного собрать в себе все православные народы. По мнению автора, реальным центром такой Православной империи может стать лишь Россия (естественным соперником в данном случае выступают лишь греки) и только на условии добровольного определения самими народами своего собственного места в рамках потенциального проекта. Подобные меры, по мнению Достоевского, позволили бы в перспективе развиться Православной во Всеславянскую империю:

Так что к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне, ибо увидали бы сами, что всеединение под покровительством России есть только упрочение каждому его независимой личности, тогда как, без этой огромной единящей силы, они, может быть, опять истожились бы в взаимных раздорах и несогласиях, даже если бы и стали когда-нибудь политически независимыми от мусульман и европейцев, которым теперь принадлежат они [Там же. Т. 23. С. 49–50].

Идеальное место Польши, в представлении Достоевского, находится в единой Всеславянской империи. Одной из наиболее любопытных работ Достоевского, посвященной месту Польши на его геополитической карте мира, является полемическая статья «Римские клерикалы у нас в России», в которой автор исследует возможность претворения в жизнь инсайдерского вброса от британской газеты «Morning Post» о якобы уже начавшихся переговорах между Россией и Германией по поводу уступки Привислинского края по Вислу (Русской Польши) Германии взамен на помощь от Берлина в русских приобретениях на Балканах [Там же. Т. 26. С. 55–57].

Наибольшего внимания, безусловно, заслуживает тот факт, что Достоевский не упустил возможности подискутировать по данному вопросу, поскольку он имел непосредственное отношение к воззрениям самого писателя о вопросах устройства единого православного государства. В частности, данный вброс соответствовал его приоритетам в вопросах устройства славянского государства (в первую очередь – православные народы, во вторую – католические западнославянские). Достоевский активно использует противопоставление Старой (независимой) и Новой («освобожденной царем») Польши. Воплощением глубинных противоречий между Россией и Старой Польшей является согласие Достоевского с мнением видного отечественного историка Н. И. Костомарова о том, что

<...> есть прекрасные поляки, которые могут жить даже в дружбе с иными русскими, спасти его в беде, одолжить его. Это, конечно, правда, но чуть только этот русский, хотя бы даже после двадцати лет дружбы, вдруг бы выразил этому прекрасному поляку свои политические убеждения насчет Польши в русском духе, то этот поляк тотчас же, тут же, стал бы явным или тайным врагом своего русского друга [4. Т. 26. С. 58].

Достоевский полагал, что невозможно разрушить традиционную связь между Старой Польшей и Ватиканом:

Ведь Ватикан не изменял Старой Польше никогда, а, напротив, поддерживал из всех сил все ее фантазии, когда другие-то государства их уже и слушать не хотели! [Там же].

Иными словами, подчеркивалась невозможность мирного сосуществования Польши и России, пока первая не откажется от прежних связей, от «европейской цивилизации» в пользу «славянского гения». Только «Новая Польша», «освобожденная царем» [Там же], может иметь будущее, по мнению писателя. А «Старая Польша» изжила себя, для нее нет места на карте мира Достоевского:

<...> ужиться с Россией она не может. Ее идеал – стать на месте России в славянском мире [Там же. С. 58–59].

К важным заключениям Достоевский приходит в <Записках литературно-критического и публицистического характера за 1880–1881 гг.> Приведем ряд ключевых тезисов:

Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида – корпорация, и себе помогают [Там же. Т. 27. С. 49–50];

Примирение поляков и русских на этнографической Польше (Варшава). Да поймите же вы, что тут идея, идея латинства и западной цивилизации,

идея – которую не отдадут вам поляки за этнографическую Польшу [4. Т. 26. С. 65–66];

<...> поляки теперь слабы политически. Они идеей сильны, а вы идеей слабы, г-н Коялович, ибо для их же идеи, для владычества над славянами (всеми) во имя латинства и западной цивилизации – во имя этой идеи вы сами, своими руками, принесли первый камень на фундамент этой польской идеи [Там же].

Так Достоевский уже на закате жизни еще раз подчеркнул свои основные идеи. Идея о противостоянии трех цивилизаций – католической (латинской), протестантской и славянской (православной) – проходит сквозной линией через все творчество писателя; при этом он неоднократно акцентирует внимание на закате первой:

<...> князь Бисмарк, вероятнее всего, уже предрешил судьбу Франции. Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет – или не будет и Германии [Там же. Т. 26. С. 89].

Параллель между Польшей и Францией очевидна – их закостенелые католические общества должны быть покорены более «прогрессивными» в идейном плане братьями-соседями (Россией и Германией соответственно), поскольку идеалы этих «заклятых» друзей здесь сходятся: Россия и Польша борются за главенство в славянском мире, Франция и Германия – в европейском.

Итак, каково, по Достоевскому, соотношение Польши и России? Прежде всего следует исходить из той позиции, что польские земли, о которых вел речь писатель, в значительной степени входили в состав Российской империи.

Отношения двух стран Достоевский связывал с развитием России. В настоящем историческом моменте Россия виделась Достоевскому как государство первого уровня – это ее исходные позиции. В ближайшей перспективе она должна достичь второго уровня, на котором Российская империя становилась бы синонимом Православной империи, включающей в свой состав балканских славян, а также отнятый у Турции Константинополь как символ православного мира. Апогей развития, по мнению Достоевского, проявился бы в государстве третьего уровня – Всеславянской империи, дополнившей свой состав западными славянами.

Поэтому в данной модели писатель не видел возможности для быстрой инклюзии поляков в состав Российской империи. Прежде всего это объясняется цивилизационным разломом, который проходит, по Достоевскому, между русским и польскими народами: русская, славянская, православная

цивилизация против польской, европейской и католической. Вместе с тем Достоевский считает Польшу (как и Финляндию) российской территорией, несмотря на «искусственный» характер границ. Преодоление цивилизационного разлома возможно путем превращения «Старой Польши» в «Новую», что, в свою очередь, означает «ликвидацию» символов и сущности Старой Польши, а именно аристократии с ее европейской (латинской) культурой и тесными связями с Ватиканом. Новая же Польша – это Русская Польша, выраженная в принятии и распространении крестьянами Привислинского края идей единства государства.

4.5. Остзейские провинции в творчестве Ф. М. Достоевского

М. В. Михновец

В художественном и публицистическом наследии Ф. М. Достоевского есть несколько показательных эпизодов, связанных с вопросами положения Остзейских провинций в составе Российской империи и особенностями их внутренней социально-политической ситуации. Обращение писателя к данной проблеме закономерно: творчество Достоевского 1860–1970-х гг. характеризуется пристальным вниманием к национальным и конфессиональным вопросам, особым интересом к зонам политического и геополитического напряжения.

В середине XIX в. одной из таких зон была Прибалтика, в российском обществе, наравне с польским, еврейским, остро стоял и остзейский вопрос. Многие публицисты круга Достоевского видели его решение как одну из первоочередных задач внутренней и внешней политики России. В современной науке существует ряд развернутых исследований, посвященных позиции публицистов М. Н. Каткова [47], И. С. Аксакова [48], Ю. Ф. Самарина [49], однако работ, в которых была бы освещена точка зрения Достоевского на остзейский вопрос, пока нет; также отсутствуют труды, где рассматривались бы образы героев-остзейцев в художественных произведениях писателя. Данный параграф призван заполнить указанную лакуну в изучении наследия Достоевского.

Обратимся к историческим основаниям вопроса. Остзейские, или Прибалтийские, провинции вошли в состав Российского государства в 1713 г. в ходе Северной войны. Окончательно их статус был закреплён Ништадтским миром и в результате Третьего раздела Речи Посполитой. К Остзей-

ским провинциям относились четыре губернии: Рижская, Ревельская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская, – и эти земли обладали особым статусом в составе Российской империи. В учебнике географии Т. А. Каменецкого «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению», по которому учился в юности Достоевский, об Остзейских провинциях читаем: это «особые земли», которые входят в состав государства «на особых правах, коими они пользовались до присоединения своего к России» [50. С. 92]. Дело в том, что Остзейские земли были «изъяты от действия общих законов империи» [51] и оставались почти не интегрированными в состав России. Вся власть в крае, политическая, экономическая, культурная и даже духовная, – находилась в руках местного немецкого дворянства и бюргерства. Подчеркнем: именно немецкого. Население Остзейских провинций было разделено на привилегированное дворянское сословие, состоявшее из этнических немцев, и коренных жителей-крестьян, латышей и эстов, находившихся в крепостной зависимости от немцев. В начале XIX в. произошли определенные перемены. Как пишет А. Д. Градовский, правовед и публицист XIX в., «при Александре I последовала эманципация крестьян в Остзейском крае (1819 г.). Но освобождение здесь состоялось без земли, что и привело местных крестьян в неудовлетворительное положение» [Там же].

В 1860-е гг. вопрос об Остзейских провинциях встал особенно остро. По наблюдению Т. Ф. Пирожковой, в русской прессе только за 1864 г. вышло 96 материалов, «касающихся различных недостатков в Остзейском крае» [49. С. 133]. Подобному росту общественного напряжения послужили несколько причин. Главной из них были реформы Александра II, в первую очередь по унификации законов на территории всей Российской империи, по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В результате отмены крепостного права положение крестьян в Остзейском крае парадоксальным образом не только не улучшилось, но оказалось хуже, чем в основной части страны.

На обострение остзейского вопроса в 1860-е гг. также повлиял процесс объединения земель Германии, который способствовал усилению «политико-культурных противоречий романо-германского и славянского миров» и обозначил «противостояние немецких (скорее, прусских) и русских политических интересов» [48]. На этой почве в Остзейских провинциях стали расти прогерманские настроения, а в российском обществе встал вопрос о государственной целостности России и национальных провинций. Складывалась противоречивая ситуация: в составе Российского госу-

дарства были земли, над которыми не действовали общие законы империи, и местные власти могли накладывать право вето на общегосударственные постановления. Остро встал и языковой вопрос: формально делопроизводство в Остзейском крае должно было дублироваться на русском языке, однако на практике это происходило далеко не всегда, что приводило к дискриминации русскоговорящего населения, состоявшего на государственной службе. На это однажды реагирует и Достоевский в приписываемой ему статье «Гаваньские чиновники в домашнем быту» (1861), говоря об Остзейских провинциях, «где, как известно, живут немцы, печатающие по-русски» [4. Т. 27. С. 147]. Писатель особо выделяет немцев, владеющих русским языком, тем самым косвенно свидетельствуя о том, что это не было чем-то само собой разумеющимся для социокультурной ситуации того времени.

Кроме того, напомним, что именно на начало 1860-х гг. приходится событие освободительного восстания в Царстве Польском и что в основе польского конфликта лежали проблемы, во многом сходные с остзейскими. Таким образом, в России 1860-х гг. сложился своеобразный польско-балтийский узел напряжения. Обратимся к описанию и анализу того, как писатель видел и оценивал ситуацию в Остзейских провинциях.

Начиная с первого романа «Бедные люди» в творчестве Достоевского присутствует повторяющийся сюжет, в основе которого лежат взаимоотношения героев двух типов. Состоятельный мужчина средних лет намеревается сделать предложение или же является женихом юной бедной девушки, которая находится в затруднительном, а зачастую и вовсе безвыходном материальном положении. При этом движим герой отнюдь не благими побуждениями. Он понимает зависимое положение своей потенциальной невесты и планирует использовать его в свою пользу: подчинить ее своей воле, самоутвердиться за ее счет, проверить на практике свои теоретические умозаключения и т. д. В романе «Бедные люди» этот сюжет реализован в истории Вареньки и Быкова, в дальнейшем он будет присутствовать и в «Записках из подполья» (история Лизы), «Преступлении и наказании» (Дуня и Лужин), «Кроткой» (Закладчик и Кроткая) и др.

Этот сюжет также присутствует в «Записках из Мертвого дома», причем впервые в творчестве писателя он обретает геополитическую окраску. Один из каторжан, Баклушин, служил солдатом в городе Р. – Риге. Герой описывает крупнейший город Прибалтики как «хороший, большой, только немцев много» [Там же. Т. 4. С. 100].

У героя «Записок...» был реальный прототип – арестант Омского острога Степан Арефьев, с которым был знаком ссыльный Достоевский. Арефьев действительно служил в Рижском внутреннем гарнизонном батальоне и был осужден за дезертирство, грабеж и убийство.

Баклушин был влюблен в «немочку-прачку» Луизу, но, несмотря на взаимное чувство молодых людей, тетка хотела выдать девушку замуж за «богатого и уж пожилого» немца Шульца – это первый образ остзейского немца в творчестве Достоевского. Сначала Баклушин решил, что не вправе «счастья лишать» свою возлюбленную, но как только он узнал, что немец «и тетку, и Луизу, покуда еще в черном теле держит» [4. Т. 4. С. 101], отправляется защитить их. В рижском топосе константный для творчества Достоевского сюжет разворачивается но-новому. Бахрушин, направляя пистолет на остзейского немца, говорит:

– Да ты что ж так грубить начал, немец? Ты со мною подружись. Я по дружбе к тебе пришел.

– Я не могу быть ваш друг, говорит: ви простой солдат [Там же. С. 102].

Обратим внимание: русский предлагает общаться на общечеловеческих основаниях, а герой-немец переводит ситуацию в социальную плоскость, подчеркивая при этом свое превосходство над солдатом. Бахрушин так описал свое состояние:

Ну, тут я и взбесился.

– Ах ты чучела, говорю, колбасник! Да знаешь ли ты, что от сей минуты я все, что хочу, с тобой могу сделать? Вот хочешь, из пистолета тебя застрелю?

– Я вас не боюсь, говорит, и прошу вас, как благородный человек, вашу шутку сейчас оставить, а я вас совсем не боюсь <...> вам строго запрещено и вас строго наказать за это будут [Там же. С. 102–103].

После этого Баклушин убил немца и за это попал на каторгу. Подчеркнем особо, что в процитированном эпизоде герой-остзеец, осознавая себя «благородным человеком», апеллирует к официальной правовой системе, к своему особому положению в социуме по отношению в том числе и к русскому герою. В высказывании немца ключевым является представление о собственном благородстве. Важно, что остзеец имеет в виду не только свое социальное положение, но и гражданское: в отличие от русского солдата, ему не грозят строгие запреты и суровые наказания. Понять объем понятия «благородства» применительно к остзейским немцам помогает ещё одно произведение, созданное вскоре после «Записок из Мертвого дома», – «Униженные и оскорбленные». Эпизодический герой романа –

рижский немец, причем с такой же фамилией, как и в «Записках», – Адам Иванович Шульц. Автор его характеризует следующим образом: «Адам Иваныч был человек очень обидчивый и щекотливый, как и вообще все “благородные” немцы» [4. Т. 3. С. 173]. Герой-немец посчитал, что старик Смит, сидевший неподалеку со своей собакой Азоркой в кондитерской Миллера, не должным образом на него «взирайт», и «почел своею обязанностию защитить свое благородство и не уронить перед благородной публикой прекрасный город Ригу» [Там же]. Далее и сам Шульц, и Миллер несколько раз апеллируют к тому, что он «известен ко двору» [Там же. С. 174], т. е. опять-таки подчеркивают его особое положение, его едва ли не прямую связь с императором. «Благородный» немец отличается и уровнем своих претензий, и такими качествами, как повышенная щепетильность и обидчивость. В контексте реальной правовой ситуации с существованием особого законодательства для Остзейских провинций этот эпизод приобретает остросоциальное звучание.

Укажем и на занятную деталь: когда посетителям кондитерской становится понятно, что собака Смита умерла, немцы настойчиво предлагают сделать из неё чучело, Шульц же и вовсе настаивает на том, чтобы «<...> я вам заплатит за то, что ви сделает шушель!» [Там же. С. 175]. Вспомним, как в «Записках из Мертвого дома» чучело упоминал и Баклушин, пусть и в качестве ругательства. Представляется, что это не случайное совпадение, а связанный мотив, но определить его семантическую нагрузку пока не удалось.

Итак, в рассмотренном выше эпизоде из «Записок из Мертвого дома» можно увидеть не просто константный для творчества Достоевского сюжет о неравном браке, а проекцию реального этнического конфликта между немецким, латышским и русским населением.

Любопытно, как сюжет с «униженной и оскорбленной» девушкой из Риги преломляется в романе «Преступление и наказание», где в роли «благотельного немца» по отношению к бедной девушке неожиданным образом выступает русский. Вспомним, как Раскольников рассуждает о своей сестре Дуне и её возможном замужестве с Лужиным:

<...> но всё-таки я знаю, что сестра моя скорее в негры пойдет к плантатору или в латыши к остзейскому немцу, чем оподлит дух свой и нравственное чувство свое связью с человеком, которого не уважает и с которым ей нечего делать <...> [Там же. Т. 6. С. 37].

Дуня сравнивается с латышской девушкой, которая попадает в услужение к остзейскому немцу. Напомним, что латышки обладали ещё большим бесправием по сравнению, например, со служанками-немками, какой была

Луиза из «Записок...», и этим сравнением Достоевский еще сильнее подчеркивает зависимое положение Дуни [52. С. 100]. Параллельно в образе Лужина автор выделяет характеристики, которые в его творческой системе являются ключевыми для образа немца: от «благодетельности» героя до укладки волос, которая «придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец» [4. Т. 6. С. 114].

Поведение Лужина уподоблено типичному поведению рациональных, «благородных», «цивилизованных» и «европейских» немцев, следующих «рациональным» идеям – вспомним о семантике европейского рационализма в контексте творчества Достоевского 1860-х гг. Однако «просвещенность» героя никоим образом не мешает ему выстраивать отношения, основанные на подчинении себе более слабого человека. Так Достоевский в пределах небольшой реплики Раскольникова переводит сюжет о неравном браке в политическую и этническую плоскость, связанную с Остзейскими провинциями, и освещает новый её аспект – угнетенное положение местного населения.

Коренное население Прибалтики не обладало практически никакими гражданскими правами и свободами до того, как с 1870-х гг. Российская империя не начала проводить сознательную политику поддержки местных народов в противовес усилению ориентации местного немецкого бюргерства в сторону Пруссии и Германии. Безусловно, положение этнических русских на территории Остзейских провинций было лучшим, но посмотрим на то, как в аспекте национального вопроса преломляется история другой обиженной девушки из Риги, Лизы – героини «Записок из подполья». Обратимся к сцене её разговора с героем-парадоксалистом:

- Откуда?
- Из Риги, – проговорила она нехотя.
- Немка?
- Русская.
- <...>
- Отец и мать есть?
- Да... нет... есть.
- Где они? – Там... в Риге.
- Кто они? – Так...
- Как так? Кто, какого звания? – Мещане.
- Ты все с ними жила?
- Да.
- <...>
- Зачем же ты от них ушла?
- Так. Это так означало: отвяжись, тошно [Там же. Т. 5. С. 152].

Сходство имен «Лиза» и «Луиза» (возлюбленная Баклушина), общность рижского топоса дают основание предположить, что Достоевский в «Записках из подполья» не просто развивает одну из возможных вариаций константного сюжета, основанного на неравном социальном положении героя и героини. Автор словно бы предлагает представить, каким образом могла сложиться судьба героини «Записок из Мертвого дома», если бы она была не немкой, а русской. Череда ее невзгод могла бы закончиться переездом в Петербург и жизнью «по желтому билету», как это случилось в итоге с Лизой: в Остзейском крае заступиться за нее было бы некому.

Таким образом, в контексте творчества Достоевского можно провести своеобразную линию усиления угнетенности героинь, попавших в зависимость от богатого (или не такого уж и богатого) мужчины: немка прачка Луиза, русская проститутка Лиза и Дуня, сравниваемая с латышкой. Несмотря на то, что проблематика каждого из эпизодов сосредоточена вовсе не на геополитической рефлексии, подобная линия показывает: в системе представлений Достоевского имплицитно существовал вопрос о положении немецкого, латышского и русского населения в Остзейских провинциях, как и проблема привилегированного положения немцев в середине XIX в. и их особых юридических прав.

Впоследствии к этой проблеме Достоевский обращается в публицистике. Пик ее обсуждения в прессе пришелся на конец 1860-х гг. Как пишут современные исследователи А. А. Ширинянец и Е. Б. Фурсова, в «легальной печати обозначились три подхода в освещении прибалтийского вопроса: социологический, политико-философский и исторический, которые олицетворяли соответственно Самарин, Катков и Аксаков, Погодин» [48]. С 1867 по 1871 г. Достоевский, как известно, жил за границей, но, несмотря на это, живо интересовался сложившейся ситуацией.

В журналистской практике Достоевского присутствовали два эпизода, связанные с публикациями материалов по остзейскому вопросу. В 1862 г. цензурой была запрещена публикация статьи П. П. Сокальского в журнале «Время», посвященная положению свободных ещё со времен Александра I остзейских крестьян, быт которых тем не менее был невыносимее положения русских крепостных. Спустя 12 лет, 11 марта 1874 г., в журнале «Гражданин», редактором которого в то время был Достоевский, за подписью «Друг многих русских немцев» была напечатана статья кн. В. П. Мещерского «Два слова по поводу мнения кн. Бисмарка о русских немцах», направленная против привилегий остзейских немцев. В статье цитировалось высказывание Бисмарка об «обрусевшем немце, который

никуда не годен, лишаясь добродетелей немца и заражаясь всеми пороками русских» [53].

Публикация вызвала репрессии против «Гражданина»: одновременно затрагивались национальные интересы и русских, и немцев, и русских немцев, причем в конечном счете в невыгодном свете выставлялись все эти народы. По мнению Н. Н. Страхова, именно этот эпизод способствовал тому, что Достоевский принял окончательное решение уйти из журнала.

Вопрос о положении остзейских крестьян несколько раз привлекал внимание Достоевского. Любопытно рассуждение Шатова в черновиках к роману «Бесы». Герой, воспроизводя мнение князя-западника, говорит о реформах Петра I:

Народ избавили от немецкой реформы и махнули на него рукой. Ему даже бороду позволили тотчас опять носить. Народ не сочли тогда чем-нибудь важным и стали смотреть на него как на материал и плательщиков подушной. Народ непосредственно избавили с самого начала от реформы и предпочли смотреть на него как на материал. Опекали его сильно, это правда, но внутреннюю, собственную жизнь его ему оставили целиком, и хоть много он пострадал, но кончил тем, что страдание свое возлюбил. Но весь верхний слой России кончили тем, что переродились в немцев, и оторвавшиеся кончили любовью к немцам и презрением и ненавистью к своим» [4. Т. 11. С. 111].

Достоевский словами героя выстраивает мысль о двух уровнях культуры России, как это было и в Остзейском крае. Ситуация с крестьянами в Прибалтике, согласно Достоевскому, – это потенциальное будущее России в том случае, если она окончательно утвердится на западном пути развития и откажется от своих народных начал. Это приведет к уподоблению привилегированного дворянского сословия остзейским немцам, а народа – бесправным латышам.

В статье «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика», опубликованной в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г., Достоевский рассуждает о двух путях освобождения крестьян: европейском и русском. Европейский путь, по мысли писателя, – это освобождение «не от владетелей, не от баронов, не от помещиков, а восстанием и бунтом, огнем и мечом и реками крови» [Там же. Т. 22. С. 118]. В Европе признание «мужика» не за «собаку и каналью» произошло якобы «на культурных основаниях, то есть на пролетарских началах» [Там же]. Но Достоевский-публицист недоумевает: внешне провозглашенное уважение и признание свободы крестьян вовсе не отменяет их рабского положения:

Ступай, дескать, милый брат наш, на свободу, в чем мать родила, да еще за честь почитай;

Вот в Остзейском крае точь-в-точь ведь так освобожден был народ, а почему? А потому, что остзейцы – европейцы, а мы всего только русские [4. Т. 22. С. 118].

Согласно мысли Достоевского в этом отношении русские действительно не «культурные европейцы». В России

освободили мы народ с землей не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали в себе русских людей с царем во главе, точь-в-точь как мечтал сорок лет тому помещик Пушкин, проклявший в ту именно эпоху свое европейское воспитание и обратившийся к народным началам [Там же].

Достоевский видит в том, как был освобожден народ в России, свидетельство глубинных духовных сил русского народа, народной правды, а вовсе не следствие распространения европейских либеральных идей:

Во имя этих-то народных начал и освобожден был русский народ с землею, а не потому, что так научила Европа; напротив, именно потому, что все мы вдруг, в первый раз, решились преклониться перед народной правдой [Там же].

В статье «В продолжение предыдущего», опубликованной в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г., Достоевский обращается ещё к одному аспекту остзейского вопроса, связанного с «местно-патриотическими чувствами» и религией. Он опровергает якобы опубликованные в немецких газетах заявления о том, что в России «мы терзаем и преследуем наших остзейских немцев – за их веру и чувства!..» [Там же. Т. 23. С. 129]. В связи с вопросом свободы совести и вероисповедания Достоевский опять-таки противопоставляет Россию и Европу. Он говорит о том, что в государствах Европы, которые принято считать «просвещеннейшими», фактов преследования иноверцев гораздо больше по сравнению с Россией. Как пишет Достоевский, вопрос единоверия действительно обострился во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в связи с поддержкой Россией православных братьев-славян, однако это вовсе не означает притеснения иных конфессий.

Достоевский высказывал подобную мысль и ранее в статье «Смятенный вид» в «Дневнике писателя» от 1873 г. В ней писатель не только размышлял о свободе вероисповедания в России, но и подчеркивал особое – привилегированное – положение остзейских пасторов. Писатель осмысляет историю, произошедшую с одним из деревенских священников Орлов-

ской губернии, которому некие чиновники-посредники отказали в возможности учить прихожан грамоте. Причиной было указано следующее: «Правительство вообще не расположено к тому, чтобы народное образование было в руках духовенства», потому что «духовенство проводит суеверие» [4. Т. 21. С. 57]. Достоевский предполагает:

Ну, осмелился бы это сказать не то что какой-то посредник, а в десять раз высшее его по власти лицо какому-нибудь хоть, например, остзейскому пастору? Господи, какой бы этот пастор затеял крик и какой бы в самом деле поднялся крик! [Там же].

Получается, что условный пастор находится в более привилегированном положении и по своему внутреннему самоощущению («сам затеял крик»), и с точки зрения общества («какой бы в самом деле поднялся крик»).

Привлеченный материал позволяет сделать вывод о политических представлениях Достоевского об Остзейских землях. Проблемным для писателя оказывается вопрос об особом привилегированном положении «благородных» остзейских немцев как в самой Риге, так и за её пределами. Значимо, что Достоевский ни разу не называет остзейцев «нашими», не признает их в качестве «своего иного», как это происходит, например, с кавказцами, поляками, жителями киргизских степей. Для Достоевского Остзейские земли – это возможность создания своеобразной проекции того, каким могло бы быть русское общество, если бы оно пошло исключительно по пути приобщения к европейским ценностям, отказалось от народной идеи. В связи с этим Достоевский остро реагирует на положение крестьян-латышей, которое для него становится отрицательным примером того, как могут строиться отношения между просвещенной аристократией и народом.

4.6. Динамическая модель Сибири Ф. М. Достоевского

Е. М. Понкратова

Тема Сибири в творческом наследии Ф. М. Достоевского хорошо изучена. Существует большое количество исследований, в которых так или иначе осмысливается Сибирь и «сибирский период» жизни писателя. Ни одна биографическая работа не может обойтись без этой информации, также

неминуемо касаются этой темы и исследователи, работающие с произведениями «сибирского периода». Не перечисляя все известные нам труды, касающиеся данного этапа жизни и творчества писателя, отметим только те, в которых Сибирь выступает основным предметом исследования [54–60].

Однако вопрос о динамике воззрений Достоевского на Сибирь до сих пор не решен. В данном параграфе сделана попытка описать многоуровневую динамическую модель Сибири в наследии Достоевского на материале писем, записных тетрадей и «Дневника писателя» и на основании количественно-статистического подхода, также представленного в монографии в параграфе 2.2 «Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского: системное описание».

«Сибирь», «каторга» и все лексемы с этим значением входят в число самых часто употребляемых слов писателя. Геохронологический статистический анализ показал, что Сибирь располагается на шестом месте в рейтинге частотности упоминания геополитически значимых объектов. Чаще Сибири предсказуемо встречаются только Россия, Франция, Германия, Англия и Турция.

Первые высказывания о Сибири обнаруживаются в 1846 г., однако носят единичный характер (3 упоминания) и встречаются только в «Бедных людях». Примечательно, что Сибирь впервые появляется в контексте рассказа о Ермаке, покорителе и завоевателе Сибири. Далее, до 1854 г., по объективным причинам любые упоминания Сибири прекращаются. Ниже предлагается анализ эпистолярного наследия Достоевского в указанном подходе.

В 1854 г. встречаем первый рассказ писателя о своей жизни на каторге в письме к брату М. М. Достоевскому от 30 января (12 февраля) из Омска. Это письмо в значительной мере изучено многими исследователями, однако оно заслуживает специального внимания, потому что в нём явлены первые попытки геополитических интенций писателя. Нельзя не согласиться с точным замечанием П. В. Алексеева, который, анализируя указанное письмо Достоевского, предлагает выделить в нём три отчетливо просматривающихся топоса с точки зрения ориентализма писателя: «До сих пор никто из исследователей не обращал внимания на то, что это письмо содержит три пространственные манифестации: европейскую часть России, Сибирь как внутреннее пространство России и Семипалатинск – подлинный Восток» [61. С. 33].

Мы предлагаем рассмотреть эту перемену локусов в аспекте освоения Достоевским чужого пространства. Европейская часть – движение по ко-

торой было хотя и тяжело, но не безрадостно. Достоевский в конечном итоге заметил: «Мне было весело» [4. Т. 281. С. 167]. Переездом через Урал европейская часть закончилась, впереди метели и сугробы, безрадостная Сибирь и «гаинственная судьба в ней» [Там же. С. 168]. Далее – Семипалатинск, который совсем чужд писателю. Жизнь там тяготит еще больше Достоевского: «Я еду в глушь, в Азию» [Там же. С. 177].

Не должны остаться незамеченными и попытки Достоевского раздвинуть тесное и душное пространство Сибири как острога. П. В. Алексеев справедливо замечает, что, выйдя из острога, Достоевский стремится к европейской самоидентификации. Известно, что сразу по выходе из каторги он просит прислать ему французские и немецкие переводы. Некоторое время спустя он просит прислать ему Коран, вероятно интересуясь вопросом самоидентификации населения Сибири.

В «Записках из Мёртвого дома» этот контекст актуализируется вновь. В. П. Владимирцев неслучайно обращает внимание на упоминание в «Записках из Мертвого дома» огромного количества географических объектов, которые, пусть и пунктирно, но появляются. «Достоевский – Горянчиков мыслит в масштабах всей географически и национально великой России. Возникает парадокс изображения пространства. За тюремной оградой («палями») Мёртвого дома пунктирно возникают очертания необъятной державы: Дунай, Таганрог, Стародубье, Чернигов, Полтава, Рига, Петербург, Москва, «подмосковное село», Курск, Дагестан, Кавказ, Пермь, Сибирь, Тюмень, Тобольск, Иртыш, Омск, киргизская «вольная Степь» <...> Усть-Каменогорск, Восточная Сибирь, Нерчинск, Петропавловский порт <...> Америка, Чермное (Красное) море, гора Везувий, остров Суматра <...> Франция и Германия» [62. С. 72]. Достоевский не просто расширяет границы, он пытается вписать Сибирь в уже имеющуюся систему координат.

Значительное возрастание количества высказываний о Сибири наблюдается в 1856 г. Размышления о Сибири тесно переплетаются с упоминаемыми впервые Кавказом и Средней Азией на фоне рассуждений о России. Сибирь для Достоевского – некое отдельное пространство, удаленное от Европейской России, являющееся частью Востока, частью Азии, во многом обособленное. В этот период все высказывания о ней укладываются в общеизвестное осмысление обособленности территорий Азиатской России. Интересно предположение М. В. Михновец об учебнике по всемирной географии Т. Т. Каменецкого как возможном источнике знаний Достоевского о географии России, в котором специ-

ально оговаривается, что Сибирь следует отделять от территорий Азиатской России [63. С. 115].

Сибирь имеет свой уклад жизни, свои особенности, далекие от представлений европейца, поэтому в письмах сибирского периода Достоевский постоянно подчеркивает желание выбраться из этого пространства и вернуться домой в Россию. В письмах этого периода предсказуемо реализуется оппозиция «Сибирь – не Россия» и во всей полноте демонстрируется желание вырваться из этого пространства. Корреспондентами писем, касающихся Сибири, становятся М. М. Достоевский, П. Е. Анненкова, А. Н. Майков, Э. И. Тотлебен, А. Е. Врангель, Ч. Ч. Валиханов, В. М. Карпина, М. Н. Катков, Д. С. Констант, П. А. Давыдов, А. И. Гейбович. Указанная оппозиция отчетливо реализуется в письмах к М. М. Достоевскому, Э. И. Тотлебену, Ч. Ч. Валиханову, А. И. Гейбовичу:

Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени! [4. Т. 28₁. С. 171];

Не знаю, что ждёт меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему я не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, – всё-таки Россия! [Там же. С. 172];

Нельзя ли мне на Кавказ или куда-нибудь вон из Сибири [Там же. С. 174];

Если до весны моя судьба не переменится, то она (М. Д. Исаева. – *Е. П.*) должна будет уехать в Россию [Там же. С. 202];

Я решительно не мог подняться из Сибири, чтоб приехать в Россию <...> Через несколько времени, я знаю наверно, возвращусь в Россию [Там же. С. 314];

Но самым лучшим для себя считал бы я перебраться в Россию <...> До тех же пор может быть придется жить в Сибири» [Там же. С. 203];

Вся моя мечта: быть уволенным из военного звания и поступить в светскую службу, где-нибудь в России [Там же. С. 225];

Уезжая из Сибири, я надеялся, что по приезде в Россию, скоро и без затруднений достигну возможности жить в Петербурге [Там же. С. 343];

Но с 1-го сентября будущего года Вы (Ч. Ч. Валиханов. – *Е. П.*) бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию [Там же. С. 249];

Одно худо, что Вы (А. И. Гейбович. – *Е. П.*) в Сибири. В России же при рекомендации дело бы могло обделаться скоро [Там же. С. 365].

Анализ писем Достоевского 1854–1859 гг. показывает и реализацию другой позиции: Сибирь – место ссылки, в том числе ссылки самого писателя. Полагаем, что, находясь в ссылке, писатель синонимизирует понятия «ка-

торга», «ссылка» и «Сибирь». Для него актуализируется единственный контекст Сибири: это место заключения, несвободы, в котором люди отделены от внешнего мира. Следует упомянуть и высказывания Достоевского о том, что основным населением этих земель являются ссыльные. Даже выйдя из каторги, покинув Омск и поступив на военную службу в Семипалатинске, Достоевский продолжает чувствовать себя заключенным среди других заключенных. Интересно, что в письмах этого и других периодов почти не встречаются развернутые высказывания о тяготах жизни ссыльнокаторжных, в том числе и самого писателя. Достоевский кратко констатирует отдельные факты, однако тональность всегда негативная. Лейтмотивом всех писем становится фраза из письма к В. М. Карепиной от 7 сентября 1857 г.: «Давит меня Сибирь» [Там же. С. 287]. Писатель мало интересуется и почти ничего не пишет о внутреннем устройстве сибирских городов, о жизни людей. Единичные высказывания показывают его неприязненное отношение к Сибири. Из письма к Д. С. Константу от 15 марта 1858 г.:

Здесь всё дорого и гнило. Проживаем мы страшно много. Все невыгоды оставаться в Сибири <...> Если б Вы знали всё, что водится в Сибири, то есть были бы очевидцем, то, я уверен, одобрили бы моё намерение [Там же. С. 307].

Специального упоминания здесь требуют статьи Е. Г. Новиковой о Достоевском и сибирских областниках, в которых впервые осмысляются взаимоотношения писателя и сибиряков на материале наследия идейных лидеров сибирского областничества [64–65]. Е. Г. Новикова на широком материале показала, что для областников Достоевский – автор «Записок из Мёртвого дома», центрального и самого удачного, по их мнению, произведения писателя. Более того, в статьях показано, что и для самого Достоевского почти до конца жизни Сибирь остается только каторгой, местом жизни ссыльных и преступников, что особенно ярко бросается в глаза на фоне представлений сибирских областников о перспективах развития сибирского края.

В целом в сибирский период Достоевский достаточно негативно пишет о Сибири, сибиряках и сибирских городах. В проанализированном периоде 1854–1859 гг. двумя наиболее яркими точками упоминаний о Сибири являются 1854 и 1859 г., количество высказываний в которые равно 21.

В первые два года после возвращения из ссылки упоминания о Сибири единичны. В статье из раздела «Книжность и грамотность» за 1860 г. Достоевский предлагает включить Сибирь в список географических объектов, о которых обязательно нужно разместить сведения в «Читальнике».

Интересно, что уже в период пребывания в Сибири и сразу после него, в 1858 и в 1860–1861 гг., рядом с высказываниями о ней начинают появляться упоминания о Китае, что можно расценить как первые предпосылки формирования азиатской геополитической картины мира писателя.

В 1862 г. значительно возрастает количество высказываний о Сибири, продемонстрирована рекордная цифра: 58 упоминаний. В это время Достоевский находится за границей, и объяснением столь стремительного взлёта упоминаний Сибири становится, конечно, публикация «Записок из Мёртвого дома» в журнале «Время» и отдельным тиражом. Интересным представляется полное отсутствие в этот год упоминаний о Сибири в письмах.

С 1863 по 1866 г. какие-либо упоминания Сибири и сибирского периода встречаются лишь изредка, а в 1867 г. и вовсе отсутствуют.

Однако в 1868–1869 гг. Достоевский вновь вспомнит о Сибири, находясь при этом в Европе, куда он вынужден был бежать, скрываясь от кредиторов. Сибирь, которая раньше противопоставлялась Достоевским России, теперь становится ближе. Ранее Достоевский разделял русских и туземцев, теперь же, на фоне пребывания в Европе, Сибирь становится родиной:

Через три месяца – два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь. Я говорю серьезно и без преувеличения <...> в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное – русские и родина, без чего я жить не могу [4. Т. 29¹. С. 10].

В свою очередь, интересные результаты выявлены в результате детального анализа упоминаний Сибири в «Дневнике писателя», записных тетрадях и статьях.

В годы публикации выпусков «Дневника писателя» количество упоминаний Сибири предсказуемо возрастает: 1873 г. – 9 (часто встречаются названия отдельных сибирских городов и регионов), 1876 г. – 12, 1877 г. – 21, 1880–1881 гг. – 27. Безусловно, в публицистическом наследии писателя Сибирь часто встречается, однако, вплоть до конца 1870-х гг., реализуются только две позиции, которые были обозначены выше на основании анализа его эпистолярного наследия: Сибирь – не Россия и Сибирь как место ссылки, место ссылки самого Достоевского (актуализируется автобиографический аспект). При этом второе утверждение значительно превосходит первое. Указанные аспекты реализуются в «Дневнике писателя» за 1873, 1876 и 1877 гг.

Сибирь как место ссылки обозначается в следующих статьях: «Среда», «Нечто личное» 1873 г.; «По поводу дела Кроненберга», «Простое, но мудреное дело», «О том же», «Опять о простом, но мудреном деле» 1876 г.;

«Заключительное разъяснение одного прежнего факта», «Один случай, по моему, довольно много разъясняющий», «Враг ли я детей? О том, что значит иногда слово “счастливая”», «Злые психологи. Акушеры-психиатры» 1877 г. Кроме того, данный аспект реализуется в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876–1877 гг. и в статьях 1873–1878 гг. Чаще всего упоминания Сибири носят краткий характер, фиксируется место отбывания наказания без лишних объяснений или какого-либо анализа.

Лишь однажды в декабрьском выпуске за 1877 г. в статье «Один случай, по моему, довольно много разъясняющий» нарисована довольно безрадостная перспектива ссылки женщины в Сибирь. Достоевский говорит здесь: «...я же знаю Сибирь» [4. Т. 26. С. 105], поэтому утверждает, что сибиряки – безжалостные люди по отношению к оступившемуся человеку. Писатель подчеркивает, что такие нравы местного населения обусловлены тем, что Сибирь «произошла от ссыльных, населилась ими» [Там же]. Рисуя картину возможных последствий приговора для женщины, ссылаемой в Сибирь, Достоевский пишет:

<...> беспомощную сослали в Сибирь – на разврат, на позор (ведь это падение-то в Сибири наверно же бы случилось) [Там же. С. 106];

Подлинно на разврат толкает ее судьба, я же знаю Сибирь: соблазнять там страшно много охотников, туда очень много едет из России неженатых людей, служащих и аферистов. Упасть легко, но зато сибиряки, простой народ и мещане – это самые безжалостные к падшей женщине люди. Мешать ей не помешают, но раз замаравшая свою репутацию женщина никогда уже не восстановит ее: вечное ей презрение, слово укора, попреки, насмешки, и это до самой старости, до могилы [Там же. С. 105].

Упоминание Сибири как места собственной ссылки встречается в «Дневнике писателя» за 1873, 1876–1877 гг. 1873 г.: «Нечто личное», «Старые люди»; 1876 г.: «Ягодки», «Одно слово по поводу моей биографии»; 1877 г.: «История глагола “стусеваться”», «Смерть Некрасова. О том, что было сказано на его могиле». Как и раньше, Сибирь лишь фиксируется в качестве ссыльного пространства; о своём сибирском опыте Достоевский пишет в небольшом очерке-воспоминании в разделе «Старина о “петрашевцах”» в январском выпуске за 1877 г.

Достоевский в описаниях мало интересуется бытом, административным устройством, вообще жизнью в Сибири. Представляется, что он не хочет актуализировать воспоминания о десятилетии, проведённом там. Безусловно, в художественных произведениях Сибирь значима и актуальна. «Сибирские» тексты и большие романы писателя необходимо осмыс-

лять с учетом сибирского опыта, но всё это носит художественный, во многом мифологизированный характер.

Наконец, в начале 1880-х г. у Достоевского начинает складываться геополитическое представление о Сибири. В 1881 г. в «Дневнике писателя» и в записных тетрадах прорисовывается место Сибири в геополитической картине мира писателя, вектор его отношения к Сибири кардинально меняется, и уже вплоть до конца жизни он будет говорить о важнейшей роли Сибири в возрождении России. Сибирь теперь для него уже не глушь, а центр Азии, место, откуда необходимо начинать развитие страны, как экономическое, так и духовное. Достоевский начинает много рассуждать об экономическом и политическом реформировании Сибири, предлагает план строительства железной дороги, высказывает опасение о возможных попытках китайцев захватить Сибирь, оговариваясь, что не сейчас, а лет через пятьдесят:

Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ, несомненно имеющего последовать даже от самых первоначальных военных реформ (при которых не может не прийти сознание силы, сплоченности и единства), чтоб не догадаться, что кругом пустые и богатые земли, Сибирь не Средняя Азия, а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не помыслить захватить эти земли. С первой военной идеей <...> чтоб не догадаться, до какой степени эти земли слабы и незащищены и даже в дальнейшем защищены быть не могут [4. Т. 24. С. 83–84].

В записной тетради 1875–1876 гг. отчетливо проявляется проект возрождения России из Азии, из Сибири:

Странный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью, торговлю можно вызвать в 10 раз, а в бесплодных степях земледелие, усиленное скотоводством, и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией, скажет новое слово, совсем новое. Теперь лишь начинается [Там же. С. 89].

Примечательно, что далее Достоевский делает помету: «Китай», мысль о возможных притязаниях которого на Сибирь неоднократно будет транслироваться писателем. В записных тетрадах 1875–1876 гг. все чаще номинатив «Сибирь» помещается рядом с такими географическими номинантами, как «Япония», «Китай», «Азия».

В январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. публикуются две важнейшие главки, представляющие геополитические размышления Достоевского о Сибири и роли Азии в деле возрождения России, её будущности. Ключевой является главка «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?».

Этот текст широко цитируется во многих работах, касающихся репрезентации азиатских воззрений писателя. Здесь впервые Сибирь осмысливается как важное в геополитическом и геостратегическом плане пространство. С первых же строк Достоевский вписывает Сибирь в большее геополитическое пространство, Азию. При этом сразу же обозначается несерьёзное отношение российского общества к русской Азии:

Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё ещё как будто существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии? [4. Т. 27. С. 32].

На фоне экспедиций, открывающих миру сибирские земли, такая позиция значительно ослабляет возможности России. Здесь же Достоевский высказывает аксиому, часто цитируемую в разных исследованиях в области геополитики: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии» [Там же. С. 33]. Писатель специально оговаривается, что данное утверждение для него – аксиома, оно не является дискуссионным.

В статье «Вопросы и ответы» Достоевский поднимает важный вопрос о строительстве железной дороги в Сибирь и Среднюю Азию. Этот вопрос обозначен и в записных тетрадях этого периода. Писатель уподобляет развитие Сибири открытию Америки, отмечая богатство малоизученных сибирских земель: металлы и минералы, бесчисленные залежи каменного угля. Достоевский развивает мысль о цивилизаторской миссии в Азии, необходимости развития науки и производства на этих землях. Сибирь как геополитическое пространство осмысливается писателем на фоне других важных в его геополитической картине мира пространств. На страницах этих двух главок упоминаются Германия, Англия, Франция, Австрия, Африка, Индия, Турция, Америка, восточные земли. Очевидно, что геополитические представления Достоевского масштабируются, Сибирь – уже не окраинная ненужная территория, она будет играть существенную роль при перераспределении сил среди мировых держав. Достоевский неоднократно призывает вкладывать большие деньги в развитие этого региона, предсказывая, что именно за хозяином этих богатых земель – будущая власть и сила.

Здесь же Достоевский высказывает мысль об «оздоровлении корней». В январском выпуске «Дневника писателя» развивается мысль об истоках безжалостности сибиряков, которую Достоевский объясняет большим количеством ссыльных и каторжан, которые и были основным населением этих территорий. Именно это, с точки зрения писателя, определяет суровый нрав и обычаи сибиряков. Говоря об оздоровлении корней, народа,

населяющего русскую Азию, вероятно, Достоевский имел в виду именно ссыльный народ Сибири. Мысль о развитии образования и науки, цивилизаторской миссии столь же ценна, как и о необходимости вложения больших денег в возрождение Сибири. Очевидно, что писатель был обеспокоен халатным отношением к окраинам России и русской Азии. В записных тетрадях 1880–1881 гг. обнаруживается богатейший материал, подтверждающий живой интерес Достоевского к этому вопросу и его обеспокоенность:

Сибирь и всю Азию на откуп жидам, американцам, англичанам, можно даже гарантировать пять процентов. Остров Новую Землю подарить Норденшельду за то, что открыл Сибирь 300 лет после Ермака [4. Т. 27. С. 78].

Символичным представляется то, что впервые Сибирь возникает в творчестве Достоевского в связи с рассказом о Ермаке, и в период формирования целостной геополитической картины вновь встречается упоминание о нем. Иронизируя над позицией отдельных лиц государства, Достоевский отмечает, что немалое беспокойство должна вызывать экспедиция под руководством А. Э. Норденшельда 1878–1879 гг., во время которой был пройден Северный морской путь из Европы в Азию, организованы экспедиции по Енисею и Оби. Его плаванья открывали Европе Сибирь, богатую природными ресурсами, возбуждая захватнический интерес к незащищенным и недооцененным российским окраинам. Ироническое высказывание Достоевского отражает реальное отношение общественных деятелей к Сибири и русской Азии, что, по мысли писателя, значительно ослабляет позиции государства:

Сибирь продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев. Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп, или, если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию с гарантией 5 процентов. Все жертвы пусть будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама [Там же. С. 75].

Размышляя о возможных вариантах распоряжения сибирскими владениями, Достоевский в очередной раз подчеркивает, что при нежелании правильно эксплуатировать эти земли, при отсутствии денежных вложений в развитие Сибири эта важнейшая территория может быть успешно освоена другими державами, в частности Китаем, о военной угрозе со стороны которого писатель упоминал неоднократно, и Америкой. В 90-е гг. XX в. появляются работы У. Р. Мида, в которых обнаруживаются заявленные писателем имперские амбиции Америки и напрямую ставится вопрос покупки сибирских земель американцами; обозначается и цена: 3 трилли-

она долларов [66]. Безрадостным предсказанием, отчасти сбывшимся в ХХI в., звучат слова Достоевского об окраинах. Уже перед самой смертью Достоевский, полемически отвечая западникам, напишет:

Окраины всё это вздор, всё это мелочи и с другого боку, всё мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и всё [4. Т. 27. С. 73].

Вопрос о необходимости развития окраинных сибирских земель был поставлен писателем ещё в записных тетрадях 1875–1876 гг. В контекст размышления о сильных мировых державах помещается помета: «Восточные окраины и Сибирь». Подводя итоги своим размышлениям об отсутствии реального интереса к возрождению Сибири, Достоевский напишет:

Азия. К черту Азию, у нас и в России-то всё неурядно, а тут ещё мечтать об Азиях. Норденшельдов запретить [Там же. С. 76].

Размышления Достоевского об азиатском становлении России, помноженные на позицию по восточному вопросу, В. Л. Цымбурский рассматривает как одну из вершин геоидеологических, геополитических воззрений ХIХ в.: «Осмысление Восточного вопроса в последней статье Достоевского и в его подготовительных заметках, несомненно, должно рассматриваться как одно из вершинных геоидеологических самовыражений нашей первой евразийской эпохи» [67]. В то время, когда в российской политической мысли взаимодействие и рассмотрение в единой плоскости «Азии» и «Востока» находились на периферии внимания, Достоевский обратил внимание на необходимость изучения ментальной модели указанных территорий и говорил о прекращении отношения к российской «Азии» как к чужому, лишнему и окраинному пространству. Достоевский задолго до появления серьезных геополитических трудов показал, что дихотомии «Европа» – «Азия», «Запад» – «Восток» изжили себя, что нужно отказываться от подобных оппозиций и выстраивать новую сильную Российскую империю в плоскости «Восток» – «Азия». Необходимо включать в поле зрения Сибирь и азиатскую часть, именно они способны стать флагом в возрождении исторической самобытности России.

Подводя итоги, постараемся определить динамику представлений Достоевского о Сибири. Несомненно, первым этапом было само время пребывания писателя на каторге и в Сибири. Анализ писем и других материа-

лов показал, что весь ссыльный период Сибирь писателем воспринимается негативно, это было время боли, страха, преодоления себя. Даже несмотря на то, что по прошествии лет писатель зачастую лишь констатирует свое каторжное прошлое, негативный лейтмотив сохраняется. Тем не менее уже на этом этапе начинается формирование предпосылок для геополитической интерпретации Сибири. Следующим периодом можно назвать 1866–1877 гг., в центре внимания писателя в художественных и публицистических произведениях – судьба человека на каторге и в Сибири, личная история, рассказы о людях. После 1877 г. начинается новый этап осмысления, когда формируется последовательная, продуманная историософская концепция, в которой Сибирь выступает ментальным пространством, потенциально хранящим в себе имплицитные признаки «Востока» и «Азии», имеющим удивительные плодородные земли, источники сырья и находящимся под постоянной угрозой внешней безопасности. Представления Достоевского о Сибири и её значении носят динамический характер, и кульминации они достигают в 1880–1881 гг., когда окончательно оформляется геополитическая концепция писателя принципиальной значимости сибирского пространства для всей России в целом.

4.7. Актуальность геополитических представлений Ф. М. Достоевского: контрверза писателя и Ханны Арендт о России

А. И. Щербинин

Семьдесят лет назад в Нью-Йорке известным политологом и философом Ханной Арендт была закончена работа над рукописью книги «Истоки тоталитаризма» (*The Origins of Totalitarianism*) [68], посвященной анализу, поиску параллелей и обобщению в конструкте «тоталитаризм» нацистского и советского режимов. Фактически с выходом данной книги сам концепт «тоталитаризм» был поставлен на службу идеологии и породил целые направления в изучении природы данного явления.

Методологически данный параграф имеет своей целью на основе сравнения текстов Х. Арендт и Ф. М. Достоевского, а также подключения других источников показать, как на службу идеологии были поставлены научные и публицистические произведения. Игнорирование фактов и ре-

дукция текстов критикуемого источника, генерализация выводов, что было общим у Х. Арендт и К. Поппера, позволили придать видимость науки конструктам (или «антиутопиям»), политические цели которых не утратили значения и поныне.

Мотивы исследователя Х. Арендт – беженки из Третьего рейха – носили характер еще и личных переживаний. По подсчетам Ханса Кастендика, более трех тысяч ученых-обществоведов бежали от нацизма [69. С. 109]. Само начало работы над книгой, совпавшее с поражением режима Гитлера в 1945 г., способствовало не только анализу явления нацизма постфактум, но и сравнению его с советским строем., так что фактически научный (и идеологический) конструкт был уже готов к первому акту холодной войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Составными частями данного конструкта в доказательной логике Х. Арендт стали антисемитизм, национализм (национальное государство), империализм. Изначально в поисках «корней» фигурировали такие страны, как Франция и Англия, прошедшие путь от национальных государств до мировых империй. На обочине империалистической экспансии и создания заморских колоний Х. Арендт помещает пандвижения, отличающиеся своими континентальными притязаниями, это пангерманизм и панславянство. Как видим, нетрудно, зная ответ относительно двух форм тоталитаризма – нацизма и сталинизма, подогнать условия решения задачи или, точнее, подобрать доказательную базу к уже вынесенному вердикту. И глава книги «Континентальный империализм: пандвижения» открывается следующим утверждением: «Нацизм и коммунизм обязаны пангерманизму и панславизму больше, чем любой другой идеологии или политическому движению» [68. С. 307].

И с этого момента мы будем говорить о вольных или невольных искажениях понятия «славянская идея» в работе Х. Арендт. Теология пандвижений, по ее мнению, имевшая в своей основе веру не в божественное происхождение человека, а собственного народа, «сохранила значительное влияние на развитие тоталитарных движений» [Там же. С. 321]. Это влияние проистекало из того, что национальность, с одной стороны, понималась постоянным качеством, не зависящим от истории, а с другой – такая трактовка национальности снимала социальные, экономические, психологические различия «между членами этого народа» [Там же].

Здесь возникает ряд вопросов к логике автора. Выступая против иерархии наций, построенной на расистской, дарвинистской или божественной основе, Х. Арендт сама несколькими страницами ранее разделила народы

на исторические и неисторические. Историчность первых укладывалась в триединство «народ – территория – государство» [68. С. 319]. Что касается вторых, то о них сказано было так: «Если эти народы хотели сравниться в национальной гордости с западными нациями, то за невозможностью предъявить ни своей территории, ни государства, ни исторических достижений они могли указывать лишь на самих себя, и это значило в лучшем случае – на свой язык (словно бы язык сам по себе уже был достижением), а в худшем – на свою славянскую, или германскую, или бог знает какую душу» [Там же. С. 318–319].

Обращение к позиции Ф. М. Достоевского в контексте данного рассуждения не было случайным шагом Х. Арндт. Отсутствие конкретных планов завоевания мира, с ее точки зрения, не означало отсутствия притязаний на всемирность влияния: «Они создавали вездесущее настроение полного превосходства, всепонимания и прикосновенности ко всем делам человеческим, настроение “всечеловека”, как однажды выразился Достоевский» [Там же. С. 311]. Здесь вполне уместно поставить вопрос о единой системе мер и подходов к идеям и явлениям, которые продолжают оставаться актуальнейшими проблемами в условиях новой редакции холодной войны, новых волн экспансии, злободневных вопросов нациестроительства. Имя Достоевского было хорошо известно на Западе, поэтому упоминание его в качестве идейного предтечи сталинизма показалось автору уместным. Вместе с тем сама Х. Арндт высоко ценила талант Достоевского, называя его «великим писателем» [70. С. 191].

Надо заметить, что Х. Арндт в этом подходе не одинока. Не простым совпадением является выход в 1945 г. также и книги Карла Поппера «Открытое общество и его враги» [71], в которой ответственность за тоталитарную идеологию (и практику) была возложена на древнегреческого философа Платона и его продолжателей Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса. При этом и К. Поппер считал Платона великим. Для нас тема К. Поппера является побочной, поэтому сошлемся лишь на ключевые для сопоставления с концепцией Х. Арндт главы 6 и 10 первого тома «Открытого общества».

Следует обратить внимание на разъяснение мотивов написания книги, которые в своего рода «пояснительной записке» были адресованы К. Поппером русским читателям в 1992 г.: «Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 г. сделал на время союзниками. Моя неприязнь к этим именам столь велика, что я ни разу не упомянул их в “Открытом обществе”. В этой книге я решил проследить историю, приведшую к возникновению гитлеризма, и обратился к учению великого фи-

лософа Платона – первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря. А фигура Сталина побудила меня обратиться к изучению философии Карла Маркса» [71. С. 7].

В подобном квазиретроспективном исследовании с подгонкой решения под ответ детали только мешают. Это ярко проявилось в письме к русским читателям. На восьми с половиной страницах автор демонстрирует пренебрежение к общеизвестным историческим фактам: предшествующая пакту 1939 г. предательская позиция Англии и Франции в Судетском вопросе («мюнхенский сговор», где, кстати, СССР, выступил на стороне Чехословакии вплоть до обязательства поддержать военным участием в защите ее суверенитета); последующее (в этом же сентябре 1939 г.) подписание соглашения с Гитлером о ненападении (со стороны премьеров Великобритании Чемберлена и Франции Даладьё); очевидный трюк по притягиванию Платона к вине за идею концентрационных лагерей с игнорированием того исторического факта, что реальные первые концлагеря были созданы для галичан, русинов, буковинцев за их пророссийскую позицию именно на родине К. Поппера, в Талергофе и Терезине, в сентябре 1914 г., в самом начале Первой мировой войны: «Австро-венгерские власти создали первые в Европе концентрационные лагеря Талергоф в Штирии, Терезин в Северной Чехии и другие. Эти концлагеря были предвестниками нацистских концлагерей Дахау, Освенцима, Трешлинка» [72. С. 71]. Однако Платон велик, поэтому он и был удобен для К. Поппера.

Вернемся к собственно конструкту Х. Арендт с ее логикой становления наций у исторических и «неисторических» народов. С одной стороны, она пишет о великом энтузиазме, который «наполнял сердца героев Французской революции, вместе с французской нацией освобождавших все народы всех цветов, кто только находился под французским флагом» [68. С. 233]. Х. Арендт дает характеристику революционной Франции как стране, «впервые создавшей национальное государство и любящей все человечество» под лозунгом братства [Там же]. В подобной же ситуации панславизму с центром в России приписывается отношение к славянам (народам «неисторическим») как к «братьям меньшим» с позиции «всечеловека».

Негативная трактовка образа «всечеловека» является у Х. Арендт одной из ключевых, как и идея всемирности, в доказательстве протототалитарности России, поэтому она нуждается в более детальном обращении к источникам. Поскольку Х. Арендт не пользовалась русскими оригинальными источниками, то нередко их смысл для нее искажался. В данном случае она опиралась на эссе Ханса Кона «Постоянная миссия: эссе о России» [73]. Са-

ма по себе эта работа была добротной попыткой системного изложения русских литературных и идейно-политических течений XIX столетия, оставаясь при этом всего лишь эссе, занимающим двадцать с небольшим страниц. Какой же реальный контекст Достоевского не был учтен Х. Арндт?

Достоевский «вырастил» конструкт «всечеловек» из центральной темы всечеловеческого значения гения А.С. Пушкина в своей знаменитой «Речи о Пушкине». Выделяя периоды в творчестве великого русского поэта, он особо останавливается на последнем, третьем, когда гений Пушкина поднимается до проникновения во всемирные проблемы. Эту глобальность Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» [4. Т. 26. С. 146] Пушкина, определяя ее в дальнейшем как национальную черту нашего народа. Видя потенциал народа, проникаясь народностью в своем творчестве, Пушкин был не только поэтом, но и пророком:

Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк» [Там же. С. 147].

В продолжение своих рассуждений о всемирности Достоевский рисует панораму истории, соединяющей Европу и Россию, поставив в центр этого процесса фигуру Петра Великого. Размышляя о Французской революции, идеи которой Х. Арндт фактически противопоставила панславистам, Достоевский переходит к той самой формуле глобальности поворота, совершенного не только Царем, но и Поэтом, поворота, принятого народом как новые горизонты своей судьбы:

Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [Там же. С. 147].

Как видим, в идее братства со всеми людьми нет ни малейшего намека на предтечу тоталитаризма. На фоне величия этого подвига и величия задач, которые стоят перед народом и ее духовными вождями, имея перед глазами собратьев – единомышленников и оппонентов, Достоевский отчасти снижает тон:

О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш

удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей [4. Т. 26. С. 147].

С большой долей вероятности можно утверждать, что тема «Россия и Европа» была адресована Достоевским именно духовным вождям славянофилов и западников. Но не только. В частности, он повторил свою позицию в беседе с французским дипломатом Мельхиором де Вогюэ: Россия – не обочина Европы [74. С. 545–557]. Здесь же Достоевский поднимает проблему истории российско-европейских отношений:

Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, Вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? [4. Т. 26. С. 147–148].

Актуальность речи Достоевского определяется его фактическим обращением к потомкам, к нашей с вами современности:

О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону! [Там же. С. 148].

Специальный выпуск «Дневника писателя» 1880 г., посвященный его «Речи о Пушкине», можно рассматривать как своего рода завещание и как итог тридцатилетней борьбы писателя не просто за имидж, как сказали бы сегодня, не только за доброе имя, но за равноправие России в семье европейских народов. Как писал Д. В. Гришин, Достоевский начал эту борьбу, когда уже существовали «научно обоснованные» теории о неполноценности русских и славян в целом, закончившиеся <...> оправданием необходимости уничтожения миллионов славян» [75. С. 91].

В схему Х. Арендт просто обязаны были уложиться «понятия германизированной Центральной Европы и русифицированной Восточной и Южной Европы», которые «послужили отправными точками для планов подчинения мира нацизму или большевизму» [68. С. 311]. «Славянская идея» Достоевского была исключительно авторским конструктом – утопичным в

деталей, но пророческим в целом, что и показывает современность. Согласимся с мнением А. М. Эткинда о работе Х. Арндт: «Утопии не бывают вполне реализованы; антиутопии не бывают объективны. Это не отменяет значения тех и других. “Истоки тоталитаризма” есть антиутопия, одна из многих подобных попыток, известных XX в., и самая развернутая. Как любая антиутопия, книга рассказывает об ужасах осуществления определенного утопического проекта, в данном случае двух; как любая антиутопия, она полна преувеличений; как любая антиутопия, она подлежит суждениям пользы и красоты в большей степени, чем суждениям исторической правды» [76]. Поэтому, показав процедуру редукции и игнорирования фактов как метода научного фундирования идеологий, мы предлагаем ревизовать те положения, которые ныне воспринимаются как постулаты, и критически исследовать эту «дополненную наукой» реальность.

В целом же нравственно-идеологические конструкты Достоевского «всемирности» и «всечеловечности», связанные с образом России, определили картину мира целых поколений не только на литературном, но и на идеологическом фронте, воспроизводясь и сегодня на новом витке холодной войны, затронувшей практически все сферы человеческого общежития.

Литература

1. Соловьев В. С. О христианском единстве. М. : Рудомино, 1994. 335 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. (в 4 ч.). Л. : ЭГО, 1991.
3. Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Книга, 1990. 574 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
5. Понкратова Е. М., Тараканова Д. А. Китай в восприятии Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 49–55.
6. Кудрина Ю. В. Достоевский, император Александр III и русская идея // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 113–124.
7. Гердт Я. В. Истоки российской геополитики // Вестник ЧелГУ. 2012. № 12 (266). С. 26–30.
8. Ивашов Л. Г. Русская культура и русская геополитика // Наш современник. 2006. № 10. С. 47–58.
9. Тарасов Б. Н. Ф. И. Тютчев и Ф. М. Достоевский о «двойном неведении»: (Образ России в западном идеологическом и политическом сознании XIX века) // Наука говорить с другими : сб. науч. тр. к 70-летию В. А. Викторovichа. Коломна, 2020. С. 6–30.
10. Алексеев П. В. Ф. М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. 152 с.
11. Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX века // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России : сб. ст. Великий Новгород, 2004. С. 89–142.
12. Гаджиев К. С. Геополитика. М. : Международные отношения, 1997. 383 с.

13. *Николюкин А. Н.* Окраинный вопрос в мирозерцании Ю. Ф. Самарина // Николюкин А. Н. Гений места и русская литература. М., 2018. С. 126–138.
14. *Саранин А. Ю.* «Окраинный вопрос» в размышлениях В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 4. С. 205–207.
15. *Сынкова Д. В.* Полемика М. Н. Каткова и П. А. Валуева в 60-х гг. XIX в. // VII Бартевские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 330-летию со дня рождения В. Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С. А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В. О. Ключевского. Липецк, 2016. С. 140–145.
16. *Чемакин А. А.* Империя и национальное государство: Страницы истории. Окраинный и инородческий вопросы // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 151–191.
17. *Дамешек И. Л.* К вопросу о типологии окраин Российской империи // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова, Иркутск, 28 апреля 2020 г. Иркутск, 2020. С. 70–73.
18. *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 23–29.
19. *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX века : учеб. пособие. Иркутск : ИГУ, 2015. 223 с.
20. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 59–63.
21. *Ермилова Г. Г.* Провинция как духовно-культурный феномен: по страницам «Дневника писателя» Достоевского // Соловьёвские исследования. 2011. № 3 (31). С. 72–78.
22. *Самарин Ю. Ф.* Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморье (как введение в первую серию). Прага, 1868. 187 с.
23. *Вировец С. В.* Споры о политике Англии и Франции на страницах русских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 21–27.
24. *Коротченко Т. В.* Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.
25. *Новикова Е. Г.* «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51.
26. *Литке Ш.* Образ папы Пия IX в публицистике Ф.М. Достоевского (1870–1878 годы) // Достоевский и мировая культура : филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 179–190.
27. *Мурзина С. В., Новикова Е. Г.* Образ Гарибальди в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020 № 460. С. 37–45.
28. *Шадури В. С.* Русские писатели о Грузии. Тбилиси : Заря Востока, 1948. 532 с.
29. *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 372 p.
30. *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М. : Наука, 1990. 316 с.
31. *Багратин-Мухранели И.Л.* Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник ТГПУ. 1994. Вып. 9. С. 83–88.
32. *Чхаидзе Е.* Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 92–112.

33. *Иванеско А. Е.* Кавказские пленники на имперском фронтире // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 8–18.
34. *Сюлян М.* Кавказский мотив в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: сквозь призму полемики с М. Ю. Лермонтовым // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. 2017. № 14 (4). С. 728–742.
35. *Алексеев П. В.* Мусульманский восток в поэтике Ф. М. Достоевского // Вестник Омского университета. 2013. № 4. С. 298–301.
36. *Кантор В. К.* «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 421 с.
37. *Лекке М., Чхаидзе Е.* Россия – Грузия после империи : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 5–30.
38. *Романовский Д. И.* Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа генерал штаба полковником Романовским Д. И. СПб., 1860. 460 с.
39. *Щербинин А. И., Щербинина Н. Г.* «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72.
40. *Schwidarska M.* Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Beruecksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen : Sagner, 2001. 495 S.
41. *Wedemann M.* Polonofil czy polakozerca: Fiodor Dostojewski w pismniennictwie polskim lat 1847–1897. Poznan, 2010. 283 p.
42. *Узлик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. P. 136–149.
43. *Де Лазари А., Сухарски Т.* Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский : материалы и исследования. СПб., 2013. Т. 20. С. 25–43.
44. *Новикова Е. Г.* Дорогами Ф.М. Достоевского: поляки в Сибири // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 190–197.
45. *Михновец М. В.* Соседи поляков в геополитической картине мира Достоевского // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2020. № 10. S. 7–20.
46. *Михновец М. В.* «Украины» Российской империи в геополитической картине мира Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 614–620.
47. *Лебедева Г. Н.* Остзейский вопрос в публицистике М. Н. Каткова // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 274–286.
48. *Шириняню А. А., Фурсова Е. Б.* Прибалтийский вопрос в политической публицистике И. С. Аксакова. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35446.php> (дата обращения: 03.08.2020).
49. *Пирожкова Т. Ф.* «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина: («Украины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130–148.
50. *Каменецкий Т. А.* Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма, в пользу детей, начинающих учиться географии. М., 1828. 382 с.
51. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Т. 1–3. URL: <http://base.garant.ru/3988988/> (дата обращения: 25.08.2020).
52. *Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : книга-комментарий. СПб. : Серебряный век, 2005. 472 с.

53. *Мецгерский В. П.* Два слова по поводу мнения князя Бисмарка о русских немцах // Гражданин. 1874. № 10. 11 марта.
54. *Вайнерман В. С.* «Поручаю себя Вашей доброй памяти»б (Ф.М. Достоевский и Сибирь). Омск : Наука, 2014. 392 с.
55. *Жеребцов Б. И.* Сибирь в творчестве Ф.М. Достоевского // Жеребцов Б. И. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940. 168 с.
56. *Лейфер А. Э.* Омские годы Ф. Достоевского. // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1976. С. 31–64.
57. *Туниманов В. А.* Творчество Достоевского, 1854–1862. Л. : Наука, 1980. 294 с.
58. *Акелькина Е. А.* Ф. М. Достоевский: Дорога в Сибирь (календарность, приметы, тексты, веки традиционной культуры) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 11–14.
59. *Семькина Р. С.-И.* Проза Ф. М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 17 с.
60. *Габдуллина В. И.* «Азиатская наша Россия»: геополитика по Достоевскому // Геополитика писателей Сибири и Алтая : сб. науч. ст. Барнаул, 2016. С. 31–37.
61. *Алексеев П. В.* Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30–43.
62. *Владимирцев В. П.* Записки из Мертвого дома // Достоевский : Сочинения, письма, документы : слов.-справ. / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 70–74.
63. *Михновец М. В.* Источники знания о географии российской империи как основа геополитических представлений Ф. М. Достоевского // Studia Rossica Gedanensia. 2020. № 7. С. 110–122.
64. *Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
65. *Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский и сибирское областничество. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 268–277.
66. *Мид У. Р.* Не купить ли нам Сибирь? ...за три триллиона долларов // Родина. 2000. № 5. С. 5–7.
67. *Цымбургский В. М.* Геополитические взгляды Федора Достоевского // Русская идея. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (дата обращения: 30.04.2021).
68. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. Х. Арендт. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
69. *Kastendiek H.* Political development and political science in West Germany // The development of political science : a comparative survey / ed. by D. Easton, J. G. Gannel, L. Graziano. N.Y. : Routledge, 1991. P. 108–126.
70. *Арендт Х.* Религия и политика // Политическая концептология. 2017. № 2. С. 189–204.
71. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
72. *Суляк С.* Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 69–75.
73. *Kohn H.* The Permanent Mission: An Essay on Russia // The Review of Politics. 1948. Vol. 10, № 3. P. 267–289.
74. *Гус М. С.* Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1971. 592 с.
75. *Гришин Д. В.* Достоевский – человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн : Мельбурнский университет, 1971. 369 с.
76. *Эткинд А.* Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/12/etkin-pr.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Заключение

Е. Г. Новикова

Политические и геополитические подходы к осмыслению мировой и российской истории и современности с самого начала были заложены у Ф. М. Достоевского тем образованием военного инженера, которое он получил в Главном инженерном училище. Затем он сам оказался непосредственным участником значимых политических событий в России как петрашевец, прошедший через эшафот, наказание каторгой и поселением в Сибири. Возвращение Достоевского из Сибири совпало с существенными преобразованиями в Российской империи на рубеже 1850–1860-х гг., и писатель сразу же активно включился в новые политические и социокультурные процессы в стране журналами «Время» и «Эпоха». Вторую половину 1860-х гг. (1867–1871 гг.) супруги Достоевские провели за рубежом и стали свидетелями важнейших изменений политической и геополитической карты Европы: это было время формирования единых национальных государств Италии и Германии, падения французской монархии и существенного ограничения абсолютной власти папы римского, победы Парижской коммуны. Важные политические и геополитические события происходили в это время и на других континентах: гражданская война в США, «опиумные войны» в Китае и др. При этом и сама Россия в 1860–1870-е гг. была вовлечена в целый ряд политических и геополитических конфликтов как внутреннего, так и внешнего характера, начиная с Польского восстания и перманентной «кавказской войны» и заканчивая Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Как показал анализ наследия Достоевского, эти актуальные политические события сопровождались активным комментарием, осмыслением, анализом писателя в журналах «Время» и «Эпоха», в его европейских письмах 1867–1871 гг., в политических материалах журнала «Гражданин», в «Дневнике писателя», наконец, в художественном творчестве. Это позволяет с уверенностью утверждать, что Достоевский был ярким и оригинальным политическим мыслителем, в сфере внимания которого постоянно находились значимые политические и геополитические события эпохи.

Более того, им была создана оригинальная геополитическая концепция. На его политической карте мира представлено 55 стран и регионов; но при этом бесспорным центром его геополитической картины мира является Россия, которая в политическом плане интерпретировалась им прежде всего как Российская империя. Отсюда и его постоянное внимание к «окраинам» и «колониям» Российской империи, к так называемому «польскому», «кавказскому», «восточному» вопросу и другим подобным актуальным внутренним проблемам России.

В свою очередь, в общей ментальной геополитической картине мира Достоевского Россия дается и осмысливается в сложной «растяжке» между Европой и Востоком, между европейскими политическими и социокультурными ценностями, предельно важными для России, с одной стороны, и «Востоком» – с другой; причем «Восток» понимался писателем крайне сложно, от Османской империи и до восточного христианства – православия – включительно.

Религиозная проблематика всегда определяла суть и особенности политических и геополитических размышлений писателя, и понять их, не учитывая его сущностной ориентации на христианство, на его конфессии, на его «западные» и «восточные» судьбы, просто невозможно.

Такие базовые геополитические представления Достоевского обусловили его равное внимание как к главным акторам европейских политических процессов (Австрия, Пруссия, Франция, Италия), так и к сложным перипетиям восточных войн эпохи, для которых проблематика христианства была предельно актуальна.

Именно в этом своеобразном «евро-восточном» контексте рождается, развивается и окончательно формулируется позиция Достоевского об уникальной исторической и геополитической миссии России: «Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа».

Указатель произведений Ф.М. Достоевского

Бедные люди *65, 127, 244, 252*

Белые ночи *68, 127, 193*

Бесы *6, 9, 16, 28–29, 33, 37, 44, 76, 89, 105, 114–116, 119–120, 127, 159, 175, 193, 195, 202, 224, 237, 249*

Братья Карамазовы *9, 28, 32–33, 35, 37, 56–57, 79, 127, 147–148, 159, 175, 178, 193, 205, 237*

Вечный муж *127*

Время (журнал) *11, 46, 52, 74–75, 91, 95–98, 139, 144, 256, 272*

Время, 1861 г. *46–47, 96–97, 144, 201, 204, 229*

Время, 1862 г. *97–98, 202, 248*

Время, 1863 г. *149*

Господин Прохарчин *68–69*

Гражданин (журнал) *15, 48, 76–77, 167, 174, 180, 183, 195, 249, 272*

Гражданин, 1873 г. *48–50, 113, 136–138, 161, 170, 180–182*

Гражданин, 1874 г. *165, 170, 180, 248*

Двойник *37, 65, 68, 146–147, 154, 156, 158, 159*

Дневник писателя *12, 18, 20–21, 24, 30, 33, 35, 52–56, 77–78, 81, 83–85, 88, 90, 156, 158–159, 167, 169–170, 172–173, 175, 178–180, 183–184, 203, 205–206, 220, 228, 256, 269, 271–272*

Дневник писателя, 1873 г. *105, 170–173, 175–177, 183, 194–197, 220, 225, 226, 229–230, 250, 251, 256, 257*

Дневник писателя, 1876 г. *42, 44, 57, 77, 121–123, 127–132, 157, 161–162, 165, 167, 172–173, 175, 178, 183, 205, 219, 220, 223, 225, 228–231, 233–234, 239, 249, 250, 256–257*

Дневник писателя, 1877 г. *13, 21, 40–43, 51–52, 66, 77–78, 84, 86–87, 121–126, 128, 132–134, 137, 142, 163–165, 167, 179, 180, 184, 185–189, 205, 214, 215, 217, 226, 232, 237, 239–241, 256, 257*

Дневник писателя, 1878 г. *51, 184*

Дневник писателя, 1880 г. *8, 122, 210, 267*

Дневник писателя, 1881 г. *9, 19, 23, 52, 64, 79, 177, 180, 199, 258–259*

Дядюшкин сон *127, 271*

Житие великого грешника *76*

<Записи литературно-критического и публицистического характера за 1880–1881 гг.> 240–241, 260–261

Записи личного и издательского характера из записных книжек и рабочих тетрадей 1860–1881 гг. 220

<Записная книжка 1860–1862 гг.> 141–142, 148, 149, 158

<Записная книжка 1863–1864 гг.> 238–239

<Записная книжка 1864–1865 гг.> 239

<Записная тетрадь за 1864–1865 гг.> 122, 130, 143, 194

<Записная тетрадь 1875–1876 гг. ЗТ1> 130, 173, 178, 199, 220, 222, 224, 258, 260

<Записная тетрадь 1876–1877 гг. ЗТ2> 123, 131, 154, 156–158, 233

<Записная тетрадь 1880–1881 гг.> 125, 132

Записки из Мертвого дома 74, 103, 193, 228–229, 236, 244–248, 253, 255–256, 270, 271

Записки из подполья 29, 127, 244, 247–248

Зимние заметки о летних впечатлениях 29, 92, 99–102, 149–150, 155, 158–159, 200

Игрок 53, 102, 127, 237

Идиот 33, 57, 75, 102–110, 114–120, 127, 160, 193, 200, 202, 213–214

Книжность и грамотность 255

Крокодил 115

Кроткая 127, 244

Маленький герой 127

На европейские события в 1854 году 185, 187, 197–198, 216

<На коронацию и заключение мира> 185

На первое июля 1855 года 185

Неточка Незванова 65, 68

<Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год> 91, 95, 208–210

Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» 237–238

Ответ «Русскому вестнику» 140

Петербургские сновидения в стихах и прозе 136–137, 144–148, 158–159

Письма 1838 г. 65

Письма 1844 г. 99

Письма 1845 г. 99

Письма 1849 г. 67

Письма 1854 г. 46, 199, 228, 253–254

Письма 1856 г. 45–46, 254

Письма 1858 г. 198, 254–255

Письма 1857 г. 255

Письма 1859 г. 254

Письма 1861 г. 134

Письма 1867 г. 50, 110, 113, 151, 153, 158

Письма 1868 г. 50, 111–113, 151, 154, 158, 211, 223

Письма 1869 г. 179, 221, 256

Письма 1870 г. 76, 110–112, 211–213, 215, 273

Письма 1871 г. 65, 66, 76, 111–112

Письма 1873 г. 170

Письма 1876 г. 136

Подросток 44, 64, 77, 127, 154–156, 158–159, 175, 197

Преступление и наказание 33, 36–37, 57, 65, 75, 102–103, 106, 109–110, 114–115, 127, 174–175, 193, 244, 246–248, 270

Речь о Пушкине 210, 266–267

Ряд статей о русской литературе 66–68, 95–96, 136, 139–140, 198

«Свисток» и «Русский вестник» 140

Село Степанчиково и его обитатели 193, 271

Слабое сердце 68

Униженные и оскорбленные 65, 114, 127, 193, 245–246

Хозяйка 68

Чужая жена и муж под кроватью 127

Эпоха (журнал) 11, 46, 75, 174

Эпоха, 1864 г. 151, 204

Указатель имён

- Автономова Н. С. 88, 90
Акелькина Е. А. 271
Аксаков И. С. 236, 242, 248, 270
Аксаков С. Т. 16
Александр I 243, 248
Александр II 73, 243
Александр III 16, 54, 79, 170, 268
Алексеев М. П. 128, 190, 205, 206, 228, 252, 253, 269
Алексеев П. В. (Alekseev P. V.) 14, 20, 54, 192, 203, 270, 271
Алексий, человек Божий 67
Алоэ С. 203
Алчевская Х. Д. 136
Альтман М. О. 204
Андрулайтис Л. 81
Андрющенко В. М. 89
Анненкова П. Е. 254
Арендт Х. 4, 15, 54, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 271
Арефьев С. 245
Арминий 43
Архипова А. В. 89
Ашимбаева Н. Т. 115, 202
Ашитова Г. А. 20, 55
- Бабин В. Л. 205
Багратион-Мухранели И. Л. 269
Бакунин М. А. 48, 49, 50, 58, 236
Бальзак О. де 99, 201
Бассин М. 51
Бахметева А. Н. 67
Бахтин М. М. 34
Беглербей 187
Белинский В. Г. 100, 191, 196, 200, 206
Белов А. В. 89, 205
Белов С. В. 58, 204
- Бельчиков Н. Ф. 169
Бенедикт XVI, рим. папа 163
Бердяев Н. А. 39, 57, 159, 160, 165, 204
Биконсфильд, лорд 121
Биллет Э. (Billiet E.) 128, 203
Бисмарк О. Э. Л., кн. 39, 40, 41, 42, 43, 44, 57, 58, 71, 111, 112, 122, 127, 130, 142, 161, 162, 241, 248, 271
Бичурин Н. Я. (о. Иакинф) 190, 191
Благой Д. Д. 188, 205
Бомон Г. де 168
Бонапарты 113
Бродель Ф. 39, 57
Буданова Н. Ф. 89
Буташевич-Петрашевский М. В. 45, 168, 201
Быков Д. Л. 81
Бюлер Ф. А. 69
- Вагнер В. А. 59, 60, 88
Вайнерман В. С. 271
Валиханов Ч. Ч. (Valikhanov C. C.) 32, 56, 191, 254
Валлийский, принц 94
Валуев П. А. 269
Васильев Л. В. 204
Верт П. 58
Викторович В. А. 268
Виктор-Эммануил II 135, 137, 138, 144
Вильгельм I 43
Виноградов В. В. 89
Вировец С. В. 91–98, 269
Витухновская М. А. 268
Владимирцев В. П. 253, 271
Власов М. С. 55
Вогюэ Э. М., де 79, 267
Волгин И. Л. 81, 84, 89, 169, 184, 202, 205

- Волкова Е. А. 13, 53
Врангель А. Е. 199, 254
Вуд Д. 83
- Габдуллина В. И. 13, 53, 184, 187, 205, 271
Габсбурги 129
Гаджиев К. С. 268
Галло М. 203
Гарibaldi Дж. 4, 135, 141, 143, 144, 146–159, 203, 204
Гарibaldi Иосиф – см. Гарibaldi Дж.
Гаскелл Э. 97, 201
Гачева А. Г. 20, 55
Гегель Г. В. Ф. 264
Гедеонов С. А. 269
Гейбович А. И. 254
Гейм И. А. 60, 88, 270
Гердт Я. В. 16, 54, 268
Герцен А. И. 34, 35, 114, 116, 143, 191, 196, 201, 203, 236
Гитлер А. 264, 265
Глазунов И. И. 201
Гоббс Т. 117, 202
Говорунов А. В. 205
Гоголь Н. В. 18, 147, 204
Голиков А. К. 54
Гольгина К. Б. 190, 206
Гольбейн Г. мл. 114, 202
Гончаров И. А. 200
Горацио В. 172
Горацио Э. 172
Горчаков А. М. 71
Градовский А. Д. 243, 270
Грановский Т. Н. 122
Григорьев А. Л. 24, 55, 98
Григорьев В. В. 220
Григорян Л. 203
Гришин Д. В. 88, 90, 267, 271
Гроссман Л. П. 169, 201, 205
Гумбольд А. Ф. В. 68
Гумилев Л. Н. 55
Гуревич А. Я. 83
Гус М. С. 271
- Гюго В. 99, 102
- Даву Л. Н. 108
Давыдов П. А. 254
Даладьё Э. 265
Даль В. И. 205
Дамешек И. Л. 218, 269
Дамешек Л. М. 269
Данилевский Н. Я. 14, 15, 16, 54, 179, 200, 205
Дарк О. И. 204
Денисова А. В. 200
Дергачев В. А. 16, 54
Деррида Ж. 88, 90
Димитрий Ростовский, епископ 67
Добролюбов Н. А. 141, 142, 203
Долинин А. С. 169, 201, 205
Достоевская (уродж. Нечаева) М. Ф. 67
Достоевская (урожд. Констант, в первом браке Исаева) М. Д. 254
Достоевская (урожд. Сниткина) А. Г. 75, 152, 153, 154, 159, 204
Достоевская Л. Ф. 76
Достоевская С. Ф. 75
Достоевские, семья 3, 49, 75, 110, 139, 151, 153, 154, 211, 272
Достоевский А. Ф. 78
Достоевский М. М. 60, 63, 75, 88, 201, 228, 252, 254
Драшусов (Сушард) Н. И. 63
Дугин А. Г. 18
Дудкин В. В. 53
Дулов В. И. 269
Дюбарри (Du Varry) М. Ж. 104, 105, 108, 109
- Евлампиев И. И. 57
Екатерина II 189, 227
Екатерина Александрийская, христианская великомученица 59, 88
Ермак (Ермак Тимофеевич) 252, 260
Ермилова Г. Г. 220, 269
Ерофеев В. В. 204
Жеребцов Б. И. 271

- Живова В. М. 55
Жид А. 6, 8, 9
Житомирская С. В. 204
- Захаров В. Н. 5, 13, 53, 180, 203, 205
Зеньковский В. В. 8, 9, 207, 208, 268
Зильберштейн И. С. 203
Зиммель Г. 107
Зонова Т. В. 135
Зюганов Г. А. 18, 55
- Иван IV Васильевич (Грозный) 13
Иванеско А. Е. 270
Иванова С. А. 50, 110, 151
Ивашов Л. Г. 17, 54, 268
Измайлов Л. В. 189
Иоанн XXIII, рим. папа 163, 164
Иоанн Павел I, рим. папа 163
Иоанн Павел II, рим. папа 163, 164
Ипатов А. М. 44, 57
Исаев Б. А. 54
Исаев П. А. 65
- Йованович М. 55
- Кабытов П. С. 58
Кавур К. Б. 135, 136, 138–142, 144, 148, 149, 158
Казakov А. А. 14, 54
Каменецкий Т. А. 60–64, 69, 88, 243, 253, 270
Камю А. 6, 7, 9
Кантор В. К. 228, 270
Карамзин Н. М. 14, 54, 63, 69, 89, 117, 202
Карепина В. М. 254, 255
Карпи Г. 57
Карякин Ю. Ф. 89
Касаткина Т. А. 115, 202
Кастендик Х. 263
Катков М. Н. 242, 248, 254, 269, 270
Катрфаж Ж. Л. А. 69
Кауфман К. П. 60
- Кибальник С. А. 57, 160, 201, 203
Киреев А. А. 236
Киселев В. С. 12, 53
Кисленко А. О. 203
Ключевский В. О. 269
Кожевникова А. Г. 69–80
Констант Д. С. 254, 255
Коротченко Т. В. 24–38, 167–184, 269
Кортунов С. В. 135, 203
Костомаров Н. И. 240
Котельников В. А. 20, 55
Коялович М. О. 241
Краевский А. А. 68, 151
Крапивин Г. Н. 109, 202
Краснова Г. А. 192, 206
Крестовский В. В. 174, 205
Крузенштерн И. Ф. 190
Крюкова О. С. 134, 203
Ксеркс I 215
Кудрина Ю. В. 16, 54, 268
Кузьминов П. А. 89
Кукуева А. А. 19, 55
Кунильский А. Е. 201
Купер Д. Ф. 178
Курган М. Г. 203
Кушкин Е. П. 9
Кушкина Э. Я. 9
- Ланц К. А. (Lantz K. A.) 168, 169, 170, 205
Лапшин И. И. 159, 204
Лебедева Г. Н. 270
Лев XIII, рим. папа 160, 164
Лейкина-Свирская В. Р. 201
Лейфер А. 271
Лекке М. 88, 270
Леонтьев К. Н. 18
Лермонтов М. Ю. 270
Лесевичский А. В. 19, 55
Линди Ф. 151
Липке Ш. (Lipke S.) 38–45, 57, 114–120, 159–167, 202, 203, 269
Лосев А. Ф. 83

- Лосский Н. О. 160, 164, 166, 204
Лотман Ю. М. 25, 38, 56, 202
Лукин А. В. 190, 205
Львов Ф. Н. 201
Львова И. В. 25, 30, 55
Людовик XV 105
Лютер М. 43, 84
- Магомед (Мухаммед) 32, 33, 37, 39, 66
Майков А. Н. 45, 50, 111, 151, 153, 154, 211, 212, 215, 254
Майорова О. (Maiorova O.) 11, 52
Максимович П. А. 65
Мановцев А. 202
Маркс К. 3, 15, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 58, 264, 265
Марченко Н. А. 202
Маскевич Е. Д. 88
Маццини Дж. (Мадзини) 135, 143
Мединская Н. Б. 25, 34, 55
Меднис Н. Е. 202
Мелвилл Г. 178
Мельников-Печерский П. И. 69
Мережковский Д. С. 106, 201
Мериме П. 187
Меринов В. Ю. 200
Местр Ж. де 7
Меттерних К. В., кн. 39, 41, 42, 115, 121, 122, 129, 142
Мещерский В. П. 76, 77, 180, 195, 232, 233, 248, 271
Мид У. Р. 260, 271
Миллер А. И. 58
Миллионщикова Т. М. 89
Милль Дж. С. 95, 191
Милоков А. П. (Miliukov A.) 52
Минквиц А. К. 65
Михновец М. В. 13, 14, 53, 54, 59–69, 218–235, 236, 242–252, 253, 270, 271
Михновец Н. Г. 5
Мицкевич А. 188, 205
Момбелли Н. А. 98
Мотылева Т. Л. 24, 55
- Муравьев А. Н. 67
Мурзина С. В. 38–45, 134–159, 269
- Найт Н. 12, 51, 185, 205
Наполеон I Бонапарт 39, 102, 106, 107, 108, 109, 121, 128, 135, 157
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; Людовик Бонапарт) 76, 110–113, 148, 156, 157, 162, 211
Наполеоны 113
Небольсин П. И. 69
Некрасов Н. А. 53, 269
Нечаев С. Г. 105
Нечаева В. С. 140, 171, 201
Николай I 187
Николюкин А. Н. 24, 55, 269
Ницше Ф. 6
Новикова Е. Г. 5, 12, 14, 15, 20, 45–59, 53, 54, 57, 69–80, 98–114, 143–159, 160, 184–189, 194, 200, 202, 203, 206, 207–218, 236, 255, 269–272
Норденшельд А. Э. 260
Норденшельды 261
- Огарев Н. П. 201
Олкотт Г. С. 172
Орлова Г. А. 89
Отливанчик А. В. 15, 54
- Павел VI, рим. папа 163, 164
Павленко А. Н. 12, 53
Палмерстон, виконт (Темпл Г. Д.) 140
Панарин С. А. 204
Перлина Н. М. 102, 201
Перовский В. А. 60
Песталоцци Й. Г. (Pestalozzi) 118, 119, 202
Петр I 13, 22, 39, 46, 50, 51, 52, 85, 176, 179, 188, 189, 208, 210, 224, 225, 227, 266
Петрашевский М. В. 98
Пий X, рим. папа 163
Пий XI, рим. папа 164
Пирожкова Т. Ф. 243, 270
Пичугин 202

- Платон 264, 265, 271
Платонов О. А. 205
Плюханова М. Б. 9
Победоносцев К. П. 26
Погодин М. П. 248
Подосокорский Н. Н. 41, 57
Подрезов М. В. 10–15, 18, 38–45, 53, 55, 69–80, 120–133, 235–242
Полонский Я. П. 134
Понкратова Е. М. 15–24, 69–80, 189–206, 251–262, 268
Поппер К. Р. 263, 264, 265, 271
Поспелов Г. Н. 201
Постникова Е. Г. 53
Потанин Г. Н. 194
Прево А. Ф. Экзиль де 102
Прийма И. Ф. 12, 53
Прокудин Б. А. 83, 89
Проскурин О. 89
Прохоров Г. С. 14, 54
Пугачёв Е. И. 104
Пушкин А. С. 16, 17, 36, 187, 188, 191, 205, 210, 236, 250, 266
Пчелинцева К. Ф. 190, 206
- Радивой О. 187
Разин А. Е. 203
Ранд А. 271
Ребецкая Н. А. 89
Рикер П. 11
Робеспьер М. М. И. (Robespierre) 118, 202
Родич Г. фон 122
Розанов В. В. 28, 147, 204, 269
Розенблюм Л. М. 203
Романова Н. Ф. 192, 206
Романовский Д. И. 230, 270
Россель У. 94
Ружицкий И. В. 140
Руновский А. И. 230
Руссо Ж. Ж. 118, 119
- Савицкий П. Н. 18, 55
Саид Э. В. 21, 51, 178, 205
- Салтыков-Щедрин М. Е. 139
Самарин Ю. Ф. 220, 221, 222, 226, 236, 242, 248, 269, 270
Сансон Ш. А. 104, 105
Санд (Sand) Жорж (наст. имя – А. Дюнэн, по мужу Дюдеван) 99
Саранин А. Ю. 269
Сараскина Л. И. 20, 55, 89, 168, 169, 170, 175, 205
Сафронова Е. Ю. 127, 203
Свиньин П. П. 68
Сеитов М. М. 19, 20, 55
Семькина Р. С. 271
Сенковский О. И. 191, 200, 206
Сергий Радонежский 67
Сокальский П. П. 248
Соколов В. В. 202
Солженицын А. И. 31
Соловьев В. С. 207, 208, 215, 216, 268
Спешнев Н. А. 99
Сталин И. В. 264, 265
Старкова Л. К. 56
Степанян К. А. 202, 203
Страхов Н. Н. 39, 136, 203, 221, 249
Суляк С. Г. 271
Сумская М. Ю. 19, 55
Суслова А. П. 102, 201
Сухарски Т. 270
Сынкова Д. В. 269
Сю Э. 99
Сюйян М. 228, 270
- Тараканова Д. А. 268
Тарасов Б. Н. 212, 268
Тарасова Н. А. 89, 205
Татищев В. Н. 269
Тахушева И. С. 89
Твен М. 178
Телль В. 115
Тихомиров Б. Н. 88, 203, 270, 271
Тихон Задонский 67
Тодорова М. 51
Токарева Е. С. 204

- Токвиль А. де 168
Толстой Л. Н. (Leo Tolstoy) 9, 14, 16, 39, 40, 44, 53, 57, 185, 191, 201, 236
Толстой Н. И. 55
Толстой С. А. 79
Томашевский Б. В. 169
Тоглебен Э. И. 254
Травин Д. Я. 21, 22, 55
Трубецкой Н. С. 20, 55
Туниманов В. А. 185, 204, 205, 271
Тургенев И. С. 17, 134
Тюпа В. И. 202
Тютчев Ф. И. 16, 17, 268
- Углик Я. 11, 52, 236, 270
Уорнер Ч. Д. 178
Успенский Б. А. 202
- Филипп II 57
Фома, апостол 5
Фонвизин Д. И. 100, 101
Франциск Ассизский, католический святой 8
Франциск, рим. папа 163, 164
Фридлендер Г. М. 89, 99, 169, 201
Фурсова Е. Б. 248, 270
Халид А. 51
Ханыков Н. В. 68
Хейден У. 107, 108
Хинковский И. В. 59, 60
Хобсбаум Э. Дж. 127
Хомяков А. С. 18
Христос (Иисус Христос, le Christ) 32, 40, 48, 52, 99, 118–120, 161, 165–167, 207, 212, 213, 215, 217, 218, 267, 273
- Циммерманн Э. Р. 174, 181, 205
Цымбурский В. Л. 16, 22, 23, 54, 89, 193, 206, 261, 271
- Чаадаев П. Я. 200
Чаппл Р. 127, 203
Чарторыйский А. А. 236
Чемакин А. А. 269
- Чемберлен А. Н. 265
Чернышевский Н. Г. 141, 148, 149, 191, 203
Черняев М. Г. 157, 158
Чехов А. П. 191
Чингисхан 51
Чхаидзе Е. 88, 269, 270
- Шадури В. С. 227, 269
Шайкевич А. Я. 89
Шамиль 71, 73, 230
Шаррас Ж. Ф. 109, 202
Шарый А. В. 135
Шекспир В. 6, 134
Шиллер И. Ф. 137
Шилль И. Н. 46
Шилько К. Г. 5
Ширинянц А. А. 248, 270
Шкарпат С. О. 201
Шкловский В. Б. 64, 89
Штраусс Д. Ф. 160
- Щенников Г. К. 271
Щепкин М. П. 46, 58
Щербин Н. Ф. 139
Щербинин А. И. 6–10, 11, 12, 15, 52, 54, 81–90, 120, 203, 236, 262–271, 270
Щербинина Н. Г. 11, 12, 52, 81–90, 120, 203, 236, 270
- Эйдельман Н. Я. 269
Эко У. 7, 9
Энгельс Ф. 3, 15, 45, 46, 47, 48, 50, 52, 64
Эткинд А. 30, 56, 268, 271
- Юдахин А. А. 203
Юлиан Отступник 165, 167
Юм Д. 47
Юсим М. А. 57
- Якубова Л. А. 203
Якубович И. Д. 203
Ямпольский М. В. 201
Янг С. Дж. 202
Anrich D. 204

- Apollonio K. 5
 Aubert R. 204
 Avramenko R. (Авраменко Р.) 5, 37, 57, 89

 Baecker R. 53
 Beaumont G. 204, 205
 Belknap R. L. (Бэлнеп Р.) 31, 56
 Brailsford H. N. (Брейлсфорд Г. Н.) 26, 56
 Brewster D. (Брюстер Д.) 25, 55
 Carter S. K. (Картер С. К.) 34, 56
 Chances E. (Чансис Э.) 11, 52
 Coolidge W. A. B. 202
 Cox G. (Кокс Г.) 27, 28, 56

 Dirscherl D. (Диэршорл Д.) 32, 56

 Easton D. 271
 Engels F. 58

 Frank J. (Франк Дж.) 29, 56, 192, 206
 Fueoer-Miller R. (Фюлеп-Миллер Р.) 30, 56
 Futrell M. (Футрелл М.) 32, 56

 Gannel J. G. 271
 Goff J. le (Гофф Ж. ле) 39, 57
 Graziano L. 271

 Heidegger M. 89
 Hildebrand V. (Гильдебранд Б.) 46, 47, 57, 58
 Howe I. (Хоу И.) 27, 29, 56
 Hub D. 204
 Hudspith S. F. (Хадспис С. Ф.) 35, 57
 Hürten H. 204

 James R. (Райс Дж.) 30, 33, 56
 Johae A. (Джозэ А.) 35, 57

 Kastendiek H. 271
 Kelly A. (Кэлли А.) 34, 35, 56
 Khan H. (Хан Х.) 36, 57
 Kohn H. (Кон Х.) 265, 271
 Layton S. 269

 Lazari A. de (Лазари А. де) 17, 53, 54, 236, 270

 Martinsen D. (Мартинсен Д.) 11, 52, 106, 202
 Matlock J. F. (Мэтлок Дж. Ф.) 27, 28, 33, 56
 McReynolds S. 89
 Moor H. T. (Мур Х. Т.) 33, 56
 Muchnic H. (Мачник Х.) 25, 55

 Orr J. 89

 Pastor L. von (Пастор Л. фон) 39, 57
 Pius IX (Пио IX, Пий IX) 4, 39, 40, 57, 76, 143, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 203, 204

 Ranke L. von (Ранке Л. фон) 39, 57
 Ridenoure B. D. (Райденур Б. Д.) 35, 57
 Roazen P. 89

 Sahni K. (Сахни К.) 33, 56
 Sandoz E. (Сэндоз Э., Сандоз Э.) 28, 31, 56
 Schmid U. (Шмид В.) 89, 107, 202
 Schrems K. 202
 Schwiderska M. (Швидерска М.) 11, 52, 236, 270
 Shavarinskaya S. R. (Шаваринская С. Р.) 13, 53
 Simmons E. (Симмонс Э.) 30, 56

 Thompson D. O. (Томпсон Д. О.) 36, 37, 57
 Tocqueville A. de. 204
 Tornielli A. 204
 Trepanier L. (Трепанье Л.) 37, 57, 89
 Turner F. J. 202

 Walsh D. (Уолш Д.) 31, 56
 Ward B. K. (Ворд Б. К.) 32, 56
 Wedemann M. (Ведеман М.) 236, 270
 West R. (Уэст Р.) 26, 56
 Wigand F. 58

 Ying J. 57

 Zeitlin J. (Цейтлин Дж.) 26, 29, 56

Предметный указатель

- Австрийская империя *14, 41, 42, 121, 125, 126, 128–131*
Австрия *3, 53, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 79, 120–133, 164, 165, 235, 237, 259, 273*
Австро-Венгерская империя *85*
Австро-Венгрия *14, 74, 123, 125, 126, 128, 130, 131, 133, 138, 237*
Азиатская Россия *60, 61, 62, 253, 254, 271*
Азия *9, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 34, 60, 61, 68–71, 73, 74, 78, 79, 167, 180, 216, 218, 219, 253, 258–262*
Алеутские острова *71*
Алтай *69, 70, 73, 77, 80, 271*
Аляска *71*
Америка *4, 29, 30, 31, 33, 34, 56, 63, 70, 74–80, 115, 116, 120, 164, 167–184, 205, 253, 259, 260, 269*
Американские штаты *97, 205*
Англия *3, 14, 25, 36, 47, 50, 70, 72–79, 86, 91–98, 100, 104, 114, 123, 124, 131, 177, 178, 181, 184, 252, 259, 261, 263, 265, 269*
Аравия *70, 76, 77, 80*
Астраханская губерния *62, 69*
Афганистан *72*
Афон *66*
Африка *34, 70, 75, 77, 79, 80, 259*
- Бавария *70*
Балканские территории *60*
Балканы *7, 13, 21, 70, 77, 78, 80, 84, 85, 114, 120, 216, 231, 239*
Белуджистан *72*
Бельгия *70, 74, 77, 80*
Берлин *64, 75, 121, 122, 124, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 138, 239*
Бессарабия *63*
- Боденское озеро *115*
Болгария *60, 70, 77–80, 84, 124, 214*
Босния *70, 78, 80, 124, 188*
Бразилия *70, 80*
Бретань *70, 76, 77, 80*
Бухария *68*
Бухарский эмират *71*
- Ватерлоо *109, 202*
Ватикан *76, 120, 165, 226, 240, 242*
Великобритания *72, 85, 130, 140, 181, 185, 265*
Венгрия *61, 70, 77, 78, 80, 133, 237*
Вест-Индия *94*
Византия *176*
Восток *9, 11, 12, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 32–35, 36, 40, 54, 55, 62, 78, 97, 124, 128, 164, 167, 185, 189, 205, 206, 212–218, 228, 233, 252, 253, 261, 262, 268, 270, 271, 273*
Восточный вопрос *13, 18, 20, 22, 36, 51, 52, 53, 55, 61, 66, 71, 78, 82, 129, 132, 144, 157, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 211, 215, 216, 217, 233, 261, 273*
Восточный океан *61*
Всеславянская империя *13, 52, 184, 186, 189, 217, 218, 239, 241*
- Галиция *61, 70, 78, 80*
Германия *3, 8, 12, 14, 40, 42, 43, 45, 49, 53, 70–79, 84, 85, 86, 100, 104, 110, 117, 121–133, 138, 161, 162, 163, 165, 179, 184, 203, 211, 214, 226, 239, 241, 243, 247*
Германская империя *14, 41, 42, 43, 72, 121, 122, 124, 125, 126, 131, 132, 133*
Герцеговина *70, 78, 80, 124*
Голландия *70, 72–76, 79, 80*

- Гольштейн 122
Греция 70, 72–80
Грузия 62, 88, 233, 269, 270
- Дагестан 70, 74, 80, 253
Далмация 61, 122, 188
Дальний Восток 223
Дания 70, 73, 79, 80, 122
Даурия 62
Дрезден 64, 75, 76, 111
- Евразия 20, 203
Европа 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 22, 23, 29, 36, 40, 42, 43, 48, 49, 53, 54, 55, 60, 61, 63, 64, 76, 78, 82, 84, 86, 87, 88, 91, 92, 95, 97, 99–102, 104, 110–113, 120, 121, 122, 125–128, 130–134, 136, 137, 138, 143, 144, 149, 150, 151, 157, 167, 170, 176, 177, 179, 180, 181, 184, 185, 191, 192, 193, 198, 200, 205, 208–218, 220–223, 225, 226, 230, 232, 233, 238, 249, 250, 256, 259, 260, 261, 265, 266, 267, 272, 273
Египет 36, 70, 74–79, 80
Енисейская губерния 61
- Женева 64
Женевское озеро 115
- Закавказский край 68
Запад 9, 10, 11, 12, 14, 19, 20, 27, 29–34, 38, 40, 78, 86, 98, 100, 120, 132, 167, 178, 189, 191, 205, 212, 213, 215, 221, 224, 226, 228, 261, 264, 273
Западная Европа 11, 61, 99, 100, 101, 104, 222
Зюнгория 62
- Иерусалим 66, 215
Израиль 70, 78, 80
Индия 70, 72, 74, 79, 80, 94, 96, 201, 259
Иркутская губерния 61
Исландия 70, 76, 80
- Испания 70, 72–78, 80, 96, 145
Италия 9, 40, 43, 70, 71, 73–79, 100, 120, 122, 130, 134–139, 142–145, 148, 150, 155, 158, 161, 162, 165, 176, 203, 211, 272, 273
- Кавказ 4, 14, 54, 60, 62, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 78, 79, 80, 89, 218, 219, 222, 227–235, 253, 254, 269, 270
Кавказский край 68, 230
Кавказская область 62
Казахстан 62, 222
Канада 72, 94, 97
Кантон Ури 114, 115, 116
Карпатские горы 61
Каспийское море 62
Киргизская степь 14, 54, 61, 62, 68, 218, 222, 228, 229, 251, 253
Китай 4, 20, 70, 71–80, 189–200, 205, 206, 256, 258, 260, 268, 272
Китайские владения 62
Кокандское ханство 71
Константинополь 20, 85, 86, 88, 114, 120, 167, 217, 241
Крым 7, 70, 72, 74–78, 80, 228, 230, 231
- Лаго Маджоре 115
Лапландия 63
Латинская Америка 34
Литва 70, 74, 78, 80
Лондон 45, 64, 100, 143
- Малороссия 70, 73, 74, 75, 78, 80
Мальта 70, 78, 80
Маньчжурия 62
Мексика 70, 74, 75, 80
Молдавия 67, 70, 77, 80
Монголия 62
Москва 5, 9, 52, 55, 63, 67, 68, 74, 106–110, 186, 189, 219, 228, 229, 230, 253
Московия 50, 51
Московское Царство 13, 22, 51, 52, 188, 189, 227

- Новая Зеландия 94, 201
Новый Свет 167, 180, 182, 183
Нёвшательское озеро 115
- Оренбургская губерния 61
Османская империя 13, 60, 61, 84, 13, 157, 179, 185, 214, 231, 233, 273
Остзейские земли 243, 251
Остзейские провинции 4, 53, 218, 221, 222, 226, 227, 229, 242, 243, 244, 246, 247, 248, 251
- Париж 39, 45, 64, 100, 111, 133, 237
Пермская губерния 61
Персидские провинции 62
Персия 62
Перу 70, 73, 74, 80
Петербург 5, 52, 55, 64, 65, 71, 74, 79, 126, 128, 129, 132, 136, 137, 144, 145, 147, 175, 189, 219, 228, 229, 230, 248, 253, 254
Польша 11
Прибалтика 221, 229, 242, 244, 247, 249
Приморская область 61
Приморье 71
Пруссия 41, 43, 70, 71, 74, 91, 110, 111, 114, 121–126, 128, 129, 130, 157, 221, 235, 247, 273
Речь Посполитая 126, 226, 235, 237, 238, 242
Римская империя 8, 41, 213, 218
Российская империя 3, 13, 14, 15, 26, 46, 49, 50, 52, 58–62, 66, 68, 69, 71, 78, 80, 104, 126, 132, 133, 158, 184, 205, 218–222, 226–230, 234, 235, 236, 237, 241, 242, 243, 247, 261, 269–273
Россия 3–9, 11–24, 26–30, 33–36, 38, 42, 43, 46, 49–56, 59–65, 67–90, 93, 94, 95, 97, 98, 103, 104, 115, 120–133, 139, 143, 144, 145, 147, 149, 164, 165, 167, 168, 170, 172–181, 183–186, 188, 189, 191, 193, 195–200, 204–244, 249, 250, 252, 253, 254, 256–263, 265–273
- Румыния 60, 70, 78, 80
Савойя 93
Саксония 70
Сандвичевы острова 70, 74, 80
Сараево 84
Саратовская губерния 62
Сардиния 93
Сардинское королевство 185
Сахалин 70, 71, 79, 80
Семипалатинск 45, 73, 134, 192, 194, 199, 228, 252, 253, 254, 255
Сербия 70, 78, 80, 84, 124
Сибирские губернии 61
Сибирь 4, 19, 20, 45, 46, 53, 60, 61, 62, 69, 70, 72–79, 134, 143, 190, 193, 199, 200, 218, 219, 222, 223, 227, 229, 251–262, 269–272
Сирия 70, 76, 79, 80, 96, 97
Сицилия 70, 76, 79, 80
Славянский мир 3, 12, 52, 61, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 133, 203, 236, 240, 241, 243, 270
Советский Союз 27, 28, 34
СССР 28, 30, 31, 34, 203, 205, 265
Соединенные Штаты Америки 28, 168, 174, 177, 178, 181, 182
Средняя Азия 14, 60, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 218, 219, 253, 258, 259
Старый Свет 178
Суматра 253
США 9, 24, 25, 29, 30, 33, 34, 36, 37, 55, 71, 72, 115, 168, 181, 182, 272
Тамбовская губерния 69
Тобольская губерния 61
Томская губерния 61
Трансильвания 61
Турецкие владения 61
Турция 21, 36, 61, 67, 70–73, 75–79, 84, 123, 126, 131, 157, 165, 221, 232, 234, 239, 241, 252, 259
- Уральский хребет 61

Финляндия 70, 77, 78, 79, 80, 218, 239, 242, 268

Фирвальдштетское озеро 115

Франция 3, 6, 8, 12, 14, 40, 41, 43, 45, 48, 49, 53, 64, 70, 72–79, 84, 85, 91, 92, 93, 95–105, 110–114, 123, 124, 125, 128, 130–134, 138, 148, 150, 156, 157, 161–164, 168, 176, 178, 185, 211, 214, 241, 252, 253, 259, 263, 265, 269, 273

Французская республика 156, 157

Царство Польское 60, 221, 226, 244

Цинская империя 190

Цюрихское озеро 115

Черногория 70, 74, 78, 80, 123

Швейцария 3, 49, 70, 73–79, 100, 103, 104, 114–117, 119, 120, 202, 237

Швеция 70, 74, 75, 77, 79, 80

Шлезвиг 122

Япония 70, 71, 72, 74, 79, 80, 198, 199, 258

Научное издание

НОВИКОВА Елена Георгиевна, ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич,
ВИРОВЕЦ Софья Владимировна, КОЖЕВНИКОВА Анна Геннадьевна,
КОРОТЧЕНКО Татьяна Валериевна, ЛИПКЕ Штефан,
МИХНОВЕЦ Мария Владимировна, МУРЗИНА Светлана Владимировна,
ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович, ПОНКРАТОВА Екатерина Михайловна,
ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна

Геополитическая карта и картина мира

Ф. М. Достоевского

Редактор Т. В. Зелева
Оригинал-макет А. И. Лелоюр
Дизайн обложки Л. Д. Кривцовой

Подписано к печати 02.08.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 18. Усл. печ. л. 23,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 4746.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-04-7

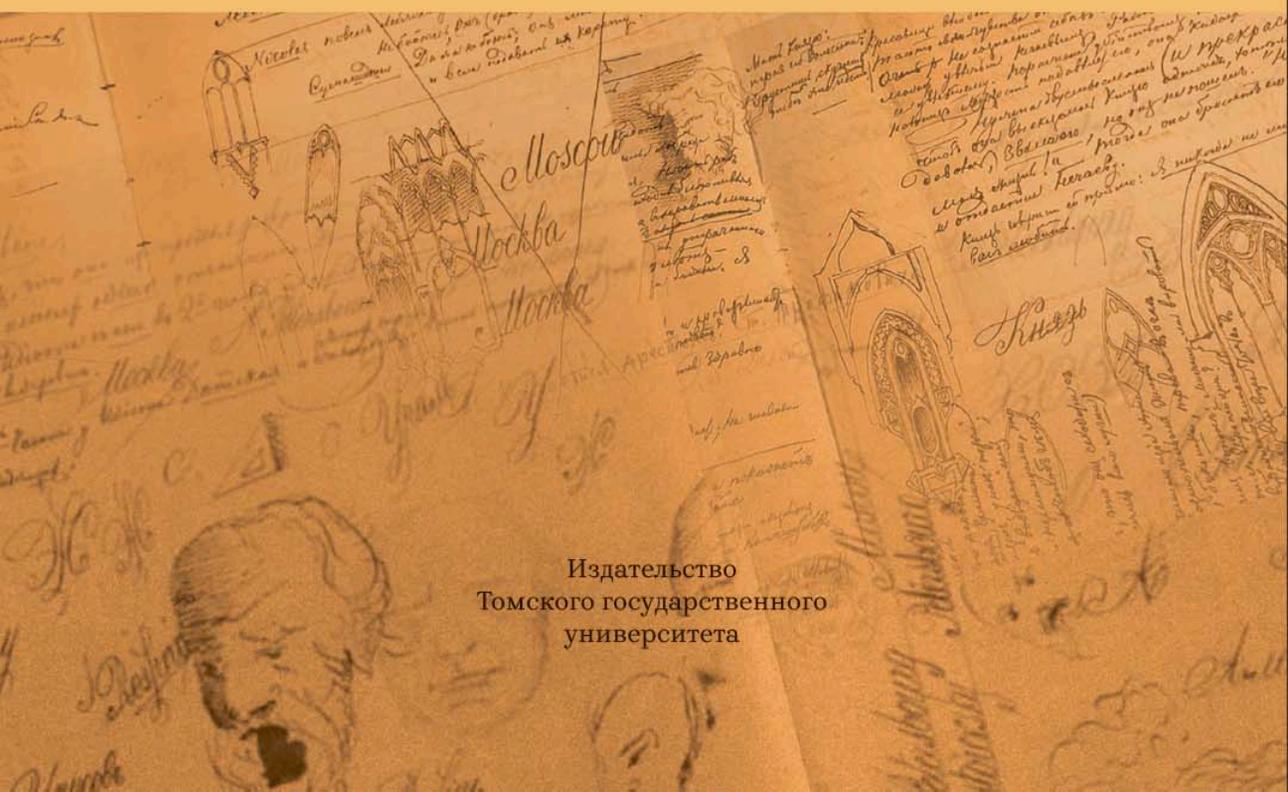

своим на
и плути. Франсуа, и
твой брат
Василий Достоевский

Русская литература XIX в. внесла существенный вклад в формирование и развитие российской политической и геополитической мысли.

В книге впервые системно реконструированы геополитическая картина мира Ф. М. Достоевского и его ментальная геополитическая карта. Дано описание отдельных стран и регионов в восприятии писателя и показано, что центром геополитических размышлений Достоевского всегда была Россия. Также собраны и обобщены интерпретации политических размышлений Достоевского в российских и зарубежных социально-гуманитарных науках.

Книга адресована всем интересующимся наследием Достоевского как политического мыслителя.

Издательство
Томского государственного
университета